

**МЕТАМОРФОЗЫ
В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В НАЧАЛЕ XXI века**

Монография

*Под редакцией
профессора И.А. Родионовой*

Москва
2016

УДК 338(1-87)
ББК 65.5
М54

*Утверждено РИС Ученого совета
Российского университета дружбы народов*

Рецензенты:

А.П. Горкин – доктор географических наук, профессор географического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;

А.А. Лобжанидзе – доктор географических наук, профессор,
зав. кафедрой экономической и социальной географии
Московского педагогического государственного университета

М54 Метаморфозы в пространственной организации мировой экономики в начале XXI века: монография / Под ред. проф. И.А. Родионовой. – М.: «Университетская книга», 2016 – 296 с.: табл., ил.

ISBN 978-5-91304-408-2

Исследование вопросов пространственной организации мирового хозяйства приобрело особое значение вследствие глобальной реструктуризации всех экономических структур на локальном, региональном и глобальном уровне. Теоретическое осмысление имеющих место радикальных изменений, выявление пространственного вектора современного глобального развития может способствовать поиску направления структурных преобразований, формированию целостной концепции развития экономики России как части мирохозяйственного комплекса в условиях интегрирования ее в глобализирующуюся экономику.

Предназначается для специалистов в области мировой экономики и мирового хозяйства, экономистов, экономико-географов, социологов, политологов, для слушателей магистратуры, аспирантов и преподавателей вузов, а также книга может быть полезной слушателям школ бизнеса, научным и практическим работникам.

УДК 338(1-87)
ББК 65.5

ISBN 978-5-91304-408-2

© Коллектив авторов, 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
1. ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ: ОСНОВНЫЕ ТRENДЫ РАЗВИТИЯ	9
<i>Хусаинов Б.Д., Альжанова Ф.Г., Нусупов А.И., Жангалиева К.Н.</i> ГЛОБАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: АСИММЕТРИИ И ВЫЗОВЫ	9
<i>Шеломенцев А. Г., Фролова Е.Д., Фролова Е.А.</i> МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ СИСТЕМ ПРОМЫШЛЕННОГО ТИПА В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ ..	18
<i>Слука Н.А., Самбурова Е.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю.</i> ПРИОРИТЕТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА.....	31
<i>Назирная А.В.</i> ФАКТОРЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ.....	40
<i>Липина С.А., Крейденко Т.Ф.</i> ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИЙ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК	48
<i>Андропова И.В., Катамадзе А.</i> КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ МАЛЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	61
<i>Массарова А.Р., Потапенко М.В.</i> НЕРАВНОМЕРНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СТРАНАХ МИРА И ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ БЕДНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН БРИКС)	68
<i>Самбурова Е.Н., Мироненко К.В.</i> РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КИТАЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1978–2015 гг.).....	79
<i>Монге Э.С. (Танзания)</i> СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ЭКОНОМИКЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТАНЗАНИИ.....	86
<i>Меркулов К.А., Родионова И.А.</i> ИЗМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ УЧАСТИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ТОРГОВО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА.....	96
2. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ВЕКТОР МИРОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ	108
<i>Родионова И.А., Кокуйцева Т.В., Волкова Е.Д.</i> ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКЦИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: РЕГИОНЫ И СТРАНЫ-ЛИДЕРЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ.....	108
<i>Антипова Е.А., Жигальская Л.О.</i> ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ: ТRENДЫ РАЗВИТИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СДВИГИ В XXI ВЕКЕ:.....	122
<i>Шувалова О.В.</i> ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СНАБЖЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПРИРОДНЫМ ГАЗОМ	137
<i>Потоцкая Т.И.</i> АЛМАЗНО-БРИЛЛИАНТОВЫЙ КОМПЛЕКС МИРА: ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ КОМПЛЕКСНОСТИ	141

<i>Подгорнев П.В.</i>	ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ	153
<i>Ерохина Е.В.</i>	РОЛЬ КЛАСТЕРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА	164
3. СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....		183
<i>Часовский В.И.</i>	МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ТRENДЫ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ СИСТЕМЫ.....	183
<i>Крейденко Т.Ф., Богачев И.И.</i>	ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ	193
<i>Шупер В.А.</i>	СДВИГ НА ВОСТОК И РЕКОНСТРУКЦИЯ ТИХООКЕАНСКОГО ФАСАДА РОССИИ..	206
<i>Герасименко Т.И., Семёнов Е.А.</i>	ТРАНСГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ФУНКЦИИ, СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ	214
<i>Епифанцева А.С., Родионова И.А.</i>	ОСОБЕННОСТИ ВОВЛЕЧЕНИЯ РОССИИ В ПРОЦЕСС ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	221
<i>Рязанцев С.В., Тикунов В.С., Сивоплясова С.Ю.</i>	РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЖЕНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ	228
<i>Алексеев В.В., Раевский С.В.</i>	РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА (на примере Республики Саха-Якутия).....	237
<i>Попкова Л.И.</i>	ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ РОССИИ.....	245
<i>Нюсупова Г.Н., Токбергенова А.А., Каирова Ш.Г., Тажиева Д.А.</i>	СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	253
<i>Терещенко Т.А., Искалиев Д.Ж., Мурзатаева М.М.</i>	ОЦЕНКА УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА	262
<i>Мухамеджанов А.М., Родионова И.А.</i>	ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СТРАН: ПОЗИЦИИ РОССИИ И КАЗАХСТАНА.....	268
4. ГОРОДА В ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ		274
<i>Ковалев Ю.Ю., Бурнасов А.С., Степанов А.В.</i>	АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА	274
<i>Бальцеревич-Шкутник М.</i>	СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ.....	277
<i>Хуснутдинова С.Р.</i>	ГОРОДА КАК ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГО- ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН).....	283
	ЗАКЛЮЧЕНИЕ	289
	СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	292

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мы живем в постоянно меняющемся мире. Одни изменения мы можем даже не заметить. Другие – фиксируются очень четко. Любое движение предполагает так или иначе понимаемое изменение положения в пространстве, осуществляющееся во времени. Пространство выражает порядок расположения одновременно сосуществующих объектов, время же – характеризует последовательность существования сменяющих друг друга явлений. Пространство и время – это стороны одного и того же явления.

Изучение современной модели глобального мирового развития – это прерогатива экономистов. Выявление пространственного вектора мирового развития, анализ закономерностей размещения отдельных отраслей хозяйства и сфер жизнедеятельности населения на глобальном, региональном и страновом уровне – это важнейшие направления теоретических и прикладных исследований в экономической географии.

В разных странах мира выходит довольно значительное число научных публикаций, посвященных процессам, происходящим в мировом хозяйстве. Сформировался взгляд на мировое сообщество в рамках планетарной системы. Динамизм и размах происходящих преобразований, возросшая сложность, многогранность и взаимосвязанность всех компонентов мирохозяйственной системы, развивающейся в условиях глобализации, все эти процессы – актуализируют вопрос об упорядочении и систематизации научных знаний о ней.

Именно поэтому цель данного коллективного труда состоит в осмыслении процессов, происходящих в международном сообществе и мировой экономике в целом и анализе пространственно-временных закономерностей реструктуризации разных отраслей мирового хозяйства при переходе к постиндустриальному этапу общественного развития. Для исследования определен период начала XXI века, когда скорость всех имеющих место в мире процессов, безусловно, заметно возросла.

Метаморфоза – превращение, переход из одной формы в другую с приобретением нового внешнего вида и функций, разного рода изменения, необыкновенные перемены в чем-либо. Учитывая тот факт, что в современном мире постоянно происходят значительные изменения, вполне осозаемые перемены в отраслевой и территориальной структуре, ординарные и даже кардинальные сдвиги в отдельных отраслях мировой экономики, происходят серьезные подвижки в международной торговле, можно рассуждать о метаморфозах в пространственной организации мировой экономики в начале XXI века.

Интенсивное развитие всех отраслей науки вызвало бурный рост массива знаний, накапливаемых в виде интеллектуального (информационного) ресурса. Это привело к формированию поистине глобального информационного пространства. Мир становится поистине глобальным, так как доминирующим процессом, определяющим современные контуры мирового экономического пространства, является *глобализация*. Все чаще в научной литературе встречается упоминание о «новой экономике» или «экономике знаний». Инновационная деятельность становится определяющим элементом международной конкурентоспособности стран. Вектор современного развития многих стран все больше смещается в направлении инновационной модели функционирования экономических систем.

М.Кастельс, характеризую новую социальную структуру общества, ассоциирующуюся с возникновением нового способа развития (согласно авторской терминологии, «информационизма»), отмечает, что «множественность глобальных индустриальных сетей трансформирует само понятие размещения промышленности, означаящее теперь не местоположение фабрик, но производственные потоки»¹... Хотя автор отмечает, что в настоящее время подавляющее большинство людей, как в развитых, так и в традиционных обществах, живут в конкретных местах и воспринимают свое пространство как пространство мест. Но доминирующая тенденция развития глобальной экономики, по мнению М.Кастельса направлена к горизонту сетевого вне исторического пространства потоков.

В данной книге значительный раздел посвящен характеристике изменений в пространственной организации мирового промышленного производства. Еще один

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.

важнейший аспект мирового экономического развития, который также нашел отражение в статьях авторов данной коллективной монографии, – сдвиг производства и потребления в развивающиеся страны. На лидирующую позицию среди регионов мира вышла Азия, в том числе по производству продукции высокотехнологичных отраслей. А среди стран мира – несомненный лидер мирового производства – Китай.

Тем не менее, высокий потенциал индустрии высокоразвитых стран, наличие на их территории высокоэффективного производства (за счет изменения технико-экономических показателей при внедрении новых и все более совершенных технологий), широкие возможности использования дешевого привозного (а также вторичного) сырья, наличие огромного потенциала НИОКР, использование последних достижений НТР и повсеместное внедрение ИКТ, совершенствование форм организации промышленного производства, а также очень емкий рынок сбыта продукции всех отраслей позволяет небольшой группе экономически высокоразвитых стран оставаться на лидирующих позициях по производству продукции большинства отраслей обрабатывающей промышленности. Нельзя оставить без внимания также процессы «фреиндустриализации» и «неоиндустриализации» (в т.ч. развитие концепции «Интернета вещей»), когнцепция «Индустрия 4.0) в мировой экономике. Именно неоиндустриализация дает шанс высокоразвитым странам восстановить и модернизировать свой производственный потенциал и ослабить позиции Китая и других быстроразвивающихся экономик.

Никто уже не спорит о том, является ли современный мир миром глобальной конкуренции. Конкурентная борьба проявляется в геополитическом, геоэкономическом, социально-демографическом и геокультурном пространстве. Вне всякого сомнения, страна, претендующая на роль великой державы, должна быть конкурентоспособной в каждой из этих сфер. Ведущей тенденцией развития современной модели мирового развития и международных отношений является усиление в условиях глобализации экономической составляющей конкуренции. При этом в XXI веке формируются новые формы организации производства. ТНК – мощные акторы глобальной экономики, представляя собой наднациональную форму организации, оказывают колоссальное и все более заметное влияние на пространственную организацию мирового хозяйства. При этом они жестко контролируют многие глобальные рынки.

Следует отметить, что ранее нами была уже ранее предпринята попытка создания коллективной монографии, посвященной осмыслению процессов, ведущих к формированию современных промышленных структур мира при переходе к постиндустриализму.²

Коллективная монография – это результат работы коллектива авторов, работающих над одной проблематикой. В данной монографии мы решили расширить поле исследования, характеризуя пространственный вектор современного глобального развития. При этом данная книга является результатом труда не только московских ученых, но и исследователей из разных городов России, а также стран ближнего зарубежья (Беларусь и Казахстан), причем как ученых экономико-географов, так и экономистов. В настоящее время все исследования фактически являются междисциплинарными.

Авторы – представители разных научных школ, хотя в большинстве своем они представители советской научной школы, к тому же уже вырастившие своих учеников и последователей. Отрадно, что в данной книге собраны не только статьи уже известных ученых: чл.-корреспондента РАН, докторов и кандидатов наук, профессоров и доцентов, но и статьи молодых исследователей, только-только защитивших диссертации, а также докторантов и аспирантов, то есть тех, кто находится в начале пути на крутой тропинке, ведущей к вершинам познания действительности.

В статьях монографии авторами рассмотрен ряд принципиально важных теоретических и практических вопросов, касающихся проблем современного мирового развития, важнейших проблем структурных сдвигов в мировой экономике, вопросов

² Изменения в пространственной организации промышленности мира: вторая половина XX в. – начало XXI в. Коллективная монография /Под ред. профессора И.А. Родионовой. – М.: Экон-Информ, 2009. – 260 с.

пространственного перераспределения промышленного потенциала и производства мира и т.д. Обмен результатами производства – товарами и услугами, то есть международная торговля – казалось бы, выходит за рамки данной работы. Но абстрагироваться от изучения данного вопроса не удастся. В реальности процессы производства и обмена неразрывно связаны. Они дополняют и способствуют развитию друг друга. Страны мира интегрированы в мировое хозяйство и систему международных экономических отношений. Поэтому в работе представлена также статья об изменениях во внешнеэкономической деятельности одной из стран Персидского залива.

Международная торговля товарами и услугами сопровождается международным перемещением рабочей силы, что влечет трудовую миграцию в канву торгового обмена между странами. И об этом есть статья в данной работе. Трансформационные процессы на рынке труда можно характеризовать на разных иерархических уровнях: мир, регион, страна. В статье чл.-корр. РАН, доктора экономических наук Рязанцева С.В. и доктора географических наук профессора Тикунова В.С. характеризуются проблемы трудовых миграций в современных российских условиях. Рассматривается географическая направленность эмиграционных потоков российских женщин, выделены каналы и социально-демографическая структура женской эмиграции за границы РФ. При этом выявлена специфика женской эмиграции в российских регионах – показаны факторы «выталкивания», тенденции и последствия этого процесса с учетом региональных особенностей в нашей стране.

По мнению авторов данного коллективного труда, исследование проблем мирового развития приобрело столь большое значение вследствие глобальной трансформации всех экономических структур на локальном, региональном и глобальном уровне. Теоретическое осмысление и анализ имеющих место изменений в территориальной организации производства и потребления в разных странах мира, миграционных процессов и проч., безусловно, направлены на поиск возможных путей структурной трансформации экономики России как части мирохозяйственного комплекса в условиях интегрирования ее в глобализирующуюся экономику.

Доктор экономических наук Хусаинов Б.Д. и его коллеги представляют взгляд на мировое экономическое развитие с позиции экономической науки, и обращают внимание читателей на асимметрии и вызовы глобализации. Они убеждены в том, что под влиянием трансформационных изменений в глобальной экономике накапливаются асимметрии, нарушая равновесие, создавая определенный дисбаланс в развитии. Асимметричность является характерной чертой глобализации и, как следствие, мирового экономического развития.

Доктор географических наук Слукa Н.А. и его соавторы расставляют приоритеты географических исследований современной организации мирового хозяйства. Они отмечают, что познание глобализационных процессов и механизмов их реформирования в современных условиях, основных трендов отраслевых и территориальных сдвигов в мировом хозяйстве, а также «прорывных» направлений экономического роста открывает путь, с одной стороны, к более полному пониманию проблем бытия современного мира, а с другой – служит фундаментальной основой для конструктивного решения многих практических задач.

Доктора экономических наук, профессора Фролова Е.Д. и Шеломенцев А.Г., рассуждая о сущности и актуализация изучения проблемы пространственного развития национальной экономики, характеризуют модели пространственного развития промышленных округов с позиции анализа исследований ведущих отечественных и зарубежных научных школ. Представляют новые парадигмы пространственного развития промышленных округов. Отмечают, что настало время выделить факторы развития, выявить закономерности процессов пространственных трансформаций на основе новейших научных представлений и разработать модель пространственного развития промышленных округов на современном этапе развития мировой экономики.

По мнению доктора географических наук, профессора Родионовой И.А. разные темпы развития вторичного сектора экономики в странах мира, внедрение достижений НТР в воспроизводственном процессе, на транспорте и в целом в сфере услуг полностью изменило географическую картину мировой индустрии. При этом изменение отраслевой структуры мировой индустрии (с ростом доли высокотехнологичных отраслей) и пространственное перераспределение промышленного производства на глобальном уровне вызвало перемены в товарной и географической структуре мировой торговли товарами и услугами. Поэтому необходимо исследование сдвигов в размещении производственных мощностей разных отраслей мировой экономики.

Как бы продолжая и раскрывая эту мысль, доктор географических наук, профессор Антипова Е.А. в своей статье отмечает, что за последнее время в структуре мировой электроэнергетики (основы развития всех отраслей экономики) произошли качественные изменения, которые в первую очередь связаны с развитием альтернативных источников энергии. Поэтому повышается научный интерес к изучению различных аспектов развития данной отрасли.

Доктор экономических наук Ерохина Е.В. считает, что эффективность управления региональной экономикой зависит от многих условий и факторов, соблюдения «правил игры» и законов рынка. В то же время, наряду с адаптацией существующего в мировой практике стратегического инструментария, необходима разработка новых подходов к экономическому обоснованию концепций и стратегий развития. Она также отмечает, что современное развитие регионов невозможно без повсеместного, постоянного использования результатов инновационной деятельности, без опоры на знания, науку, интеллект. И обращается к анализу зарубежного и отечественного опыта в развитии процесса кластеризации экономики.

А доктор географических наук Потоцкая Т.И. также начинает свою статью со слов о том, что одна из основных сфер деятельности экономической и географической наук – поиск путей эффективного размещения предприятий. И читает, что наиболее продуктивные научные идеи, работающие на эту цель – это учение о территориально-производственном комплексе (ТПК). И поскольку научные достижения базируются на идее комплексности (взаимосвязанности отраслей экономики), то не удивителен интерес исследователей к ее поиску. Эти проблемы в статье рассматриваются на примере межотраслевого образования – мирового алмазно-бриллиантового комплекса.

Доктор географических наук, профессор Шупер В.А. считает, что глубочайшие геополитические сдвиги привели к тому, что вместо Европы от Лиссабона до Владивостока сейчас начинает формироваться Евразия от Шанхая до Петербурга. При этом уже второй раз за свою короткую постсоветскую историю Россия вынуждена прилагать титанические усилия для ликвидации дефектов своего геополитического и геоэкономического положения. В ряде статей авторы рассматривают проблемы пространственной организации разных отраслей российской экономики. Представлены также две статьи наших коллег, характеризующие социально-экономическое и социально-демографическое развитие регионов Республики Казахстан.

Иными словами исследование авторов данного научного издания охватило глобальный, региональный, страновой уровни, при этом не выпали из поля зрения исследователей и особенности развития городов. Иными словами пространственная динамичность развития мирового хозяйства охарактеризована по всем иерархическим уровням: мир, регионы, страны, города. Существенные изменения и в будущем будут происходить в мировой экономике. И вновь потребуются их изучение в связи с запросами практики. В результате – будут создаваться новые научные статьи и монографии.

Профессор И.А. Родионова

1. ГЛОБАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЛАНДШАФТ: ОСНОВНЫЕ ТRENДЫ РАЗВИТИЯ

Хусаинов Б.Д., Альжанова Ф.Г., Нусупов А.И., Жангалиева К.Н.

ГЛОБАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ: АСИММЕТРИИ И ВЫЗОВЫ³

Асимметрии глобального развития

Экономические явления и процессы, происходящие в глобальной экономике, не могут находиться в равновесном состоянии. Более того, под влиянием трансформационных изменений в глобальной экономике накапливаются асимметрии, нарушая равновесие, создавая определенный дисбаланс в его развитии. Асимметричность является характерной чертой глобализации и, как следствие, мирового экономического развития, некоторые из которых рассмотрены, например, в работе [1, с. 158-193, 224-254]. Можно утверждать, что определяющей чертой современного периода экономического развития являются значительный рост масштабов, серьезное обострение и углубление противоречий капитализма.

Противоречия и асимметрии глобального экономического развития имеют два аспекта. Во-первых, это – источник постоянного развития мировой экономической системы. Во-вторых, это – перманентный конфликт интересов экономических субъектов мирового хозяйства, например, между транснациональными корпорациями (ТНК) и государствами, международными организациями, региональными интеграционными объединениями. Наряду с этим действия глобальных игроков (ТНК и некоторых развитых стран), направленные на ограничение возможностей реализации экономических интересов развивающихся экономик и формирующихся рынков, всегда вызывают закономерное противодействие со стороны последних.

Наиболее масштабными асимметриями, порождаемыми глобальными противоречиями, думается, являются следующие. Прежде всего – это углубление асимметрий между глобальной экспансией ТНК и экономическим суверенитетом стран мира. ТНК ориентированы на реализацию их стратегий глобальной экспансии. Это влечет за собою наиболее опасный вызов национальным государствам, так как ослабляется их роль в международных экономических отношениях. Проявляется это, например, в значительном сужении возможностей государств проводить самостоятельную политику по регулированию национальных рынков и по контролю над национальным богатством.

Как результат – глобальный капитал, значительная часть которого сконцентрирована в ТНК, порождает асимметрию в масштабах производства валового внутреннего продукта (ВВП) и валового национального дохода (ВНД).

Показатель ВВП, критикуемый самыми авторитетными экономистами мира, среди которых немало Нобелевских лауреатов, не отражает реальной картины экономического развития страны. Одним из ключевых показателей экономического развития является ВНД. Он представляет совокупную ценность всех товаров и услуг, произведенных в течение года на территории государства. По сути ВНД - это ВВП плюс доходы, полученные гражданами страны из-за рубежа, минус доходы от инвестиций, вывезенные из страны нерезидентами. Разница между ВВП и ВНД представляет *чистые факторные платежи*, основной компонентой которых является доход от инвестиций, а гораздо меньшая доля приходится на чистую оплату труда, выплачиваемую иностранным гражданам, работающим в определенной стране. Естественно, большая часть этой заработной платы репатрируется из страны пребывания.

ВНД страны бывает существенно меньше, чем ВВП, если значительная часть получаемых в стране доходов вывозится из нее иностранными компаниями или

¹ Публикуется по результатам исследования на тему «Глобальные вызовы и национальные экономики: угрозы, риски и императивы развития», выполненного по гранту МОН РК №1276/ГФ4.

гражданами. Наоборот, если граждане данной страны владеют большим количеством ценных бумаг иностранных компаний или правительств и получают по ним доходы, то ВНД окажется больше, чем ВВП. Для большинства стран мира показатели ВВП и ВНД различаются незначительно и зачастую считаются взаимозаменяемыми.

Но в ряде стран, в особенности, с доминирующей сырьевой структурой национальных экономик, разрыв между показателями ВВП и ВНД значителен. К примеру, в России разница между показателями ВВП и ВНД в 2015 г. составила 36,0 млрд. долларов США, а накопленная разница за период 1990-2015 гг. – минус 614,5 млрд. долларов США (в текущих ценах). В Казахстане аналогичные показатели составили минус 11,5 и минус 204,2 млрд. долларов США. Приведенная разница представляет в основном *легальный отток доходов от инвестиций*.

В Норвегии этот показатель имеет положительное значение и составляет 39,6 млрд. долларов США. Как видим, ситуация в Норвегии существенно благоприятнее, чем в России и Казахстане. Не случайно, в рейтинге стран по уровню жизни, оцениваемого по восьми параметрам, Норвегия в 2015 г. занимает первое место среди 142 стран мира, как и четыре предыдущих года. На втором месте – Швейцария, на третьем – Дания; Казахстан и Россия занимают 56-е и 58-е места соответственно [2].

Чистые факторные платежи в Норвегии, начиная с 2001 года, за исключением кризисного 2008 г., имеют положительное значение. Но в период 1990-2001 гг. в Норвегии происходил заметный легальный отток доходов от инвестиций (максимальное значение в 1991 г. – 3,14%). В Казахстане и России этот показатель на протяжении всего анализируемого периода находится в отрицательном диапазоне. Причем максимальное значение легального оттока доходов от инвестиций по отношению к ВВП в Казахстане и России приходится на кризисные годы: 14,5% (2008 г.) и 4,6% (1998 г.) соответственно (рис. 1).

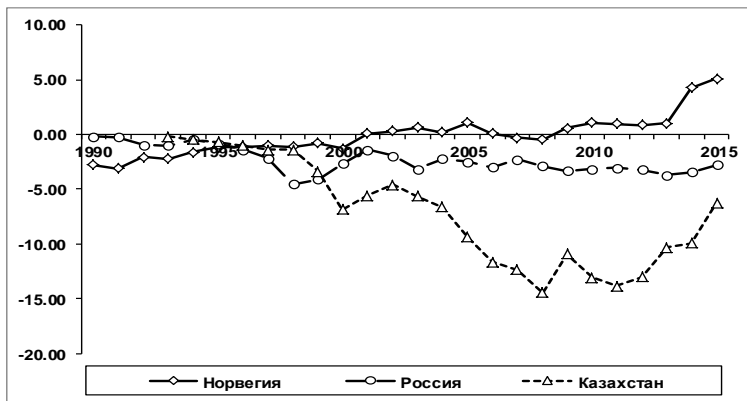

Рисунок 1 – Отношение чистых факторных платежей к ВВП Казахстана, Норвегии и России, 1990-2015 гг. (в процентах)

Источник: составлено авторами по данным [3].

Большая часть глобального национального дохода приходится на развитые страны. За последние четверть века в среднем на развитые экономики приходится почти три четверти, на развивающиеся страны и формирующиеся рынки – менее трети мирового ВНД. В 2015 г. на долю стран с высоким уровнем доходов приходилось более двух третей глобального показателя, со средним уровнем доходов – около трети, а на страны с низким уровнем доходов – всего 0,5% (рисунок 2).

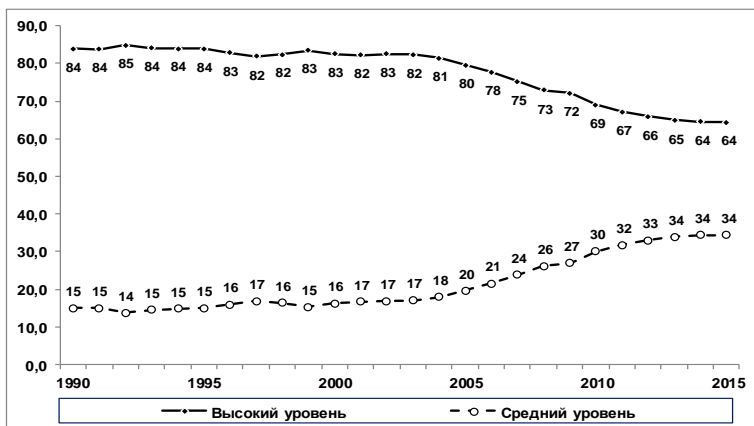

Рисунок 2 – Доля стран с высоким и средним уровнем доходов в мировом ВВП, 1990-2015 гг. (в процентах)

Источник: составлено авторами по данным [3].

На Северную Америку и Европейский союз приходится по четверти мирового ВВП. В совокупности на эти два региона пользуются половиной глобального валового национального дохода. Даже по приведенным цифрам очевидны асимметрии в распределении доходов по группам стран и регионам.

Асимметрии глобальной экономики рельефно проявляются при проведении компаративного анализа показателей ВВП на душу населения по паритету покупательной способности (ППС). По данным на 2015 г., разрыв между самым высоким и низким значением данного показателя по ППС был весьма значительным – 235:1 (в Катаре 140 720 долл. США против 600 в Центрально-Африканской Республике). В группе стран с высоким уровнем дохода среднее значение данного показателя в 2015 г. составило 42 564,3 долл. США, что в 27,7 раза выше, чем средний показатель в странах с низким уровнем доходов (1 535,1 долл.).

Рассмотрим углубление асимметрий между ТНК⁴ и национальными экономическими структурами. Транснациональный сектор современной мировой экономики в настоящее время – это свыше ста тысяч материнских (головных) компаний и порядка 900 тыс. подконтрольных им зарубежных аффилированных предприятий, рассредоточенных по всему миру. Для сравнения: к началу 90-х годов прошлого столетия в мире насчитывалось порядка 35 тыс. ТНК и чуть более 150 тыс. зависимых от них иностранных предприятий. За последние двадцать пять лет количество головных ТНК втрое увеличилось, а число их зарубежных филиалов – почти пятикратно. Приведенные данные свидетельствуют, что за два десятилетия наблюдается существенное увеличение числа иностранных аффилированных предприятий по сравнению с ростом количества головных компаний. При этом динамика роста филиалов ТНК замечено выше, чем темп роста материнских компаний (см., например, [4, с. 80-82]).

⁴ ТНК состоят их головных предприятий и их зарубежных филиалов: головное предприятие определяется как предприятие, которое контролирует активы другого предприятия или предприятий за пределами страны своего базирования, как правило, через владение частью капитала. Пороговым уровнем контроля над активами в этом контексте обычно считается 10%-ная доля участия в акционерном капитале.

О масштабах деятельности ТНК в современной мировой экономике говорят следующие их показатели. Общий объем продаж зарубежных филиалов и дочерних предприятий ТНК в 2015 г. приблизился к отметке 37 трлн. долл. По оценкам ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию), суммарная добавленная стоимость всех ТНК составляет более четверти мирового валового продукта. В 2015 г. на зарубежные филиалы, в которых трудятся 79 505 тыс. человек, приходилось 7 903 млрд. долларов США, что составляет одну десятую глобального ВВП и 36,5 мирового экспорта товарами и услугами. Из 25,0 трлн. долл. суммарных объемов прямых иностранных инвестиций (ПИИ), накопленных к 2015 г., подавляющая часть находится под контролем ТНК (таблица 1).

Таблица 1 – Отдельные показатели международного производства, 1990-2015 гг.⁵

Показатели	млрд. долл. США, в текущих ценах				
	1990	2005-2007 ¹	2013	2014	2015
Приток ПИИ	207	1 418	1 427	1 277	1 762
Отток ПИИ	242	1 445	1 311	1 318	1 474
Суммарный объем ввезенных ПИИ	2 077	14 500	24 533	25 113	24 983
Суммарный объем вывезенных ПИИ	2 091	15 104	24 665	24 810	25 045
Объемы продаж иностранных филиалов	5 101	20 355	31 865	34 149	36 668
Валовой объем производства иностранных филиалов	1 074	4 720	7 030	7 419	7 903
Совокупные активы иностранных филиалов	4 595	40 924	95 671	101 254	105 778
Экспорт иностранных филиалов	1 444	4 976	7 469	7 688d	7 803
Численность работников иностранных филиалов, тыс. чел.	21 454	49 565	72 239	76 821	79 505
ВВП (в текущих ценах)	22 327	51 288	75 887	77 807	73 152
Валовые вложения в основной капитал	5 072	11 801	18 753	19 429	18 200
Поступления в виде роялти и лицензионных платежей	29	172	298	311	299
Экспорт товаров и услуг	4 107	15 034	23 158	23 441	20 861

Источник: составлено авторами по данным [5, с. 29].

Примечание: 1 – предкризисное среднее значение.

Мир ТНК также весьма асимметричен. Очень большая их группа имеет несколько зарубежных филиалов, полностью принадлежащих материнской компании. В то же время на небольшое число ТНК приходится значительная доля филиалов. Так, менее одного процента ТНК имеют более 100 филиалов. Но на них приходится более 30% всех зарубежных филиалов и почти 60% мирового показателя добавленной стоимости. По данным ЮНКТАД, Топ-100 ведущих ТНК имеют в среднем более 500 филиалов в более чем 50 странах мира [5, с. 134].

Анализ ежегодных данных международного производства 100 ведущих ТНК показывает, что размер и уровень их интернационализации значительно увеличились за последние два десятилетия. Так, совокупные активы 100 крупнейших ТНК выросли значительно больше, чем мировая экономика в целом, а доля активов, продаж и занятых в зарубежных филиалах увеличилась с менее половины до примерно 60% (таблица 2).

⁵ Международное производство – это производство товаров и услуг, осуществляемое в странах при контроле и управлении со стороны компаний, штаб-квартиры которых находятся в других государствах.

Таблица 2 – Динамика изменения показателей международного производства 100 ведущих ТНК мира, 1995-2015 гг. (в процентах)

Показатели	1995	2000	2005	2010	2015
Совокупные активы	100	151	212	291	314
в т. ч.: зарубежные, % от общего показателя	41%	50%	54%	61%	62%
Общий объем продаж	100	113	158	184	187
в т. ч.: зарубежные, % от общего показателя	48%	50%	57%	63%	65%
Численность занятых - всего	100	118	126	134	144
в т. ч.: зарубежные, % от общего показателя	48%	48%	53%	58%	58%
<i>Мировой ВВП</i>	<i>100</i>	<i>109</i>	<i>153</i>	<i>213</i>	<i>252</i>
<i>Мировое валовое накопление основного капитала</i>	<i>100</i>	<i>108</i>	<i>154</i>	<i>213</i>	<i>265</i>

Источник: составлено авторами по данным [5, с. 142].

Неслучайно мир, в котором мы живем, называют миром транснациональных корпораций. Именно крупные ТНК являются основным структурным элементом национальных экономик большинства развитых стран мира. Мировые рынки, постоянно находящиеся в процессе передела и перераспределения сфер влияния, давно уже прочно заняты ведущими ТНК, обладающими огромными финансовыми, производственными, технологическими и иными ресурсами. Учитывая очевидное стремление крупных корпораций к процессам слияний и поглощений, можно предположить, что в ближайшем будущем вероятно появление транснациональных суперкорпораций, могущих составить серьезную конкуренцию крупнейшим национальным экономикам.

Сейчас становится очевидным, что действия крупных ТНК по характеру и формам проявления в международной политике и мировой экономике во многом начинают совпадать с деятельностью национальных государств. Такой тезис не следует рассматривать как их отождествление, но, по меньшей мере, это позволяет говорить о некоторой аналогии и идентичности их действий. Среди зарубежных исследователей даже бытует мнение, что в перспективе крупнейшие ТНК станут единственной доминирующей силой глобальной экономики, сменив национально-государственные образования в качестве основных ее субъектов.

Несмотря на заметное отставание масштабов деятельности крупнейших ТНК от наиболее развитых стран мира, давно известно, что первые являются технологически более развитыми и мобильными, экономически эффективными, успешными в финансовом отношении. Вследствие этого крупнейшие мировые ТНК становятся более могущественными и влиятельными организационными структурами глобальной экономики. Характерно, что деятельность ТНК, которая направлена прежде всего на получение высоких прибылей, нередко выходит за рамки привычного представления людей, традиционно структурированных по политико-правовым и национально-государственным критериям.

Можно предположить, что возможное появление качественно новых субъектов международных экономических отношений, не стесненных никакими географическими границами, может в корне изменить положение дел не только в мировой экономике, но и в политической сфере.

В погоне за получением устойчивой и долгосрочной сверхприбыли ТНК готовы использовать для достижения своих целей все имеющиеся у них ресурсы, в том числе и неэкономического характера. Не секрет, что крупнейшие ТНК уже сейчас решают вопросы нового экономического и политического передела мира, невзирая на интересы национальных государств. В перспективе эта тенденция будет только усиливаться. Это, в свою очередь, не может не вызывать серьезную озабоченность со стороны национально-государственных образований. В этой связи небольшой экскурс. В 1975 г. был создан специализированный Центр ООН по ТНК. Здесь рассматривались и обсуждались различные аспекты деятельности ТНК и их взаимодействия с отдельными странами. Однако через некоторое время Центр ООН по ТНК был преобразован в составное подразделение Конференции ООН по торговле и развитию. Это было

равнозначно их ликвидации, так как нынешняя работа ЮНКТАД носит исключительно научно-рекомендательный характер. Можно предположить, что эта реорганизация не обошлась без активного влияния со стороны крупнейших мировых ТНК, не заинтересованных в каком-либо внешнем контроле за своей деятельностью. Это свидетельствует, по меньшей мере, о двух существенных моментах: во-первых, о том, насколько сложно в настоящее время создать и наладить эффективный международный контроль за деятельностью ТНК; во-вторых, национальные государства постепенно утрачивают влияние на процессы развития ТНК. Второе обстоятельство особенно важно для менее развитых государств, поскольку их отношения с ТНК складываются значительно сложнее, чем отношения ТНК с развитыми государствами. Ярким подтверждением этого является проведенный нами сравнительный анализ масштабов деятельности крупнейших нефинансовых ТНК мира и экономик национально-государственных образований [4, с. 89-109].

Добавим, что планируемые к подписанию Соглашения о Трансатлантическом торговом и инвестиционном партнерстве (ТТИП) США–ЕС и Транстихоокеанском партнерстве, инициированные США, направлены на коренное изменение конфигурации глобального экономического пространства. Проще говоря, они направлены на реализацию и защиту интересов крупнейших ТНК, в том числе игнорируя Всемирную торговую организацию.

Глобальные вызовы современности

Процесс глобализации обострил существовавшие противоречия и породил новые. Эти противоречия в целом рассматриваются сегодня как глобальные вызовы, которые обозначают проблемы планетарного характера. Они являются следствием новых факторов в мировом развитии, нарушающих стабильное воспроизводство общественно-политических, экономических и междивизиационных отношений в границах существующего мирового порядка.

Понятие «глобальные вызовы», появившись в середине XX века благодаря работам британского ученого, исследователя развития цивилизаций Арнольда Джозефа Тойнби, стало чрезвычайно актуальным на рубеже XX и XXI веков в ожидании изменений и будущего человечества в новом тысячелетии. А. Тойнби называет вызовом такие обстоятельства, которые возникают при резком изменении условий жизни человечества. Адекватный ответ на вызов – заслуга творческого меньшинства и отдельных личностей, которые способны генерировать новые идеи, технологии, модели поведения.

Любое изменение требует реакции, последствия которой могут быть разными. Любой вызов требует ответа. На сегодня существуют два тренда понимания вызовов. Во-первых, вызовы как явления, определяющие фундаментальные сдвиги в системе жизнедеятельности социально-экономических систем; во-вторых, вызовы, объединяющие процессы, имеющие ярко выраженный негативный характер, несущие риски и угрозы для общества. Поэтому в современных исследованиях наряду с понятием «вызов» используются понятия «опасность», «риск» и «угроза». Границу между вызовами, угрозами и рисками трудно провести в силу того, что в результате стечения обстоятельств вызовы могут в короткий период перерасти в угрозы и риски.

Понятно, что для разных регионов и стран набор глобальных вызовов, угроз и рисков по степени влияния и приоритетности может быть разным. Например, индустриальная система способствовала преодолению массовой бедности аграрной цивилизации. Конечно, прошедшие десятилетия демонстрируют значительный прогресс в решении проблемы бедности и неравенства. Однако проблема преодоления бедности и неравенства далека от решения. Более того, сегодня она приобретает новые черты и может иметь угрожающие, если не разрушительные, последствия (более подробно, см., например, [6]).

Проблема неравенства доходов, представляющая *глобальный вызов современности*, приобретает всеобщий характер. Неравенство в доходах во всех обществах проницает из сочетания двух составляющих: во-первых, неравенства в трудовых доходах, во-вторых, неравенства в доходах с капитала. Чем более неравномерно распределяется

каждая из этих составляющих, тем выше общее неравенство. Неравенство в капитале всегда намного сильнее, чем неравенство в труде. Собственность на капитал и доходы, которые из нее проистекают, гораздо более концентрированы, чем трудовые доходы.

За последние десятилетия рост неравенства доходов в мире приобрел угрожающие размеры. Результаты исследований, проводимых различными авторитетными организациями, показывают, что 60% респондентов по всему миру считают неравенство основным вызовом современности.

В фундаментальном исследовании лауреата Нобелевской премии Дж. Стиглица, который по его словам «работал с истоками и последствиями неравенства со времен своего студенчества» [7, с.52], то есть свыше полувека, отмечается: «все социальные, политические, экономические проблемы и их трагические последствия коренятся в неравенстве» [7, с. 77]. Это утверждение он подтверждает убедительными статистическими данными. «Тридцать лет назад показатели неравенства в Великобритании не отличались от показателей в передовых индустриальных странах. Но сейчас по этим показателям Британия занимает второе место, уступая только Соединенным Штатам... Действительно, мировые скандалы, которые разразились вокруг финансовых рынков с начала века, только усиливаются, и в какой-то мере главным их ядром выступает Лондон, являющийся мировым финансовым центром» [7, с. 24].

В формировании неравенства, особенно в США, Дж. Стиглиц видит ретроориентированное поведение американской верхушки, где произошла существенная концентрация богатства страны в результате операций с рентой, включая монопольные прибыли и чрезмерные компенсации руководителям корпораций, особенно в финансовом секторе. Он убежден, что необходимо обеспокоиться растущим неравенством и его социальными, политическими и экономическими последствиями. Сегодня Япония и большинство европейских государств сталкиваются с огромными долговыми обязательствами и старением общества в большей мере, чем США. Это может служить sobлазном урезать вложения в общественные блага и/или разрушить существующую систему социальной защиты. Такие меры порождают огромный риск подрыва основных ценностей и дальнейших экономических перспектив. Поэтому необходимо обеспечивать одновременно рост и равенство, что создаст условия для государства всеобщего процветания. Для США, Японии и Европы это больше политика, чем экономика [7].

Дж. Стиглиц убежден, что необходимо обеспокоиться растущим неравенством и его социальными, политическими и экономическими последствиями. Он также убежден, что необходимо обеспечивать одновременно рост и равенство. Это, по его мнению, создаст условия для государства всеобщего процветания. Индекс GINI, характеризующий неравенство доходов после уплаты налогов и осуществления трансфертов (net inequality), очень высок в США: по оценкам, в период 1980-2014 гг. он вырос с 30,6 до 37,1 (максимальное значение было в 2013 г. – 37,7). В Великобритании этот показатель в период 1980-2015 гг. вырос с 26,7 до 32,5 (максимальное значение было в 1999 г. – 34,0).

Вызовы, с которыми сталкиваются развивающиеся страны и формирующиеся рынки, еще более значительны. Рост неравенства, несомненно, очевиден в Китае и Индии. Указанный индекс GINI вырос: в Китае с 26 в 1980 г. до 50 в 2013 г., в Индии – с 43 в 1983 г. до 48 в 2011 г. Неравенство доходов очень быстро растет практически во всех латиноамериканских странах. Например, в Мексике данный показатель за последние тридцать лет увеличился с 43 до 49. В Аргентине индекс GINI в начале 80-х годов прошлого столетия составлял 38,9, который стабильно возрастал до 2003 г., достигнув значения 47,5. Однако, к 2013 г. его значение снизилось до 39,0⁶.

Справедливости ради следует отметить, что в Бразилии неравенство уменьшается в результате инвестиций в образование и программы по защите бедных (особенно бедных детей). Не секрет, что в этих и других развивающихся странах изменения в уровне неравенства сопряжены с международными правилами игры (в том числе, диктуемые ТНК), которые не подвластны отдельным странам. Здесь главную роль играет не экономика, а политика – это международные правила, которые управляют глобализацией. Приведем

⁶ Источник: рассчитано авторами по данным [8].

очевидный пример. Когда эти правила разрешают богатым странам субсидировать своих богатых фермеров, мировые цены на сельскохозяйственные продукты падают. В результате страдают многие из беднейших и бедных стран, ориентированных на сельское хозяйство. Таких примеров множество.

Совершенно очевидно, что главная характеристика установившейся мировой системы – это принципиальное неравенство стран и цивилизаций. Растущий социально-экономический и культурный разрыв между верхними и нижними слоями мирового сообщества станет еще более очевидным, если сопоставить доходы отдельных богатейших людей планеты с доходами целых стран. Оно наглядно видно из следующего соотношения. Согласно опубликованному в начале 2016 г. докладу международной благотворительной организации Oxfam⁷, частично присутствующие в списке Forbes 62 человека владеют состоянием, сопоставимым с бюджетом половины человечества. Иначе говоря, 62 богача настолько же богаты, насколько объединенная группа из 3,6 млрд человек, проживающих на планете. Этот вывод основан на изучении финансовых отчетов Credit Suisse и детальным ознакомлением списком богатейших людей мира по версии журнала Forbes. Сопоставив полученные цифры, экономисты сделали заключение, что 1% людей обладает состоянием, сопоставимым с деньгами 50% населения. Шестьдесят два владельца капиталов богаче всех бедных жителей различных стран, включая развивающиеся и ведущие государства мира. Пять лет назад соотношение было другим – на одной чаше весов находились 388 бизнесменов, число которых из-за кризисов и перетока капиталов за четырехлетний период сократилось до 62-х. Суммарное состояние этих олигархов превысило \$1,76 триллионов на конец 2015 года. К настоящему моменту соотношение изменилось, но далеко не в пользу бедных. За минувшее пятилетие активы миллиардеров увеличились на 44%, а у остальных жителей планеты снизились на 41%. Половина «супербогатых» людей живет в Соединенных Штатах, еще 17 человек – из Европы, Китая, Бразилии, Мексики, Японии и Саудовской Аравии. Возглавляет рейтинг Билл Гейтс, состояние которого оценивается почти в 80 млрд долларов США.

Было бы наивным полагать, что причины глобальных кризисов, включая нынешний, связаны только с проблемой неравенства доходов. Но определенную роль в их формировании и углублении они, безусловно, играют. Совершенно очевидно, что рост неравенства в последние десятилетия превращается в серьезную помеху глобального развития, затрагивая все экономики мира.

Затрагивая продолжающийся глобальный кризис, приведем точку зрения Нобелевского лауреата по экономике П. Кругмана. Он утверждает, что «по существу мы имеем дело с тем же типом ситуации, который описывал Джон Мейнард Кейнс в 30-х годах XX века: «экономика пребывает в состоянии хронически пониженной активности в течение длительного времени, не проявляя заметных тенденций ни к оздоровлению, ни к окончательному краху» [9, с. 8]. По его мнению, «...мы не используем знания, которыми обладаем, поскольку многие люди, облеченные властью, – политики, государственные чиновники, а также многочисленный класс говорящих и пишущих, формирующих общественное мнение, – по разным причинам предпочли забыть уроки истории и выводы нескольких поколений экономистов и заменить давнишнее большим трудом познания идеологически и политически удобными предубеждениями» [9, с. 9]. Более того, большинство чиновников не знают и/или полностью отбрасывают главный постулат Дж. Кейнса, сказавшего, что **экономить следует во время бума, а не спада**. Нельзя не согласиться с мнением П. Кругмана, утверждающего: «сейчас правительства должны тратить больше, а не меньше, пока частный сектор не будет готов тянуть экономику вперед, однако возобладала политика строгой экономии, разрушающая рынок труда» [9, с. 10].

⁷ Международное объединение из 17 организаций, работающих в более чем 90 странах по всему миру. Целью деятельности объединения является решение проблем бедности и связанной с ней несправедливостью во всем мире. Во всех проектах Oxfam конечной целью является предоставить людям возможность реализовать свои права и возможности, лично руководить жизнью, получать достойную оплату за выполненный труд и так далее. Oxfam был основан в британском Оксфорде в 1942 году как Оксфордский комитет помощи голодающим (англ. Oxford Committee for Famine Relief) группой квакеров, общественных активистов и учёных Оксфордского университета.

В заключение отметим следующее.

Во-первых, неравенство – это глобальный вызов современности, а исходящие от него угрозы и риски касаются всех экономик мира, будь то развитые или развивающиеся. Поэтому назрела настоятельная необходимость выстраивания адекватной экономической политики с учетом глобальных вызовов современности. Она должна включать в себя все её органические составляющие. Это - промышленная, аграрная, торговая, научно-техническая, инновационная, денежно-кредитная, бюджетная, валютная, налоговая, социальная политики, политика занятости.

Во-вторых, взаимосвязь между экономическим развитием и неравенством в распределении доходов в обществе, думается, не должна вызывать сомнений. Но следует помнить, что на разных этапах развития влияния неравенства на рост национальной экономики бывает диаметрально противоположным. Серьезные исследователи знают примеры конца прошлого века, когда экономический рост сопровождался усилением и ослаблением неравенства, а высокие темпы роста национальных экономик достигались при изначально невысокой дифференциации доходов. Есть примеры, когда увеличение неравенства происходило на фоне не роста, а падения (страны Центральной и Восточной Европы и Центральной Азии в период 1985-1995 гг.), а также имеется значительное число примеров негативного влияния неравенства на экономический рост.

В-третьих, имеется множество зарубежных исследований по проблемам неравенства и его воздействия на экономический рост. Большинство из них направленно на оценку влияния неравенства в определенной стране и/или группе стран на динамику роста в этих же странах. Однако, содержательный анализ зарубежных, российских и казахстанских источников свидетельствует о следующем. Очень мало разработок,⁸ за исключением [10, 11], направленных, на оценку влияния межстранового неравенства⁸ на динамику и качество роста национальных экономик. Наше дальнейшее исследование направлено именно на оценку и анализ воздействия межстранового неравенства на рост развитых и развивающихся экономик.

Литература

1. Глобальное экономическое развитие: тенденции, асимметрии, регулирование. Монография // под ред. профессоров Д. Лукьяненко, А. Поручника, В. Колесова. – Киев, КНЭУ, 2013. – 466 с.
2. <http://visasam.ru/emigration/vybor/reiting-urovni-zhizni-v-mire.html> (дата обращения - 01.08.2016 г.)
3. World Development Indicators. <http://databank.worldbank.org/data> (дата обращения 01.08.2016 г.).
4. Хусаинов Б.Д. Глобализация, Транснационализация, Интеграция. - Алматы, 2012. - 312 с.
5. World Investment Report 2016. Investor Nationality: Policy Challenges. – UNCTAD, Geneva, 2016. – pp. 215.
6. Альжанова Ф.Г., Хусаинов Б.Д. Глобальные вызовы: генезис и природа // Казахский Экономический Вестник, №3, 2015. – с. 28-41.
7. Стиглиц Дж. Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. – М., 2015 г. – 508 с.
8. <http://fsolt.org/swiid/> (дата обращения 21.08.2016 г.).
9. Кругман П. Выход из кризиса есть!. – М., 2013. – 320 с.
10. World Development Report 2006: Equity and Development. – Washington D.C., World Bank. – pp. 320.
11. Миланович Б. Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время. Обзор. – М., Высшая школа экономики, 2014. – с. 31.

⁸ Неравенство между странами во всем мире рассчитывается на основе ВВП или средних доходов, полученные в ходе обследований домашних хозяйств во всех странах мира без учета удельного веса населения [10, 11].

МОДЕЛИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ И ФОРМИРОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ СИСТЕМ ПРОМЫШЛЕННОГО ТИПА В СОВРЕМЕННОЙ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

В последнее время в экономической литературе заметно прослеживается повышенный интерес к факторам пространственного развития территорий, регионов, локальных экономических систем. Одним из многообразных типов таких локальных систем является промышленный район, который даже в период экономических кризисов демонстрирует определенный рост. Несмотря на локализацию, он стал глобальным игроком в современной мировой экономике. Настало время проанализировать аналитику развития промышленных округов на новой (объемной, а не линейной) методологической основе, переосмыслить традиционный подход и дополнить теоретическую базу, выделить факторы развития, выявить закономерности процессов пространственных трансформаций на основе новейших научных представлений и разработать модель пространственного развития промышленных округов на современном этапе развития мировой экономики.

Сущность и актуализация проблемы пространственного развития национальной экономики. Пространственный подход принёс качественно новые результаты в теориях общего экономического равновесия, оптимизации экономики, экономического роста, ценообразования, международной торговли, не говоря уже о специальных проблемах пространственной организации экономики (локализация видов деятельности, рынки, агломерационные эффекты и т.д.) [11]. В результате теоретического переосмысления пространственных трансформационных процессов в мировой экономике сформировался определенный понятийно-категориальный аппарат [10. 11, 23]: пространственное развитие, пространственно-временная организации экономической системы, пространственная конкуренция, пространственная экономика, экономика пространства (хозяйства) и другие.

1. «Пространственное развитие», в широком смысле слова, это переход от одной пространственной организации экономической системы к другой.

2. Сравнительно недавно получила свое признание как самостоятельная область в системе наук и «пространственная (spatial) экономика». В интерпретации А. Гранберга [10, 11] это региональная и городская, транспортная и сетевая экономика и т.д. По мнению большинства ученых, научное направление пространственной экономики является более интегрированным по сравнению с традиционной региональной экономикой, т.к. её предмет составляют все пространственные формы хозяйственной системы, пространственные сети [10, 11].

3. Анализируя современные научные представления о пространственных трансформациях, Н. М. Сурнина [23] акцентирует свое внимание на новой парадигме содержания понятия «пространства», рассматривая основные качества социально-экономического пространства, его структуру и иерархию. Э.Г. Кочетов вводит в научный оборот новое понятие – «глобальное геоэкономическое пространство» [14]. А.Н. Пилясов [22] акцентирует внимание на синергии пространства, его новой роли в инновационной деятельности, и вводит такие дополнительные термины как «пространственная метрика», «пространственное измерение», «пространственные экстерналии», «пространственные перетоки» (имеется в виду перетоки знаний).

Обобщив теоретические подходы к сущности пространственного развития упомянутых и других ученых, мы пришли к выводу, что для упорядочения полученных результатов необходимо разграничивать исследование проблемы пространственного развития (в т.ч. перераспределения промышленного потенциала) в условиях глобальной трансформации всех экономических структур по уровням, в т.ч.:

– внутренний (внутристрановый), который рассматривает вопросы регионального развития, размещения производительных сил, развития территорий, компетенций между федеральным уровнем государственного управления и регионами, при этом идет

формирование нового научного направления — пространственной экономики — в русле региональной экономической науки;

– внешний (внешнеэкономический), который занимается решением проблемы интернационализации национальной экономики, размещения мирового промышленного производства, пространственной организации промышленности мира.

Особую актуальность для России вопросы пространственного развития приобретают в связи с тем, что существующая пространственная организация национальной экономики перестала быть конкурентоспособной после ее открытия и интеграции в глобальный рынок. В «Концепции пространственного развития в РФ» [13] зафиксировано, что неэффективная пространственная организация страны породила комплекс проблем, основные из которых следующие: вымывание ресурсов из неэффективных национальных структур, рост расходов на поддержание в них инфраструктуры, закрепление сырьевой и транзитной специализации многих регионов страны. В условиях глобализации для страны чрезвычайно важно иметь не только конкурентоспособные технологии и фирмы, но, главное, регионы, способные принять эти технологии и фирмы. В указанном документе подчеркнуто, что условия глобального рынка требуют наличия соответствующей пространственной организации страны — «сборки» экономики не только из отраслей, технологий или компаний, но и из территорий, ареалов, локализованных структур. Именно такая организация страны должна обеспечивать ее эффективную (с точки зрения капитализации, т.е. повышения стоимости активов территории) интеграцию в глобальный рынок.

Согласно этой «Концепции...» [13] в настоящее время в глобальном геоэкономическом пространстве формируется новая региональная иерархия — регионы-производители, регионы-посредники и регионы-финансовые центры. Несмотря на то, что перед регионами России поставлена задача не столько копирования успешного международного опыта, сколько встраивания в эту иерархию современной модели глобального мира, необходимо более подробно исследовать зарубежные модели пространственной организации, их опорного каркаса и структур, формирующих его узлы. Особое место среди «узлов» этого каркаса занимают промышленные регионы. В экономике России их доходы по-прежнему остаются основными в структуре ВВП нашей страны.

Генезис и эволюция ведущих отечественных и зарубежных научных школ пространственной экономики: краткий обзор. Среди ведущих мировых научных школ, помимо российской, мы выделяем британскую, итальянскую, французскую, американскую. Наименее известна французская школа пространственной экономики. Но нам удобно начать именно с нее, т.к. автор ее генезиса В.Н. Украинский [26] комплексно и системно отразил все обозначенные выше мировые школы. Поэтому проанализируем сначала его подход, в котором схема генезиса представлена в виде нескольких блоков. Согласно этой схеме, основой для формирования французской пространственной экономики (Ф. Перру, Ж. Будвиль, К. Понсар, Ф. Айдало и Ж.-К. Перрэн) послужили немецкая школа пространственной экономики (Й. фон Тюнен, А. Вебер, В. Кристаллер, А.Леш), классическая политэкономика и англо-саксонская региональная наука (Э. Гувер, У. Айзард). Современная же французская пространственная экономика формировалась в 1980-1990-х гг. на базе не только предшествующего направления, но и отразила на себе влияние нескольких параллельно сформировавшихся школ. Это итальянская школа промышленных округов, берущая начало от концепции А. Маршала, и которая во французской адаптации развита в «теории инновационных сред»; калифорнийская школа (А. Скотт, М. Сторпер, Р. Гордон), как продолжение англо-саксонской региональной науки; французский институционализм с его двумя течениями регуляционизм (А. Липец) и конвенционализм. Также отмечаем огромное влияние теории кластеров М.Портера, которая стала основой для разработки государственной программы «полоса конкурентоспособности» [26]. Междисциплинарность исследовательскому подходу на протяжении всего формирования пространственной экономики (не только французской, но и итальянской и др.) придает влияние блока наук о человеке, таких как география в лице П. Видаль де ла Блаш, П. Клаваль, социология в лице

Э. Дюркгейм, П. Бурдьё, история, представленная через школу «Анналов» (Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель). Из характеристики данного подхода следует, что истоками теории пространственной экономики является теория промышленных округов, наиболее полно представленная итальянской школой.

Мы достаточно подробно в своих ранних научных трудах исследовали по первоисточникам итальянскую теорию промышленных дистриктов [1, 2, 4, 12, 27, 28]. В отличие от В. Н. Украинского нами был сделан упор не на генезисе, а на этапах ее развития, которые кратко можно представить следующим образом. Теорию вопроса разработал классик итальянской школы Дж. Бекаттини. Опираясь на теорию «промышленных районов» А. Маршалла, он развил ее в теорию итальянских промышленных округов [1, 2, 27]. Итальянский концепт «промышленных районов» получил название «нео-маршаллианские (маршалловы) промышленные районы» («Marshallian industrial district») [27]. На современном этапе исследования феномена «промышленных округов» (этап возрождения) Дж. Бекаттини (G. Becattini) вместе с последователями (М. Белланди и Л.Дэ Проприс) пришли к выводу о развитии уже глобальных международных сетей. Молодые современные итальянские ученые, в т.ч. С. Брешчи (S. Breschi), Р. Морено (R. Moreno), Ф. Ф. Лиссонни (F. Lissoni) сосредоточили свое внимание на локализации знаний в региональных инновационных системах и их перетоке от центра к периферии [цит. по [22]].

На итальянскую модель промышленного района, только уже с точки зрения генезиса, пристальное внимание обратили Е. Г. Ефимова и С. А. Михальцов при изучении проблемы интернационализации его деятельности [16]. Они выделяют три основные направления развития научной мысли: классический подход, предложенный А.Маршалом; совокупность современных концепций, которые базируются на развитии коммерческих отношений, росте масштабов крупного бизнеса, ТНК начала XX века; третье направление – это фундаментальные работы по теории и практике итальянской модели промышленных районов. Основные идеи ученых данного направления представлены в схеме, которая разбита на шесть блоков. В центральном блоке представлен Дж. Бекаттини как основатель теории промышленных районов Италии, с ним напрямую связаны труды А. Маршала, так как они являются источником формирования его теории. В отдельный блок выделена группа ученых того времени, которые сосредоточили свое внимание на разнообразных аспектах, в т.ч: у В. Луца и А. Грацмани это малый и крупный бизнес, у Г. Мюрдаля и А. Хиршмана – интеграция отраслей, у А.Баньяско – социальные связи). Следующий блок, напрямую связанный с Дж. Бекаттини, представлен группой ученых - его последователей. Среди прочих к ним относятся К. Трилья (местный пул рабочей силы), Дж. Дей Оттати (традиции в социуме промышленного района), А. Калафати (сетевые структуры). Как мы видим из приведенной характеристики, каждый из ученых внес вклад в развитие теории промышленных районов со своей специфической стороны, начиная от типологии промышленных районов, их структура и заканчивая нормами и традициями). Несмотря на комплексность, недостатком предложенной схемы, на наш взгляд, является отсутствие взаимодействия всех представленных групп с другими науками, что представлено только на последнем этапе развития научной мысли. Как известно, вся итальянская научная школа отличалась междисциплинарностью научной мысли. Кроме того, не рассмотрен аспект инновационной деятельности промышленных регионов в условиях интернационализации знаний. Поэтому характеристика современной итальянской научной школы нуждается в отражении в ней современных концепций.

Российские ученые-регионоведы сформировали ряд научных направлений, связанных с оценкой, описанием тенденций социально-экономического развития регионов. Существенный вклад в развитие российской научной школы пространственной экономики внесла уральская школа регионалистов. Она представлена трудами А.И. Татаркина, О. А. Романовой, Е. П. Анимиды и др., которыми разработаны теории устойчивого развития промышленного региона, обеспечения его безопасности (экономической, экологической и т.д.), региональной саморазвивающейся социально-экономической системы.

Новые парадигмы и современные концепции пространственного развития промышленных округов. Новые условия мирохозяйственного взаимодействия потребовали перехода с линейной парадигмы восприятия экономических систем на пространственную, а также сосредоточения на новых факторах, особенно вызванных глобализацией. Так, например, на текущей стадии исследования феномена "industrial districts" итальянский ученый Дж. Бекаттини (G. Becattini) вместе со своими последователями М. Белландэ, Л. Де Проприс (M. Bellande, L. De Propriis) пытаются ответить на важный вопрос: каким образом промышленные районы должны "реагировать" на изменения в глобальной экономике? Ответы основаны на следующей теоретической платформе [1, 4]:

- глобализация, международные сети имеют непредвиденные факторы, которые могут препятствовать развитию экономики и внедрению инноваций;
- есть две основные тенденции, которые определяют динамику и эффективность развития района: инновационное научное знание (1) и развитие глобальных международных сетей (2);
- только те регионы, которые имеют сильные социально-культурные связи и глубоко укоренившиеся национальные обычаи и традиции, смогут сохранить свою «идентичность» перед глобализацией.

Анализ научных трудов молодых итальянских ученых [22] позволяет сделать вывод о том, что не столько Дж. Бекаттини, а именно они формируют новые современные концепции развития промышленных округов, которыми, как мы отметили выше, следует дополнить схему генезиса пространственной экономики и С. А. Михальцова и В. Н. Украинского. Научные идеи молодых ученых базируются, в основном, в области инноваций, передачи знаний, а именно:

- С. Брешчи, Ф. Лиссони (S. Breschi, F. Lissoni) специализируются в таких областях как локализованный переток знаний, география инноваций и инновационная среда, взаимосвязь университетов и фирм в перетоке знаний, средства присвоения знаний [22];
- Р. Каманьи, Е. Коссентино (R. Camagni, E. Cossentino) фокусируются на таких аспектах как обучающий и самообучающийся регион, инновационная среда [22];
- Р. Морено, Р. Пачи, С. Усаи (R. Moreno, R. Paci, S.Usai) – их область научных интересов это оценка роли локализованного знания и «поглощающей» способности в повышении технологического потенциала регионов на основе эконометрических методов, инновационная активность/деятельность, производство знаний, карта пространственного распределения инновационной и производственной деятельности Европы, пространственное измерение инновационной и производственной деятельности Европы [22].

В современной российской научной школе передовые позиции в теории пространственного развития заняла геоэкономическая парадигма [14, 20]. Построенная на ее основе концепция на первый план в качестве глобальных игроков мировой экономики выдвинула целый спектр новых пространственных образований (в терминологии Н. М. Сурниной) [23], новейших локальных структур (в терминологии Е. В. Сапир) [21]. Это и «большие пространства» (зоны свободной торговли, трансграничного сотрудничества, «приграничные территории») и «малые пространства (миры)» (технопарки, территории совместных интересов и др.). Все они обладают новым качеством, относительной целостностью и маневренностью [23]. Особое место среди локальных структур занимают структуры промышленного типа, в т.ч. промышленные районы. Поэтому, *в первую очередь* среди современных концепций, мы выделяем концепцию «промышленный округ как локальная структура в глобальном геоэкономическом пространстве» [21, 28].

Быстрыми темпами развивается концепция LSK (локализованного перетока знаний) [4, 22]. Изучение инноваций в пространстве связано с повторным открытием (пересмотра) понятия «района-региона». Сегодня он представляет интерес не как муниципалитет, а как пространственная инновационная система, сеть кластеров хозяйствующих субъектов, «локализованных перетоков знаний». Идея концепции состоит в том, что для компаний, работающих в непосредственной близости от

источника знаний проще и быстрее внедрять инновации, чем для конкурирующих фирм, расположенных в других местах. Авторы признают, что потоки знаний обладают агломерирующей силой, но ставят под сомнение стратегию объединения всех потоков под одной «крышей» LKS. В контексте экономики знаний современный район характеризуется следующим образом: наличие баланса сотрудничества и конкуренции ее субъектов; в пределах региона между ее субъектами доминируют нематериальные связи (информационные, финансовые и т.д.); границы рынка труда пересмотрены; происходит миграция знаний.

В основу региональных программ многих стран была положена теория «точек мирового роста» (в другой интерпретации – «полюса роста»). Она достаточно полно проработана в экономической литературе (как с точки зрения поддержки, так и серьезной критики), поэтому лишь напомним, что Ф. Перру понимал под ними «компактно размещенные и динамично развивающиеся отрасли промышленности, которые порождают цепную реакцию возникновения и роста промышленных центров в хинтерланде» [цит по: 29]. Такие «точки роста» призваны активизировать экономическую деятельность на основе адресных концентрированных инвестиций.

Классические модели пространственного развития: теоретический аспект. Среди множества моделей пространственного развития, по мнению большинства ученых, наиболее распространенными являются следующие [15, 17 и др]. В *первую очередь* отметим наиболее распространенную модель «центр – периферия», которая характерна для всех уровней - от глобального до регионального (с некоторой долей условности сюда можно отнести и модель «мир-системы» Э. Валлерстайна). Суть ее заключается в следующем. Основными элементами экономики как системы являются «зоны» (ограниченные ареалы концентрации экономической деятельности), которые взаимодействуют между собой посредством потоков ресурсов (товаров, информации, капитала и т.д.). Эти элементы различаются по уровню своего развития: те, что сосредоточены ближе к центру системы, имеют более высокий уровень развития, чем расположенные на ее окраине. Центр – это место зарождения различных видов нововведений, он характеризуется активной инновационной деятельностью и соответствующей ей средой. В рамках этой модели актуальным является аспект взаимодействия центральных регионов-районов и периферийных. С одной стороны, периферия, особенно ближняя, получает от центра сильные импульсы к развитию, но, с другой, деятельность центра обеспечивается на основе ресурсов периферии, которые приобретаются центром не всегда по справедливой цене, что увеличивает отставание периферии от центра по уровню развития. Одновременно в центре может быть одна (моноцентричная модель) или несколько зон (полицентричная), часть из которых, например, со старопромышленной направленностью или потерей ресурсной базы, вытесняется на периферию новыми современными отраслями промышленности и услуг, характерными для постиндустриальной стадии развития. Добавим к этому, что все воспроизводственные процессы на территории, в первую очередь, фокусируются в ядрах (центрах) экономики. Поэтому необходимо выявление подобных ядер в региональных и местных сообществах, которые являются инициаторами распространения импульсов социально-экономического развития на территории [23].

Импульсы, а также перемещение (передача на аутсорсинг) некоторых функций, особенно научно-исследовательских, от центра к периферии, характеризуют *другую* модель, которая получила название «диффузии нововведений» (перемещение их из зоны возникновения в другие локализации), подразделяемая на «диффузию перемещения» (миграция явлений, например культуры) и «диффузию расширения» (непосредственный контакт, например инноваций). В этой модели предметом исследований, как правило, являются каналы, скорость, интенсивность, расстояния и т.д. перемещения информации

Иным является подход С.И. Яковлевой [30]. Обобщение опыта использования разнообразных пространственных моделей в стратегиях социально-экономического развития российских регионов позволило ей объединить их в три тематические группы в зависимости от содержания моделирования:

- функциональные модели (специализированные зоны, ареалов, технопарки, техноцентры, промышленные (индустриальные) и туристические зоны и т.д.);
- каркасные модели (транспортные коридоры, оси развития, агломерации и города-ядра на базе инфраструктуры и др.);
- кластерные модели (территориальные комплексы с ядрами, ключевыми объектами и зонами развития конкурентоспособного предпринимательства, в т. ч. с активным участием государства, а также кластеры различных типов от инновационных до транспортно-логистических).

Поворот мирового развития к геоэкономической парадигме во многом предопределил появление целого спектра новейших локальных структур, качественно новое их содержание и широкую градацию масштаба. Наиболее полный их перечень изложен в работах Э.Г. Кочетова [14], Е.В. Сапир [21]. В качестве критериев стратификации ими выбраны пространственная конфигурация локальных структур, геоэкономическая ниша, характер и степень взаимовлияния и взаимодействия, образный строй локальной структуры. Среди основных ими выделены следующие пространственные модели локальных структур:

- территориально-хозяйственные районы (геоэкономические регионы, свободные экономические зоны, индустриальные районы, мировые города);
- трансграничные структуры совместного хозяйствования (геоэкономические широтные пояса, блуждающие интернационализированные воспроизводственные ядра, естественные экономические зоны);
- центры сосредоточения инновационных технологий (интеллектуальные долины, техногенные долины, технополисы, инкубаторы, технотрассы, технопарки);
- бизнес-структуры информационно-сетевого происхождения (цифровые города, сетевые системы, электронные центры, глокальные узлы).

Опираясь на подход Е.В. Сапир, мы развили концепцию «промышленный округ как локальная структура в глобальном геоэкономическом пространстве» и в свое время изучали «уральский индустриальный район» как локальную структуру [4, 27]. Основываясь на геоэкономической парадигме (экономические границы, их пульсация и т.д), мы рассматриваем «промышленный район» не как географически очерченную территорию, а как ареал стратегического оперирования с экономическими границами, сформированными национальными интернационализированными воспроизводственными цепочками, имеющими отображение своими различными институциональными структурами промышленного типа на страницах геоэкономического атласа.

На геоэкономическую парадигму опирается и концепция промышленного района как ИРЭС – интернационализированной региональной экономической системы [14, 27]. Геоэкономика (в отличие от геополитики, где основными игроками являются государства в их административных границах) новую панораму миру представляет следующим образом: «он опоясан гигантскими мировыми воспроизводственными конвейерами, на мировой хозяйственной карте четко просматриваются блуждающие инвестиционно-воспроизводственные ядра, которые в погоне за мировым доходом ежедневно перекомпоновывают мировую систему по экономическим границам» [14, с.285]. Этот бескровный передел мира привел к появлению нового класса государств – «стран-систем» [14, с. 285], под которым понимается государство, которое в целях устойчивого развития, успешной реализации своих геоэкономических интересов формирует «самостоятельную систему интернационализированных инвестиционно-воспроизводственных процессов» (далее «ИВ-процессов», «ИВ-ядер» [14, с. 324]. Если переложить такой подход на уровень региона («регион-система»), то району промышленного типа в модели ИРЭС можно дать следующее определение. Это локальная воспроизводственная система, основу которой составляют информационные и индустриальные высокоспециализированные производства, представленные различными институциональными структурами промышленного типа, отображенными (сконцентрированными) на сегменте локального геоэкономического атласа, и являющимися звеньями глобальных интернационализированных воспроизводственных

цепочек, экономические границы которых обозначают зону ее (системы) геоэкономического влияния (хозяйствования). Другими словами, под ИРЭС мы предлагаем понимать систему, которая имеет сформированную самостоятельную совокупность инвестиционно-воспроизводственных циклов (в рамках интернационализированной национальной экономической системы), где звеньями выступают локальные трансрегиональные (а на последующем этапе развития – транснационализированные) структуры с размещением их штаб-квартир на территории рассматриваемого региона, деятельность которых формирует его экономические границы.

Однако этим перечислением список моделей не исчерпывается. Например, в научных трудах Ю.С. Попкова [18] мы находим примеры таких *избранных* моделей пространственной макроэкономики как энтропийная декомпозиция, модель экономических систем, обменивающихся инвестициями, особые стационарные состояния.

Модели пространственного развития промышленных округов: внешнеэкономический аспект (на примере Европы). Мировая практика накопила достаточный опыт функционирования подобных структур. Для *Германии* характерна классическая кластерная модель регионального пространственного развития со следующими отличительными чертами [5]:

- концентрация кластеров в определенных регионах страны;
- концентрация инновационной активности в определенных регионах страны;
- наличие в кластерах всех аспектов кластерной модели: доминирование крупной (одной или нескольких) компании, наличие связанных с ней вспомогательных средних и малых компаний, их пространственная близость, поддержка государственными институтами, сотрудничество с университетами и научными институтами, обмен информацией, знаний, опыта, здоровая конкуренция; что касается акторов кластера немецкой модели, то надо подчеркнуть их не просто формальное присутствие, а активное участие и взаимовыгодное сотрудничество с другими участниками (их отличает хорошая организованность и отлаженность действий);
- в некоторых кластерах присутствует большое число микро-компаний с владельцем, разработчиком и исполнителем в одном лице (в этом случае, чтобы оставаться конкурентоспособными, они держать при себе свои разработки и не очень охотно ими делятся, что затрудняет процесс перетока инноваций и знаний; но, с другой стороны, узнав о каких то разработках, другие фирмы займутся созданием своего инновационного продукта для решения тех же задач);
- некоторые фирмы с простым производственным процессом смешаются к производителям с низким уровнем заработной платы;
- в высокотехнологических кластерах все более важным является присутствие больших и малых инжиниринговых, консалтинговых, управляющих компаний (т. н. «наукоемкие интенсивные бизнес услуги» с 10 до 5000 специалистами с высшим образованием);
- многие крупные компании-лидеры кластеров включены в цепочку создания мирового дохода (например, особенно автомобильного кластера Штутгарта является тот факт, что 70-80% современных автомобилей разрабатываются и производятся огромным количеством поставщиков, расположенных в автомобильной области Штутгарт, а также в других регионах Европы, США и Азии).

Для промышленности *Финляндии* также характерна кластерная модель. Специалистами Института исследования экономики Финляндии (ETLA) [3] были идентифицированы девять основных кластеров, которые неравноценны и, например, С. Ф. Сутырин и П. Н. Филиппов разбили их на четыре типа [24]:

- сильный, для которого характерна эффективная структура кластера, отражающая важнейшие этапы производственного цикла, высокая конкуренция и активное взаимодействие между участниками создают устойчивые конкурентные преимущества (лесной, информационный и телекоммуникационный);

– устойчивый, в котором структура кластера стабильно развивается, наблюдается активное внутрикластерное взаимодействие, но к настоящему моменту времени пока критическая масса производственного потенциала для получения значительных преимуществ от агломерации не накоплена (машиностроительный, металлургический, энергетический);

– потенциальный имеет фрагментарную структуру, но которая все же развивается (здравоохранение, бизнес-услуги);

– латентный, в котором не хватает устойчивых коммуникативных взаимосвязей, хотя отдельные элементы структуры кластера присутствуют (пищевой, строительный).

Наиболее известны компании Nokia, Elisa Communications, Sonera, Elcoteq, Tellabs, Perlos, UPM-Kymmene, Metsaliitto Group, Ahlstrom, Myllykoski, Vapo, RaisioChemicals, KemiraChemicals, FinnishChemicals. В число ведущих фирм финских кластеров входят производственные и сервисные подразделения ряда крупных транснациональных компаний, таких как «Eriksson», «Siemens», «Fujitsu», «IBM». Обобщение аналитических исследований позволяет выделить следующие основные особенности пространственного развития кластеров:

– основными торговыми партнерами являются ближайшие соседи - Швеция, Германия, Россия;

– территориально Финляндия больше всего граничит с Северо-Западом России, многие финские кластеры ведут свою деятельность в смежных с Россией областях экономики и их продукция часто дополняет друг друга (большая разница в стоимости рабочей силы в Финляндии и России выгодна обеим сторонам и эти факторы могут способствовать созданию совместных кластеров);

– серьезной проблемой для Финляндии остаются относительно высокие издержки производства в ряде традиционных для неё отраслей экономики, что на фоне глобализационного процесса снижает конкурентоспособность традиционных экспортных финских товаров и услуг; тем не менее, финские компании активно интернационализируют свою деятельность.

В качестве примера приведем фармацевтическую компанию «Орион», которая перенесла части производственного цикла в Россию. В Ленинградской области действует завод компании «Нокиан Тайерс» по производству автомобильных шин. Собственное производство в России имеют предприятия пищевой промышленности – «Атрия», «Валио», «Фацер». Металлургическая компания «Раутаруукки» имеет собственные производственные мощности по выпуску металлических строительных конструкций, а также исследовательский центр в России. Энергетический концерн «Фортум» реализует в России крупнейшую инвестиционную программу. Всего, по оценкам Финско-Российской торговой палаты и инвестиционного агентства «Helsinki Business Hub», в России работает от 600 до 650 финских компаний [6, 25].

Наиболее продвинутой в пространственном развитии промышленных районов, на наш взгляд, является **Италия**, продемонстрировавшая миру экономический феномен «Третьей Италии» (наиболее известен регион Эмилия-Романья (Emilia Romagna). С точки зрения промышленных районов экономика Италии выглядит следующим образом (данные приведены по состоянию на начало 2013 года) (табл. 1). Анализируя данные, мы можем сделать следующие выводы. Во-первых, юг Италии и острова имеют больший процент от числа зарегистрированных компаний, потому что географически они имеют гораздо большую территориальную протяженность и характеризуются широким распространением микро-предпринимательства. Во-вторых, если мы посмотрим на процент компаний-производителей, то увидим, что они составляют 22,9% на юге Италии и островах и 32,5% на северо-востоке, а северо-запад вместе с северо-востоком дают 54,8% всех производственных компаний.

Таблица 1. Число зарегистрированных компании во всех промышленных районах Италии [4, 8]

Район	Общее число предприятий	В т.ч. : производственные предприятия	В т.ч. ключевой бизнес*
	<i>Абсолютные значения / в процентном отношении</i>		
Северо-запад	38,724 / 13.9	38,470 / 22.3	21,366 / 32.1
Северо-восток	88,694 / 31.9	56,105 / 32.5	41,929 / 20.3
Центр	40,991 / 14.8	38,714 / 22.4	27,283 / 45.6
Юг и острова	109,400 / 39.4	39,515 / 22.9	35,404 / 1.9
Италия	277,809 / 100.0	172,804 / 100.0	126,018 / 100.0

* Ключевой (core) вид деятельности - "традиционный" сектор (например, производство мебели в районе, специализирующемся на производстве мебели).

В-третьих, будущее Италии определяется инновационными промышленными районами. В их число входит район Апулии⁹, который специализируется в аэрокосмической области. Его присутствие в авиационной промышленности начинается с 1934 года, когда группа богатых жителей региона основала компанию SACA, чтобы оказывать материально-техническую помощь авиакомпании ALA. В те годы была налажена связи с Грецией и Турцией с прямыми рейсами в Бриндизи (важный город региона Апулия). В начале 1970-х гг. Alenia в городе Фоджа и Гротталье создает заводы по сборке структур для самолетов, крупногабаритной сборке композитного материала для нового самолета Boeing. В 2006 году началась новая волна процветания района, была разработана стратегия развития, представлены различные инициативы и началась агрегация нынешних ее членов. Области специализации промышленного района Апулия: производство оборудования и отдельных деталей; термическая обработка алюминия и стали; промышленное тестирование; интерьеры воздушных судов; рулевое управление и мониторинг на основе космических технологий; планетарные исследования; передовые сенсорные системы. Структура промышленного района представлена следующими элементами:

- группа 1 - Крупные предприятия (AleniaAeronautica, Agusta Westland, Avio, SSI, ElsagDatamat, DEMA, TELCOM);

- группа 2 - Научно-исследовательские институты (государственные и частные) (Университет Саленто, Университет Бари, Политехнический университет Бари, Aeneas, CNR, консорциум OPTEL, консорциум Setma, лазерный центр, исследований центр Цитадель);

- группа 3 - учреждения и ассоциации (Конфиндустрии Апулия, AIAD (ассоциация по аэрокосмической и оборонной промышленности), местные органы власти провинции и муниципалитета Бриндизи, C.I.S.L. Апулия, U.I.L. Апулия, C.G.I.L. Апулия);

- группа 4 - малые и средние предприятия (далее МСП).

Анализируя данные по Италии, мы выделяем следующие особенности модели функционирования ее промышленных (индустриальных) районов:

- высокая плотность малых предприятий на ограниченной территории, что формирует низкие издержки коммуникаций;

- их высокая специализация на отдельных стадиях производства;

- баланс соперничества и кооперации (присутствие большого числа предприятий со схожей специализацией позволяет говорить о высоком уровне внутренней конкуренции);

- высокий уровень предпринимательства, в т.ч. ремесленного при эффективной и разносторонней поддержке органов местного самоуправления, особенно в области строительства инфраструктуры для предпринимателей;

- интенсивное использование местной рабочей силы;

- коллективный выход на внешний рынок.

⁹ Некоторые данные по промышленному району Апулии: площадь - 19,345 км²; население - 4.090.266 жителей; количество компаний - 8 269 (в 2012 году); число занятых - 30 605 (2011 г.); экспорт - 2 674 млн. евро (2012 г.)

Е.Г. Ефимова и С.А. Михальцов [16] сосредоточили свое внимание на внешнеэкономическом аспекте современного пространственного развития европейских локальных производственных систем (на примере промышленных районов Италии как частной формы такой системы). Наша точка зрения, сформированная на базе собственных исследований [4, 12, 27, 28], совпадает с их позицией, что интернационализация производственных процессов вовлекает промышленные районы (в т.ч. Италии) в глобальные производственные системы (интернационализированные воспроизводственные конвейеры, глобальные сетевые структуры). В ходе перманентного встраивания (интеграции) в них отдельных производственных стадий, местные предприятия промышленных районов формируют пространственную структуру бизнеса. Обобщая результаты исследования указанных ученых, вырисовывается следующая модель пространственного развития (назовем ее «модель интернационализации»). Ядром модели является система отношений местных производителей-предприятий с зарубежными ТНК (в результате такого взаимодействия промышленный район как место размещения местных предприятий приобретает особую позицию в глобальной воспроизводственной системе (далее ГВС), что является фактором его экономического развития). Именно потребности ТНК, ГВС формируют спрос на национальные звенья. Такой спрос, на наш взгляд и является фактором пространственного развития (перемещение элементов местной производственной системы в другие страны) и определяет конфигурацию пространственной модели промышленного района.

В качестве показательных примеров пространственного развития промышленных районов Италии мы выбрали следующие:

1. Промышленный район Монтебеллуна (производство спортивной обуви и аксессуаров) за последние 30 лет заметно интернационализировал производство. В 2014 г. он достиг размера экспортной квоты в 78%. Пространственное развитие (внешнеэкономический аспект) началось в 1974 г., когда семейная компания Caberlotto продала товарный знак «Cabet» американской ТНК Spadling. Далее последовала череда слияний и поглощений ТНК локальных компаний, расположенных в промышленном районе Монтебеллуна, включая и сделки с национальными ТНК (в частности, с Benetton group). В разные периоды времени заключались контракты на научно-техническое сотрудничество, проектирование и дизайн продуктов между компаниями IP и ТНК, в число которых входят Asics, Rockpor, Reebok, Intersport, и др. [16].

2. Еще одним ярким примером пространственного развития (внешнеэкономический аспект) является керамический промышленный район Сассуоло (регион Эмилия Романья) с множеством частных компаний, где лидером является Marazzi Group. Компания Марацци (Marazzi Ceramiche) была основана в 1935 году как семейный бизнес в Сассуоло. В 40-70 годы благодаря взаимовыгодному сотрудничеству компаний в промышленном районе происходит бурное развитие технологий и улучшение производства, условий труда, модельного ряда продукта. В 1980-х годах начинается процесс международного развития, строится завод в Испании и в Америке. В 1990-х были достигнуты важные соглашения по сотрудничеству с керамическими районами Франции. В период 2003 – 2005 строиться завод и в России, например, в г. Орел. Таким образом, изначально являясь частной, компания Marazzi Group превратилась в крупную международную компанию, лидера на мировом рынке керамической плитки с признанным во всем мире брендом. В 2013 итальянская керамическая компания Marazzi Group была приобретена ведущей американской компании Mohawk. Marazzi Group получает значительные инвестиции от головной компании, что позволило в 2015 г. приобрести еще и завод в Болгарии¹⁰.

Оценивая возможность использования опыта Италии в России, Е.Г. Ефимова и С.А. Михальцов [16] пришли к отрицательному результату и объяснили это тем, что в экономике итальянских промышленных районов доминируют малые и средние предприятия (МСП).

¹⁰ Составлено на основе личного опыта консалтинговой деятельности в компании Марацци (Италия), а также по данным сайта компании [6]

Для подтверждения этого вывода выполним сравнительный анализ МСП как фактора пространственного развития локальной производственно системы промышленного типа (табл. 2).

Таблица 2. Сравнительная характеристика роли МСП в развитии страны (фрагмент)¹¹

Показатели	Италия			Россия		
	2013	2014	2015	2013	2014	2015
ВВП на душу населения, \$ на чел.	35704	35240	29870	15531	13873	9054
Количество патентов на душу населения, шт.	25633	23042	20581	11965	18331	10994
Уровень безработицы, %	12,13	12,64	11,89	5,50	5,20	5,58
Коэффициент общей демографической нагрузки (на 1000 лиц трудоспос. населения)	654	673	694	665	685	705
Доля МСП в ВВП страны, %	55	70	80	19,8	22,1	24,8
Доля МСП в общей занятости, %	71	89,1	92,5	21,5	25	25,3
Доля МСП в количестве предприятий, %	84	90,1	95,8	34	35,1	35,7
Доля занятых в МСБ, %	77,4	85,3	95,2	27,5	34,1	45,2
Доля кредитов МСБ за год, %	19,3	22,4	32,4	22,9	24,6	25,2

Составлено по: www.statista.com и www.gks.ru

Из данных таблицы видно, что показатели, характеризующие МСП по этим странам, существенно отличаются друг от друга, что подтверждает заключение С.А. Михальцова. Однако не только МСП является фактором успешного пространственного развития Италии. Поэтому рассмотрим иные модели пространственного развития. Их множество, на наш взгляд, можно объяснить в частности неоднозначностью трактовки понятий «регион» и «пространственное развитие». Так, например, Н.М. Вергун [9] под пространственным развитием понимает участие в региональных интеграционных объединениях, в т.ч. европейских (обозначим ее как «модель интеграции»).

В современном европейском контексте понятие «пространственного развития (Spatial Development)» обозначает комплекс организованных действий по управлению элементами и связями территорий, систему действий и политик, направленных на оптимизацию происходящих пространственных изменений (развития) [19]. Опираясь на ряд документов, в т.ч. европейскую концепцию пространственного развития (ESDP), «Основопологающие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента» (принципы СЕМА¹² Н.М. Вергун подчеркивает, что «логическим этапом общеевропейского интеграционного процесса стало стремление проводить скоординированную пространственную политику, ключевую роль в которой призвано сыграть *выходящее за национальные рамки транснациональное и трансграничное сотрудничество* (выделено нами) между государствами-членами Совета Европы и особенно между регионами и муниципалитетами» [9]. В основе полицентричной модели развития лежит видение Европы как «Европы регионов». Анализ упомянутых документов позволяет нам предположить, что

¹¹ Таблица подготовлена Пономаревой К. (ВШЭМ, УрФУ)

¹² Для прояснения и уточнения этой позиции подчеркнем, что пространственное развитие осуществляется в Европе по двум основным линиям: не только по линии Европейского союза вокруг ESDP, но и по линии Совета Европы вокруг СЕМАТ [19]

под пространственным развитие самого интеграционного объединения (Европейского Союза) понимается его расширение. По мнению Н.М. Вергуна, некоторые элементы стратегии пространственного развития этой модели могут быть применены в условиях глобализации и российскими регионами.

Рассмотренными подходами перечень моделей пространственного развития не исчерпывается. Однако и по ним можно сделать некоторые **заключения**. Пространственный подход позволяет перейти от линейному к объемному восприятию мира на современном этапе его развития. Обобщение зарубежного опыта, проведение сравнительного анализа пространственного развития промышленных округов ведущих европейских стран дает возможность выявить новые факторы развития традиционных и новых структур мировой экономической системы. Одной модели не существует, у каждой есть свои плюсы и минусы. Каждой соответствует свое пространство. Поэтому на основе существенных признаков необходимо провести их типологизацию и обозначить условия, при которых та или иная модель наиболее эффективна.

Литература

1. *Becattini G. Critical Nodes and Contemporary Reflections on Industrial Districts / G. Becattini, M. Bellandi, L. De Propris. // Regional Responses and Global Shifts: actors, institutions and organizations. Regional studies association annual international conference, 2010* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.regional-studies-assoc.ac.uk/events/2010/may-papers/papers/Becattini.pdf> (Дата обращения: 21.08.2016)
2. *Becattini G., Rullani E. Local Systems and Global Markets / G. Becattini, E. Rullani* [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dse.unifi.it/becattini/frame.htm> (Дата обращения: 21.08.2016)
3. ETLA: официальный сайт Института исследования экономики Финляндии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.etla.fi/> (Дата обращения: 21.08.2016)
4. Frolova E. D. Changes in industrial districts development in conditions of knowledge spillovers (Italian case) / E. A. Frolova, E. D. Frolova // *Economy of region. № 3. 2014. pp. 182-191.*
5. Hahn R. Regions and Clusters as models for economic innovations and growth ? / R. Hahn // *Материалы международной конференции «Новые тенденции в экономике».* Екатеринбург: УрФУ, 2012г.
6. Helsinki Business Hub: инвестиционное агентство [Электронный ресурс]. URL: <http://www.helsinkibusinesshub.fi/> (Дата обращения: 21.08.2016)
7. Marazzi Group: official site [Электронный ресурс]. URL: <http://www.marazzi.it/azienda/storia/> (Дата обращения: 11.05.2015)
8. National Observatory of Industrial Districts: Report 2014 of National Observatory of Industrial Districts [Электронный ресурс]. URL: <http://www.osservatoriodistretti.org/> (Дата обращения: 21.08.2016)
9. *Вергун Н.М. Европейская стратегия пространственного развития в условиях глобализации и ее применимость для развития российских регионов / Н. М. Вергун // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия Экономика. № 03. 2009. Сс. 189-201.*
10. Гранберг А. Интервью о пространственной экономике. [Электронный ресурс]. URL: http://www.logistics.ru/9/1/i20_1392.htm (Дата обращения: 20.08.2016)
11. Гранберг А.Г. Пространственная экономика в системе наук [Электронный ресурс]. URL: <http://refleader.ru/jgeotmerotrjge.html> (Дата обращения: 20.08.2016)
12. *Кожевников К.И. Формирование интернационализированной воспроизводственной системы промышленного региона как условие его устойчивого развития / К.И. Кожевников, Е.Д. Фролова // Проблемы устойчивого развития социально-экономических систем. М.: Экономика, 2012.*

13. Концепция пространственного развития в РФ. Приложение к докладу "Россия. Пространственное развитие" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/evolution/development/supplement/> (Дата обращения: 20.06.2016)
14. *Кочетов Э.Г.* Геоэкономический (глобальный) толковый словарь. Основы геоэкономических технологий современного бизнеса / Э.Г. Кочетов. Екатеринбург: Уральский рабочий, 2006.
15. *Мироненко Н.С.* Введение в географию мирового хозяйства: международное разделение труда: учеб. пособие для студентов вузов / Н. С. Мироненко. - М.: Аспект Пресс, 2006.
16. *Михальцов С.А.* Интернационализация промышленных районов Италии в конце XX – начале XXI вв. // Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к.э.н.: 08.00.14. Санкт-Петербург, 2016.
17. *Наумов А.С.* География населения и хозяйства мира: учебное пособие. Учебная серия: Шаг за шагом. География / А. С. Наумов, В. Н. Холина. - М. Изд-во гимназии Открытый мир, 1997.
18. *Попков Ю.С.* Макросистемные модели пространственной экономики. - М.: КомКнига, 2008.
19. Пространственное развитие [Электронный ресурс]. URL: <http://vasilievaa.narod.ru/mu/csipfo/kpr/frames/guide/spatdevelopment.htm> (Дата обращения: 19.08.2016)
20. *Савона П.* Геоэкономика. Господство экономического пространства: пер. с ит. / П. Савона, К. Жан. - М., 1997.
21. *Сапир Е.В.* Геоэкономическое измерение локальных систем: теория и методология глобально-локального анализа / Е.В. Сапир; под общ. ред. Э.Г. Кочетова. - Ярославль: ЯрГУ, 2004.
22. Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и потоки знания / Отв. ред. А. Н. Пилиясов. - Смоленск: Ойкумена, 2012.
23. *Сурнина Н.М.* Пространственная экономика (Теоретико-методологическое и научно-практическое исследование): Дис. ... д-ра экон. наук: 08.00.05. Екатеринбург, 2003.
24. *Сутырин С.Ф.* Кластеры конкурентоспособности Финляндии / С. Ф. Сутырин, П. Н. Филиппов // Вестник Санкт-Петербургского государственного ун-та, серия 5. Вып. 1 (№ 5). - С. 71-78.
25. Торговое представительство РФ в Финляндии [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusfintrade.ru/> (Дата обращения: 21.08.2016)
26. Украинский В. Н. Современная французская пространственная экономика: теория близости и типологизация локализованных экономических систем / В. Н. Украинский // Пространственная экономика. № 2(26). 2011. Сс.92-126.
27. *Фролова Е.Д.* / Развитие локальных структур промышленного типа в глобальном геоэкономическом пространстве / Е.Д. Фролова, И.А. Родионова, Е.А. Фролова // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2012. № 6. - С. 37-49.
28. *Фролова Е.Д.* Функционирование индустриального района в глобальном геоэкономическом пространстве: инфраструктурный аспект: монография / Е.Д. Фролова. - Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007.
29. *Эльканов Р.Х.* Полюса развития и точки роста инновационной экономики: отечественный и зарубежный опыт / Р. Х. Эльканов // Современная наука. Серия экономика и право. № 2. 2012
30. *Яковлева С.И.* Пространственные модели в стратегиях социально-экономического развития регионов России / С. И. Яковлева // Псковский регионологический журнал. № 17. 2014. - С. 3-15.

ПРИОРИТЕТЫ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА

В конце XX в. ведущие державы мира вступили в качественно новый – постиндустриальный – этап развития своих производительных сил, получивший еще и другое название – «экономика, основанная на знаниях» (англ. – know ledge-based economy). Место страны в мировой экономической таблице о рангах стало определяться прежде всего уровнем развития науки и созданным ею научно-техническим потенциалом, а такие традиционные для индустриальной эпохи показатели, как размер территории, объем материального производства, обеспеченность природными и трудовыми ресурсами, отошли на второй план. Изменилась сама природа конкурентоспособности стран мира. Она все в большей мере определяется не столько естественными, сколько приобретенными, сознательно созданными конкурентными преимуществами: уровнем квалификации рабочей силы, знаниями, технологиями, инновациями – все это в совокупности позволяет создавать инновационные продукты и технологии. Обозначилось немало и совершенно новых процессов и качественных макросдвигов иного порядка в мировой системе; возникло представление о совокупности так называемых «переходов». Она включает не только давно замеченный специалистами демографический переход, вслед за которым идет экологический [1], но и урбанистический. Последний, состоявшийся, согласно данным ООН, в 2008 г. означает однозначное лидерство в мире городских формаций, в том числе и как общепланетарной платформы, опорного каркаса экономического развития¹³. Все это и многое другое позволяет идентифицировать начало XXI в. как преддверие бурных глобальных преобразований...

Познание современных трендов и различного рода трансформаций мирового хозяйства – актуальная и важная теоретическая и прикладная задача, означающая консолидацию усилий в рамках глобальных по масштабу междисциплинарных исследований. В русле этого генерального вектора должны решаться и конкретно-научные задачи монодисциплинарных исследований. Для экономико-географов одновременно и «заповедным полем», и одной из традиционных ключевых задач является изучение движущих сил и конкретных сдвигов в отраслевой и пространственной организации, как отдельных национальных экономик, так и мирового хозяйства в целом. Тем более, что территориальная структура последнего, отличаясь в целом существенно более высоким по сравнению с другими видами структур уровнем инерционности, на этапе углубления глобализации выказывала существенно усложняющуюся динамику изменений [10].

До последнего времени глобализационные процессы определялись как устойчивые, преимущественно позитивные, как безальтернативное поле, в котором велись все географические исследования мировой экономики. Но на нынешнем витке стало очевидно, что процесс глобализации носит далеко не линейный характер, сильно зависит от геополитической ситуации, фазы «длинных» и иных циклов в мировом хозяйстве, географического положения, структуры экономики стран и регионов («трения пространства»). Возможны «попятные» движения, вызванные мировыми кризисами и попытками отгородиться от негативных и непредвиденных последствий глобализации, ее

¹³ В данном случае любопытно отметить смену вектора «городских» исследований на кафедре географии мирового хозяйства Московского университета имени М.В. Ломоносова. Если в конце 1990-х – начале 2000-х годов явно преобладает направление в русле классической географии населения с созданием комплексных характеристик крупнейших городских центров мира [2–4 и др.], то затем появляется немало трудов принципиально нового содержания. На стыке разработок геурбанистики и глобального экономического развития город в оболочке мирового центра трактуется уже не только и не столько как «национальное достояние», а как участник многих международных дел [5–9].

торможение и дестабилизация. Эти явления хронологически совпадают с наступлением эпохи «мирохозяйственного перехода» и формированием многополярного мира.

Стык процессов порождает все новые явления и тенденции, включая, например, такой совершенно неожиданный феномен как «закрытие» территории. Под ним подразумевается воздвижение барьеров, в том числе и физических, на протяжении десятков тысяч километров международных границ, основанных на стремлении более полно контролировать товарные, финансовые, а иногда и информационные потоки; ограничить международные миграции и защитить национальное экономическое пространство от «излишней» конкуренции. Одна из важных причин новой «закрытости» – ускорение и при этом усиление турбулентности и неопределенности сценариев общественного развития, усиление рисков и угроз, растущая политическая фрагментация и диверсификация современного мира. Это проявляется, с одной стороны, в расширении территорий, в течение длительного времени не контролируемых легитимными правительствами, увеличении влияния сепаратистских движений, локальных конфликтах, дестабилизации демократических режимов, подрыве общепринятых норм международного права; а с другой – в многообразии форм и степени успешности экономического развития. В ряде случаев укрепляются тенденции к формированию «закрытых» региональных группировок.

Надо отметить, что в последние годы появилось немало публикаций, посвященных соотношению в мировом хозяйстве процессов глобализации и регионализации, причем нередко эти процессы противопоставляются [11]. Подобное противопоставление – скорее следствие их упрощенного понимания. В рамках такого подхода регионализация трактуется как процесс, идущий главным образом «сверху», т.е. через механизмы преференциальных торговых соглашений в различных их формах [12, с. 26]. При этом глобализации отводится роль процесса, развивающегося преимущественно естественным путем «снизу» – с ТНК в качестве главных его проводников при содействии международных экономических организаций (МВФ, ВТО и др.), которые способствуют либерализации международного перемещения товаров, услуг и капиталов. Подобное понимание не совсем верно. Процесс регионализации тоже в значительной степени «подталкивается» снизу, так как ряд отраслей в силу своих технико-экономических особенностей тяготеет к концентрации на региональном уровне. Неоспорим тот факт, что тенденция к региональной концентрации производства усиливается, например, благодаря преференциальным торговым соглашениям, однако либерализация мирохозяйственных связей в глобальном масштабе тоже может ее усиливать¹⁴.

Таким образом, более правильным выглядит представление о процессах глобализации и регионализации как о двух сторонах одной медали. Регионализация, или процесс организации производств и рынков в пределах определенного региона, представляет собой проявление процесса глобализации на региональном уровне. Потому эти два процесса имеют много общих черт: увеличение потоков прямых зарубежных инвестиций, создание трансграничных цепочек добавленной стоимости, рост числа слияний и поглощений компаний и пр. Просто на региональном уровне в силу географической близости, культурно-исторической общности и прочих факторов названные процессы зачастую идут более интенсивно. Кроме того, на региональном уровне в силу местных особенностей глобализация нередко приобретает некоторые специфические черты: отнюдь не случайно даже появился термин «глокализация» [14, с. 72].

На этом фоне в контексте преодоления «тупики» и поиска новой парадигмы развития глобальной экономики, в том числе пространственной, особую актуальность и значение получают многие теоретические и прикладные задачи изучения мирового хозяйства с позиций отечественной школы социально-экономической географии [15–17]. Остановимся на некоторых из них, представляющих с нашей точки зрения особый интерес:

¹⁴ Это хорошо иллюстрируют примеры многих отраслей глобальной экономики, в частности, развития мировой швейной промышленности [13].

В существенной ревизии нуждается основополагающее для науки понятие территориального разделения труда, а также всеобъемлющая оценка соотношения реальных сил ключевых акторов мирового хозяйства. В системе международного разделения труда в эпоху глобализации сложились взаимодействия в двух различных по природе «мировых» полях: в международном, отражающем торговые связи между государствами, и в транснациональном, отражающем связи в транснациональных структурах и сетях [18]. Выступая в современных условиях в качестве авангарда сдвигов в глобальной экономике, именно крупнейшие страны и ТНК способны задать генеральный вектор на перспективу мирохозяйственного развития: либо продолжение глобальной интернационализации, либо развитие вспять, сворачивание в сторону региональных и локальных территориальных процессов. Поэтому особую актуальность и научно-практическое значение получает детальный географический анализ роли и трансформационных возможностей в мироустройстве, с одной стороны, стран-гигантов, а с другой – крупнейших корпораций мира. Первые выступают как реализаторы внутривосточных, национальных ресурсов, интересов и амбиций с учетом международных условий и отношений; вторые – как реализаторы сугубо частных экономических интересов, предоставляемых процессом глобализации либо регионализации.

С позиций географических мирохозяйственных исследований среди стран-гигантов приоритетный интерес вызывает, безусловно, Китай, который в условиях глобализации стал «мировой фабрикой»¹⁵ и в 2014 г., по данным МВФ, по объему ВВП по паритету покупательной способности (17,6 трлн долл.) вышел на первое место в мире [19]. По ВВП (по валютному курсу) он уступает лишь США. Именно Китай определяет рост мировой экономики. При темпах прироста ВВП на 7,4% (14-е место по данным CIA [20]), он обеспечивал около 30% мирового прироста ВВП (2014 г. к 2013 г.). Снижение темпов экономического роста в 2015 г. до 6,9% вызвало серьезную обеспокоенность в мире, поскольку даже небольшие изменения в динамике роста китайской экономики оказывают влияние на состояние многих мировых товарных рынков, снижают спрос на сырьевые товары, усиливают неустойчивость развития мировой экономики. Тем не менее, в 2015 г. увеличение объема ВВП в стране обеспечил 25% прироста мировой экономики. Не менее значимо место Китая в потреблении продукции, произведенной как в самой стране, так и за ее пределами. Растущие доходы огромного населения позволяют постепенно осуществить переход от внешнеориентированной модели к модели, ориентированной на внутренний спрос, который обеспечивается как производством внутри страны, так и импортными поставками. Рост емкости внутреннего рынка способствует сохранению привлекательности Китая для ТНК, несмотря на некоторую потерю конкурентных преимуществ из-за быстрого роста заработной платы работников.

Следствием стремительного развития этой страны – одного из главных полюсов роста – стало усложнение пространственной структуры мирового хозяйства, переход от дихотомии Центр–Периферия к расширению и росту значимости Полупериферии. Та роль, которую возложил на себя Китай в глобальной экономике, трансформирует всю хозяйственную структуру стран мира. Одна из главных тенденций мировой экономики – ее терциаризация, характерная для стран, находящихся на постиндустриальном этапе развития. Сохранение высокого уровня потребления в этих странах обеспечивается, прежде всего, импортом из Китая, взявшего на себя производственные функции. Включение Китая в формирующиеся цепочки добавленной стоимости определяется особенностями ведения вертикальной торговли со странами мира. Переход его на более высокие ступени цепочек добавленной стоимости, специализация на производстве высокотехнологичной продукции при росте заработной платы ведет к частичному переносу трудоемких производств в менее развитые

¹⁵ Китай обеспечивает весь мир разнообразной продукцией, в первую очередь продукцией с высокой долей труда в структуре затрат. На него приходится около 40% мирового производства компьютеров, 60% – мобильных телефонов, более 1/3 мирового рынка одежды и т.д.

азиатские страны. Таким образом, Китай играет роль локомотива включения в международное разделение труда развивающихся стран¹⁶.

Большой интерес, в отличие от традиционного для географии страноведческого направления, вызывает исследование в рамках корпоративной географии – формирующейся новой научной области в общественной географии. ТНК – мощные акторы глобальной экономики, представляя собой наднациональную форму организации и в неявной форме конкурирующие со странами, оказывают колоссальное и все большее влияние на мировую архитектуру. Они на протяжении длительного времени устойчиво занимают более 2/5 мест в списке ста крупнейших экономик мира, обеспечивают около 1/2 мирового промышленного производства и, выступая ключевым организующим звеном, жестко контролируют многие глобальные рынки [12, 21].

Основная цель корпоративной географии как потенциального подразделения географии мирового хозяйства – раскрытие пространственной обусловленности и выраженности транснационализации мировой экономики. Одна из важнейших ее задач – выявление воздействия географических условий, социально-экономических предпосылок и технико-экономических факторов развития транснационализационных процессов производства и других видов деятельности, формирующих их современную и будущую глобальную социально-экономическую географию. Вторая задача – выявление территориальных различий транснационализационного процесса в целом, обусловленных влиянием многих факторов, в том числе географических. Главными пространственными объектами анализа при этом являются не традиционные для экономической и социальной географии страны и регионы, в которых складываются основополагающие отраслевые, территориальные и организационные структуры хозяйства мира, а многоцикличный рисунок взаимодействия территориально-отраслевых структур ТНК в глобальном масштабе. Третья задача – изучение генезиса и территориально-организационной структуры конкретных корпораций и их особенностей в зависимости от страны происхождения, отраслевой специализации, производственной и рыночной стратегии, характера взаимоотношения между компаниями разных стран. Наконец, четвертая важнейшая задача корпоративной географии – всесторонний пространственный анализ разветвленной и всеохватывающей системы международных внутри- и межфирменных потоков товаров, услуг, инвестиций, информации, инноваций, рабочей силы и т.д. Географическое исследование трансграничных хозяйственных связей на уровне ТНК может наиболее полно раскрыть особенности интернационализации и глобализации, либо при известном стечении обстоятельств – регионализации мировой экономики [22].

Глобализация и инновационное развитие, включая теснейший блок производства и науки¹⁷, привели, как известно, к глубоким изменениям в отраслевой структуре мирового хозяйства, главным из которых стала сервисизация экономики. Однако, не подлежит сомнению, что развитие промышленности является решающим фактором для достижения высокой производительности и эффективности всего экономического механизма. Более того,

¹⁶ Как инструмент усиления влияния в мире можно рассматривать китайскую инициативу «один пояс и один путь», выдвинутую Председателем КНР Си Цзиньпином в 2013 г., предполагающую формирование «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Реализация этой инициативы позволит усилить многостороннее сотрудничество между странами вдоль древнего Великого Шелкового пути и приморскими странами к востоку и югу от Китая. Для реализации проекта китайской стороной учреждены Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути и Фонд морского сотрудничества Китай–АСЕАН.

¹⁷ Общая численность занятых в НИОКР в мире составляет сейчас приблизительно 8 млн чел., а совокупные расходы на НИОКР – порядка 1,5 трлн долл. Среди регионов мира по расходам на НИОКР лидирует Северная Америка (около 30%, в том числе США – 28%), далее идут ЕС (23%), Азия (42%, в том числе Китай – 19,6%), Латинская Америка (3,4%), Австралия и Океания (1,4), Африка (1,3). В целом на наиболее развитые страны мира, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, приходится две трети от мирового финансирования НИОКР [23].

в последнее время в среде специалистов особый интерес вызывает новый процесс совершенствования производительных сил, ведущий к технотронной эре в развитии общества – неоиндустриализация – переход к наукоемкому, высокотехнологичному, массово трудозамещающему, экологически эффективному промышленному производству, выход экономики на новый уровень современного материального базиса.

Флагманом процесса неоиндустриализации специалисты называют развитие концепции «Интернета вещей» (Internet of Things, IoT), т.е. концепции вычислительной сети физических объектов, оснащенных встроенными технологиями для взаимодействия между собой или с внешней средой. Ожидаемый темп роста «Интернета вещей» ошеломляет. На сегодняшний день более 99% объектов реального мира не подсоединены к интернету, но по оценкам Gartner, в 2016 г. «Интернет вещей» объединит 6,4 млрд «вещей», это на 30% больше по сравнению с текущим годом. В 2020 г. «Интернет вещей» будет включать уже 20,8 млрд устройств. По прогнозам CISCO, одной из ведущих компаний в этой области, к 2020 г. к интернету будут подсоединены 37 млрд интеллектуальных объектов. Следующим этапом развития этой концепции предположительно станет «Интернет всего» (Internet of Everything, IoE), который позволит подключить к всемирной сети буквально все, что только возможно себе представить. Планетарная сеть станет развиваться самостоятельно и принимать решения по разработанным программистами алгоритмам. На пути к этой картине мироустройства, как предполагает менеджер компании Микрософт ЛаВелл, отрасли будут переделаны, экосистемы перекроены, новые игроки возникнут, некоторые исчезнут – предстоит огромный парадигмальный сдвиг [24].

Какова пространственная проекция этого сдвига, как изменится соотношение сил в мировом хозяйстве и позиции стран в нем? Не перевесят ли такие очевидные риски неоиндустриализации, как усиление безработицы, экономической власти ключевых корпораций ИТ-сферы, уязвимости сетей к кибератакам, и другие ее преимущества и выгоды? Даст ли неоиндустриализация шанс развитому миру восстановить свой производственный потенциал и ослабить позиции Китая и других поднимающихся экономик?

Наиболее осязаемым трендом неоиндустриализации в передовых экономиках мира. Так, в Германии основой стратегии выступает реализация концепции «Индустрия 4.0», расцениваемая специалистами как производственный эквивалент «Интернету вещей», ориентированному на потребителей. Предприятия, присоединившиеся в платформе «Индустрия 4.0» (в 2011 г. их было 57), создают сеть машин, которые не только производят товары, но и смогут автономно менять производственные шаблоны в соответствии с необходимостью. В 2016 г. ожидаются первые работающие производственные модули, к 2030 г. должна заработать вся система компьютеризированной промышленности. По сути, «Индустрия 4.0» – концепция будущего развития обрабатывающей промышленности Германии, особенно ее машиностроения. В США осуществляется несколько отличающаяся от немецкой модель неоиндустриализации под названием «Промышленный интернет». Если «Индустрия 4.0» – «это современная форма немецкой промышленной политики с решающим участием государства, то «Промышленный интернет» это более тонкая сетевая форма промышленной политики американского государства или американского гражданского общества с привлечением в создаваемую сеть всех потенциальных участников глобального рынка» [25, с. 21].

В Китае стремительно увеличивается объем инвестиций в развитие отрасли «Интернет вещей», до 800 млн долл. в 2015 г. По данным Министерства информации и технологий Китая, в 2015 г. объем рынка «Интернета вещей» оценивался в 80,3 млрд долл., а уже к 2020 г. он достигнет 165 млрд долл. Правительство организует государственно финансируемые зоны по развитию технологии «Интернет вещей», подобно первой из них в провинции Сычуань (Chengdu Internet of Things Technology Institute). Более амбициозные цели ставит Китай в области разработки стандартов IoT, которые бы использовались всем международным сообществом, планируя выйти на передовую линию в этой области.

Установление пространственных закономерностей в рамках новой геоэкономической парадигмы является актуальнейшей задачей для географии мирового хозяйства. Широко используемая модель Центр–Периферия, очень удобная для анализа многих пространственных причинно-следственных зависимостей, достаточно схематична и нуждается на современном этапе в новых, хотя бы дополняющих методологических подходах. В частности, центр-периферический подход к анализу, хотя и применим, но его исследовательские возможности стали относительными в условиях, когда пространственная структура мирового хозяйства все в большей степени приобретает анклавный характер. В международное разделение труда в пределах стран и регионов мира вовлекаются выборочные ареалы и центры, особенно обладающие выгодами географического положения, институциональными и инфраструктурными преимуществами, а также, если не в первую очередь, качеством трудовых ресурсов. Не природные ресурсы (исключая нефть и газ), а качество человека играет ключевую роль в развитии. Учитывая требования глобальной экономики, ряд стран и районов предпринимает активные усилия по повышению уровня привлекательности в системе мирового хозяйства, что, в частности, проявляется в формировании кластеров отраслей (типа Силиконовой долины, Третьей Италии и т.д.). Однако каковы перспективные тренды в условиях формирования новейшего международного разделения труда, которое происходит не только и не столько между странами, сколько между иными экономическими агентами?

Существенно углубить и одновременно расширить представления о современных пропорциях и новейших изменениях в пространственной архитектуре мировой экономики позволяет реализация подхода географического исследования мирового воспроизводственного процесса с позиций методологии трансграничных цепочек добавленной стоимости (ЦДС) (англ. – value-added chain). Применение этого подхода необходимо для того, чтобы точнее определить место стран в системе международного разделения труда и мировой «технологической пирамиды»: в условиях процесса экономической глобализации экономико-географам уже невозможно ограничиваться рамками исключительно торгово-посреднической парадигмы – подобные ограничения неизбежно приведут к искажению реальной картины мирохозяйственных связей [26]. Так, доминирование Китая в области производства и экспорта компьютерной техники определяется его специализацией на окончательной сборке электроники. Однако вклад этой операции в общую стоимость готового продукта, как правило, не превышает 15%, тогда как львиная доля приходится на стоимость комплектующих изделий, импортируемых из Японии и новых индустриальных стран Восточной и Юго-Восточной Азии. В данном случае мы сталкиваемся с проблемой двойного счета в торговой статистике, когда в стоимость экспорта страны включается еще и стоимость промежуточных товаров иностранного происхождения, которые ранее уже были учтены как экспорт страны-поставщика. Таким образом, традиционные методы исследования внешнеторговых связей обязательно должны сопровождаться еще и исследованием ЦДС.

Дополнительной аргументации требует и гипотетическое положение о ведущей роли крупнейших ТНК в формировании глобальных ЦДС, роли международных сетевых структур, состоящих из филиалов и дочерних компаний ТНК; а также независимых фирм, которые участвуют в процессе создания готового продукта или предоставления услуги на той или иной его стадии (производство комплектующих изделий, промежуточная и окончательная сборка, предоставление разного рода производственных услуг и пр.). Контролируя потоки полуфабрикатов и готовых изделий внутри глобальных ЦДС, ТНК способствуют территориальным сдвигам в производстве добавленной стоимости из развитых стран в развивающиеся. Для этого явления предлагается ввести специальный термин – «географический переход» в создании добавленной стоимости.

Консолидация международных сетевых структур на волне новейших процессов, с одной стороны, а с другой – преимущественно урбанистическая дислокация подразделений ТНК, имеет далеко идущие последствия. Это ведет к тому, что мировая экономика все в

большей мере пространственно организуется в форме так называемого архипелага городов и контролируемых его центров – глобальных городов, которые не имеют разделения труда с промежуточными зонами, практически не участвующими в процессах глобализации (своего рода закрытые территории). Под архипелагом городов подразумевается большая совокупность территориально дифференцированных, разнокалиберных по людности и функционально разнопрофильных, но тесно взаимодействующих в общепланетарном масштабе центров. Именно сетевой принцип строения, как вообще доминирующий принцип в социальной морфологии современных обществ, обеспечивает возможность наиболее широкого охвата и получения полной информации в любой территориальной системе [6, 8]. Известен и другой принцип экономически эффективного построения сетевых структур – соподчиненность. Элита современного городского мира – глобальные города – представляет собой особые фокусные узлы, которые выступают в качестве центров осуществления властных функций и стратегического управления в сети. Они образуют своеобразное объединение, корпорацию, по многим признакам соответствующую системе олигополистического типа. Таким образом, пространственной проекцией глобализационных процессов стало обособление архипелага городов как опорно-узловой каркаса мирового хозяйства. Однако остается открытым вопрос о его прочности и устойчивости под воздействием геополитических и геоэкономических инноваций: открытость и дальнейшее углубление интеграции, или дезагрегация и региональное сегментирование?

В заключение отметим, что в числе наиболее существенных результатов проведенного анализа можно выделить следующие:

- наложение современных процессов реформирования геополитического пространства и фазы «мирохозяйственного перехода» вызвало явную дестабилизацию глобализационного движения, которое до последнего времени определялось как устойчивое и безальтернативное поле для проведения всех географических исследований мировой экономики. Это актуализирует поиск новых «идеологий» и ключевых направлений географических исследований с повышенной конкурентоспособностью территориального подхода и отражающих приоритетность пространственной парадигмы в рамках междисциплинарного познания мирохозяйственной архитектуры.

- в новых условиях налицо глубокие трансформационные сдвиги в системе международного разделения труда под влиянием динамичного перераспределения полномочий ключевых акторов мирового хозяйства. Одновременно снижается роль государств и усиливается – отдельных экономических группировок, стран-гигантов, в частности стремительно растущего Китая, – своего рода локомотива включения в международное разделение труда развивающихся стран, и ТНК.

- дальнейшее изучение феномена ТНК в мировом хозяйстве перспективно в рамках новой научной проблемной области – корпоративной географии, как инструмента, позволяющего всесторонне исследовать стремительно развивающуюся систему транснационального разделения труда, альтернативную классике межгосударственного взаимодействия.

- крупные изменения в расстановке действующих сил оказывают существенное влияние на формирование секторальной и отраслевой структуры мирового хозяйства по пути терциаризации/сервисизации. Ныне эволюционный ряд основных понятий развития материальной сферы мирового хозяйства дополняется новым процессом – неоиндустриализацией, который возглавляет элита экономически наиболее развитых стран мира и имеет далеко идущие последствия.

- анализ трансформаций пространственной структуры глобальной экономики с позиций сравнительно новых методологических подходов – трансграничных цепочек добавленной стоимости, глобальных сете-узловых структур и градоцентрической концепции – четко фиксирует «географический переход» из развитых стран в развивающиеся. Это означает усложнение территориальной организации мирового хозяйства и увеличение значимости Полупериферии.

Познание глобализационных процессов и механизмов их реформирования в современных условиях, основных трендов формирования отраслевых и пространственных пропорций мирового хозяйства, а также «прорывных» направлений экономического роста открывает путь, с одной стороны, к более полному пониманию проблем современного мира, а с другой – служит фундаментальной основой для конструктивного решения многих практических задач. Это имеет большое значение для России, ставящей своей целью интегрирование в международное геополитическое и геоэкономическое сообщество, но не в качестве «падчерицы» великих держав, а на правах полноценного и самостоятельного субъекта на мировой «арене коллективных взаимодействий».

Литература

1. *Лопатников Д.Л.* Экологический переход // Региональные исследования. 2013. № 3 (41). – С. 4–8.
2. *Слука Н.А.* Урбанистическая панорама мира на пороге XXI века // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5, География. 2000. № 2. – С. 7–12.
3. *Слука А.Е., Слука Н.А.* Современная геодемография Большого Парижа // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5, География. 2002. № 6. – С. 49–55.
4. *Слука Н.А., Ткаченко Т.Х.* Франкфурт-на-Майне – деловой центр Европы // География. 2003. № 27. – С. 19–27.
5. *Слука Н.А.* Глобальные города в современной архитектуре мироустройства // Региональные исследования. 2006. № 1. – С. 5–21.
6. *Слука Н.А.* Градоцентрический вектор в развитии мировой системы // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5, География. 2006. № 5. – С. 3–10.
7. Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. М.: Аванглион, 2007. – 243 с.
8. *Слука Н.А., Ткаченко Т.Х.* Глобальные города: особенности индустриального развития // Изменения в пространственной организации промышленности мира: вторая половина XX в. – начало XXI в. / Под ред. И.А. Родионовой. – М.: Экон-Информ, 2009. – С. 239–256.
9. Город в контексте глобальных процессов / Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, Н.А. Слуки. – М.: Изд-во МГУ, 2011. – 448 с.
10. *Мироненко Н.С., Слука Н.А., Ткаченко Т.Х.* О трансформации пространственной структуры мирового хозяйства в условиях глобализации // Глобалистика как область научных исследований и сфера преподавания. Вып. 5. – М.: МАКС Пресс, 2011. – С. 222–238.
11. Hideaki H., Ayhan Kose M., Otrok C. Regionalization vs. Globalization / International Monetary Fund Working Paper [электронный ресурс]. – URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2013/wp1319.pdf> (дата обращения 10.06.2016).
12. *Хесин Е.С.* Меняющийся глобальный экономический ландшафт // География мирового развития / Под ред. Л.М. Синцера. Вып. 2. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2010. – С. 22–42.
13. *Панкратов И.Н., Федорченко А.В.* Типология стран по их роли и участию в мировой швейной промышленности // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5, География. 2010. № 5. – С. 42–47.
14. Социально-экономическая география: понятия и термины. Словарь-справочник / Отв. ред. А.П. Горкин. – Смоленск: Ойкумена, 2013. – 328 с.
15. *Гитер Б.А., Гречко Е.А., Колосов В.А., Мироненко К.В., Пилька М.Э., Самбурова Е.Н., Слука Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю.* Основные направления исследований по географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5, География. 2015. № 6. – С. 3–11.

16. Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В., Самбурова Е.Н., Слуга Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. 2016. № 1. – С. 3–12.
17. Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В., Самбурова Е.Н., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Горизонты истраживања у области географије светске привреде (поводом 25-годишњице Катедре за географију светске привреде) // Гласник Herald. Vol. XX. Banja Luka. 2016. – С. 3–23.
18. География мирового хозяйства: учебник / Отв. ред. Н.С. Мироненко. – М.: Трэвэл Медиа Интернэшнл, 2012. – 352 с.
19. World Economic Outlook database / IMF [электронный ресурс]. – URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2016/01/weodata/download.aspx>
20. GDP – Real growth rate // Country comparison / CIA [электронный ресурс]. – URL: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/rankorder/2003rank.html>
21. UNCTAD. The World Investment Report. 2013. Global Value Chains: Investment and Trade for Development. The Overview. N.Y. and G., 2013. – 38 p.
22. Sluka N.A. Goals, Tasks, and Problems of Corporative Geography // Гласник Herald. Vol. XIX. Banja Luka. 2015. – P. 15–35.
23. UNESCO Science Report: Towards 2030 [электронный ресурс]. – URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0023/002354/235406e.pdf> (дата обращения: 10.01.2016).
24. La Well M. The Future of Manufacturing Technology with Microsoft // Industry Week. 2015. June 23.
25. Толкачев С. Две модели неоиндустриализации // Экономист. 2015. № 11. – С. 13–23.
26. Кондратьев В.Б. Мировая экономика как система глобальных цепочек стоимости // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 3. – С. 5–17.

ФАКТОРЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ НЕРАВНОМЕРНОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ¹⁸

Информация всегда играла важную роль в функционировании человеческого общества. По мере развития «человека разумного» совершенствовались и способы передачи информации. В истории было пять информационно-коммуникационных революций. Первую можно условно связать с возникновением речи (40–10 тыс. л. н.). Вторая вызвана появлением письменности и почтовой связи. Третья связана с изобретением книгопечатания в 1450-е гг. Четвертая информационная революция ознаменована изобретением электричества и средств мгновенной передачи информации на большие расстояния – появление электрического телеграфа (1830-е гг.), а также телефона (1876 г.), радио (1895 г.), беспроводного телеграфа (1922 г.) и телевидения (1930-е гг.). Наконец, пятой информационной революцией стало появление в конце XX в. цифровых информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), массовая компьютеризация и стремительное распространение компьютерных сетей, в том числе глобальной сети Интернет. Благодаря новейшим ИКТ информационные возможности человека и общества в целом выросли в миллиарды раз, как никогда сжалось географическое пространство и время, а современное общество стало называть информационным.

Неотъемлемой характеристикой формирующегося информационного общества является его глобальный характер, обусловленный возможностями интенсивно распространяющихся информационно-коммуникационных технологий. Мир впервые стал глобальным в конце XIX – начале XX вв., с появлением электрического телеграфа и началом эпохи мгновенной передачи информации. Особенностью же современного этапа информатизации является конвергенция ИКТ и принцип универсальной сети: создается единая сетевая инфраструктура для всех видов информации с универсальными каналами связи и центрами обработки данных. В результате, на базе Интернета формируется интегрированная система глобальных цифровых коммуникаций, которая является порождением современной эпохи глобализации, аналогично тому, как телеграф сформировал первую глобальную информационную сеть в эпоху ранней глобализации [6; 9; 11].

В современном мире, на постиндустриальном этапе его развития, информация стала главным производственным ресурсом, аналогично сырью и энергии на индустриальном и аграрном этапах. Обеспечение необходимой информацией в требуемое время, в нужном месте и надлежащего качества является основной функцией отрасли связи. Связь в XXI веке отражает одну из основных особенностей современного развития – дематериализацию человеческой деятельности, и становится одной из ключевых отраслей хозяйства любой страны, а внедрение ИКТ – одним из важнейших факторов социально-экономического развития стран мира и их конкурентоспособности.

Однако, современный мир поляризован, и информатизация происходит неоднородно вследствие различных экономических, географических, политических, исторических и других особенностей тех или иных территорий. Поэтому все большую озабоченность международного сообщества вызывает появление нового вида социальной дифференциации, вытекающего из разных возможностей использования новейших ИКТ – информационного неравенства. Следствием последнего является так называемый «цифровой разрыв». В широком смысле под ним понимается разрыв между индивидуумами, домашними хозяйствами, бизнесом, географическими территориями и государствами в доступности информационно-коммуникационных технологий и их использовании. Цифровой разрыв имеет место на глобальном, макрорегиональном и национальном уровнях.

¹⁸ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-33-01213 «Региональные закономерности информатизации общества и распространения информационно-коммуникационных технологий» (2015-2017 гг.).

В глобальном масштабе под цифровым разрывом понимается отставание ряда стран и регионов по доступности новейших ИКТ и активности их использования. Очевидно доминирование развитых стран при значительном отставании развивающихся, особенно стран Африки и Ближнего Востока. Кроме того, внутри самих регионов также наблюдаются большие диспропорции. Например, в Африке число интернет-пользователей на 100 жителей разнится от менее 2/100 в Эритрее и Нигере до 60/100 в Марокко и Маврикии, в Центральной и Южной Америке — от 27/100 в Никарагуа и Гондурасе до 88/100 в Коста-Рике и Антигуа и Барбуда, а в Азии — от 12-15/100 в Афганистане и Туркменистане до 92/100 в Республике Корея и Японии. Если в США наблюдается довольно однородное распределение пользователей по стране, то в Европе имеются значительные территориальные и межгосударственные отличия: к примеру, уровень проникновения Интернета (число пользователей на 100 жителей) в среднем уменьшается при перемещении с севера на юг [1].

При этом постепенно происходит сглаживание географических контрастов в распространении ИКТ в мире: за период с 2000 по 2015 гг. «разрыв»¹⁹ между странами сократился в сфере телефонизации населения – в 36 раз, в уровне проникновения Интернета – в 48 раз. Однако сокращение количественных диспропорций сопровождалось сохранением качественных разрывов в области интенсивности использования ИКТ, распределения информационных ресурсов Интернета, развития интернет-рынка, где по-прежнему сохранялась монополия развитых стран и регионов [4; 5].

По мнению ряда экспертов, информационное неравенство не является фундаментальным неравенством (как социальное, экономическое и культурное), а должно быть отнесено к следствиям фундаментальных неравенств [8]. Поэтому причинами информационного неравенства являются такие барьеры, как: экономический (отсутствие возможности регулярно оплачивать телекоммуникационные услуги), образовательный (отсутствие необходимой образовательной подготовки), языковой (около 70% всего интернет-контента представлено на английском языке), гендерный (в некоторых странах пользователями Интернет являются в основном мужчины) и др. Пока государство не в состоянии решить такие проблемы, как голод, низкий уровень образования, здравоохранения, социального обеспечения и политических свобод, право на информацию реализовать в должной мере невозможно²⁰. Следовательно, главной задачей политики информатизации и преодоления информационного неравенства должна стать борьба с фундаментальным неравенством. С этим мнением можно согласиться, однако важно понимать, что «цифровой разрыв» является не просто следствием социально-экономического неравенства, но и сам приводит к еще большему неравенству в социальной сфере.

В современную эпоху, в условиях научно-технического прогресса и информационной революции, скорость развития различных стран имеет тенденцию к еще большей дисперсии: страны и народы еще удалются друг от друга во времени, оказываясь в разных временных эпохах. Таким образом, процессы пространственные вступают в противоречие с процессами темпоральными. С одной стороны, благодаря распространению ИКТ происходит сжатие всемирного пространства, а с другой стороны, между странами и регионами образуются и расширяются «разрывы во времени» [3; 10].

Таким образом, характерной чертой глобального процесса информатизации общества является его территориальная неравномерность. Качественный и количественный анализ распространения ИКТ в более чем в 150 странах мира позволил сделать вывод о том, что

¹⁹ Индекс «разрыва» используется для оценки диспропорций в уровне проникновения той или иной технологии. Для его расчёта все страны/регионы ранжируются по числу пользователей на 100 жителей и делятся на 10 групп. Индекс «разрыва» представляет собой отношение среднего значения для первой группы к среднему показателю для последней.

²⁰ Тем не менее, и в наименее развитых регионах предпринимаются весьма эффективные меры по предоставлению универсального доступа населения к современным ИКТ (строительство центров общественного доступа, привлечение частного сектора к обеспечению ИКИ отдаленных территорий и др.).

ключевыми факторами пространственной дифференциации информатизации являются: диспропорции в распределении доходов населения, неравномерность развития базовой информационно-коммуникационной инфраструктуры, человеческого капитала, инновационного потенциала, благоприятности правовой и институционально-экономической среды, урбанизации, а также специфика географического положения. Рассмотрим каждый из факторов по отдельности.

1. *Фактор благосостояния* определяет потребительские возможности распространения ИКТ в стране. Лучшими индикаторами здесь являются уровень доходов населения (валовой внутренний продукт (ВВП) на душу населения) и стоимостная доступность ИКТ. Коэффициент корреляции между уровнем ВВП на душу населения и индексом развития ИКТ [12] по странам мира составляет 0,83, что говорит о высокой положительной связи между указанными показателями.

В странах с высоким душевым ВВП расходы на ИКТ гораздо выше, чем в странах с низким душевым ВВП. Это объясняется возвышением потребностей человека по мере удовлетворения базовых потребностей, согласно теории «пирамиды потребностей» А.Маслоу²¹. Спрос на ИКТ является следствием сразу нескольких высших групп потребностей. Прежде всего, это изначально реализация социальных потребностей, в частности, потребности в общении на расстоянии. Во-вторых, использование новейших ИКТ является в информационную эпоху важным элементом престижа, особенно на первых стадиях их распространения. В-третьих, возможности новейших ИКТ (и в первую очередь, Интернета) позволяют наиболее полно реализовать духовные потребности человека, в частности, потребность в самопрезентации и самореализации.

2. *Инфраструктурный фактор* (уровень электрификации и электронизации хозяйства и быта, телефонизации и компьютеризации, наличие современных, с высокой пропускной способностью, линий связи и пр.). Инфраструктурный фактор является первичным или базисным для распространения многих ИКТ. Например, для доступа к сети Интернет базовой инфраструктурой являются компьютеры, мобильные телефоны, планшеты, телефонные линии, выделенные линии и т.п. В подтверждение, коэффициент корреляции между показателями количества компьютеров в расчете на 100 жителей и численности интернет-пользователей на 100 жителей по 150 странам мира составляет 0,9, что говорит об очень высокой положительной связи между этими показателями.

3. *Социальный фактор* (уровень образованности и технической грамотности населения). Эффективность процессов создания, передачи, обработки и использования информации и знаний существенно зависит от наличия высокообразованной и высококвалифицированной рабочей силы. Ключевую роль в обеспечении высокого уровня развития человеческого потенциала играет образование. Более образованное население является более искушенным и требовательным в технологическом отношении, что обеспечивает внутренний спрос на высококачественные и все более совершенные товары и услуги и стимулирует местные фирмы к инновациям.

Для оценки уровня развития человеческого капитала и международных сопоставлений в этой области ООН был разработан Индекс развития человеческого потенциала²² (ИРЧП). В 2015 г. среднее мировое значение ИРЧП было равно 0,692. Почти пятьдесят государств (страны Африки к югу от Сахары и наименее развитые страны

²¹ Пирамида потребностей А.Маслоу имеет следующую иерархию: 1) физиологические (питание, отдых, продолжение рода); 2) экзистенциальные (безопасность существования, постоянство условий жизни); 3) социальные (потребности в общении, привязанности, совместной деятельности); 4) престижные (уважение, признание, достижение успеха, социальный статус); 5) духовные (познание, самовыражение).

²² ИРЧП – комбинированный индекс, измеряющий среднюю величину достижений в трех основных измерениях развития человека: здоровье и долголетие, уровне образованности и благосостоянии. Максимально возможное значение ИРЧП – 1, минимальное – 0.

Ближнего Востока и АТР) попали в категорию стран с низким уровнем развития человеческого потенциала (менее 0,550). Среди лидеров – страны Северной, Западной и Южной Европы, Северной Америки, Япония, Республика Корея, Гонконг, Сингапур, а также Австралия и Новая Зеландия. Максимальный ИРЧП – у Норвегии, Австралии, Швейцарии, Дании и Нидерландов (0,922-0,944). Минимальный – у Нигера, ЦАР, Эритреи и Чад (0,348-0,392). В большинстве стран, в том числе в Китае (0,727), Индии (0,609) и Бразилии (0,755), в последние 30 лет наблюдался рост ИРЧП. Россия занимает 50-ое место и отнесена к странам с высоким уровнем развития человеческого потенциала (0,798) [2].

Неравномерность развития человеческого капитала обуславливает неравномерность развития информатизации. Так, коэффициент корреляции между ИРЧП и Индексом развития ИКТ, рассчитанный для 158 стран мира, составляет 0,93. Степень корреляции очень высокая, значит, уровень развития человеческого потенциала является важным фактором пространственной дифференциации информатизации. Поэтому, согласно мнению экспертов ЮНЕСКО, недостаточно сокращать «электронно-цифровой разрыв» – необходимо также принимать меры к сокращению «когнитивного разрыва» или «разрыва в знаниях», иначе это явление может приобрести экспоненциальный масштаб.

4. *Инновационный фактор.* Территориальные диспропорции информатизации тесно связаны с географией инновационной деятельности в этой сфере. Все важнее становится непрерывное внедрение новых технологий: происходит, с одной стороны, рост темпа инноваций, с другой – ускоренный моральный износ продукции. Сегодня подавляющее большинство научно-технических знаний производится развитыми странами мира: более 70% выданных патентов и общего количества научных работ принадлежит исследователям из развитых стран. Разрыв в производстве научно-технических знаний на душу населения между развитыми и развивающимися странами превышает разрыв по показателю доходов на душу населения [13].

Индикатором развития инновационной деятельности являются расходы на НИОКР в процентах от ВВП. В передовых странах мира расходы на НИОКР в среднем составляют 2—3% ВВП. В США на НИОКР выделяется около 2,8% федерального бюджета. Максимальный процент расходов на НИОКР – в Израиле (4,3%). В абсолютном исчислении почти половина общемировых расходов на НИР приходится на США. У России в области инноваций огромный потенциал, традиционно развитая фундаментальная наука и значительные ресурсы научно-технических кадров. Однако расходы России на НИР относительно невелики (1,3% ВВП), а также развитие тормозят слабая связь науки с производством и недостаточное использование мировых запасов знаний из-за морально и технически устаревшей системы их распространения [3].

5. *Институционально-экономический фактор.* Одним из важных факторов успешного развития процессов информатизации является благоприятность экономических, правовых и институциональных условий в стране. Всемирным банком выделяются следующие основные черты благоприятной для информатизации экономической среды: открытость экономики, отсутствие различных мер протекционизма, высокая конкуренция, стабильность экономики, невысокая инфляция, минимальный контроль за внутренними ценами, стабильность курса национальной валюты и отражение им действительной стоимости валюты. Благоприятная для информатизации общества институциональная среда имеет следующие черты: эффективное, надежное и свободное от коррупции правительство и законодательная система, обеспечивающая соблюдение базовых правил торговли и прав на частную и интеллектуальную собственность. Создание благоприятных институционально-экономических условий, необходимых для информатизации общества, является задачей правительств стран [7].

6. Связь является одной из самых географических отраслей хозяйства. Особенности создания, распространения и функционирования различных видов связи во многом определяются географическим положением и местными особенностями. Например, специфика географического положения Российской Федерации – огромная территория с

многообразием ландшафтов, а также малая плотность населения – существенно ограничивает физические и экономические возможности прокладки проводных, кабельных и оптоволоконных линий связи. Это стало причиной широкого распространения в России беспроводной связи (радиорелейной, спутниковой, сотовой и др.).

К *географическим факторам* распространения ИКТ можно отнести следующие:

– информационно-географическое положение, т. е. положение относительно территорий с развитой телекоммуникационной инфраструктурой (такое соседство обеспечивает позитивные экстерналии в собственном телекоммуникационном развитии) и положение относительно крупнейших телекоммуникационных магистралей (в частности, наличие выхода к морю и к океаническим оптоволоконным кабелям);

– размер страны (как правило, малый размер и компактность территории благоприятствуют развертыванию на ней телекоммуникационной инфраструктуры, и наоборот);

– особенности ландшафта (геоморфологические преграды и климатические ограничения), которые могут быть барьерами для развития сетевой кабельной инфраструктуры и одновременно катализаторами развития беспроводных телекоммуникаций;

– урбанистический фактор (плотность населения и уровень урбанизированности территории). Города, будучи фокусами концентрации наиболее активного населения, информационных центров, учреждений образования и инфраструктурных узлов, превращаются в узловые элементы телекоммуникационных сетей, территориальная конфигурация которых повторяет конфигурацию опорного каркаса расселения.

Все передовые технологии появляются, прежде всего, в мировых городах, и далее идет диффузия нововведений по направлению от Центра в Полупериферию и Периферию на макротерриториальном уровне и от крупнейших городов в малые города, а затем и в село – на национальном/микротерриториальном уровне. На начальных этапах распространения ИКТ город представляет наиболее благоприятную среду: горожане отличаются от сельских жителей большей активностью, платежеспособностью, менее консервативным поведением по отношению к инновационным продуктам. В этой связи целесообразно рассматривать показатель урбанизации как индикатор доли наиболее активных жителей страны, которые в первую очередь станут объектами информатизации. Таким образом, данный показатель вполне может служить одной из характеристик начального потенциала страны в области информатизации. Ведь чем выше доля горожан, тем больше вероятность быстрого распространения новейших ИКТ (при достаточном уровне благосостояния).

На стадии зрелости информационно-коммуникационной инфраструктуры фактор урбанизации теряет свое значение. Более того, информатизация сама начинает оказывать влияние на процессы урбанизации, а именно тормозит урбанизацию и создает благоприятные условия для субурбанизации. В высокоинформатизированном обществе происходит снижение экономической, образовательной, коммуникативной и культурной роли географического местоположения. В частности, возникает эффект отрыва места работы (номинального) от места исполнения трудовых задач: человек, используя новейшие ИКТ, может выполнять работу на другом конце земного шара. Информационно-коммуникативные типы деятелей переезжают в экологически чистые пригороды, что ведёт к снижению темпов или остановке роста городов.

Однако, эффект «глобальной деревни» возможен только при достижении высокого уровня распространения ИКТ, проведении среди сельских жителей соответствующей образовательной подготовки и т. п.

Важным свойством перечисленных факторов является эпизодичность их действия: значение того или иного фактора меняется при переходе общества от одной стадии развития информационно-коммуникационной инфраструктуры к другой (табл. 1).

Таблица 1 - Стадии и ключевые факторы информатизации

Стадии Факторы	Начальная стадия	Стадия роста	Стадия зрелости
Инфраструктурный	I	II	III
Географическое положение	I	II	III
Фактор благосостояния	II	I	III
Урбанизационный	II	I	III
Социальный	II	I	III
Институционально-экономический	III	I	II
Инновационный	III	II	I
Основные вызовы / причины отсталости	<ul style="list-style-type: none"> • Инфраструктурная и ценовая недоступность ИКТ; • Отсутствие компьютерной грамотности у большей части населения; • Незаинтересованность населения в использовании ИКТ. 	<ul style="list-style-type: none"> • Высокая стоимость доступа к новейшим ИКТ (из-за отсутствия конкуренции на рынке); • Неконкурентно способность национальной ИКТ-продукции и услуг; • Недостаточное число специалистов в области ИКТ. 	<ul style="list-style-type: none"> • Необходимость обеспечения безопасности информации; • Необходимость защиты прав интеллектуальной собственности; • Преодоление психологического цифрового разрыва; • Излишняя конкуренция на рынке ИКТ (США).
Эффективная государственная стратегия по преодолению отсталости	<ul style="list-style-type: none"> • Принятие национальной Программы/Стратегии информатизации; • Создание центров общественного доступа (ЦОД); • Национальные проекты по созданию ИК-инфраструктуры; • Привлечение частного сектора к обеспечению ИК-инфраструктурой отдаленных территорий; • Создание фонда универсальной службы. 	<ul style="list-style-type: none"> • Приватизация и либерализация сектора ИКТ; • Широкое использование ПО с открытым кодом; • Инвестиции государства в образование; • Привлечение иностранных компаний и инвестиций; • Развитие национального сектора ИКТ. 	<ul style="list-style-type: none"> • Разработка и реализация мер по обеспечению информационной безопасности; • Усовершенствование законодательной базы по защите прав интеллектуальной собственности; • Развитие системы электронного правительства и др. общественных электронных услуг; • Развитие ИК-инфраструктуры последнего поколения.
<p>Условные обозначения: I – ключевое значение, II – большое значение, III – незначительное значение.</p>			

Составлено автором

Возникает парадокс: наибольшие выгоды от распространения ИКТ могут получить для своего развития именно жители отдаленных сельских территорий (для них ИКТ могут стать, действительно, «окном в мир»), но в силу экономической, культурной отсталости и недостатка образования они не имеют возможности «подключиться» к информационному обществу и рискуют остаться за его бортом. Возникает замкнутый круг, еще более углубляющий разрыв между городом и селом.

На *начальной стадии* важнейшими факторами распространения ИКТ являются фактор благосостояния (уровень доходов населения, ценовая доступность ИКТ), инфраструктурный фактор (наличие базовой инфраструктуры для развития нового вида ИКТ) и географические факторы. На *стадии роста* спектр факторов, влияющих на распространение ИКТ, наиболее широк. Еще более возрастает значение фактора благосостояния, так как он определяет ёмкость национального рынка. Скорость распространения ИКТ на данном этапе главным образом определяется уровнем урбанизации и плотностью населения (урбанизационный фактор), развитием человеческого потенциала и уровнем технологической грамотности (социальный фактор), а также благоприятностью экономической, правовой и институциональной среды (институционально-экономический фактор).

На *стадии зрелости*, когда информационно-коммуникационная инфраструктура и человеческий капитал уже развиты на высоком уровне, ключевым фактором дальнейшей информатизации становится разработка и внедрение инноваций (инновационный фактор): как в виде новых видов ИКТ, так и в форме различных новых услуг и продуктов на базе уже существующих ИКТ. Также большое значение приобретает решение таких вопросов, как обеспечение информационной безопасности и усовершенствование законодательной базы по защите прав интеллектуальной собственности (институционально-экономический фактор), внедрение системы электронного правительства и других общественных электронных услуг.

Можно сделать следующие общие выводы относительно развития информатизации в глобальном масштабе. Очевидно, что к странам с высоким уровнем информатизации (стадия зрелости) относятся страны Северной и Западной Европы, Северной Америки (США и Канада), отдельные страны Азиатско-Тихоокеанского региона (Япония, Австралия, Новая Зеландия, Гонконг, Сингапур, Республика Корея), а также Израиль. На начальной стадии информатизации находятся наименее развитые страны мира (большинство африканских стран и др.). На стадии роста сейчас большинство стран мира: Россия, страны Восточной Европы, Латинской Америки, Азии (прежде всего, Китай и Индия) и некоторые африканские страны (например, ЮАР, Египет, Тунис).

В заключение отметим, что особая роль в развитии процесса информатизации принадлежит государству, чья задача заключается в своевременном выявлении насущных потребностей и верном выборе тех или иных механизмов государственной политики для реализации экономических, социальных и культурных преимуществ от внедрения новейших информационно-коммуникационных технологий.

Литература

1. *Вартанова Е.Л.* Медиаэкономика зарубежных стран. – М.: Аспект Пресс, 2003.
2. Доклад о развитии человека 2015 года: Труд во имя человеческого развития. – М.: Издательство “Весь мир”, 2015.
3. *Могилевкин И.М.* Глобальная инфраструктура: механизм движения в будущее. – М.: Магистр, 2010.
4. *Нагирная А.В.* География российского Интернета // География в школе, 2013. – №6. – С. 27-32.
5. *Нагирная А.В.* Принципы развития глобального информационного пространства // Фундаментальные исследования, 2013. — № 6 (часть 6). С. 1462-1467.
6. *Нагирная А.В.* Тенденции развития глобального процесса информатизации общества // Вопросы гуманитарных наук, 2013. – №4–С. 82-89.

7. Окинавская Хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестник, 2000, № 8.
8. Приоритетные направления реализации стратегий и программ перехода к информационному обществу и формирования экономики знаний. Дискуссия // Информационное общество, 2002, вып. 1, с. 73–78.
9. Синцеров Л.М. География всемирного телеграфа и его роль в формировании мирового хозяйства // География в школе, 2004. – № 8. – С. 3 – 7.
10. Синцеров Л.М. Транспортно-коммуникационная парадигма мирового развития // Мировая экономика и международные отношения, 2011, №5, с. 122–128.
11. Синцеров Л.М. Экономико-географическое единство мира // География в школе, 2000. – №2. – С. 3-9.
12. Международный союз электросвязи (International Telecommunications Union): <http://www.itu.int>.
13. Derek H.C. Chen and Carl J. Dahlman. The Knowledge Economy, the Knowledge Assessment Methodology and World Bank Operations // The World Bank. – Washington DC, 2005.

ЗАРУБЕЖНЫЙ И ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ ОПЫТ РАЗРАБОТКИ СТРАТЕГИЙ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК

В современных условиях приоритетного инновационного развития регионы отдельных стран рассматриваются как базовые системы для привлечения инвестиций и экономического роста стран мира. В связи с этим возникает необходимость разработки общих базовых стратегических документов пространственного развития стран, позволяющих определить концептуальные цели и задачи социально-экономического развития отдельных территорий в рамках единого экономического пространства.

Цель данного исследования – анализ опыта разработки стратегий пространственного развития в странах мира, обладающих схожими с Россией социально-экономическими предпосылками развития (со значительной площадью, разнообразным природно-ресурсным потенциалом, наличием сложных с точки зрения социально-экономического освоения районов). Это - США, Канада, Бразилия, Австралия и Казахстан. Анализ и оценка стратегических документов в данных странах позволит определить приоритетные направления и актуализировать цели и задачи реализации стратегии пространственного развития России на современном этапе.

Актуальность исследования

В прошлом и в России имеется богатейший опыт разработки такого рода документов, ведь и по определенным в законе подходам, и по целеполаганию Стратегия пространственного развития РФ похожа на один из важнейших документов перспективного социально-экономического развития страны (СССР) - Генеральную схему размещения и развития производительных сил (далее – Генеральная схема). Генеральная схема в Советском Союзе была основой для размещения производительных сил в стране. Именно на ее основе разрабатывались новые и корректировались имеющиеся проекты районных планировок, создавались схемы промышленных зон, комплексов и узлов, подбирались сырьевые и топливно-энергетические базы, что позволяло исключить диспропорции в развитии отраслей и регионов, эффективно использовать сырьевые, энергетические, промышленные и человеческие ресурсы.

В методологическом и концептуальном плане разработка такого рода документов в мире аналогов нет [20], и сам термин «пространственное развитие» утвердился в Европе, Канаде, а затем в США к началу 70-х годов XX в. Как разработка Генеральной схемы, так и вопросы размещения производительных сил - это уникальный не только в условиях СССР, но и в мире, опыт, сохраняющий свое значение до настоящего времени. Он в разной степени был использован и в других странах. Этот опыт приобретает особую роль и в современных условиях [21].

Термин «пространственное развитие», используемый в зарубежной практике, привязан к термину «стратегическое планирование» так как очевидно, что стратегическое планирование невозможно вне пространственных координат действия через юридические, финансовые и прочие инструменты. Термин «пространственное развитие» утвердился в Европе, Канаде, а затем в США к началу 70-х годов XX в., и относится к пространствам масштаба страны, города, а также муниципального образования. В США, разрабатываемые стратегические документы, находятся в зависимости от происходящих процессов глобализации и от разрабатываемых за рубежом стратегий национальной безопасности. Имеются примеры долгосрочных целевых программ регионального развития для отдельных территорий. А усиление конкурентоспособности страны в мировой экономике осуществляется через повышение способности отдельных регионов страны и способности их к инновациям (Программа «Инновационная Америка»).

В сентябре 2000 г. в г. Ганновер (ФРГ) на 12 сессии Европейской конференции министров регионального планирования стран-членов Совета Европы (СЕМАТ) был принят исключительно важный документ для всего союза документ. Это «Основопологающие

принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента» (принципы СЕМАТ), включающие программу из десяти пунктов «За укрепление согласия между регионами Европы» по реализации принципов сбалансированного пространственного развития ЕС. Одновременно государства-члены Евросоюза разработали Европейскую концепцию пространственного развития (ESDP). [4]

В январе 2002 г. «Основополагающие принципы устойчивого пространственного развития Европейского континента» были утверждены Комитетом министров Совета Европы и приобрели статус политического документа. В результате реализации программных документов планировалось обеспечить территориальное развитие посредством более сбалансированного социального и экономического развития регионов и повышения их конкурентоспособности; стимулирование экономического развития населенных пунктов, генерируемого городскими функциями, и совершенствование взаимоотношений городских и сельских районов. Особое внимание в документе было уделено развитию ресурсного потенциала, как природного, так и трудового: сокращение ущерба, наносимого окружающей среде; приумножение и защита природных ресурсов и природного наследия; приумножение культурного наследия как фактор развития; развитие безопасной добычи энергоресурсов; поощрение туризма; сокращение последствий природных и техногенных катастроф. Подчеркивалось приоритетное развитие инфраструктуры, включая инновационную, создание равных условий транспортной доступности; развитие доступа к информации и знаниям. [2]

Совершенствование политики пространственного развития ЕС связано с межотраслевой многоуровневой (от местного до общеевропейского уровня) координацией политики управления, поощрением межрегионального взаимодействия, повышением роли экономики знаний в региональном развитии стран Европы, а также стимулированием функционального подхода к комплексному освоению территории как пространства. Эти принципы были закреплены и в дальнейших документах, определяющих векторы пространственного развития стран Евросоюза: «Территориальная повестка дня ЕС. На пути к более конкурентоспособной и устойчивой Европе» («Territorial Agenda of the European Union», 2007 г.), «Территориальная повестка дня Европейского Союза 2020» («Territorial Agenda of the European Union 2020», 2011 г.) и ряда других [5].

Повышение конкурентоспособности экономик стран мира является одной из базовых целей стратегии пространственного развития большинства ведущих стран мира.

Стратегия пространственного развития США

Опыт решения вопросов регионального развития в США - один из наиболее длительных в мире. Но на протяжении долгого времени это были примеры долгосрочных целевых программ регионального развития для отдельных территорий: бассейн реки Теннесси (штаты Теннесси, Алабама, Миссисипи, Кентукки, Джорджия, Северная Каролина, Вирджиния), Аппалачские гор (частично или полностью охватывающие территорию 28 штатов). Реализация данных программ осуществляются Администрацией бассейна реки Теннесси (сочетает функции управления и производственной деятельности и региональные комиссии) и Аппалачской региональной комиссией. Обе программы действуют уже не одно десятилетие и направлены на наиболее эффективное использование ресурсного потенциала территории, улучшение социально-экономического развития территории через развитие инфраструктуры регионов, повышение уровня занятости и среднедушевых доходов. Но единой стратегии регионального развития в США, направленной на достижение общей цели не было создано.

Одной из первых стратегий, нацеленной на усиление конкурентоспособности страны в мировой экономике через повышение способности отдельных регионов страны к инновациям, стала разработанная в 2007 г. Национальной ассоциацией губернаторов США стратегическая инициатива «Инновационная Америка». [18]. Данный документ определил основные инструменты и механизмы создания высокоэффективных рабочих мест, экономического роста на уровне отдельных штатов и повышения конкурентоспособности экономики страны в целом.

Для реализации данной стратегической инициативы была создана специальная комиссия, в которую вошли губернаторы, представители научного и делового сообществ

США. Задача комиссии - разработка инновационных образовательных и экономических стратегий, анализ и распространение передового опыта инновационного развития для повышения конкурентоспособности экономики отдельных штатов и страны в целом, разработка экономических инструментов, необходимых для содействия развитию предпринимательства, улучшения качества математического и научного образования, лучшей координации систем среднего и высшего образования, разработки региональных инновационных стратегий.

Главная цель данной стратегической инициативы заключается в создании высокопроизводительных и высокооплачиваемых рабочих мест и, как следствие – в повышении жизненного уровня в сложившихся глобальных вызовах национальной экономике на современном этапе и возможном ослаблении конкурентоспособности экономики страны и отдельных ее регионов. В качестве наибольших угроз экономике страны рассматривались: значительный рост экономики развивающихся стран, ориентированных на высокотехнологичное производство, и как следствие потеря страной позиций лидера в области инноваций и производстве продуктов с высокой добавленной стоимостью. Существенными угрозами развития экономик штатов, по мнению авторов Стратегии, становится отсутствие системы сбалансированных инвестиций в образование, НИОКР и предпринимательство, необходимых для инновационной экономики; отставание по необоронным НИОКР от основных конкурентов США - Японии и Германии, несоответствие структуры подготовки в американской средней школе требованиям инновационной экономики.

В результате была определена основная функция администрация штатов в инновационном развитии - подготовка условий на территории для экономического роста и определение конкурентных преимуществ штата, и формирование на их основе политики местного инновационного развития штата.

Инновационная инициатива в США определяет работу региональных властей в девяти стратегических направлениях:

- Стимулирование бизнес-сообщества к развитию на основе принципов инновационной экономики;
- соинвестирование в инфраструктуру инноваций;
- соинвестирование в подготовку, переподготовку и повышение квалификации трудовых ресурсов;
- содействие развитию предпринимательства;
- поддержка промышленных кластеров;
- уменьшение затрат на развитие бизнеса и сохраняющийся рост уровня жизни;
- поддержка мер повышения производительности труда;
- корректировка основных направлений социально-экономического развития;
- содействие привлечению федеральной помощи.

Таким образом, главной задачей региональных властей является создание бизнес-климата, способствующего поддержке технологических трансформаций, предпринимательского духа и стимулирующих приобретение знаний и повышение квалификации. Решение данных задач приведет к росту производительности труда, созданию более качественные рабочие места и росту уровня жизни населения.

В связи с этим, особое внимание в документе уделяется соответствию применяемых региональными властями стимулов для развития территории задачам развития инновационной экономики. Льготы, предоставляемые на территории должны поощрять именно инновации, а не создание новых рабочих мест. Также льготы для частных компаний должны зависеть от уровня установленной заработной платы: если заработная плата определенной доли работников компании находится ниже соответствующего уровня, компания не вправе получать льготы.

Особое значение в рамках инициативы приобретает кластерная стратегия. Региональная инновационная стратегия в США (RIS) особое внимание уделяет кластерам, которые получают поддержку, в том числе и в рамках программы i6 Challenge. Кластеры имеют более высокую производительность труда, повышают возможности трудоустройства.

При этом роль региональных властей в данном процессе заключаться в использовании информационных возможностей для привлечения новых участников в кластеры; налоговая политика, стимулирующая развитие кластеров; упрощение учредительных процедур; облегчение доступа к стартовому и венчурному капиталу. [5]

Стратегия пространственного развития Бразилии

Бразилия имеет уже 50-летнюю историю региональной политики, но за это время, несмотря на отдельные успехи, не была разработана единая стратегия регионального развития. Это серьезно затрудняет региональное развития в современной социально-экономической ситуации в стране.

На первом этапе (1960-е–1980-е годы) основным направлением региональной политики было развитие самых бедных регионов страны, через предоставление венчурного капитала для финансирования новых инвестиционных проектов. Для этого было создано правительством страны три региональных фонда венчурного капитала для наиболее беднейших регионов страны, управления которыми были переданы в три региональных агентства развития: SUDECO в Центрально-Западном, SUDAM в Северном SUDENE в Северо-Восточном регионе. [11, 12, 13] В реализации своей политике эти региональные агентства учитывали предложения администрации штатов.

Основными направлениями экономического развития в Северо-Восточном регионе стало расширение и модернизация транспортной инфраструктуры, энергетики и ЖКХ; разработка и развитие региональных и отраслевых структур планирования и исполнения в государствах; развитие федеральных университетов и повышение образования учителей и врачей; развитие современной и конкурентоспособной производственной базы; реализация, расширение и модернизация конкурентоспособных предприятий, основанных на предоставлении полного или частичного освобождения стимулов налога на прибыль; и развертывание системы развития малых и средних предприятий, чтобы завершить региональные производственные цепочки.

В Центрально-Западном регионе основными направлениями развития стало снижение уровня бедности, развитие инфраструктуры и экономического потенциала территории. Наиболее успешным стал проект развития сельского хозяйства в тропическом районе бразильского Серрадо, реализованный в середине 70-х гг. XX в. В Северном регионе основным направлением регионального развития стало социально-экономическое развитие Амазонии. Была разработана система налоговых преференций, в том числе освобождение от налога на прибыль, налогов и сборов на импорт машин и оборудования, а также недвижимость и пожертвования иностранными субъектами. [12]

На втором этапе (1988-2003 гг.) региональная политика была направлена на развитие кредитно-денежных инструментов и предусматривала предоставление субсидированных кредитов частным предприятиям и увеличение денежных выплат наименее обеспеченным слоям населения. В 1990-е годы региональные агентства развития были постепенно ликвидированы, а фонды венчурного капитала упразднены.

В соответствии с Конституцией Бразилии позднее были созданы три новых региональных фонда финансовой поддержки (ФНЕ, ФНО и ФСО) и разработаны многочисленные программы, предусматривавшие выплату денежных пособий населению. Новые региональные фонды финансовой поддержки стали предоставлять субсидированные кредиты для финансирования инвестиций в Северном, Северо-восточном и Центрально-Западном регионах. Федеральные власти продолжили политику денежных компенсаций и постепенно увеличивали размеры денежных выплат населению старше трудоспособного возраста и жителям сельской местности. Некоторые экономисты называли такую политику “ростом непродуктивной экономики”. В этих условиях между бразильскими штатами возникла острая конкуренция за привлечение инвестиций из наиболее развитых районов страны: Южного и Юго-Восточного. В результате правительства штатов Северного, Северо-

Восточного и Центрально-Западного регионов были вынуждены сформировать пакет налоговых льгот для инвесторов из Южного и Юго-восточного регионов Бразилии.

На третьем этапе (2006- настоящее время) была предпринята разработка стратегии новой региональной политики. Было решено возродить региональные агентства развития, руководствуясь идеей о том, что современная региональная политика должна быть направлена на увеличение объема инвестиций в инфраструктуру, развитие общественных благ (в первую очередь здравоохранение и образование) для наименее обеспеченных слоев населения, а также предоставление субсидированных кредитов для финансирования новых инвестиционных проектов. Закон о создании агентств регионального развития был утвержден в конце 2006 г. Но, правительство наложило свое вето на ряд инновации, одобренные Сенатом, для дальнейшей работы Агентств. В список не поддержанных мер вошло и формирование нового фонда венчурного капитала для финансирования важных инвестиционных проектов в Северном, Северо-восточном и Центрально-западном регионах Бразилии.

Сенат потребовал, чтобы федеральное правительство разработало многолетний план регионального развития с конкретными плановыми показателями в области социально-экономического развития (ВВП на душу населения, средняя продолжительность обучения в школе, младенческая смертность, обеспеченность канализацией и т.д.). Идея заключалась в том, чтобы агентства регионального развития проводили ежегодную оценку того, в какой степени социально-экономические показатели штатов и регионов приближаются к общенациональному среднему уровню. В отсутствие такого сближения федеральное правительство должно было бы принимать дополнительные меры, чтобы эти цифры соответствовали плановым показателям, установленным в региональном плане развития.

В 2011 г. работа региональных агентств при Министерстве региональной интеграции, которые и определяют в настоящее время стратегию регионального развития страны, была возобновлена.

Основной целью работы SUDECO стала разработка нормативно-правовой основы национальной политики регионального развития и территориального планирования для Среднего Запада, способствующая сокращению регионального неравенства и рационального развития территории. Дальнейшая деятельность агентства направлена на разработку и внедрение эколого-экономического районирования для продвижения территориального планирования и охраны окружающей среды; институционализацию и укрепление национальной политики по отношению к местным производителям; создание и повышение экономических инструментов, направленных на содействие устойчивому региональному развитию. Создание и расширение местных кластеров и технологических цепочек в различных масштабах должно способствовать повышению конкурентоспособности и преодолению регионального неравенства и крайней нищеты в регионах за счет экономического динамизма и продуктивной интеграции. Работа строится с целью укрепления местных и региональных инновационных систем, направленных на рост конкурентоспособности производственных территорий и устойчивого регионального развития, путем содействия обмену знаниями и доступом к инструментам государственной поддержки инновационной деятельности. [12]

Главной функцией SUDAM декларируется содействие всестороннему и устойчивому развитию территории бассейна реки Амазонки, обеспечивающего искоренение нищеты и сокращение регионального неравенства. [11]

Задачей территориального развития, осуществляемого в северо-восточном регионе страны, становится стимулирование сотрудничества всех участников экономического процесса с целью всестороннего и устойчивого развития, сохранения культурного наследия и повышения конкурентоспособности экономики региона на национальном и международном уровнях.

Стратегия пространственного развития Казахстана

Одна из первых стратегий территориального развития Казахстана была разработана в 2006 г. Целью реализации «Стратегии территориального развития Республики Казахстан до

2015 г.» было объявлено обеспечение устойчивого развития страны и благоприятных условий для жизнедеятельности населения на основе формирования конкурентоспособных отраслей специализации в региональной и мировой экономике, рациональной пространственной организации экономического потенциала и расселения населения. [1]

К приоритетам территориального развития было отнесено: формирование "зон опережающего роста" (полусов роста), в которых концентрируется экономический потенциал и активность в стране и выступающих в роли "двигателей" для остальных регионов страны; интеграция экономического пространства Казахстана в мирохозяйственную систему как центрально-азиатского торгово-экономического и сервисно-технологического центра; сочетание рациональности освоения территории всей страны и концентрация экономических и трудовых ресурсов в наиболее экономически перспективных и благоприятных для жизнедеятельности регионах страны; внедрение механизмов кластерного развития с целью повышение конкурентоспособности регионов.

На основе Стратегии пространственного развития планировалось осуществить общую координацию по вопросам макроэкономического регулирования и развития финансового сектора, создание благоприятного делового и инвестиционного климата, целостного развития таких факторов производства, как человеческий капитал, научно-технический потенциал и другим направлениям.

В 2014 г. на основе Прогнозной схемы территориально-пространственного развития Казахстана до 2020 года, Послания Президента Республики Казахстан народу Казахстана «Стратегия «Казахстан – 2050»: новый политический курс состоявшегося государства», основных положений Генеральной схемы организации территории Республики Казахстан Министерством регионального развития Республики Казахстан была разработана Программа развития регионов до 2020 г., заменившая Стратегию территориального развития 2006 г.

В тоже время анализ действующих программных документов пространственного развития показывает недостаточную согласованность институциональных и административных ресурсов не только на региональном, но и общегосударственном уровне. В таких условиях объективно возникает требование объединения положений всех вышеуказанных программных документов вокруг одного стержня – развития регионов, или формирования центров экономического роста регионов. В качестве базовой идеологии региональной политики предлагается стратегия сбалансированного развития, основанная на рациональном балансе приоритетного развития перспективных центров экономического роста и поддержке регионов (различных типов систем населенных мест) с низким экономическим потенциалом на минимально достаточном уровне стандарта качества жизни.

Система регионального развития Австралии

Становление австралийской системы регионального развития Австралии происходило неравномерно и определялось распределением полномочий в вопросах регионального развития между федеральным центром, штатами и территориями.

Агентство Регионального развития Австралии (RDA) является партнерством, способствующее взаимодействию в вопросах экономического роста и развития отдельных территорий между федеральными и региональными органами власти, а также органами местного самоуправления. [8] Национальная сеть из 55 агентств (комитетов) регионального развития комитетов была создана для обеспечения стратегических основ экономического роста в каждом регионе. Основными задачами комитетов являются: поддержка регионального экономического планирования, консультации и взаимодействие с местными сообществами в экономических, социальных и экологических вопросах, разработка общих решений и приоритетов, осуществление связи с правительствами и местными общинами в рамках государственных программ, услуг, грантов и инициатив регионального развития, способствование росту бизнеса и развитие инвестиционных стратегий, экологических решений и стратегий социальной интеграции в регионе.

Комитеты Регионального развития Австралии осуществляют: разработку планов регионального развития (с социально-экономическим описанием региона, формулировкой намечаемых изменений, определением сильных и слабых сторон, возможностей и приоритетных направлений развития); консультирование по вопросам возможностей финансирования, имеющихся у региональных общин, из фондов австралийского правительства и правительств штатов (территорий); участие в процессе планирования с другими региональными заинтересованными сторонами; проведение семинаров для создания навыков планирования у сотрудников небольших предприятий и общественных организаций, а также развитию у них навыков управления, написанию представлений на гранты и контракты; исследование конкретных вопросов и областей, выявление проблем; разработка и реализация решений, отвечающих потребностям региона; проведение региональных форумов по ключевым вопросам, затрагивающим развитие регионов; подготовка справки региона для привлечения инвестиций в новые сегменты экономики.

В 2011 г. был создан Региональный фонд развития Австралия (RDAF) для развития инфраструктуры и экономического роста регионов Австралии. Программа финансируется через отдельные инфраструктурные проекты, которые определены в качестве приоритетных направлений местными сообществами. Финансирование строительства новых и / или модернизации существующих спортивных, культурных, художественных и общественных объектов, а также аэропортов и дорог.

Стратегия пространственного развития Канады

Основная стратегическая цель развития провинций Канады: обеспечение устойчивого развития, стимулирование социально-экономического развития регионов (провинций и территорий), поддержка уровня благосостояния.

Единого стратегического документа в стране не принято. Главный механизм развития является система федеральных бюджетных трансфертов, которые после их получения самостоятельно используются правительствами провинций, как правило, на финансирование инфраструктурных и социальных проектов, осуществляемых на тендерной основе.

Что касается обеспечения финансирования строительства и последующего оперативного управления самых различных инфраструктурных объектов в регионах, то в последние десятилетия преобладающей формой их реализации стало партнерство федерального Правительства Канады с частными компаниями или их консорциумами. При этом целый ряд таких объектов реализован на основе получающего все большее признание в мировой практике принципа «построить-использовать-передать».

Особую роль в стратегическом планировании регионального развития играют Агентства регионального развития Канады, оказывающие помощь в решении ключевых экономических проблем путем предоставления регионально разработанных программ.

Содержание программ направлено на решение следующих задач: развитие бизнеса, рост производительности и инновации; помощь малым и средним предприятиям с целью повышения конкурентоспособности на мировом рынке; поддержка региональной экономики в период экономических спадов и кризисов, поддержка местного бизнес -сообщества.

Каждое из 6 Агентств регионального развития реализует региональную стратегию в рамках общей социально-экономической политики и национальных приоритетов путем координации и сотрудничества федеральных и региональных органов власти, местных сообществ и ведущих научно-исследовательских учреждений, а также других заинтересованных сторон.

В связи с этим, работа каждого Агентства курируется определенным Министерством, реализующим главную стратегию развития территории.

Агентство по экономической диверсификации западных провинций (Minister responsible for Western Economic Diversification). В 1987 году на федеральном уровне был принят закон по экономической диверсификации западных провинций Канады в целях развития экономики территорий страны, примыкающих к тихоокеанскому побережью страны (схожих с территорией

Дальнего Востока и Восточной Сибири России). На основании этого закона Правительством Канады создано Агентство по экономической диверсификации западных провинций. Цель Агентства состоит в обеспечении комплексного развития четырех провинций тихоокеанского побережья Канады (Британская Колумбия, Альберта, Саскачеван и Манитоба), а именно - в создании на территории указанных провинций новых конкурентоспособных предприятий и различных видов бизнеса, привлечении зарубежных инвесторов, а также осуществлении мер по оздоровлению экономики провинций. [9]

Основной задачей в рамках своей деятельности Агентство считает поддержку инновационной деятельности в различных отраслях промышленности; оказание финансовой поддержки предприятиям, разрабатывающим новые продукты и технологии, имеющим значительный потенциал роста; выработку жизнеспособной стратегии и формирование квалифицированной управленческой команды. При этом Агентством разработан целый ряд конкретных программ, направленных на стимулирование и развитие экономики регионов тихоокеанского побережья: Программа по инновациям, Программа развития малого и среднего бизнеса, Программа развития бизнеса агропромышленного сектора западных провинций. В 2007 г. федеральное Правительство Канады выдвинуло Инициативу создания Азиатско-Тихоокеанских ворот и коридора Канады с целью социально-экономического развития территории и вовлечения провинций в систему международных экономических связей. Данная Инициатива представляет собой интегрированную программу политических и инвестиционных мер, направленных на создание благоприятных условий для осуществления торговли со странами АТР на основе формирования глобальной транспортной и логистической сбытовой цепи между Северной Америкой и Азией. О значимости этой программы говорит тот факт, что от Правительства ее реализацию контролирует Министр Азиатско-Тихоокеанского коридора Канады (как правило, он является и Министром международной торговли). За первые пять лет, реализации Инициативы (это произошло вскоре после состоявшегося в Канаде в 2006 году саммита АТЭС), Правительство Канады инвестировало в рамках этой программы 1,4 млрд. долл. США в стратегически важные инфраструктурные проекты. А в целом Правительством объявлено об осуществлении в партнерстве с западными провинциями Канады (Британская Колумбия, Манитоба, Саскачеван и Альберта) 47 инфраструктурных проектов на общую сумму свыше 3,5 млрд. долл. США.

Агентство экономического развития Квебека (Министерство инфраструктуры и межправительственных дел Канады). Агентство несет ответственность за формирование конкурентоспособного промышленного и технологического развития территории, в том числе в аэрокосмической промышленности, сфере обороны. [17]

Агентство развития северных территорий (Министерство окружающей среды Канады). Агентство развития северных территорий способствует формированию конкурентоспособной, устойчивой экономики для территорий зоны Севера. Стратегия развития направлена на рост качества жизни и поддерживает усилия всех местных общин по реализации потенциала в развитии и диверсификации ключевых отраслей экономики: добыча минеральных ресурсов, туризма, рыболовства, использование возобновляемых источников энергии, а также в традиционных отраслях хозяйства народов Севера. Агентство признает уникальность и значимость инвестиций в проекты, реализуемые на территории северных сообществ, многие из которых малочисленны и проживают на значительном расстоянии друг от друга.

Агентство развития северных территорий реализует несколько программ. Программа развития экономических возможностей территорий коренных народов Севера предназначена для расширения экономических возможностей участия коренных народов Севера в экономическом потенциале страны. Программа «Стратегические инвестиции в экономическое развитие северных территорий» направлена на поддержание условий и развитие инфраструктурного потенциала северных районов. Программа «Инфраструктура Канады 150» инвестирует в проекты, которые восстанавливают общественно значимую

инфраструктуру. Программа «Инициатива экономического развития» предусматривает поддержку бизнеса и экономического развития канадского севера, а также стимулирует устойчивый экономический рост в франкоязычных общинах севера Канады. [16]

Агентство регионального развития территории Южного Онтарио (Министерство промышленности). Агентство регионального развития территории южного Онтарио создано для создания условий формирования конкурентоспособной экономики региона на национальном и мировом уровне. Финансовая поддержка осуществляется в рамках нескольких программ и инициатив. Часть их них напрямую финансируется Агентством, часть предоставляют организации, получающие средства через агентство. Фонд расширенного производства способствует повышению производительности труда через поддержку крупномасштабных промышленных проектов, продвижения передовых технологий, создание кластеров, укрепления взаимодействия между бизнесом, научно-исследовательскими и высшими учебными заведениями. Программа «Инфраструктура Канады 150», реализуемая агентством, направлена на развитие инфраструктурных проектов. Программа «Инвестиции в бизнес и инновации» способствует формированию более конкурентоспособной среды путем развития глубоких партнерских отношений между предпринимателями и инвесторами. Программа «Инвестиции в региональную диверсификацию» предназначена для построения сильной, диверсифицированной экономики за счет использования уникального местного опыта. [15]

Агентство развития атлантического побережья (Министерство по делам индейцев и севера Канады). Агентство ставит перед собой основную задачу - рост конкурентоспособности предприятий, в том числе через производство инновационной продукции и создание высокопроизводительных рабочих мест, диверсификацию местной экономики. Особый акцент делается на повышении производительности труда, коммерциализации инновационных технологий, формирование конкурентоспособности территории на национальном и мировом рынках. [10]

Агентство регионального развития и инициатив территории Северного Онтарио (Министерство природных ресурсов). Реализуя программы создания рабочих мест и экономического роста, Агентство ставит перед собой задачу эффективного социально-экономического развития, фокусируясь на трех направлениях: экономическое развитие территории, рост бизнеса и повышение конкурентоспособности предприятий, инновации и нововведения. Значительное внимание уделяется развитию транспортной инфраструктуры района и развитие минерально-сырьевого комплекса на основе более эффективного использования минерально-сырьевой базы. [14]

Работая совместно, эти агентства регионального развития обеспечивают максимальную эффективность координации действий органов власти на разных уровнях в вопросах развития территорий, разработке или продлении действия национальных программы или услуги, предоставляемые на региональном уровне.

Стратегия пространственного развития Российской Федерации

Федеральная политика в отношении субъектов РФ в конце XX – начале XXI вв. строилась на основе сглаживания социально-экономических диспропорций развития регионов. Это было связано с рядом причин. Региональная социально-экономическая структура России стала наследием процессов развития в период плановой индустриализации, для которого характерен подход к территории региона как совокупности географически сопряженных производственно-технологических площадок, совместно обеспечивающих сбалансированность и самодостаточность экономики, ее динамичный рост. В результате основной задачей регионального развития рассматривалось плановое размещение производительных сил на территории. Исходя из этого, решался вопрос размещения населения (в рамках реализации масштабных миграционных программ по освоению северных и восточных земель), определялись приоритетные направления и сроки реализации инвестиционных проектов. Сложилась преимущественные типы территорий, получавших государственную поддержку на разных этапах развития. В 1920-30-е годы приоритетным

был подъем отсталых окраин; в 1930-е и начале 1940-х годов - создание и развитие новой металлургической базы на Урале и Западной Сибири. В 1950-70-е годы ускоренными темпами развивались сырьевые районы на востоке страны; в 1960-80-е годы происходило формирование крупнейших территориально-производственных комплексов. [6]

В марте 2001 г. на заседании правительства РФ были обсуждены «Основные направления социально-экономического развития на долгосрочную перспективу», представленные Министерством экономического развития и торговли РФ. В него впервые в современной России был включен раздел «Стратегия территориального развития и федеральная региональная политика». Но документ не был принят, также как и закон «Об основах государственного регулирования регионального развития в Российской Федерации», «Концепции стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации, а так же «Региональная стратегия» Л.В. Смирнягина, проекты А.Г. Гранберга, Б.М. Штульберга, Е.В. Семенова, С.С. Артоболевского в СОПСЕ и МАРСЕ. [3]

В 2004 году Министерством регионального развития была разработана Концепция Стратегии социально-экономического развития регионов Российской Федерации, подготовленной на основе приоритетов деятельности Правительства Российской Федерации, определенных в «Основных направлениях деятельности Правительства Российской Федерации до 2008 года».

В данном документе были сформулированы главные стратегические цели региональной политики страны. Приоритетными были признаны обеспечение роста конкурентоспособности регионов России и экономике страны в целом на мировом рынке. Появилась необходимость консолидации всех ресурсов российских регионов для ускоренного экономического роста и структурных изменений экономики, дальнейшее развитие человеческого капитала, рост территориальной и социальной мобильности населения, улучшение экологической обстановки в регионах, повышение качества управления и использования общественных финансов на субфедеральном уровне. Все это стимулировало процессы новой «регионализации» в экономике страны. [21]

К приоритетам регионального развития Российской Федерации были отнесены все направления связанные с инновационным развитием территории. Важным элементом такого развития становилось формирование нового опорного каркаса расселения на основе выделения соответствующих всем критериям инновационной экономики «локомотивов роста» (с указанием их функций и национальных задач развития). Развитие нового каркаса расселения учитывало развитие инновационных, социальных и экономических факторов. Успешное территориальное развитие становится возможным при эффективной работе сформированных региональных модулей Национальной инновационной системы Российской Федерации. Со стороны регионов необходимо было создание условий для модернизации промышленности, поддержки и развития конкурентоспособных экономических кластеров. Создание системы управления человеческими ресурсами, повышение мобильности населения, обеспечение эффективного миграционного баланса в стране, развитие региональной занятости населения (через развитие территориальных кластеров, малого и среднего бизнеса и т.д.), улучшение качества государственного (муниципального) управления в регионах, в первую очередь повышение эффективности использования общественных финансов также становилось эффективным инструментом развития территории.

Приоритетные задачи государственного управления в регионах определялись функцией территории в пространственной организации страны. Так, в добывающих регионах главными приоритетами становились социальные (развитие человеческих ресурсов, учет в региональном развитии интересов коренных малых народов), экономические (развитие минерально-сырьевой базы, качественное улучшение инфраструктурного развития, формирование системы расселения, учитывая различия в эффективности экономической деятельности) и экологические приоритеты.

К выделенным зонам безопасности были отнесены 4 типа регионов: приграничные, закрытые административно-территориальные образования, зоны с потенциалом этноконфессиональных конфликтов, кризисные территории, ситуация в которых создает угрозу

для единства и стабильности в стране. Для этих территорий были разработаны специальные федеральные и региональные целевые программы, предусматривающие привлечение в регионы трудовых ресурсов и закрепления на ней населения, социальную и юридическую защиту всех групп населения (Программы по предотвращению этно-конфессиональных конфликтов, укреплению общественного порядка, Программы адаптации мигрантов и повышения продуктивности кросс-культурного взаимодействия). В ряде регионов были введены ограничения на отдельные виды хозяйственной деятельности, установлен особый режим для нерезидентов. За счет выделения транспортно-логистических, торговых и культурных узлов (узлы нового типа безопасности) начала формироваться модель эффективного трансграничного сотрудничества.

Зоны технологических трансферта планировалось развивать за счет наиболее передовых импортных технологий, привлечения стратегически значимых инвесторов.

В зонах инновационного развития был сделан акцент на создании особых экономических зон технико-внедренческого типа, формировании механизмов привлечения высококвалифицированных кадров, развертывание регионального модуля инновационных систем, повышение эффективности и доступности всех видов коммуникаций. [19, 22]

Развитие мировых городов на территории России планировалось через размещение штаб-квартир глобальных корпораций, крупных административных, социальных объектов, имеющих федеральное значение, формирование и развития высокоурбанизированных системы расселения и развитие инфраструктуры ускоренными темпами.

Планировалось, что старопромышленные районы получат дополнительной развитие через особые экономические зоны производственно-технологического типа, реиндустриализацию, реабилитации и восстановление городской среды населенных пунктов.

Для территорий, прошедших первичную индустриализацию были разработаны целевые программы, повышающие занятость и мобильность населения и обеспечивающих его адаптацию на новых территориях, направленные на выравнивание бюджетной обеспеченности и способствующие развитию инфраструктуры.

В июне 2004 г. в Совете Федерации в рамках Экспертного совета по проблемам инновационной политики при Совете Федерации была создана Проблемная рабочая группа по прогнозированию и стратегическому планированию экономического развития российских регионов. На ее заседании 20 января 2005 года была одобрена «Концепция, технология и инструменты формирования управленческих решений в социально-экономической сфере субъектов Российской Федерации». К концу 2015 г. Группа инициировала создание пилотного проекта «Конкурентоспособный регион как точка роста конкурентоспособности России», получивший поддержку Парламентский слушаний в Совете Федерации.

Концепция проекта получила поддержку Парламентских слушаний в Совете Федерации «О законодательном обеспечении формирования и развития конкурентоспособной экономики Российской Федерации» 25 ноября 2005. А также была представлена в Страсбурге в Ассамблее европейских регионов, представители которой выразили готовность использовать ее для реализации региональной программы развития в одном из европейских регионов в качестве эксперимента.

На основе концепции проекта Рабочей группой был подготовлен проект Ведомственной целевой программы (ВЦП) с аналогичным названием, который был одобрен Министерством регионального развития Российской Федерации и внесен в Правительство Российской Федерации в начале 2006 года.

В июле 2006 года на заседании Государственного совета были рассмотрены предложения Рабочей группы по методике комплексного социально-экономическому планированию развития регионов. Было официально подтверждено, что в соответствии с действующим законодательством в России может вообще не быть стратегических документов в области территориального планирования. В результате, как на федеральном уровне, так и на уровне регионов не было создано ни долгосрочной стратегии регионального развития, ни среднесрочных реализующих ее программ.

Длительное время не были включены в долгосрочные отраслевые стратегии, среднесрочные программы социально-экономического развития территории регионов, программ развития инфраструктурных монополий разделы, касающиеся вопросов регионального развития. Поэтому было предложено разработать и принять в короткие сроки федеральный закон об организации разработки и реализации государственной региональной политики в России. Он должен был обеспечить взаимосвязь региональных приоритетов страны с разрабатываемыми на региональном уровне концепциями, стратегиями и программами развития. Для этого было предложено разработать общедоступную методическую базу по всему кругу вопросов планирования.

В 2008 г. была создана Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, в которой были заложены стратегические основы территориального развития страны. Основной целью регионального развития провозглашалась повышение сбалансированности пространственного развития российской экономики. Повышение устойчивости территориального развития в современной экономике возможно при оценке всех элементов конкурентоспособности экономики региона. Значимым оказывается формирование новых центров динамичного экономического развития; создание условий для подъема наименее развитых регионов страны, относящихся к периферии. Это способствует сокращению региональных диспропорций в показателях уровня и качества жизни населения, как между субъектами, так и между отдельными муниципальными образованиями. Приоритетным провозглашается и последовательное освоение слабосвоенных, но имеющих потенциальные долгосрочные экономические преимущества, территорий страны; укрепление единого экономического пространства России и создание условий устойчивого развития геополитически-проблемных регионов.

В 2014 г. Федеральным законом № 172-ФЗ "О стратегическом планировании в Российской Федерации" был введен занимающий центральное место в системе государственного стратегического планирования документ – Стратегия пространственного развития Российской Федерации. Он должен разрабатываться в соответствии с основами государственной политики регионального развития РФ в целях реализации основных положений стратегии социально-экономического развития РФ и стратегии национальной безопасности РФ. В Стратегии пространственного развития должны быть определены приоритеты, цели и задачи регионального развития РФ и меры по их достижению и решению. Документ будет являться основой для разработки и корректировки схем территориального планирования РФ, стратегий социально-экономического развития макрорегионов, государственных программ РФ, стратегий социально-экономического развития субъектов РФ, иных документов стратегического планирования и документов территориального планирования, предусмотренных Градостроительным кодексом РФ.

Заключение

Анализ и оценка стратегических документов регионального развития в зарубежных странах позволяет определить приоритетные направления и актуализировать цели и задачи реализации стратегии пространственного развития России на современном этапе.

Реализация Стратегии пространственного развития России связана с решением исключительно сложных вопросов. В первую очередь, это - принципы размещения производства; достижение широкого круга показателей и актуализации методов их расчета; поиск методов совершенствования размещения отдельных предприятий отраслей хозяйственного комплекса и межхозяйственных взаимодействиях промышленных предприятий на территории регионов, территориально-промышленных комплексов, зон и территорий опережающего развития.

Опыт зарубежных стран показывает, что особое внимание следует уделять территориями со сложными условиями развития – они требуют особого внимания и отдельных приоритетов в развитии. Для России это, в первую очередь, обширные территории Зоны Севера и регионы проживания малочисленных коренных народов.

Разработка единой Стратегии пространственного развития должна учитывать не только сложившийся опыт, но и современные требования повышения конкурентоспособности экономик в рамках инновационного развития, как отдельных территорий, так и страны в целом. Особая роль в этом может принадлежать развитию особых точек роста – инновационно-территориальных кластеров.

Литература

1. Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан <http://adilet.zan.kz/rus>
2. *Литина С.А.* Евразийские интеграционные экономические процессы: возможности роста Журнал правовых и экономических исследований. 2014. № 4. - С. 15-23.
3. *Литина С.А.* Инновационный вектор развития прибрежных территорий Российской Арктики. Арктика и Север. 2016. № 22. С. 66-74.
4. *Литина С.А., Литина А.В.* Инновационная экономика 21 века: мировой опыт и практика Успехи современной науки и образования. 2016. № 1.-С. 11-13.
5. *Литина С.А., Смирнова О.О., Крейденко Т.Ф.* Возможности и ограничения пространственного развития Российской Федерации в долгосрочной перспективе // Региональная экономика. Юг России. 2016. № 2 (12). С. 14-24.
6. *Митрофанова И.В.* Программно-целевой подход к управлению территорией: анализ современного отечественного опыта // Региональная экономика: теория и практика. 2006. №5. - С. 42-46
7. *Митрофанова И.В.* Управляемое социально-экономическое развитие регионов и округов России: мифы и рифы стратегического менеджмента // Менеджмент и бизнес-администрирование, 2010. № 4. - С. 62-71
8. Официальная страница Агентства регионального развития Австралии <https://rda.gov.au/>
9. Официальный сайт Агентства по экономической диверсификации западных провинций Канады <http://www.wd-deo.gc.ca/eng/home.asp>
10. Официальный сайт Агентства развития Атлантического побережья <http://www.acoap-arcsa.gc.ca/>
11. Официальный сайт Агентства регионального развития SUDAM <http://www.sudam.gov.br/>
12. Официальный сайт Агентства регионального развития SUDECO <http://www.sudeco.gov.br/>
13. Официальный сайт Агентства регионального развития SUDENE <http://www.sudene.gov.br/>
14. Официальный сайт Агентства регионального развития и инициатив территории Северного Онтарио <http://fednor.gc.ca/>
15. Официальный сайт Агентства регионального развития территорий Южного Онтарио. <http://www.feddevontario.gc.ca/>
16. Официальный сайт Агентство развития северных территорий Канады <http://www.cannor.gc.ca/>
17. Официальный сайт Агентство экономического развития Квебека <http://www.dec-ced.gc.ca/>
18. Официальный сайт Национальной ассоциации губернаторов США <http://www.nga.org>
19. *Родионова И.А., Степанов А.В.* Стратегия инновационного развития Российской Федерации: региональная кластерная политика старопромышленного региона (на примере «титановой долины» (Урал)) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. 2012. № 1. С. 5-13.
20. *Смирнова О.О.* Азбука стратегического планирования: концептуальные основы разработки генеральной схемы размещения и развития производительных сил СССР и Стратегии пространственного развития Российской Федерации // Путь науки. 2014. № 7 (7). С. 50-53.
21. *Смирнова О.О.* Главная государственная точка роста России: Стратегия пространственного развития Российской Федерации и Генеральная схема размещения и развития производительных сил СССР. Методологические основы. Журнал "Современные производительные силы". 2014. № 3. С.14-22.
22. *Фролова Е.Д.* Функционирование индустриального района в глобальном геоэкономическом пространстве: инфраструктурный аспект: монография / Е.Д. Фролова. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2007.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ МАЛЫХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИК В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современный этап развития мирового хозяйства, который мы по привычке называем «глобализация», претерпевает сегодня огромные изменения. Из великой идеи о либерализации мировой экономики, о равном доступе всех стран к ресурсам, развитию и т.д., мир входит в фазу острой конкурентной борьбы за сферы влияния. Разрушение однополярного мирового устройства, которое на непродолжительное время установилось после распада Советского Союза, и формирование многополярного мирового устройства, фактически перекраивает мировую политическую карту мира, а с ней и сформировавшееся в XX веке международное разделение труда.

Постановка проблемы и задача исследования

С распадом Советского Союза в мировой экономике и политике начался новый этап формирования мирового экономического порядка, итогом которого на сегодняшний день стало появление многоуровневой экономической системы стран:

1. Постиндустриальные страны - доля услуг в ВВП более 75%;
2. Индустриальные страны – страны, где сконцентрирован материальный сегмент мирового валового продукта (МВП);
3. Страны – поставщики ресурсов, включая человеческие [4].

Движущими силами, формирующими такую архитектуру международных экономических отношений, являются, прежде всего, развитые страны, международные экономические организации (ВТО, МВФ, Всемирный банк и др.), транснациональные корпорации. Отсюда характерной чертой данной модели стала утрата или частичная утрата национальными государствами экономического суверенитета, а так же увеличивающаяся разница в уровне социально-экономического развития между странами.

В большей степени данная тенденция коснулась стран с так называемой малой экономикой, то есть стран, незначительные размеры экономик которых не позволяют оказывать существенное влияние на процессы на мировом рынке [7]. К таким странам, безусловно, относится Грузия.

В связи с этим, основной задачей стран с малой экономикой на современном этапе развития мирового хозяйства становится встраивание в мировое хозяйство с максимальной выгодой для национальной экономики, т.е. с соблюдением базовых, неменяющихся во времени и пространстве национальных интересов. Базовыми национальными интересами для любой страны как малой, так и большой является: сохранение территориальной целостности и поступательное улучшение уровня и качества жизни населения.

Понимая, что стандартные рецепты, которые подходят для экономик стран богатых человеческими, природными и другими видами ресурсов, для малых стран не подходят, что вопросы экономической независимости и самообеспеченности тоже не могут быть поставлены во главу угла, по указанным выше объективным причинам, основная задача стран с малой экономикой найти такие ниши в сфере производства товаров или услуг, а также такую степень открытости экономики, которые позволили бы обеспечивать ее конкурентоспособность. Это - участие стран в глобальных цепочках стоимости, кооперационных связях, международной торговле, международном движении капитала и т.д. Все это необходимо - чтобы обеспечить реализацию главного базового интереса страны – поступательного улучшения качества и уровня жизни.

Примеры успешного встраивания в мирохозяйственную систему и даже перехода малых экономик в разряд больших есть. Это Сингапур, Республика Корея, Люксембург, отдельные страны Центральной и Восточной Европы и др. Все эти страны смогли эффективно использовать имеющиеся и создать новые конкурентные преимущества для повышения уровня конкурентоспособности в мировом хозяйстве.

Иными словами, конкурентоспособность, факторы конкурентоспособности и механизмы её развития для стран с большими экономиками и стран с малыми по размеру экономиками существенно отличаются. Цель данной статьи – обозначить особенности повышения конкурентоспособности малых стран на примере Грузии.

Теоретические аспекты проблемы конкурентоспособности стран мира

Проблема конкурентоспособности страны в контексте мировой экономики пока не вполне четко осознанная и поставленная в Грузии, уже давно стала первоочередной проблемой для подавляющего большинства стран, как с малой, так и с большой экономикой.

Проблемами повышения конкурентоспособности начали заниматься ещё меркантилисты, которые говорили о необходимости поддержки национального производителя. Затем последовали теории абсолютных и сравнительных преимуществ А.Смита и Д. Рикардо, которые стали основой современных взглядов на конкурентоспособность страны и были продолжены Э. Хекшером и Б. Олиным, В. Леонтьевым, Рыбчинским, Ванеком, Э. Райнертом, М. Портером, Й. Шумпетером, Дж. Кейнсом, П. Кругманом и др.

Однако, изучив антологию экономической мысли можно отметить, что современные теоретические исследования проблем конкурентоспособности как зарубежных, так и российских авторов основываются в первую очередь на работах М. Портера. В своей работе «Международная конкуренция» автор утверждает, что «на международном рынке конкурируют фирмы, а не страны» [6]. Т.е. успех страны успех на внешнем рынке зависит от правильно выбранной конкурентной стратегии компаний, осуществляющей внешнеэкономическую деятельность.

М. Портер выделяет четыре составляющих конкурентных преимуществ, которые в российской и грузинской научной литературе получили название «конкурентного ромба»:

1. Факторные условия – все виды ресурсов, включая человеческие, природные, капитал, научно-информационный потенциал, инфраструктура.
2. Условия спроса – внутреннего и внешнего. Уровень спроса, высокая квалификация и требования национальных потребителей, соответствие внутреннего спроса мировому уровню.
3. Наличие конкурентоспособных родственных и поддерживающих отраслей.
4. Структура и стратегии фирм, внутриотраслевая конкуренция [6].

Факторы конкурентоспособности страны могут, как наследоваться, так и создаваться. Причем для получения конкурентного преимущества не так важен факт наличия и запаса факторов, как скорость их создания и совершенствования или получения извне. Это положение особенно важно для Грузии как страны малой экономики с ограниченными ресурсами. Портер в своей работе доказал, что факторы конкурентоспособности делятся на основные (природные, климатические, неквалифицированная рабочая сила и т.п.) и развитые (современная инфраструктура, высококвалифицированная рабочая сила). Причем конкурентное преимущество страны, основанное на основных факторах, крайне неустойчиво. Следовательно, задача страны сосредоточится на поиске и развитии развитых факторов конкурентоспособности.

Очень важным, на наш взгляд, положением в теории Портера, является положение о так называемом «случае», который может полностью изменить конкурентный потенциал страны, это может быть: крупное открытие; резкое изменение цен на ресурсы; резкое повышение мирового спроса; политические решения зарубежных правительств; войны и т.п. Т.е. это дополнительный аргумент в пользу развития в странах с малой экономикой научного потенциала, который может послужить толчком для улучшения конкурентоспособности национальной экономики.

Тем не менее, в теории М.Портера есть довольно спорный момент относительно роли государства. Учёный считал, что в условиях глобализации на развитие конкурентоспособности страны государство должно оказывать лишь через инструменты

косвенного воздействия, такие как: государственные закупки, налоговое и антимонопольное законодательство, установление стандартов продукции и т.д. Всякое прямое регулирование и воздействие национального государства, которое имеет цель национального поступательного развития (а именно обеспечение повышения уровня и качества жизни) обосновывается как неэффективное. Пользуясь данной теорией, грузинские производители выступают за дальнейшее дерегулирование экономики, а усиление своих конкурентных преимуществ видят в сокращении персонала и снижении заработной платы, что противоречит базовому национальному интересу республики.

Поэтому на наш взгляд, определение конкурентоспособности, которое дает М. Портер более подходит к определению конкурентоспособности компании, как такому состоянию при котором компания имеет способность расти, соревноваться и быть прибыльной на рынке. В книге «Конкуренция» М. Портер подтверждает, что у термина «конкурентоспособность» нет устоявшегося определения. Далее он пишет, что «единственная разумная концепция конкурентоспособности на национальном уровне — это производительность» [5]. Однако повторимся, что на наш взгляд это несколько узкий взгляд на определение.

Более точное определение конкурентоспособности страны дал профессор Гарвардской школы бизнеса Б. Скотт. Он писал, что «конкурентоспособность страны можно определить как степень, до которой в условиях открытого рынка страна способна производить продукты и услуги, которые могли бы конкурировать с зарубежными, и при этом сохранять и увеличивать свой внутренний реальный доход» [10]. Это определение, на наш взгляд решает главное противоречие в теории Портера, относительно того, что необходимым результатом повышения конкурентоспособности страны является улучшение уровня и качества жизни населения.

В дальнейшем позиция Б. Скотта была использована специалистами Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), которые под конкурентоспособностью страны предложили понимать «способность компаний, отраслей, регионов и наций создавать сравнительно высокий уровень доходов и заработной платы, оставаясь открытыми для международной конкуренции» [14].

Американские экономисты Д. Доллар и Э. Вульф в своей работе «Глобальная конкурентоспособность» под конкурентоспособностью страны предлагают понимать способность сочетания сильных позиций страны в международной торговле на базе высокой технологии и производительности с высокими доходами и заработной платой [12].

В 1992 году Национальный совет по политике конкурентоспособности США дал свое определение конкурентоспособности страны - как способности страны производить товары и услуги, которые отвечают требованиям спроса на мировых рынках, в то же время, обеспечивая гражданам, высокий уровень жизни и возможность его сохранения в течение длительного времени [4].

Однако и эти определения, на наш взгляд, не полностью отражают сущность конкурентоспособности страны. Ещё одной важнейшей характеристикой конкурентоспособности страны является её изменение во времени. Впервые на этом заострил своё внимание М. Данн в своей работе «Экономика современного производства: технологии, стратегии и организация» [13]. Под конкурентоспособностью М. Данн предлагает понимать гибкость, с которой национальная экономика способна предвидеть структурные изменения и адаптироваться к ним.

Представители грузинской школы определяют конкурентоспособность как «сложное, комплексное и многофакторное понятие, которое характеризуется довольно значительным динамизмом. Оно представляет собой показатель эффективности социально-экономической системы страны, которая определяет ее преимущество в соперничестве с национальными системами других стран» [3].

В российской научной мысли так же существуют различные определения конкурентоспособности, но все они в целом перекликаются с зарубежными. Так Андрианов

В. определяет конкуренцию, как способность страны в условиях свободной конкуренции производить товары и услуги, удовлетворяющие требованиям мирового рынка, реализация которых увеличивает благосостояние страны и отдельных ее граждан [1].

Гельвановский М.И. определяя конкурентоспособность – как способность различных субъектов рынка к успешному соревнованию со своими конкурентами, но, что особенно важно, это способность вести активные действия по завоеванию рыночных позиций, их удержанию, укреплению и расширению [2].

Вопросами определения конкурентоспособности страны также занимались: Философова Т.Г., Селезнёв А.З., Абрамов В.Л., Сильверстов С.Н., Перская В.В., Эскандеров М.А., Андропова И.В., Гусаков Н.П., Волгина Н.А., Дюжева Н.В., Белова И.Н., Сенчагов и др.

Российская научная школа связывает понятие конкурентоспособности с обеспечением экономической безопасности страны, т.е. обеспечение такое состояние экономической системы при котором она способна обеспечить: эффективное удовлетворение общественных потребностей, экономическую независимость и защиту экономических интересов на внутреннем и внешнем рынках. Данный подход к определению конкурентоспособности, в целом, является своего рода обобщением предыдущих теоретических подходов. Но он не применим к странам с малой открытой экономикой. Так как эти страны в силу объективных обстоятельств не могут ставить себе целью обеспечение независимости и самообеспечения.

Поэтому содержательная сторона понятия конкурентоспособность, факторы конкурентоспособности и механизмы её развития для богатых стран, стран с большими экономиками и стран с малыми экономиками будут существенно отличаться.

В условиях глобализации, формирования единой глобальной конкурентной среды и единой глобальной мировой экономики, где основную роль играют транснациональные корпорации ведущих мировых игроков, создающие глобальные цепочки стоимости, страны с малыми открытыми экономиками вынуждены конкурировать за участие в этих цепочках с уже выросшими и достигшими высокого конкурентного потенциала международными крупными западными компаниями. Задача таких стран с одной стороны найти оптимальное соотношение степени открытости и инвестиционной привлекательности национальной экономики и государственного регулирования, направленного на выявление, развитие и поддержание конкурентоспособных отраслей или отдельных национальных предприятий способных влиться в глобальные цепочки стоимости. С другой стороны, на основе постоянного анализа возможностей экспортного потенциала страны, несмотря на все глобальные тенденции на мировом рынке, вести работу по созданию своих конкурентных преимуществ в интересах населения страны.

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что конкурентоспособность страны с малой открытой экономикой – это способность встраивания и адаптации национальной экономики к изменяющимся условиям в мировом хозяйстве с целью поступательного улучшения уровня и качества жизни страны.

Факторами конкурентоспособности страны с малой экономикой, мы предлагаем считать следующие:

1. Инвестиционная привлекательность;
2. Эффективность использования имеющихся ресурсов;
3. Экспортный потенциал;
4. Уровень развития человеческого потенциала;
5. Эффективность функционирования государственного;
6. Макроэкономическая стабильность;
7. Уровень технологического развития и др.;

Очевидно, что набор факторов для каждой конкретной страны будет индивидуальным в зависимости от стартовых условий и текущего уровня развития и изменяющимся с течением времени.

В связи с тем, что факторы конкурентоспособности могут меняться с течением времени вследствие изменений как внутренних, так и внешних, требуется постоянная оценка

эффективности работы факторов с целью корректировки их набора и выработки стратегических решений по повышению уровня конкурентоспособности страны.

В мировой практике для оценки уровня конкурентоспособности обобщающим показателем, начиная с 2004 года, считается Индекс глобальной конкурентоспособности, который рассчитывается специалистами Всемирного экономического форума (ВЭФ).

Индекс составлен из 113 переменных, которые объединены в 12 контрольных показателей. Эти 12 показатели разделены на 3 группы факторов.

1 группа – базисные факторы:

1. Качество институтов.
2. Инфраструктура.
3. Макроэкономическая стабильность.
4. Здоровье и начальное образование.

2 группа - факторы эффективности:

5. Высшее образование и профессиональная подготовка.
6. Эффективность рынка товаров и услуг.
7. Эффективность рынка труда.
8. Развитость финансового рынка.
9. Уровень технологического развития.
10. Размер внутреннего рынка.

3 группа - инновационные факторы:

11. Конкурентоспособность компаний.
12. Инновационный потенциал.

В соответствие с индексом глобальной конкурентоспособности все страны мира по уровню развития можно разделить на 3 группы (табл. 1).

Таблица 1. Соотношение стадий экономического роста с преобладанием в экономике той или иной группы факторов конкурентоспособности

Стадии экономического развития страны	Факторы		
	базисные	эффективности	инновационные
экстенсивного роста	50%	40%	10%
эффективного роста	40%	50%	10%
инновационного роста	30%	40%	30%

Источник: составлено автором по <http://reports.weforum.org/global-competitiveness-report-2015-2016/economies/#economy=GEO>

Для стран, находящихся на первой стадии развития – стадии экстенсивного роста или ресурсного развития, характерно преобладание базисных факторов конкурентоспособности. То есть основой их конкурентоспособности служат неквалифицированный труд и естественные ресурсы. Возможностью для роста конкурентоспособности и перехода на следующую стадию развития у этих стран является повышение эффективности функционирования общественных и частных институтов, развитие инфраструктуры и макроэкономическая стабильность.

Соответственно, что для стран находящихся на стадии эффективного роста характерно преобладание факторов эффективности, а для стран находящихся на стадии инновационного роста - инновационные факторы и факторы эффективности.

При этом, надо отметить, что сами авторы индекса отмечают, что выделенные ими факторы работают лишь в совокупности. То есть улучшение лишь одного любого фактора конкурентоспособности ни к чему не приведёт, требуется комплексная работа по поступательному улучшению всех факторов. Так, например, увеличение расходов на образование, которое в итоге приведёт к увеличению числа населения с высшим образованием, в условиях отсутствия спроса со стороны экономики и неразвитом рынке труда, не приведёт к улучшению конкурентоспособности страны, а напротив может стать детонатором социальной напряженности. При коррумпированной и непрозрачной системе государственных финансов попытка улучшить макроэкономическую среду так же обречена и т.д.

Таким образом, при данном подходе к оценке конкурентоспособности страны определяющим является оценка совокупности факторов. Однако, надо обратить внимание на то, что часть факторов описывается конкретными показателями, имеющими реальные цифровые значения, но ещё приблизительно половина факторов оценивается с помощью системы опроса руководителей корпораций [9]. На наш взгляд, подобная оценка является очень условной, так как оценка руководителя корпорации в большей степени зависит от того, насколько ситуация в исследуемой стране отвечает интересам его корпорации. Прогрессивные шаги правительства по ужесточению экологических норм, санитарных и других норм чаще всего отрицательно оцениваются респондентами.

После мирового финансового кризиса с критикой индекса глобальной конкурентоспособности и в целом с критикой теории Портера выступила Гарвардская школа бизнеса. В своём докладе «Конкурентоспособность США: дело национальной безопасности», который вышел в 2013 году авторы обращают внимание на то, что мировой финансовый кризис 2008 года показал, что при оценке конкурентоспособности нельзя не учитывать такой показатель как структуру национальной экономики. Перекося в структуре американской экономике, по мнению авторов, и стал причиной начала кризиса, который перерос в условиях усиливающейся взаимозависимости в мировой [11].

Более того, авторы отмечают, что на современном этапе развития мирового хозяйства, требуется теоретическое переосмысление теории конкурентоспособности в части отбора факторов, влияющих на конкурентоспособность. В частности, анализируя проблемы американской экономики, они приходят к выводу о том, что на снижение уровня её конкурентоспособности повлияли такие факторы, как:

1. Существенное снижение роли государства, которое оказалось неспособным и главным незаинтересованным в создании необходимого экономике количество рабочих мест, используя кейнсианские методы;

2. Снижение уровня образования, что выливается в слабость подготовки кадров, способных работать в системе STEM (наука, технология, инженерия и математика);

3. Деятельность американских ТНК, чьи интересы начали самым серьезным образом расходиться с интересами страны. Главной проблемой, по мнению авторов доклада, стало то, что корпорации в своей деятельности стали ориентироваться исключительно на самообогащение и обеспечении доходности акционерам. В докладе делается вывод о том, что это привело к политическому тупику, когда деятельность ТНК, не считающихся с задачами национальной и экономической безопасности, ни со стратегией создания рабочих мест и другими целями социальной политики, обходится американскому государству очень дорого. В частности, по данным авторов доклада, более 1,7 трлн. долл. корпоративных прибылей находятся за пределами страны в офшорах [11]. В 2016 году лауреат Нобелевской премии по экономике Джозеф Стиглиц назвал «мошенническими» налоговые соглашения, которые заключила компания Apple с правительством Ирландии, в результате которых большая часть прибыли компании фиксировалась в Ирландии, где ставка налога на прибыль для неё составляет 2% [15].

Согласно теории, именно эти факторы, в частности второй и третий должны были обеспечить рост конкурентоспособности США.

Российские ученые Эскиндаров М.А. и Перская В.В. в своей книге «Конкурентоспособность национального хозяйства в условиях многополярности: Россия, Индия, Китай» [4], анализируя теорию М.Портера, доказывают, что она направлена на закрепление многополярного мирового устройства. А норвежский ученый Райнерт Э. так же в своей монографии «Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные остаются бедными» утверждает, что «портеровский» подход к определению конкурентоспособности страны закрепляет за развивающимися странами их статус и фиксирует бедность [8].

Таким образом, из проведенного исследования теоретических подходов к определению и оценке конкурентоспособности страны, можно сделать вывод о том, что на современном этапе развития мировой экономики, в условиях формирования нового

многополярного мирового устройства, укрепление и повышение конкурентоспособности страны с малой открытой экономикой получает новый шанс преодолеть порочный круг бедности, правильно вписавшись в новых условиях в мировое разделение труда с целью улучшения своего социально-экономического положения. Мы полностью согласны с Перской В.В. и Эскандеровым М.А., что в сегодняшних условиях «конкурентоспособность нации, определенная территориальной государственной границей, представляет собой наличие потенциала формулировать и реализовывать свои национальные интересы в мировом сообществе» [4].

Таким образом, теоретические подходы М.Портера к определению конкурентоспособности остаются результативными для определения конкурентоспособности хозяйствующих субъектов. Однако, когда мы говорим о конкурентоспособности страны, то набор факторов, а главное их воздействие на экономику будет различным для стран, находящихся на разных уровнях своего развития.

Литература

1. *Андрианов В.А.* Конкурентоспособность России в мировой экономике / В.А. Андрианов // *Экономист*. - 1997. - № 10. - С. 33 - 42.
2. *Гельвановский М.И.* Методологические проблемы вертикальной интеграции повышения конкурентоспособности российской экономики в условиях глобализации (экономические и правовые аспекты). // Тезисы к экспертному заседанию - круглому столу совместно с Комитетом по экономической политике Совета Федерации. 03 августа 2006 г.
3. *Гечбаия Б.Н., Девадзе А.Х.* Международная конкурентоспособность Грузии и её определяющие факторы. // III Международная научно-практическая конференция "Проблемы формирования новой экономики XXI века" (23-24 декабря 2010 года). - http://www.confcontact.com/20101224/1_gechba.php
4. *Перская В.В., Эскандеров М.А.* Конкурентоспособность национального хозяйства в условиях многополярности: Россия, Индия, Китай. Москва: Экономика 2015
5. *Портер М.* Конкуренция. М.: Вильямс, 2005.
6. *Портер М.* Международная конкуренция. М.: Международные отношения, 1993.
7. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* *Современный экономический словарь*. — 2-е изд., испр. М.: ИНФРА-М. 479 с.. 1999. - http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/18414
8. *Райнерт Э.* Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные остаются бедными. М.; Высшая Школа Экономики (Государственный Университет), 2011
9. *Browne C., Geiger T.* The business executives insight into their operating environment // *The Global Competitiveness Report 2010-2011*, p. 57-81.
10. *Competitiveness and Its Predecessors — a 500 Year Cross-National Perspective // Structural Change and Economic Dynamics*. 1995. Vol. 6.
11. *Disparte D.A.* US Comhetitiveness: A matter of national security. Harvard Business School Alumni Club. Washington D.C., 2013. July 13, p. 2.
12. *Dollar D., Wolf E.* The Global Competitive // *Journal of International Economics*. 2003. No 27(3–4). Oxford university press. P. 199–220.
13. *Dunn M.* The Economic of Modern Manufacturing: Technology, Strategy and Organization // *American Economic Review*. 1990. No 80.
14. *Global Competitiveness*. Yearbook. 2001. P. 43
15. *Stiglitz: Apple's Profit Reporting in Ireland 'a Fraud'* — URL: <http://hitech.vesti.ru/news/view/id/9799>

НЕРАВНОМЕРНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ В СТРАНАХ МИРА И ПОДХОДЫ К ОЦЕНКЕ БЕДНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СТРАН БРИКС)

Актуальность исследования и постановка исследовательской задачи. Рассуждая об асимметрии глобального экономического развития, нельзя не вспомнить о проблеме неравномерности социально-экономического развития стран и регионов мира. Известно, что и в настоящее время наибольшая часть глобального национального дохода приходится на развитые страны. Это свидетельствует о значительном межстрановом неравенстве доходов населения в мире.

Усиление разрыва между самыми бедными и самыми богатыми странами формируют и нарастают глобальные диспропорции не только в экономике. Это явление характерно для образовательной, научной, культурной сфер общественной жизни. Бедность значительной части населения мира – одна из важнейших проблем, стоящих перед международным сообществом, так как представляет собой угрозу политической стабильности и является следствием несправедливого распределения мировых ресурсов. Безусловно, причины глобальных финансово-экономических кризисов связаны не только с проблемой неравенства доходов, но определенную роль в их формировании и углублении они играют.

Ликвидация бедности – ключевая задача, поставленная мировым сообществом в Целях развития третьего тысячелетия²³. Изучение успехов Бразилии, Китая и России как региональных лидеров по сокращению бедности представляет большой научный и практический интерес.

Существуют программы на национальном уровне и есть планы действия международных организаций в области ликвидации бедности. По оценке экспертов, в середине второго десятилетия XXI в. 1/3 мирового населения (2238 млн чел.) живет в состоянии бедности (имеет доход 3,10 долл. в день) и 1/8 мирового населения (900 млн чел.) находится в условиях экстремальной нищеты (имеет доход менее 1,90 долл. в день) [1]. При этом 88% населения (1991 млн. чел.), подверженного бедности, и 94% населения, живущего в условиях экстремальной нищеты (850 млн. чел.) – это жители 135 стран и территорий мира со средним и низким уровнем дохода (согласно классификации Всемирного банка).

Государства БРИКС уже перешли из ранга региональных в ранг крупнейших игроков мирового уровня. С их помощью формируется многополярный мир. Суммарные показатели развития экономики стран БРИКС и их растущие показатели объемов производства (в том числе высокотехнологичной продукции), а также потребления подтверждают роль и значимость данного объединения для мировой экономики. Но с позиции оценки уровня бедности в мире, только на 4 государства БРИКС – Бразилию, Индию, Китай, ЮАР – приходится 44% экстремально бедного населения развивающихся стран мира. Россия относится по классификации Всемирного банка к группе стран с высоким уровнем доходов населения [1].

Фокусный интерес к трем странам БРИКС – Бразилии, Китаю и России – при изучении национальных подходов к бедности обоснован тем, что Бразилия и Китай являются региональными лидерами по ликвидации нищеты в рамках стратегии достижения Целей развития тысячелетия, а именно входящей в них задачи: «за период 1990–2015 гг. вдвое сократить долю населения, живущего в состоянии экстремальной бедности». Россия – единственная страна БРИКС, в которой доля неимущих, оцененная по международным

²³ Цели развития тысячелетия – это 8 международных целей развития, сформулированные в Декларации тысячелетия и принятые 193 государствами-членами ООН в сентябре 2000 г. и устанавливающие целевые показатели (21), с помощью которых можно определить прогресс в области сокращения масштабов нищеты, связанной с низким уровнем доходов, голода, болезней, отсутствия адекватного убежища и социальной изоляции – одновременно содействуя гендерному равенству, здравоохранению, образованию и экологической устойчивости.

стандартам черты бедности, равна нулю. Но проблема бедности в нашей стране (особенно в условиях кризиса) приобрела более острый характер, и уровень нищеты достиг рекордного с 2008 г. уровня – 19,2 млн. чел. (или 13% населения в 2015 г.) [1].

Цель статьи – выделить основные черты современного социально-экономического развития стран БРИКС, которые способствовали и препятствовали преодолению бедности, выявить особенности и различия в подходах к оценке бедности в Бразилии, России и Китае через проведение сравнительного анализа методов исследования и измерения бедности, применяемых на национальном уровне в этих странах.

Изучение данного аспекта на примере региональных лидеров (Бразилии и Китая) и России (которая использует принципиально другой способ оценки бедности), имеет высокую практическую значимость, так как специфика подхода к решению данной проблемы влияет на формирование и адресность политики, а также на установление способа определения прогресса в борьбе с бедностью.

Степень изученности вопроса и обзор исследований по теме. Степень изученности проблемы бедности в публикациях российских ученых значительно разнится по трем анализируемым странам. Наиболее широко рассмотрены аспекты бедности в Китае: произведены авторские расчеты основных показателей бедности (глубина, острота бедности, индекс Сена), выявлены районы сосредоточения бедности [2]. Проблеме оценке уровня и порогов городской и сельской бедности посвящено большое количество работ зарубежных авторов [3, 4, 5]. Успехи в борьбе с бедностью и конкретные мероприятия доступны в официальных документах Правительства КНР [6, 7].

Публикации российских ученых с результатами исследования бедности в Бразилии крайне малочисленны, но везде подчеркивается, что одной из основных мотиваций инновационного развития государства – это стремление к преодолению бедности, которое Бразилия успешно демонстрирует в последние десятилетия [8, 9, 10]. Огромный вклад в исследование социальных проблем стран Латинской Америки, в том числе Бразилии, вносят работы специалистов Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК). В их исследованиях подчеркивается, что принципы взаимодействия «рынка», «государства» и «общества», преобладающие в последние три десятилетия, не способны эффективно функционировать в период активной трансформации глобальной экономической системы: экономический рост остается неравномерным и фактически провоцирует социальное неравенство. Таким образом, утверждается, что бороться с бедностью в Бразилии (как во многих странах региона) – не достаточно, акцент должен быть сделан на устранение социальной разобщенности [11, 12, 13].

Применительно к России представленная тема часто раскрывалась в контексте оценки региональной дифференциации социально-экономического развития в работах таких авторов, как Гранберг А.Г. [14], Зубаревич Н.В. [15, 16], Сафронов С.Г. [16], Холина В.Н., Миронова М.Н. [17, 18]. С 2000-х гг. количество трудов российских ученых по тематике возросло. Особенно актуальным стало проведение сравнительного анализа методов измерения нищеты и мер борьбы с бедностью зарубежных стран (преимущественно ЕС) и России, выявляются стратегии, которые теоретически могут стать эффективны для России при адаптации под национальные реалии [19, 20].

Место Бразилии, Китая и России в мировой экономике. Бразилия, Китай и Россия – крупнейшие развивающиеся страны мира, обладающие крупным территориальным (26% суши), человеческим (24% мирового населения), природным (8,2% мировых запасов нефти, 19,4% мировых запасов газа, 31% мировых запасов угля, 26% мировой добычи золота и др.) и экономическим потенциалом. Китай, Россия и Бразилия – первая, шестая и седьмая экономики мира соответственно. На них в совокупности приходилось 23% мирового ВВП по ППС (25 трлн долл.) в 2015 г. Максимальный ВВП на душу населения (по ППС) отмечается у России (24700 долл.), далее следуют Бразилия (15590 долл.) и Китай (13170 долл.) [1].

С конца XX в. страны переживали весьма неустойчивую динамику темпов роста ВВП. Экономика Китая отличалась сравнительно равномерным характером динамики темпов

роста, превышая показатель развитых стран-членов ОЭСР в среднем в 2 раза. Темпы роста ВВП Бразилии были наиболее близкими к среднему показателю государств ОЭСР. При этом страна с беспрецедентной устойчивостью пережила глубочайший международный кризис 2008-2009 гг. и вышла из него быстрее многих развитых стран. И уже в 2010 г. темпы роста ВВП Бразилии, опередив уровень главного экспортера мира – Китая, достигли 10% и были подкреплены высоким уровнем частного и общественного потребления и инвестиций, а также оживленным внешним спросом. На этом фоне Россия имеет наименее благоприятное положение, характеризующееся резкими скачками, как спада, так и роста экономики, что является следствием зависимости страны от колебаний цен на энергоресурсы (рис. 1).

На социально-экономическое развитие Бразилии, Китая и России в значительное влияние оказывала расширяющаяся вовлеченность этих стран в глобальную экономику, в том числе в мировую торговлю. В 2015 г. совокупная доля товарного экспорта этих стран составила 16,1% мирового показателя, импорта – 13,1% [1].

Таким образом, БРИКС – это страны с колоссальным потенциалом и растущими экономическими возможностями. А непосредственно Бразилия, Китай и Россия являются локомотивами развития группировки и лидерами в решении вопросов преодоления социально-экономического неравенства, в том числе бедности населения

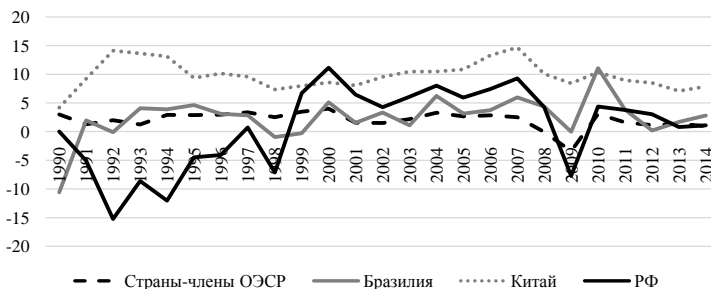

Рис. 1. Динамика темпов роста ВВП (по ППС) Бразилии, Китая, России и стран-членов ОЭСР, %, 1990-2014 гг.

Составлено авторами по: [1].

Динамика уровня бедности и особенности ее оценки в Китае. С начала политики модернизации и открытости китайского государства в конце 1970-х гг. Правительство КНР начало планомерно реализовывать ориентированную на развитие программу ликвидации бедности. В числе основных этапов были разработаны «Семилетний план избавления от бедности 80 млн. человек (1994-2000 гг.)», «Программа освоения китайской деревни и избавления ее от бедности (2001-2010 гг.)», «Программа освоения китайской деревни и избавления ее от бедности (2011-2020 гг.)» [6].

Как видно из государственных программ, китайский стандарт определения бедности опирается в основном на сельское население, а национальная черта бедности определена на правительственном уровне только для сельской местности. Это связано с тем, что проблема бедности в Китае – это в первую очередь проблема бедности в деревне. Так, согласно исследованию ученых Раваллиона М. и Чена Ш. 2007 г., две трети сельского населения КНР проживало за чертой бедности [3]. По данным Национального бюро статистики КНР, выделяющего исключительно сельскую бедность, доля бедного сельского населения составляла всего 4,2% и 17,2% в 2008 и 2010 гг. соответственно (такой рост доли объясняется изменением стандарта расчета черты бедности), однако национальный порог бедности Китая был ниже международного.

Черта бедности в Китае впервые была установлена в 1986 г. на основе исследования потребительских расходов в 67 тыс. сельских домохозяйствах. Тогда же для оказания помощи был составлен список ключевых бедствующих уездов. К 1992 г. список был переработан и стал включать 592 уезда из 27 провинций, автономных округов и городов центрального подчинения (более 72% сельского населения страны, 82% находятся в центральных и западных районах с тяжелыми природными условиями, приграничных и районах расселения национальных меньшинств) [6].

Стандарт расчета базы для черты бедности менялся с момента ее введения три раза. Так, в 1986 г. использовался стандарт абсолютной сельской бедности, в 2000 г. базой стал стандарт низкого дохода, а с 2008 г. – стандарт бедности, сочетающий первые два. Таким образом, с учетом инфляции, изменений в потреблении сельская черта бедности была поднята с 206 юаней (140 долл. по ППС) на человека в год в 1986 г. до 2300 юаней (655 долл. по ППС) в 2011 г. (или 645 долл. по ППС на 2015 г., так как черта с тех пор не менялась). Для городского населения на наднациональном уровне официальная черта бедности отсутствует. Для определения бедности чаще всего используется стандарт прожиточного минимума в городах, который устанавливается на уровне города или провинции. [4. С. 6]

Интересно отметить, что согласно исследованию Луо, Ли и Сикулара в рамках Проекта по доходам китайских домохозяйств за 2007 г. (Chinese Household Income Project (СНП), бедность в городах будет значительно выше (12,3% в 2007 г.), если для ее расчета использовать относительную черту бедности, равную 50% от медианного дохода в городах, а не сельскую или международную черту [4]. Напротив, если бы для расчетов уровня бедности в городе использовалась низкая сельская черта бедности, то бедность в городе была бы ликвидирована уже к 2000 г.

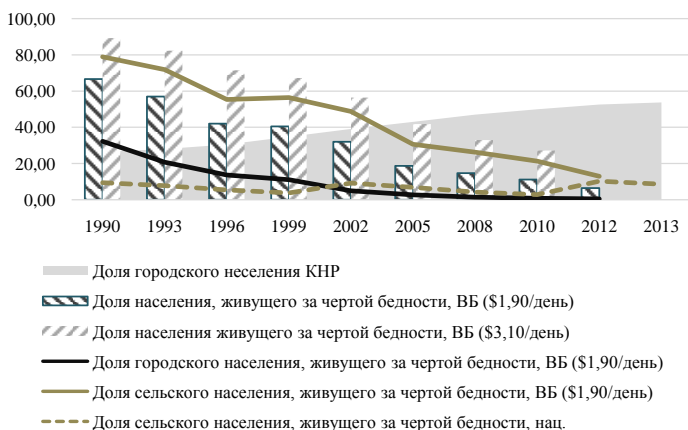

Рис. 2. Динамика доли населения Китая, живущего в условиях экстремальной и общей бедности (согласно международным и национальным стандартам), %, 1990-2013 гг.

Составлено авторами по: [1, 22]

Беспрецедентные успехи КНР в процессе ликвидации бедности неоспоримы. С 1978 г. количество человек, нуждающихся в еде и одежде, сократилось в сельской местности с 250 млн чел. в 1978 г. (30,7% населения) до 30 млн в 2000 г. (около 3%; 94,22 млн, или 10,2% по новому стандарту (рис. 2)) и до 26,88 млн в 2010 г. (2,8%), т.е. почти в 10 раз. Согласно стандарту 2011 г., в 2015 г. сельское население, проживающее за чертой бедности, равнялось 55,75 млн человек [21].

Уменьшилось не только количество людей, живущих за чертой бедности, но и было значительно улучшено качество их жизни. Так, к концу 2010 г. 88,1% деревень из наиболее

бедных уздов получили дороги, 98% – электричество, 92,9% – телефонную связь и 95,6% – телевидение. 86% сельских домохозяйств имели доступ к питьевой воде, а 91,4% – к медицинскому обслуживанию. Уровень безграмотности упал до 10,3%. [7]

Международные и национальные стандарты расчета уровня бедности различаются. Во-первых, Всемирный Банк выделяет как сельскую, так и городскую бедность, а также общую по Китаю. Во-вторых, доля бедствующего населения по международному стандарту гораздо выше, чем по национальному (в 1990 г. 71,8% и 9,4% соответственно). Это связано с различными значениями порогов. Кроме того, для Китая характерна прямая зависимость уменьшения уровня бедности от урбанизации, что объясняется активной политикой по борьбе с бедностью с одновременной ориентацией на устойчивое развитие страны. Уровень урбанизации в КНР вырос с 1950 г. с 11% до 54% в 2013 г., т.е. почти в 5 раз [22].

Целью текущей «пятилетки» является искоренить бедность в КНР к 2020 г., что на 10 лет раньше поставленной в сентябре 2015 г. Цели устойчивого развития ООН [23].

Динамика уровня бедности и особенности ее оценки в Бразилии. Бразилия достигла значительных результатов в сокращении бедности за последние десятилетия. Относительно национального порога бедности в 1990-2014 гг. доля населения, живущего в нищете, сократилась с 50% до 18%, уровень экстремальной нищеты снизился с 22% до 5%; относительно международной черты бедности – падение уровня бедности с 36% до 9,5%, экстремальной нищеты – с 20% до 5% (рис. 3). Важно отметить, что уровень бедности сократился во всех регионах, расовых категориях («белые» бразильцы (с 16% до 8%), афробразильцы, парду (с 38% до 20%)), в городской и сельской местности [25]. Тем не менее масштабы бедности остаются высокими (37 млн чел. бедных и 10 млн чел. экстремально бедных).

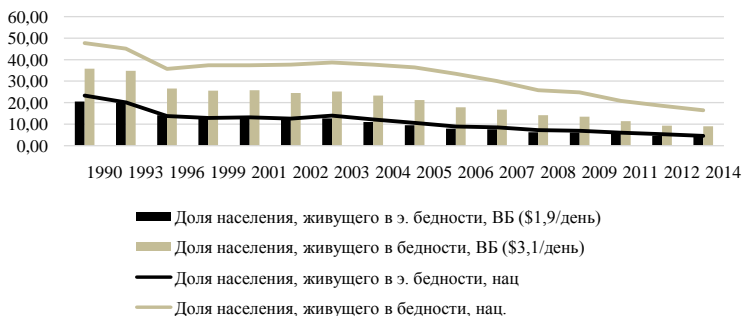

Рис. 3. Доля населения Бразилии, живущего в условиях экстремальной и общей бедности (согласно международным и национальным стандартам), %, 1990-2014 гг.

Составлено авторами по: [24].

Национальной чертой экстремальной бедности в Бразилии является стоимость продуктовой корзины, обеспечивающей минимальное количество калорий (по ФАО), необходимых для поддержания жизни человека; верхняя линия бедности – двойная стоимость продовольственной корзины, которая рассчитывается отдельно по каждому региону страны.

Национальные пороги бедности Бразилии (средние по стране) варьируются от 52 долл. (экстремальная бедность в сельской местности) до 130 долл. в мес. (бедность в городах). По этим показателям страна занимает 6 место в Латинской Америке после Венесуэлы (верхнее значение – 258 долл.), Уругвая (205 долл.), Мексики (184 долл.), Парагвая (160 долл.) и Коста-Рики (155 долл.) [24]. Черта бедности в Бразилии выше международной, рассчитываемой Всемирным банком: 130 долл. в месяц или 4,4 долл. в день против 3,1 долл. в день, но в случае экстремальной бедности – ситуация противоположная,

хоть разница и незначительная: 1,7 долл. против 1,9 долл. в день (рис. 4). При этом, по данным Департамента статистики и социально-экономических исследований Бразилии, реальный доход, необходимый для обеспечения базовых нужд, близится к 400 долл. [25].

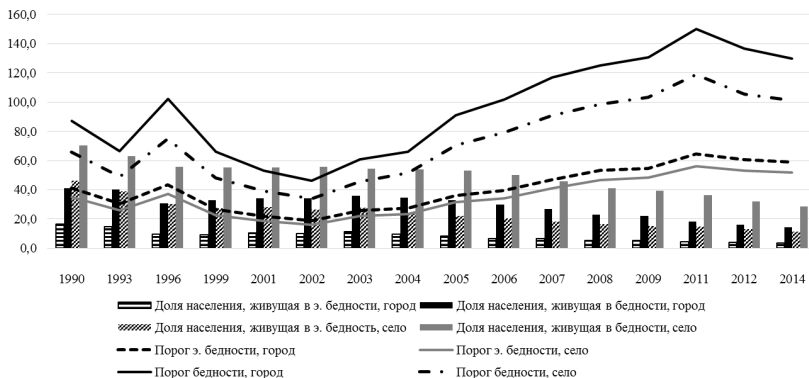

Рис. 4. Значения национальных порогов бедности Бразилии для городского и сельского населения (долл./месяц) и доля населения, имеющего доходы ниже значения этих порогов (%), 1990-2014 гг. Составлено авторами по: [24].

Однако нельзя недооценивать прогресс, достигнутый Бразилией в борьбе с бедностью в результате применения целевых программ. Высочайшую эффективность продемонстрировали программы социальных денежных трансфертов, введенные президентом Жулу да Силва в 2003 г.: «Bolsa Família», направленная на категорию населения, находящегося в состоянии бедности, и «Benefício de Prestação Continuada», нацеленная на пожилую часть населения и людей с ограниченными возможностями. Их вклад в сокращение неравенства в доходах в 2001-2011 гг. оценивается на 17%, к тому же данные программы сопровождался значительным расширением доступности кредитов для тех групп населения, для которых их выдача была невозможна ранее.

Программа «Bolsa Família» стала крупнейшей программой социальных денежных трансфертов в мире и важнейшим источником доходов бедного населения Бразилии. Ее вклад в сокращение бедности (по доходу) в 2003-2014 гг. оценивается на 16%, в спаде экстремальной бедности – на 33% и в сокращении неравенства – на 13%. Главным преимуществом программы является то, что государству она обходится всего в 0,4% ВВП в год, основную часть фонда составляют взносы населения и других благотворительных организаций [26]. Программа «Bolsa Família» показала высочайшую эффективность и стала прототипом для формирования подобных мер в 40 странах мира к 2014 г.

Динамика уровня бедности и особенности ее оценки в России. В отличие от Китая и Бразилии, в России нет отдельной программы по борьбе с бедностью. Однако повышение благосостояния граждан и снижение бедности среди населения относятся к приоритетным направлениям социальной политики РФ. Официально это закреплено в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г., утвержденной распоряжением Правительства РФ №1662-р от 17.11.08 г. (далее – Концепция), и в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента РФ №683 от 31 декабря 2015 г. Основные мероприятия по снижению численности населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума также определены в государственной программе «Социальная поддержка граждан», утвержденной Постановлением Правительства РФ №296 от 15.04.2014 г. и реализуемой Министерством труда и социальной защиты РФ.

В России порогом бедности является величина прожиточного минимума, определяемая в соответствии с Федеральным законом от 24 октября 1997 г. № 134-ФЗ «О

прожиточном минимуме в Российской Федерации». С 2013 г. была изменена методология расчета величины прожиточного минимума и состав потребительской корзины: стоимость непродовольственных товаров и услуг включена в потребительскую корзину в объеме 50% от стоимости продуктов питания, в отличие от полного объема ранее.

Величина прожиточного минимума определяется ежеквартально и устанавливается Правительством РФ в целом по России и в порядке, установленном законами субъектов – в субъектах РФ. Потребительская корзина разрабатывается на федеральном и региональном уровне для трех социально-демографических групп населения: трудоспособного населения, пенсионеров и детей.

Численность населения РФ, живущего ниже прожиточного минимума, так же, как и в Китае и Бразилии, имеет тенденцию к снижению: доля бедных по национальному стандарту за 15 лет сократилась почти в 2,5 раза и составила в 2014 г. 11,2% (рис. 5). В 2014 г. численность бедного населения составила 16,1 млн человек (против 49,3 млн в 1992 г.). Интересно отметить, что прожиточный минимум в РФ достиг наибольшей величины во втором квартале 2015 г. (10017 руб. в месяц, или 444 долл. по ППС) и распоряжением Правительства был вновь опущен до 9452 руб. в четвертом квартале 2015 г. При этом, если во втором квартале, по данным Росстата, насчитывалось 20,1 млн чел., проживающих за чертой бедности, то в четвертом их количество упало до 14,5 млн, в первую очередь ввиду снижения порога (19,2 млн за 2015 г.) [27]. Таким образом, количество бедного населения было искусственно снижено (рис. 5). Примечательно, что Концепция прогнозировала уменьшение количества населения, живущего ниже прожиточного уровня, до 11,1 млн чел. (7,8% населения) в 2015 г. [28]

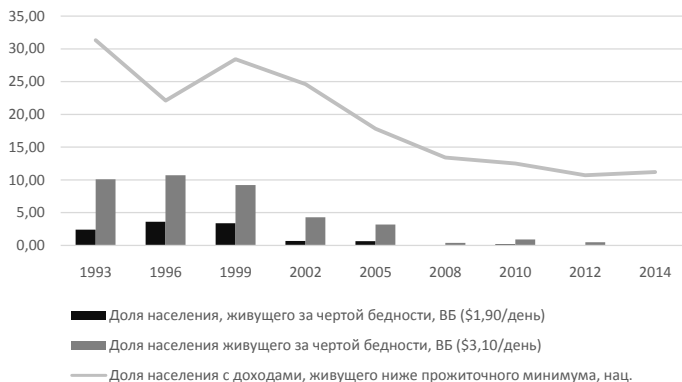

Рис. 5. Динамика доли населения России, живущего в условиях экстремальной и общей бедности (согласно международным и национальным стандартам), %, 1993-2014 гг.

Составлено авторами по: [1, 29].

Количество россиян, чей доход ниже значения международного порога бедности равного 1,90 долл. на человека в день, после 2008 г. стремится к нулю, а за чертой бедности в 3,10 долл. - составляет менее 1% от населения страны.

Сопоставление подходов к оценке бедности в Китае, Бразилии, России. Методы измерения бедности, применяемые разными странами, во многом отличаются от международных и зависят от национальных интересов и социально-экономического положения внутри государства. В таблице 1 представлены подходы к оценке бедности и установлению ее порога в Бразилии, Китае и России.

Таблица 1. Подходы к оценке бедности в Бразилии, Китае и России

Критерий	Бразилия	Китай	Россия
Понятие бедности	Положение, при котором не удовлетворяются основные потребности в продовольствии, т.е. отсутствует возможность к приобретению минимальной продовольственной корзины, даже если весь доход направляется на эти нужды.	Приравнивается к экономической бедности, когда отдельно проживающий гражданин или семья не в состоянии обеспечить свои базовые потребности с помощью зарплаты или иного дохода.	Экономическое положение семьи или отдельно проживающего гражданина, при котором располагаемые ресурсы и средства (деньги, товары, имущество) крайне недостаточны для удовлетворения их минимальных потребностей.
База для определения порога бедности	Стоимость продовольственной корзины, обеспечивающей минимальное количество калорий (2850 ккал – по ФАО), необходимых для поддержания жизни человека; верхняя линия бедности – двойная стоимость продовольственной корзины, которая рассчитывается отдельно по каждому региону страны. Считается на человека в месяц.	Стоимость потребительской корзины (минимальные расходы на жизненно необходимые продукты питания в самых бедных районах – преимущественно зерно – и непродовольственные товары – в основном одежда – в соотношении 60% на 40% соответственно). Считается на человека в год.	Стоимость потребительской корзины (минимальные наборы продуктов питания – в натуральных показателях, а также непродовольственные товары и услуги в соотношении со стоимостью продуктов питания (в объеме по 50% от стоимости продуктов питания), необходимых для сохранения здоровья человека и обеспечения его жизнедеятельности), обязательные платежи и сборы. Считается на человека в месяц, но разнится по трем категориям: трудоспособное население, пенсионеры, дети.
Потребительская корзина	Продовольственная корзина состоит из 13 наименований: мясо, молоко, фасоль, рис, мука, картофель, томаты, хлеб, кофе, бананы, сахар, растительное масло, сливочное масло. Непродовольственные товары и услуги не включены.	Продовольственная корзина состоит из 12 наименований, составляющих суммарную пищевую ценность 2100 ккал на человека в день и отвечающих нормам здорового питания. Всего 27 наименований в 15 категориях. Непродовольственные товары: самое необходимое (преимущественно	Продовольственная корзина: хлебные продукты, картофель, овощи и бахчевые, фрукты свежие, сахар и кондитерские изделия, мясoproductы, рыбопродукты, молоко и молокопродукты, яйца, масло растительное, маргарин и другие жиры, прочие продукты (соль, чай, специи). Непродовольственные товары: товары индивидуального

		одежда). Услуги: вода, электроэнергия.	пользования (одежда, обувь, школьно- письменные товары) и товары общесемейного пользования (постельное белье, товары культурно- бытового и хозяйственного назначения, предметы первой необходимости, санитарии и лекарства). Услуги: жилищно- коммунальные, транспортные услуги, услуги культуры и другие виды услуг. Всего 156 наименований.
--	--	--	--

Составлено авторами по: [5, 26, 30].

Во всех рассматриваемых странах для определения минимальных расходов населения используется потребительская корзина, отличающаяся по количественному и качественному составу. В Бразилии выделяется экстремальная бедность, чьей границей является стоимость продовольственной корзины, и общая бедность, измеряемая по двойной стоимости продовольственной корзины. В Китае для определения беднейшего населения к продовольственной корзине добавляют также одежду, электроэнергию и воду. В России прожиточный минимум является не только самым высоким по сравнению с Бразилией и КНР, но и потребительская корзина содержит наибольшее количество услуг. При ее формировании в обязательном порядке учитывается, к какой природно-климатической зоне относится конкретный субъект РФ. Таким образом, корзины различаются по количественному составу в разных частях страны. При этом население, проживающее за пределами минимума, считается малоимущим.

Основным недостатком китайского подхода при формировании порога бедности является отсутствие учета базовых расходов на образование и медицинские услуги. В 2007 г. разница стоимости корзины с учетом и без учета данных услуг составляла 417 юаней на человека в год (54 долл. США) [31]. С 2000 г. в Китае введена черта низкого дохода, состоящая из продовольственной черты бедности и 60%-ной доли недовольственного потребления [5], которую часто используют для определения уровня бедности в городах.

Для определения порога бедности в Бразилии используют только продовольственную корзину, недовольственные товары и услуги не включены вовсе, что представляется крайне необъективным подходом.

Выводы. Проведенный анализ показал, что национальные подходы к оценке бедности в странах БРИКС отражают особенности социально-экономического развития стран, подчеркивая проблемы, которые им присущи.

Так, по сравнению с Бразилией и Китаем Россия имеет самый высокий стандарт (порог) для определения бедности, включающий в себя список из более многочисленных наименований товаров и услуг. При этом страна, ввиду значительной региональной дифференциации в доходах населения, не рассматривает возможность в ближайшие годы перейти от абсолютного подхода определения бедности к относительному (установление порога бедности относительно среднего размера дохода в стране), который преимущественно используется в развитых странах (обычно 60% от среднего дохода по стране – значение порога бедности).

В Китае высока доля населения, проживающего в сельской местности (44,4%), которая часто характеризуется отсутствием доступа к адекватным услугам и инфраструктуре, что и понятно. Следовательно, на современном этапе в приоритете страны – проводить меры по

сокращению бедности среди сельского населения, оценивая ее масштабы через установление черты бедности конкретно для этой категории жителей.

При этом Китай стал одним из государств в мире, досрочно выполнившим поставленные Цели развития тысячелетия ООН по сокращению числа нуждающегося населения вдвое. Но, несмотря на высокие результаты достигнутые Правительством Китая в борьбе с бедностью, КНР, по подсчетам Всемирного банка, остается третьей страной по численности бедного населения [32].

Бразилия, также демонстрирует высокий прогресс в сокращении уровня бедности. Но страна отличается тем, что в потребительскую корзину не включены ни непродовольственные товары, ни услуги, что автоматически превращает меру оценки масштабов бедности в продовольственную корзину. Данный подход является нерациональным, так как Бразилия является одной из высокоурбанизированных стран мира, но степень проявления социальных проблем вследствие ложной урбанизации высока. Однако имеющиеся «провалы» в подходе к оценке бедности компенсируются наличием и развитием эффективных программ, направленных на сокращение нищеты. В данном аспекте Бразилия может стать примером для многих стран.

Литература

- [1] World Bank Data, World Development Indicators // World Bank, 2016. [Электронный ресурс]. – URL: <http://databank.worldbank.org>
- [2] Плещский Н.С. Бедность в современном Китае: основные черты и региональные различия // Фундаментальные исследования. – 2015. - №2(20). – С. 4443-4447
- [3] Ravallion M., Chen S. China's (uneven) progress against poverty // Journal of Development Economics. – 2007. – No 82. – P. 1 – 42. [Электронный ресурс]. – URL: <http://siteresources.worldbank.org/PGLP/Resources/ShaoHuaPaper.pdf>
- [4] Zhang C., Xu Q., Zhou X., Zhang X., Xie Y. An Evaluation of Poverty Prevalence in China: New Evidence from Four Recent Surveys // International Food Policy Research Institute Discussion papers. – 1.10.2013. – 28 p.
- [5] Lu C. Poverty and Development in China: Alternative Approaches to Poverty Assessment. – Routledge. – 2013. – 304 p.
- [6] The Development-oriented Poverty Reduction Program for Rural China . – 2001. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gov.cn/english/official/2005-07/27/content_17712.htm; New Progress in Development-oriented Poverty Reduction Program for Rural China. – 2011. [Электронный ресурс]. – URL: http://usa.chinadaily.com.cn/china/2011-11/16/content_14106364.htm
- [7] The People's Republic of China national report on sustainable development. – 2012. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.china-un.org/eng/zt/sdeng/P020120608816288649663.pdf>
- [8] Селезнев П.С. Инновационный путь Бразилии // Научно-аналитический журнал Обозреватель - Observer. – 2014. - №2 (289). – С. 65-73
- [9] Кирчанов М.В. Социальные проблемы в современной бразильской экономической теории // Экономика. Управление. Право. – 2012. - №1-1 (25). – С. 49-51
- [10] Чуркин М.Г. Неравенство, бедность и социальная политика в Бразилии // Неравенство в современном обществе. Политические и социальные аспекты. Сер. «Согласие в обществе как условие развития России». – 2015. – Выпуск 4. – С. 249-258
- [11] Inclusive social development. The next generation of policies for overcoming poverty and reducing inequality in Latin America and the Caribbean : Report of ECLAC. – 2015 [Электронный ресурс]. – URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/39101/S1600098_en.pdf?sequence=4
- [12] Machado A.F., Golgher A.B., Furlan Antigo M. Deprivation viewed from a multidimensional perspective: The case of Brazil // CEPAL REVIEW. - апрель 2014. - №112 [Электронный ресурс]. – URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/37024/RVII12MachadoGolgher_en.pdf?sequence=1
- [13] Panorama Social de América : analitical report of ECLAC. – 2015 [Электронный ресурс]. – URL: http://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/39965/S1600227_es.pdf?sequence=1

- [14] Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. – М.: ГУ-ВШЭ, 2006. – 495 с.
- [15] Зубаревич Н.В. Регионы России: неравенство, кризис, модернизация. – М.: НИСП, 2010. – 160 с.
- [16] Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Территориальное неравенство доходов населения России и других крупных постсоветских стран // Региональные исследования. – 2014. – №4 (46). – С. 100-110
- [17] Холина В.Н., Миронова М.Н. Диспропорции регионального развития России: динамика в постсоветский период // Вестник РУДН. Серия «Экономика». – 2011. - №4. - С. 23-34
- [18] Kholina V.N., Mironova M.N. The Russian economic space: evolution during periods of reform, growth and crisis (1990–2010) // Miscellanea Geographica. – 2012. – Volume 16, Issue 1. – p. 23-28 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.degruyter.com/view/j/mgrsd.2012.16.issue-1/v10288-012-0018-1/v10288-012-0018-1.xml?format=INT>
- [19] Родионова М.Е. Методы измерения бедности в зарубежных странах и России: сравнительный анализ // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2015. – № 1 (17). – С. 42-47
- [20] Александров Е.Л., Александрова О.Е. Меры борьбы с бедностью: зарубежный и отечественный опыт // Фундаментальные исследования. – 2015. - № 9-1. – С. 101-105
- [21] Statistical communiqué of the People's Republic of China on the 2015 national economic and social development. – 29.02.2016. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.stats.gov.cn/english/pressrelease/201602/t20160229_1324019.html
- [22] China Statistical Yearbook 2014. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2014/indexeh.htm>
- [23] Stuart E. China has almost wiped out urban poverty. Now it must tackle inequality // The Guardian. – 19.08.2015. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.theguardian.com/business/economics-blog/2015/aug/19/china-poverty-inequality-development-goals>
- [24] Bases de Datos y Publicaciones Estadísticas CEPALSTAT2016 [Электронный ресурс]. – URL: http://estadisticas.cepal.org/cepalstat/WEB_CEPALSTAT/estadisticasIndicadores.asp?idioma=e
- [25] Департамент статистики и социально -экономических исследований Бразилии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dieese.org.br>
- [26] Telles P. Brazil: Poverty and Inequality. Where to Next?. – Nucleo-i, 2013 [Электронный ресурс]. – URL: <http://csnbricsam.org/wp-content/uploads/2014/05/FULL-REPORT-Brazil-Poverty-and-Inequality.pdf>
- [27] О соотношении денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума и численности малоимущего населения в целом по Российской Федерации в IV квартале 2015 года: аналитическая справка / Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/bgd/free/B04_03/IssWWW.exe/Stg/d06/53.htm
- [28] Концепция долгосрочного социально -экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : Утверждена распоряжением Правительства РФ от 17 ноября 2008 г. №1662-п [Электронный ресурс]. – URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/fcp/rasp_2008_n1662_red_08.08.2009
- [29] Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/poverty/#
- [30] Сулова М.В. Государственная политика сокращения бедности в Российской Федерации // Интернет-портал СНГ. - 2006 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.e-cis.info/page.php?id=6398>
- [31] Fu Jing Call for new definition of poverty // China Daily. – 26.09.2007. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2007-09/26/content_6134432.htm
- [32] Meng J. WB: China's national poverty line is higher than its new standard // Chinagate.cn. – 16.10.2015. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.china.org.cn/china/2015-10/16/content_36826711.htm

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ В ЭКОНОМИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ КИТАЯ В ПОРЕФОРМЕННЫЙ ПЕРИОД (1978–2015 гг.)

Рассматривая изменения, происходящие в мировой экономике, нельзя не остановиться подробно на характеристике сдвигов в пространственной организации экономики крупнейшего в мире государства.

Гигантские размеры населения, территории и экономики Китая предопределяют существенные различия в экономическом развитии его регионов. Наибольшие диспропорции сложились между приморскими и внутренними районами страны.

Среди главных факторов, определяющих эти диспропорции, можно выделить:

- неблагоприятные природные условия во внутреннем Китае (горный рельеф, засушливый климат и т.д.), лучшие – в приморских провинциях;
- различия в плотности населения (самая низкая в Тибетском АР – 2,5 чел. на км², самая высокая – на востоке: в пров. Цзянсу (767 чел. на км²), пров. Шаньдун (611 чел. на км²), пров. Гуандун (580 чел. на км²) [10];
- экономико-географическое положение, определяющее дихотомию «суша – море». Этот фактор определяет инерционность территориальной структуры экономики на макроуровне. Диспропорции между внутренними и приморскими провинциями определяются географической логикой экономического развития;
- исторические предпосылки: концентрация прямых иностранных инвестиций и экономической активности в приморских районах после «Опиумных войн»;
- региональные различия в обеспеченности инфраструктурой [15];
- различия в структуре экономики провинций [17].

Административные единицы КНР как по уровню развития, так и по структуре экономики, по сути, относятся к разному типу: постиндустриальная структура – у города центрального подчинения (г.д.п.) Пекина (третичный сектор – 77,9% в 2014 г.) и г.д.п. Шанхая (64,8%), выраженная индустриальная – с самой высокой долей вторичного сектора – у провинций Шэньси (54,1%), Цинхай (53,6), Цзилинь (52,8%), Цзянси (52,5%) и АР Внутренняя Монголия (51,3%); самая же высокая доля первичного сектора – у провинции Хайнань (23,1%), Синьцзян-Уйгурского автономного района (АР) (16,6%), Гуанси-Чжуанского АР (15,4%) [10]. Существенные различия характерны и для отраслевой структуры промышленности Китая – если в приморских районах наибольшее развитие получили экспортоориентированные отрасли, то во внутренних районах в большей степени развиты ресурсоемкие базовые отрасли промышленности [6].

После начала осуществления экономических реформ (1978 г.) диспропорции в экономическом развитии регионов Китая усилились. На фоне очень высокого в целом темпа экономического развития КНР пространственная дифференциация этих показателей отличается значительными колебаниями, что ведет к углублению региональных диспаритетов.

Соотношение темпа экономического роста провинций Китая в пореформенный период с 1978 г. до конца XX в., определялось рядом факторов, среди которых можно выделить группу внутренних факторов, связанных с особенностями экономики административных единиц, и группу внешних факторов, действие которых проявляется в результате взаимодействия Китая с мировым хозяйством [7].

С одной стороны, продолжали действовать базовые факторы производства, по-прежнему определявшие географическую логику пространственного развития экономики Китая: уровень освоенности территории; различия в плотности населения, системе расселения и уровне урбанизированности регионов КНР; низкая плотность инфраструктуры и ее медленное развитие во внутренних районах и т.д. Таким образом, отличающиеся стартовые условия давали существенные преимущества приморским регионам, которые уже

к началу реформы значительно опережали внутренние районы по уровню социально-экономического развития. С другой стороны, эти преимущества усиливались благодаря формированию благоприятной рыночной среды для бизнеса в приморских провинциях.

Росту конкурентоспособности экономики приморья способствовали следующие внутренние факторы:

- быстрое увеличение емкости и дифференциации спроса благодаря росту доходов населения и опережающему темпу урбанизации по сравнению с внутренними районами;
- ускоренное развитие трудоемких экспортоориентированных отраслей, ориентированных на использование дешевой рабочей силы и привозного сырья в отличие от ресурсоемкой экономики внутренних регионов (добыча полезных ископаемых и их первичная переработка, сельское хозяйство);
- формирование многоукладного хозяйства с высокой долей предприятий негосударственных укладов;
- концентрация государственных капиталовложений в приморских провинциях;
- усиление инновационной мобильности, обеспеченности интернетом, мобильной связью.

По мере усиления интенсивности экономических связей Китая с другими странами и открытости китайской экономики все возрастающую роль стали играть внешние факторы регионального развития [5], среди них можно выделить:

- быстрое развитие внешней торговли – КНР в 2014 г. занимала первое место в мире по объему внешнеторгового оборота (4,30 трлн долл. США) и экспорту (2,34 трлн долл.) [11];
- активное привлечение прямых иностранных инвестиций (119,6 млрд долл. в 2014 г.) [11] и активизация функционирования филиалов ТНК, прежде всего в приморских районах страны;
- создание системы «открытых территорий» (специальные экономические зоны, открытые города, зоны технико-экономического развития, открытые районы и т.д.) с преференциальным режимом для внешнеэкономической деятельности преимущественно в приморской зоне.

Наилучшими условиями для включения в мирохозяйственные процессы обладают приморские провинции, имеющие преимущества в транспортно-географическом положении, специализирующиеся на легкой промышленности, производстве электроники и электротехники, и характеризующиеся более высокой степенью разгосударствления экономики, благоприятным предпринимательским климатом. Главными же условиями для реализации их сравнительных преимуществ являются благоприятный в приморских провинциях экономический климат для концентрации как базовых, так и развитых факторов производства, включая трудовые ресурсы и размещение капитала. Более высокая зарплата привлекает сюда мигрантов из внутренних регионов Китая, уровень образования здесь выше, чем в других районах страны, а условия для ведения предпринимательской деятельности существенно лучше, чем в Центральном и Западном Китае. Таким образом, более высокую конкурентоспособность экономики приморских провинций обеспечивает эффект от концентрации здесь производства (агломерирования), в том числе благодаря, с одной стороны, огромному спросу на китайскую продукцию со стороны зарубежных потребителей, а с другой – концентрации здесь рабочей силы, национального и иностранного капитала, производственной деятельности.

Все это позволяет говорить о том, что именно приморские провинции испытывают непосредственное воздействие внешних факторов, именно в них сформировалась экспортоориентированная модель экономики, именно они стали «мировой фабрикой». Об этом свидетельствует и высокий уровень концентрации экспорта: на 4 административные единицы приморья приходится более 2/3 всего китайского экспорта, при этом, доля в экспорте у каждой из 20 других административных единиц КНР составляет менее 1%.

Экспортная квота в приморских провинциях также отражает их глубокую втянутость в мировое хозяйство (табл. 1).

Таблица 1. Доля в экспорте КНР и экспортная квота ведущих административных единиц, 2014

Административные единицы	Доля в экспорте КНР, %	Экспортная квота, %
Гуандун	31,8	67,5
Цзянсу	15,0	33,1
Чжэцзян	12,0	43,0
Шанхай (г.д.п.)	8,2	50,0
КНР в целом	100,0	22,6

Рассчитано по: [11]

В 7 приморских административных единицах сконцентрировано более 2/3 всех прямых иностранных инвестиций, привлекаемых КНР, причем в числе первых 4-х провинций по объему привлеченных прямых иностранных инвестиций после 2005 г. присутствуют и три лидера по объему экспорта.

В период экспортоориентированного роста внешние факторы экономического развития углубляли диспропорции пространственной структуры экономики Китая. Можно выделить следующие направления трансформации экономического пространства КНР в пореформенный период:

- усиление неравномерности развития китайского экономического пространства на разных территориальных уровнях:

- между Востоком, Центром и Западом; - между отдельными провинциями; - между региональными центрами и остальной территорией; - между городскими и сельскими территориями;

- формирование международной специализации ряда территорий и городов, создание индустриальных кластеров: Синьду – «город мебели», Чэнхай – «город игрушек», Ханци – «город зубных щеток» и т.д.;

- разная динамика и разнонаправленность экономического развития старопромышленных и новых индустриальных районов – асинхронная цикличность экономического роста;

- формирование международных транспортных коридоров и новых транспортных центров – основа освоения внутренних регионов;

- усиление фрагментарности экономического пространства в результате процессов включения страны в ШОС, создания единого рынка «АСЕАН+3»;

- изменение специализации приграничных территорий в результате развития приграничного сотрудничества.

- Сочетание внешних и внутренних факторов по разному воздействовало на экономическое развитие регионов [7]. Характерной чертой экономического роста провинций и автономных районов стала разная скорость регионального развития при постепенной смене приоритетов (табл. 2).

Таблица 2. Доля регионов в основных показателях Китая и темпы прироста ВРП

Регионы	Доля в площади КНР, %	Доля в населении КНР, %	Доля ВРП региона в ВВП КНР, %							Среднегодовые темпы прироста ВРП, %		
			1978	1995	2000	2005	2010	2014	1979-2005	2009	2014	
Восточный	9,5	38,3	43,7	51,2	52,5	55,5	53,1	51,2	12,5	10,7	8,6	
Центральный	10,7	26,6	21,7	20,4	20,4	18,8	19,7	20,3	10,2	11,6	8,9	
Западный	71,5	27,0	20,6	18,1	17,1	17,0	18,6	20,2	10,2	13,4	9,6	
Северо-Восточный	8,2	8,1	14,0	10,3	10,0	8,7	8,6	8,4	9,0	12,6	5,6	

Рассчитано по: [10; 11].

После начала экономических реформ на первом этапе очень быстро развивался Приморский регион с его более мощной промышленной базой, лучшими условиями для сельскохозяйственной деятельности, емким рынком, где концентрировалась внешнеэкономическая деятельность, создавались открытые территории разного уровня [4]. Темп прироста ВРП здесь стабильно превышал аналогичный показатель внутренних районов страны, росла и доля региона в общеитайских показателях ВВП вплоть до начала XXI в. Не сокращался, а даже несколько возрос и разрыв в показателях на душу населения: ВРП на душу населения Западного и Центрального Китая не достигал и половины от уровня Восточного Китая, причем до 2003 г. «бедные беднели, а богатые богатели», т.е. отсталость внутренних регионов усиливалась [16] (табл.3).

Таблица 3. ВРП на душу населения по четырем регионам Китая, 2001-2014 гг.

Показатель	Регион	2001	2003	2005	2007	2008	2010	2012	2014
ВРП на душу населения, юаней	Восточный	13396	17330	23697	32089	37023	46354	57722	67109
	Центральный	5763	7125	10576	14745	17817	24242	32427	38244
	Западный	5183	6438	9163	13184	15951	22476	31357	37487
	Северо-Восточный	9858	11858	15935	21538	25929	34303	46014	52359
ВРП на душу населения, в % к Восточному региону (Восточный регион=100%)	Восточный	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
	Центральный	43,0	41,1	44,6	46,0	48,1	52,3	56,2	57,0
	Западный	38,7	37,1	38,7	41,1	43,1	48,5	54,3	55,9
	Северо-Восточный	73,6	68,4	67,2	67,1	70,0	74,0	79,7	78,0

Рассчитано по: [10; 11].

Во второй половине 2000-х гг. вектор экономического развития административных единиц стал постепенно изменяться: обозначилась тенденция к некоторому сокращению разрыва между Приморским регионом и внутренними районами, последние по темпу экономического роста начали опережать приморье [3]. Еще в большей степени эта тенденция стала очевидной после очередной волны мирового финансово-экономического кризиса в 2008–2009 гг. От снижения мирового спроса на продукцию, производимую в КНР, в наибольшей степени пострадали приморские провинции, наиболее втянутые в международное разделение труда и обладающие экспортоориентированной экономикой. Это повлекло за собой их отставание по темпу экономического роста [12]. Обозначилась «континентальный дрейф» экономики – от приморья во внутренние районы страны. Так, в кризисном 2008 г. наибольшее снижение прироста ВРП наблюдалось у наиболее развитых административных единиц Восточного Китая (г.д.п. Шанхая, провинций Чжэцзян, Гуандун, Цзянсу, Хайнань), а наименьшее – у менее развитых провинций и автономных районов внутреннего Китая (провинции Цинхай, Цзянси, Нинся-Хуэйский АР, Синьцзян-Уйгурский АР, г.д.п. Чунцин), а в провинции Шэньси – он даже возрос. К 2014 г. доля ВРП Восточного региона снизилась до показателя 1995 г. – 51,2%, в то время как показатели Центрального и Западного регионов превысили 20% [11].

В 2010 г. ВРП на душу населения в Центральном Китае превысил 50% от уровня Восточного региона, а Западный регион приблизился к этому показателю (табл. 3).

«Континентальный дрейф» сохраняется до настоящего времени, Западный и Центральный регион по-прежнему опережают по темпам экономического развития приморские провинции. Разрыв в показателях ВРП на душу населения продолжает

сокращаться: в 2014 г. показатель Центрального региона вырос до 57% по отношению к Восточному, а Центрального – до 55,9%. Однако в наихудшем положении оказались провинции Северо-Востока – старопромышленные районы с преобладанием отраслей тяжелой промышленности. Так, в 2014 г. темпы прироста ВРП пров. Хэйлунцзян составили лишь 5,6%, пров. Ляонин – 5,8%, пров. Цзилинь – 6,5%. Аналогичным образом снизились показатели и у пров. Шаньси – 4,9%, в структуре промышленности которой преобладает угледобыча и металлургия. В первом квартале 2016 г. наибольшие темпы прироста ВРП наблюдались у административных единиц внутреннего Китая (г.д.п. Чунцин – около 11%, Тибетского АР – около 11%, пров. Гуйчжоу – 10%) [14]. Эти тенденции свидетельствуют о реализации структурной перестройки, усиленном внимании к развитию высокотехнологического сектора экономики Китая, сохранении курса на ускоренное развитие внутренних районов [2].

Более низкий темп роста ВРП приморских провинций связан и с постепенным снижением их конкурентных преимуществ из-за роста себестоимости продукции в результате быстрого повышения стоимости рабочей силы и, соответственно, заработной платы занятых в трудоемких отраслях промышленности. Именно в восточных провинциях начал ощущаться дефицит в рабочей силе, вызванный, с одной стороны, последствиями жесткой политики ограничения рождаемости (в трудоспособный возраст вступило поколение единственных детей в семье), с другой – ускоренным созданием рабочих мест во внутренних районах страны, что снизило стимулы к миграции в приморье. Потеря Китаем сравнительных преимуществ, связанных с дешевой рабочей силой, позволяет некоторым ученым, экспертам и политологам говорить о грядущем скором коллапсе Китая как крупной экономической державы. Однако средний уровень заработной платы даже в приморских районах КНР все еще многократно отстает от соответствующих показателей в развитых странах, а трудовой потенциал стран Южной и Юго-Восточной Азии (за исключением Индии), где стоимость рабочей силы ниже, существенно меньше. Индия же занимает иную нишу в международном разделении труда, ориентируясь не на массовое использование дешевого труда, а на использование ограниченных высококвалифицированных специалистов, специализируясь на производстве программного продукта и услуг (колл-центры, бэк-офисные услуги и т.п.) [8].

Интересные выводы позволяет сделать опубликованный 31 декабря 2013 г. на сайте Государственного комитета по статистике КНР сводный Индекс развития и уровня жизни (development and life index), позволяющий вести всесторонний мониторинг развития административных единиц страны [9]. Индекс основан на методике расчета индекса человеческого потенциала, а также ряда других индексов, включает 42 показателя, характеризующих разные стороны социально-экономического развития КНР. Все показатели имеют определенный вес и объединены в 5 групп, в соответствии с которыми рассчитываются индексы экономического развития, роста уровня жизни, социального развития, экологического развития, а также инновационных технологий. Сводный индекс показывает, что различия по комплексу показателей менее выражены, чем по отдельным экономическим критериям, причем эти различия также имеют тенденцию к снижению. Если в 2000 г. отношение коэффициентов для г.д.п. Пекина (максимальный показатель) и провинции Гуйчжоу (минимальный показатель) составил 2,24, то в 2005 г. это отношение составило 2,14 (между г.д.п. Пекином и провинцией Ганьсу), а в 2012 г. – 1,78 (между г.д.п. Пекином и ТАР). При этом даже в 2012 г. огромный разрыв сохранился по индексу инновационных технологий: самый высокий показатель для г.д.п. Пекина превышает самый низкий у ТАР в 30,6 раза. Более равномерное распределение показателей уровня жизни по сравнению с показателями производства отражает усилия китайского руководства по перераспределению «дивидендов» опережающего экономического развития приморских районов.

Определенную роль в подтягивании центральных и западных провинций к восточным сыграла начавшаяся в конце XX в. реализация нескольких государственных программ: «Идти на Запад» (с 1999 г.), «Возрождение старых промышленных баз Северо-Востока» (с

2003 г.), «Подъем Центрального Китая» (с 2005 г.), а также «Семилетняя программа сокращения бедности» (1994 – 2000 гг.), касающаяся в первую очередь внутренних районов, где сконцентрирована основная часть бедных уездов; «Программа переноса промышленности» (с 2009 г.), предусматривающая создание новых производственных мощностей во внутренних районах [13]. Но на фоне особого внимания к развитию внутренних районов страны приморские провинции получают новые преимущества в контексте новой парадигмы экономического развития, ориентированного в первую очередь на внутренний спрос. Политика ускоренной урбанизации, выдвинутая в качестве приоритетного направления развития на ближайшие годы руководителями страны «пятого поколения» Си Цзиньпином и Ли Кэцзяном, также должна обеспечить использование потенциала расширения внутреннего спроса. Именно приморские провинции с более высокими доходами населения обладают возможностями к расширению личного потребительского спроса. Рост миграционных потоков с запада на восток и из центра на восток в условиях смягчения ограничений «хукоу» (института прописки) способствует ускорению урбанизации и усилению роли формирующихся мегалополисов (Дельты р. Чжуцзян, Дельты р. Янцзы и Пекин – Тяньцзинь – Бохайского).

Приморские провинции могут получить приоритетное развитие также в связи с тем, что одним из главных направлений экономического развития КНР становится изменение места страны в международных цепочках создания добавленной стоимости [1]. Переход к производству продукции с высокой добавленной стоимостью с использованием высоких технологий и высококвалифицированной рабочей силы, возможен прежде всего в приморском регионе, обладающем развитыми факторами производства.

Дальнейший вектор регионального развития будет определяться, с одной стороны, акцентом на ускоренный рост внутренних районов, с другой – усиленным вниманием к инновационному развитию, производству продукции с высокой добавленной стоимостью, расширению потенциала внутреннего спроса, что создаст лучшие условия в целом для приморских провинций КНР.

Выводы

– Глубинные различия в уровнях экономического развития приморских и внутренних провинций определяются географической логикой хозяйственного освоения территории Китая, отражают дихотомию суша–море и характеризуют инерционность территориальной структуры хозяйства;

– внутренние и внешние факторы экономического развития Китая в пореформенный период (после 1978 г.) определили разный темп экономического роста провинций. В период активной реализации экспортоориентированной модели в условиях роста значения имеющихся конкурентных преимуществ и эффекта масштаба опережающими темпами росла экономика приморских провинций, что усилило диспропорции регионального развития;

– меры региональной государственной политики, направленной на приоритетное развитие Центрального и Западного Китая, снижение значения внешних факторов в период глобального финансово-экономического кризиса в 2008–2009 гг., рост стоимости рабочей силы в приморских провинциях привели к смене вектора регионального развития КНР.

– устойчивая тенденция к снижению глубины региональных диспропорций определяется характером воздействия на региональную структуру экономики страны таких факторов, как переход к модели экономического развития, ориентированного на внутренний спрос, ускоренная урбанизация, рост производства высокотехнологичной продукции, изменение места КНР в международных цепочках формирования добавленной стоимости.

Литература

1. Гитер Б.А., Гречко Е.А., Колосов В.А., Мироненко К.В., Пилька М.Э., Самбурова Е.Н., Слука Н.А., Тикунова И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Основные направления исследований по географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2015. – № 6. – С. 3–11.

2. Колосов В.А., Гречко Е.А., Мироненко К.В., Самбунова Е.Н., Слукан Н.А., Тикункина И.Н., Ткаченко Т.Х., Федорченко А.В., Фомичев П.Ю. Горизонты исследований в области географии мирового хозяйства // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2016. – № 1. – С. 3–15.
3. Кондрашова Л.И. Современная региональная политика КНР. – М.: Институт экономики РАН, 2007.
4. Кондрашова Л.И., Корнейчук Н.В. КНР: реформа и региональная экономическая политика. – М.: ИМЭПИ РАН, 1998.
5. Самбунова Е.Н. Региональные диспропорции современного развития экономики Китая // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 5. География. – 2014. – № 4. – С. 49–55.
6. Самбунова Е.Н. Роль приморского положения в региональном развитии Китая // Общественно-географические проблемы освоения пространства и ресурсов Мирового океана / Под ред. Н.С. Мироненко. — М.: Аспект-Пресс, 2008. – С. 164–175.
7. Самбунова Е.Н. Сохранит ли Китай конкурентные преимущества своей экономики? // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 9. – С. 16–21.
8. Самбунова Е.Н., Мироненко К.В. Китай в мировом хозяйстве: пути взаимодействия // География мирового развития: Вып. 3: сб. науч. тр. / Под ред. Л.М. Синцера. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2016. – С. 422–434.
9. 2012 нянь дицхой фачжань юй миньшэн чжишу (DLI) тунци цянцэ цзего [Результаты статистического мониторинга индекса развития и уровня жизни в 2012 г.]. URL: http://www.stats.gov.cn/tjsj/zxfb/201312/t20131231_492765.html (Дата обращения: 09.02.2014).
10. Чжунго тунци няньцзянь 2013. [Статистический ежегодник Китая 2013]. – Пекин: Тунци чубаньшэ, 2014.
11. Чжунго тунци няньцзянь 2015 [Статистический ежегодник Китая 2015]. – Пекин, 2016. – URL: <http://www.stats.gov.cn/tjsj/ndsj/2015/indexch.htm>
12. Яо М. Чжунго цюйюй цзинци чжэнцэ няньцзинь юй цюйюй цзинци фачжань бяньхуа фэньси (Regional Policy Evolution and Regional Economic Growth Changes in China) // Чжунго фачжань (Бэйцзин). – 2011. – № 4. – Р. 70–74.
13. Ян Ю. Чжэ. Хоуфа цюйюй дэ луцзин сюаньцэ: фэй цзюньхэн тупо ихо баожунсин цзэнчжан? (Road Choice of Backward Regions: Unbalanced Breakthrough or Inclusive Growth?) // Гайгэ (Чунцин). – 2012. – № 3. – С. 78–83.
14. China's Provincial Growth Rates Are Splintering / Bloomberg News. – URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2016-04-25/china-s-regional-economic-divide-shows-li-s-hope-and-challenge> (Дата обращения: 25.07.2016)
15. Demurger S., Sachs J.D., Wing Th.W., Bao S. Geography, economic policy and regional development in China. – Harvard: Center for International Development at Harvard University, 2001.
16. Knight J. Reform, growth and inequality in China // Asian Econ. Policy Rev. – 2008. – № 3. – Р. 140–158.
17. Wan G.H. Inequality and growth in modern China. – Oxford: Oxford University Press, 2008.

СТРУКТУРНЫЕ СДВИГИ В ЭКОНОМИКЕ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ТАНЗАНИИ

В статье анализируется специфика современного развития секторов национальной экономики Танзании и темпов их развития, которое должно основываться, в первую очередь, на внутренних ресурсах. Но автор считает, что целесообразно использовать и позитивные внешние импульсы. Исследовались показатели развития экономики страны в динамике в период 1970-2013 гг. в сопоставлении с аналогичными показателями стран-соседей в Восточной Африке. Следует отметить, что Танзания является страной привлекательной для иностранных инвестиций в связи с политической стабильностью и с благоприятным инвестиционным законодательством.

Некоторые сведения о стране

Танзания – одна из беднейших стран мира. Численность населения – около 51 млн человек (2015 г.) с темпами роста населения 2,8% [12]. Возрастная структура населения, свойственная развивающимся странам. Доля лиц в возрасте до 15 лет самая значительная – 44,3%; в возрасте от 15 до 24 лет – 19,6%. Иными словами суммарно доля молодежи в возрасте до 24 лет превышает 64% населения страны. Доля лиц в возрасте 24-54 года – 29,6%, а старше 55 лет – 6,5%. Средняя ожидаемая продолжительность жизни на 2015 г. – почти 62 года (женщины живут на 3 года больше мужчин). Общий коэффициент рождаемости - 7 на 1000 человек, смертности – 8,4 на 1000 человек. Коэффициент фертильности – свыше 4,1 рождений на 1 женщину. За чертой бедности проживает более 1/3 населения страны (при этом 30% национального богатства находятся в руках 10% наиболее состоятельных жителей).

Уровень урбанизации – 31,6%, причем темпы роста городского населения высокие (свыше 5% в год). Низкий уровень здравоохранения характеризуют следующие данные: уровень младенческой смертности – 45 на 1000 рождений. На каждую тысячу жителей в стране приходится 0,7 койко-мест в больницах. Чистой питьевой водой обеспечены лишь 79% горожан и только 44% сельских жителей Танзании [12].

В сельском хозяйстве страны занято около 80% трудоспособного населения, а работать начинают с детских лет. Экономика Танзании в очень значительной степени зависит от первичного сектора экономики – сельского хозяйства (около 26,5% ВВП, 2015 г.). В стране выращивают кофе, sisal, чай, хлопок, орехи кешью, табак, гвоздику, кукурузу, зерновые, тапиоку, бананы, фрукты, овощи. Разводят крупный рогатый скот, овцы, козы. Но растет доля сектора услуг – уже 48% ВВП страны. Как ожидается, эти два сектора: сельское хозяйство и сфера услуг продолжат оставаться главными в экономике страны и в среднесрочной перспективе [13]. Вторичный сектор экономики (добывающая и перерабатывающая промышленность и строительство) дает 25% ВВП страны и представлен обработкой сельхозпродукции (сахар, пиво, сигареты), добычей алмазов, золота, железной руды, производством соли, соды, удобрений, производством одежды и обуви. Доля обрабатывающей промышленности в добавленной стоимости – около 10%, что свидетельствует о низком уровне индустриализации страны.

По паритету покупательной способности валют (ППС) объем ВВП Танзании – составляет 138,5 млрд долл. (2015 г.; реальный ВВП – 44,5 млрд). Показатель ВВП по ППС в расчете на душу населения в 2009 г. составлял 1400 долл. (201-е место в мире), в 2013 г. – 1700 долл., в 2015 г. – 2900 долл. Тем не менее, темпы роста ВВП страны высокие – более 7% 2015 г.). А размер экспорта вырос в два раза по сравнению с 2009 г. (5,4 млрд долл., в 2015 г.). В его структуре преобладают: золото, кофе, орехи кешью, хлопок. Главные партнеры: Индия – 21%, Китай – 8%, Япония – 5%, Кения и Бельгия – по 5%. Импорт страны (\$10,5 млрд), по-прежнему, превышает экспорт. В структуре импорта преобладают потребительские товары, машины, оборудование и транспортные средства, топливо и другая промышленная продукция. Основные поставщики продукции в Танзанию: Китай – 35%,

Индия – 13%, ЮАР, Кения и ОАЭ – по 5% [12]. Быстрыми темпами растут торговые отношения с Китаем.

Танзания осуществляет переход к либерализации рыночной экономики, хотя правительство по-прежнему сохраняет свое присутствие в таких секторах, как телекоммуникации, банковское дело, энергетика и добыча полезных ископаемых. Всемирный банк, МВФ и другие доноры, оказывающие помощь беднейшим государствам мира, выделили средства на развитие инфраструктуры Танзании, в том числе железнодорожной и портовой инфраструктуры, очень важной для экономического развития страны, имеющей выход в Индийский океан.

Последние банковские реформы помогли увеличить рост частного сектора и инвестиций, а правительство увеличило расходы на сельское хозяйство. Финансовый сектор в Танзании расширился в последние годы, и на иностранные банки приходится около 48% от общих активов банковской отрасли. Конкуренция среди иностранных коммерческих банков привела к значительному улучшению эффективности и качества финансовых услуг, хотя процентные ставки все еще относительно высоки. Земельные ресурсы Танзании принадлежат государству. Можно лишь арендовать землю на срок до 99 лет. Предлагаемые реформы, которые позволят иностранцам приобретать землю в собственность, пока остаются непопулярными. Отмечается значительный дефицит высокообразованных специалистов среди трудовых ресурсов (как и во всех наименее развитых странах Африки) в различных областях экономики [8]. Тем не менее, страна развивается высокими темпами на протяжении последних 10 лет, и имеются перспективы дальнейшего роста.

Постановка проблемы и цели исследования

Несмотря на происходящие изменения в экономической политике и структурные сдвиги в хозяйстве, большинство африканских стран продолжают оставаться государствами, для которых в большинстве своем характерно растущее отставание не только от индустриальных стран, но и государств других регионов развивающегося мира.

Тем не менее, российские ученые отмечают возрастающую роль стран Африки в плане демографических процессов в мире [1]. В разных исследованиях затрагиваются вопросы формирования «новой африканской идентичности» [2]. Характеризуются проблемы занятости и безработицы, голода и недоедания в Африке. При этом острота и нерешенность вышеперечисленных проблем называется главным препятствием на пути социально-экономического прогресса африканских стран и потенциальным источником социальной напряженности в обществе [3]. В других работах характеризуется воздействие мирового финансово-экономического кризиса на экономику Африки, и рассматриваются вопросы официальной помощи развитию стран континента [4]. Анализируется влияние кризиса на место и роль Африки в современных международных экономических отношениях. Подчеркивается, что традиционно подчиненное и зависимое положение африканских стран в мировой экономике предопределило степень их уязвимости от воздействия внешних сил [5]. Рассматриваются проблемы развития внешней торговли стран Африки [6]. Во многих исследованиях обосновывается вывод о необходимости привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ) для развития и модернизации экономики африканских государств и их интеграции в мировое хозяйство [7]. Отмечается, что одним из важнейших принципов экономической политики выступает поощрение деятельности зарубежных инвесторов. Им предоставляются почти те же права, что и национальному капиталу, применяется комплекс стимулирующих поощрительных мер [8]. Важным аспектом исследования ученых является интерес КНР к странам региона, богатым сырьевыми ресурсами [9]. В отдельных статьях рассматриваются вопросы торгово-экономических отношений России с африканскими странами [10]. Все вышеотмеченные процессы и явления, изучаемые африканистами, характерны, в первую очередь, для беднейших государств данного региона, и в том числе для Танзании.

Цель данной статьи – анализ динамики развития и выявление структурных сдвигов в экономике Танзании (1970-2013 гг.), в которой в последние годы происходят заметные изменения и отмечаются значительные темпы экономического роста. В качестве статистической базы были взяты данные Института экономики и права Ивана Кушнира (Ассоциация свободных знаний) [11]. В методическом плане особенность данного исследования состоит в том, что анализ проводился на основе имеющейся статистики по производимой продукции разных отраслей хозяйства и внешней торговли Танзании, причем характеризовались происходящие в стране процессы в динамике и на фоне сравнения с аналогичными показателями соседних государств Восточной Африки.

Особенности современного развития экономики Танзании

Стабильный рост экономики Танзании за последние несколько лет, несмотря на проблемы на мировых и региональных рынках (в том числе вследствие влияния мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг.), объясняется тремя факторами. Во-первых, развиваются все сектора экономики страны, в том числе сектор коммуникационных услуг (чей вклад в ВВП удвоился с 2008 г.). Во-вторых, экономический рост был вызван постоянным увеличением спроса на внутреннем рынке (в том числе в результате быстрого прироста населения; которое удваивается каждые 25 лет). В-третьих, экономические показатели Танзании не сильно зависимы от внешней торговли, что объясняется относительной изоляцией страны от мировых рынков. Тем не менее, следует отметить, что Танзания обладает некоторыми видами природных ресурсов (минеральные, земельные, водные, лесные ресурсы). Использование этих ресурсов в производственной сфере и для экспорта продукции может позволить стране достичь успехов в “Национальной стратегии развития страны” (“The Tanzania development vision 2025”) [14].

Динамику роста реального ВВП Танзании и ее ближайших соседей можно проследить за период 1970-2013 гг. Так, в 1970 г. ВВП Танзании в текущих ценах составлял 1,9 млрд долл., а в 2013 г. – 32,2 млрд долл. (увеличившись почти в 15 раз), в 2015 г. – вырос до 44,9 млрд долл. Но в постоянных ценах увеличение объема ВВП страны было лишь шестикратным [11]. ВВП Танзании в 2013 г. занимал 95 место в мире и был на таком же уровне, как ВВП Йемена (34,7 млрд долл.), Иордании (33,6 млрд долл.), Бахрейна (32,9 млрд долл.), Демократической республики Конго (32,7 млрд долл.). Доля ВВП Танзании в мире составляла 0,044%. Страна набирает темпы развития, и среди своих государств-соседей занимает ныне 2-е место вслед за быстроразвивающейся Кенией, все же не догоняя ее еще по объему и темпам роста экономики (см. табл. 1).

Таблица 1. Реальный ВВП Танзании и стран-соседей, млрд долл., 1970-2013 гг.

Год	Танзания	ДРК	Кения	Мозамбик	Замбия	Уганда	Руанда
1970	1.9	4.8	2.2	3.0	1.5	1.3	0.24
1980	7.3	16.1	9.2	4.8	4.3	3.0	1.4
1990	5.4	15.0	11	3.0	3.8	3.9	2.6
2000	10.2	15.3	12.6	4.3	3.2	6.1	1.8
2008	20.7	12	30	9.9	15	16	4.7
2009	21.4	11	31	9.7	13	17	5.3
2010	22.9	21.6	32.2	10.2	16.2	21.6	5.7
2011	23.9	23	34	13	19	18	6.4
2012	28.2	26	41	15	21	22	7.1
2013	33.2	32.7	44.1	15.6	22.4	26.4	7.6

Составлено по: [11]

Статистические данные фиксируют некоторое замедление роста ВВП страны в период мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Самые высокие темпы роста отмечены в период 1970-1980 гг. Важно подчеркнуть, что показатель реального ВВП в расчете на душу населения в стране также растет в последние годы (несмотря на

продолжающийся быстрый рост населения), хотя он не слишком высок, и такой же, как у других наименее развитых африканских стран: Мозамбик, Руанда, Уганда (см. табл. 2). А в 2015 г. этот показатель вырос до 2900 долл. в расчете по паритету покупательной способности валют [11].

Таблица 2. ВВП на душу населения в Танзании и в странах-соседах, долл., 1970-2013 гг.

Год	Танзания	ДРК	Кения	Мозамбик	Замбия	Уганда	Руанда
1970	140	150	196	317	358	138	64
1980	391	376	566	395	735	239	272
1990	218	269	469	221	484	222	360
2000	302	113	416	235	317	251	214
2008	510	204	774	435	1204	503	460
2009	495	182	778	415	1014	517	503
2010	526	209	782	388	1211	500	517
2011	533	250	809	529	1394	512	574
2012	602	289	950	595	1492	605	620
2013	694	484	994	605	540	704	645

Составлено по: [11]

Причем средний уровень для стран Восточной Африки составлял в 2013 г. 699 долл. (для сравнения: в Замбии – 1540 долл., а среднемировой показатель – 10553 долл.). Проанализируем отдельные показатели развития Танзании и стран-соседей в динамике с 1970 г. На наш взгляд, развитие в стране происходит за счет структурных сдвигов в экономике, то есть вследствие изменений в структуре экономической системы под воздействием различных экономических и внеэкономических факторов, процессов управления экономической системой. Анализ таких данных, как соотношение темпов роста и прироста экономических показателей отдельных структурных подразделений (отраслей, секторов и т.д.), как изменения удельного веса этих отраслей и подотраслей в общем объеме ВВП, приводит нас к выводу о наличии имеющихся прогрессивных структурных сдвигов в экономике (табл.3).

Таблица 3. Динамика структуры экономики Танзании, %, 1970-2013 гг.

Год	Сельское хозяйство	Промышленность	Строительство	Торговля	Транспорт	Услуги
1970	17.6	14.5	4.5	15.0	9.1	39.2
1980	21.5	13.4	3.2	13.4	8.8	39.7
1990	30.9	13.3	4.8	19.2	7.6	24.2
2000	33.1	13.5	5.4	16.5	7.1	24.4
2010	27.8	15.7	8.7	15.7	7.9	24.2
2013	28.0	15.1	8.9	15.8	8.8	23.3

Составлено по: [11]

Стоит отметить, что снижается доля первичного сектора экономики (сельского хозяйства) в валовой добавленной стоимости (с 31% в 1990 г. до 28% в 2013 г.), но при этом растет доля вторичного (строительство - с 5 до 9%; и промышленность – с 13 до 15%) и третичного секторов (сфера услуг). Однако доля перерабатывающей промышленности сокращается, что характеризует развитие лишь добывающих отраслей (ведь именно туда направляются иностранные инвестиции).

Проанализируем изменения в отдельных экономических характеристиках Танзании. Как известно, наиболее важным экономическим показателем развития является индикатор валовой добавленной стоимости в расчете на душу населения. Данные характеризуют не только динамику показателей, но и степень отставания экономики Танзании от стран лидеров мировой экономики, что выражается в сильнейшем отставании по данному

показателю (для сравнения: в 2013 г. ВВП в расчете на душу населения в Танзании – 694 юдолл., в США – 52392 долл., в Китае – 6626 долл.).

Танзания, как уже было отмечено выше, страна аграрная. Добавленная стоимость сельского хозяйства выросла с 1970 г. с 0,3 млрд до 8,6 млрд долл. в 2013 г. (со своими спадами и подъемами в зависимости от климатических условий). Соответственно, различались и показатели валовой добавленной стоимости в расчете на душу населения в сельском хозяйстве (более высокие показатели были отмечены в период с 1982 по 1985 гг. (около 100 долл.), и с начала 2000-х гг. – уже более 100 долл. (2013 г. – 180 долл.). Это выше, чем в Уганде и Демократической Республике Конго, примерно соответствует уровню данного показателя в Мозамбике, но ниже, чем в Руанде, Кении и Замбии. При этом интересным представляется сопоставление данного показателя с таковым в Индии – 260 долл., Бразилии – 543 долл., и даже в Китае (с его 1,5 миллиардным населением) – 663 долл. [11]. Это еще раз характеризует низкий уровень развития сельского хозяйства, хотя темпы роста сельскохозяйственной продукции все же довольно значительны.

Следует отметить, что доля сельского хозяйства в валовой добавленной стоимости Танзании (28% в 2013 г.) значительно превышает долю промышленности (15,4%) и строительства (8,8%), и постепенно с 1998 г. сокращается. В дополнение к своей основной функции – снабжение населения продуктами питания - сельскохозяйственный сектор Танзании также связан с другими секторами экономики через поставку сырья для переработки сельскохозяйственной продукции, а также путем предоставления товаров на экспорт.

Стимулирование аграрного сектора, и в частности развитие мелкого сельскохозяйственного производства, является необходимым условием для достижения высокого и устойчивого роста, сокращения бедности и продовольственной безопасности в Танзании. Производительность сельского хозяйства (в том числе мелких фермеров) до сих пор низкая. Сектор до сих пор не в состоянии обеспечить основу для развития, в том числе путем индустриализации, несмотря на ряд проводимых реформ. Есть потребность в совершенствовании прав собственности на землю, расширении доступа фермеров к кредитам, создании соответствующих стимулов для рыночных механизмов и конкуренции, поощрении обучения фермеров, чтобы они более склонны использовать современные методы производства продукции. По нашему мнению, в среднесрочной и долгосрочной перспективе сельское хозяйство будет продолжать играть центральную роль в танзанийской экономике.

Тенденции развития индустриального сектора экономики

Аналитики отмечают, что структурные изменения в экономике Кении, Танзании и Уганды весьма замедлены на фоне заметного роста доли сферы услуг в ВВП в этих странах. Но сфера услуг развивается, в первую очередь, за счет торговли. В сельском хозяйстве хотя и отмечаются изменения, но они не столь необходимые для таких аграрных стран, как Танзания, а сектор обрабатывающей промышленности вообще почти не развивается, хотя продукция именно этих отраслей в последние годы реализовывалась на внешних рынках.

При этом для африканских стран условия торговли не были успешными и даже удолетворительными. Как показывает анализ статистики период до наступления мирового кризиса 2008 г. наибольшую динамику в изменении отраслевой структуры ВВП в пользу обрабатывающих отраслей показывала Кения, меньшую – Танзания [15]. Проанализируем динамику производства промышленной продукции в целом, а затем охарактеризуем их роль и значение (см. *табл. 4 и 5*).

Как можно убедиться, показатели довольно низкие. Доля в мировом промышленном производстве характеризуется не в процентах от мирового объема, а в промилле (т.е. 0,027%, 2013 г.). Иными словами показатели промышленного производства в расчете на душу населения и доли в мировой промышленности очень невысокие, хотя положительная динамика явно присутствует, особенно в период после 2008 г.

Для сравнения: в 2013 г. в Танзании было произведено промышленной продукции на 4,6 млрд долл. (в текущих ценах, и 1,7 млрд долл. в постоянных ценах 1970 г.), но это выше,

чем в соседних с ней странах, и почти равно показателю Замбии (4.8 млрд долл.). Однако данный показатель в пересчете на душу населения в Замбии более, чем в 2,5 раза, чем в Танзании.

Таблица 4. Добавленная стоимость промышленности Танзании, 1970-2013 гг.

Год	Промышленность, \$ млрд	Доля в мировой промышленности, %	Доля промышл. в добавленной стоимости, %	Промышл. продукция на душу населения, \$
1970	0.26	0.026	14.4	19
1980	0.92	0.026	13.5	49
1990	0.68	0.012	13.3	27
2000	1.3	0.018	13.5	39
2008	2.8	0.02	14.7	68
2009	3	0.024	15	71
2010	3.3	0.023	15.7	75
2011	3.3	0.02	15	73
2012	4	0.024	15.4	86
2013	4.6	0.027	15.1	97

Составлено по: [11]

В индустриальном секторе преобладает добывающая промышленность. Динамику развития перерабатывающей промышленности страны и ее долю в создаваемой добавленной стоимости иллюстрируют данные *табл. 5*.

Таблица 5.

Добавленная стоимость перерабатывающей промышленности Танзании, 1970-2013 гг.

Год	Перерабат. промышл., \$млрд	Доля в мировой перерабат. промышленности, %	Доля перерабат. промышленност и в добавленной стоимости, %	Перерабат. промышленность на душу населения, \$
1970	0.21	0.025	11.7	15
1980	0.81	0.031	11.9	43
1990	0.58	0.013	11.4	23
2000	0.89	0.017	9.3	27
2008	1.6	0.016	8.4	39
2009	1.8	0.02	9.0	42
2010	2.1	0.021	10	48
2011	2	0.018	9.1	44
2012	2.4	0.021	9.2	52
2013	2.8	0.024	9.2	58.9

Составлено по: [11]

Внешняя торговля

Анализ внешнеторгового сектора, играющего важную роль в экономике Танзании и многих бедных африканских государств, показывает хронический дефицит торгового баланса, когда стоимостной объем импорта превышает экспортные поступления (импорт 14.2 млрд долл., а экспорт – 8.2 млрд *в текущих ценах*, 2013 г.). В 2015 г. экспорт в составил 5,4 млрд долл., а импорт – 10,5 млрд долл. [14]. При этом цены на составляющие импорт товары (промышленные товары и продовольствие) на мировых рынках имеют более активную динамику роста по сравнению с более слабой динамикой увеличения цен на традиционные товары африканского экспорта (кофе, чай, лес, минеральное сырье и др.).

Росли и объемы внешней торговли страны (рис. 1).

Рис. 1. Динамика экспорта и импорта Танзании, 2008-2014 гг.

Источник: National Bureau of Statistics (Tanzania)

За последние два десятилетия экономика страны была преобразована от централизованной плановой экономики к системе, ориентированной на рынок за счет успешной реализации рыночных реформ. Правительство поощряет рост частного сектора за счет восстановления рыночных сил и меньшего вмешательства правительства в коммерческую деятельность. В целом реформы привели к позитивным тенденциям роста и впечатляющим макроэкономическим показателям с уровнем инфляции упавшем с 27,4% в 1995 году до примерно 9% в 2012 году (согласно данным National Bureau of Statistics Tanzania). Недавнее открытие больших месторождений природного газа на восточном побережье, и интерес, что инвесторов в этой области, также может стать положительным признаком быстрого развития экономики. Недавние реформы были направлены на улучшение инфраструктуры и роста частного сектора за счет государственно-частного партнерства.

Эксперты также подчеркивают, что при небольших объемах внешние факторы развития, такие как внешняя торговля и приток капитала и помощь, хотя и играют важную роль в пополнении государственных бюджетов, не оказывают заметного прямого влияния на изменение сложившейся социально-экономической ситуации. Однако в отдельные периоды, несомненно, они оказывают влияние на улучшение общих макроэкономических показателей развития исследуемых стран. Межгосударственное торгово-экономическое сотрудничество в странах Африки также пока слабо влияет на экономическое развитие стран. Мало меняется товарная структура экспорта и направления товарных потоков [16].

Иностранные инвестиции в Танзанию

В настоящее время Танзания является страной привлекательной для иностранных инвестиций в связи с политической стабильностью, с благоприятным инвестиционным законодательством, хотя и с наличием ряда проблем, мешающих осуществлению инвестиционной деятельности. Международные бизнес и инвестиции были одним из важных катализаторов для развития в Танзании, который был источником роста ВВП.

Правительство Танзании в целом приветствует наличие прямых иностранных инвестиций (ПИИ), и страна имела значительный успех в привлечении ПИИ. Танзания привлекла в 2014 г. 2,14 млрд долл. ПИИ (для сравнения: 1,87 млрд долл. в 2013 г. – World Investment Report. 2015), что было самым высоким показателем в Восточной Африке. Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) отмечает, что в общей сложности накоплено 17 млрд долл. ПИИ в настоящее время в Танзании.

Политическая стабильность в стране способствовала росту прямых иностранных инвестиций. Правительство взяло на себя обязательство по улучшению инвестиционного климата, в том числе в сфере изменения налоговых кодексов, валютного курса, процедуры

лицензирования иностранных банков, а также создания центра содействия инвестициям, чтобы сократить волокиту в этом процессе. Танзания имеет минеральные ресурсы и в значительной степени нереализованный сектор туризма, который мог бы сделать его жизнеспособным рынком для иностранных инвестиций. Внешняя торговля охватывает практически все отрасли экономики. Но правительство считает, что страна должна сосредоточиться на тех позициях торговли, которые вносят большой вклад в развитие экономики Танзании.

Танзания является быстро растущим развивающимся рынком. Страна входит в число 20-ти самых быстрорастущих экономик в мире, демонстрируя темпы роста ВВП около 7% за последние 5 лет. И прогнозируется МВФ и Всемирный банк продолжение этого быстрого роста в течение следующего десятилетия.

Большинство инвестиций идет в горнодобывающий сектор (согласно данным Центрального банка Танзании). Запасы природного газа в стране оцениваются в 6,5 млрд м³ (2013 г.). Добыча природного газа составила 860 млн куб. м [12]. Быстрый рост ВВП страны (более 6%) произошел в результате иностранных инвестиций именно в газовую промышленность и электроэнергетику. Танзания имеет значительные перспективы с позиций привлечения иностранных инвестиций в ряде областей, включая сельское хозяйство, горнодобывающую промышленность, производство, транспорт, туризм, образование, здравоохранение и инфраструктуру. С целью улучшения инвестиционного климата для иностранцев, а также местных инвестиций для достижения высоких темпов экономического роста в 2010 г. была принята «дорожная карта». В этом документе ответственные министерства, департаменты и агентства Танзании в сотрудничестве с частным сектором обязались содействовать устранению препятствий, связанных с затратами на ведение бизнеса [17].

В последние годы растет интерес Китая как инвестора в экономику Танзании. Выбор Танзании со стороны КНР довольно символичен: эта страна стала одной из первых целей Китая, выбранных для инвестиций на африканском континенте. Железная дорога между Танзанией и Намибией, построенная в 70-е гг. XX века, была одним из первых инфраструктурных проектов в Африке, которые были построены на деньги Китая. В настоящее время Китай поддерживает Танзанию во многих сферах и помогает ей осуществлять крупные инфраструктурные проекты. Подписываются разного рода соглашения о сотрудничестве. В частности, речь идет о проекте порта в Багамоё стоимостью \$10 млрд к северу от крупнейшего города Танзании Дар-эс-Салам, который будет соединен с особой промышленной зоной. Танзании был открыт ряд месторождений природного газа. Китай выделил средства на строительство трубопровода от месторождений на юге к порту в Дар-эс-Саламе. Стоимость проекта составила более \$1 млрд, и строительство началось в 2012 году [18]. Китайцы осуществили также крупные инвестиции в восточноафриканский регион для строительства угольной шахты, 600-мегаваттной тепловой электростанции, возведения железнодорожного карьера в южной части страны.

Танзания в 2010 г. внесла изменения в свое горное законодательство, открывшее иностранным инвесторам доступ к добыче ресурсов на основных месторождениях страны. Отношения с Африкой – часть китайской стратегии создания нового мирового порядка. Танзания рассчитывает, что прямые иностранные инвестиции из Китая будут расти. При этом Китай, который не был ранее в числе крупнейших инвесторов для Танзании, опередил по объему инвестиций США уже в 2011 году. Но самыми важными инвесторами остаются, по-прежнему, Великобритания, ЮАР и Канада.

В области инвестиций надо отметить, что, начиная с середины 1990-х гг., одним из важнейших принципов экономической политики танзанийского руководства является привлечение иностранных капиталовложений и всемерное поощрение деятельности зарубежных инвесторов. В отношении зарубежных инвестиций применяется комплекс стимулирующих поощрительных мер, которые призваны способствовать такому размещению инвестиций в стране, которое бы отвечало ее стратегии экономического развития.

Борьба с бедностью

Танзания в рамках Национальной стратегии роста и сокращения бедности (National Strategy for Growth and Reduction of Poverty - NSGRP /MKUKUTA) пытается сосредоточиться на борьбе с нищетой и разрабатывает программы развития страны. Эта стратегия обосновывается в документе о перспективах развития страны до 2025 года (Development Vision 2025), где прописаны цели общего роста экономики, роста качества жизни населения и средств к существованию; установление мира, стабильности и единства в стране; совершенствование управления и повышение качества образования, и рост конкурентоспособности страны на международном уровне [14]. Правительство Танзании поставило задачу бороться с тремя основными проблемами – невежество, болезни и бедность.

Стратегия развития 2025 (Development Vision 2025) закладывает долгосрочные цели развития Танзании и обозначает перспективы, в отношении которых была сформулирована стратегия борьбы с нищетой (National Poverty Eradication Strategy - NPES). Стратегия помощи Танзании (Tanzanian Assistance Strategy - TAS) является результатом взаимных действий и ощущаемой потребности правительства Танзании и ее международных партнеров с целью формирования комплексной программы развития. Вокруг нее вопросы, связанные с текущей деятельностью, регулярно обсуждаются и оцениваются. Эта национальная стратегия экономического и социального развития охватывает совместные усилия Правительства страны и международного сообщества. Она охватывает все области развития, которые были поддержаны международными партнерами как внутри, так и вне рамок бюджета центрального правительства страны. Хотелось бы надеяться, что ТАС обеспечит полезную основу для организации периодических консультаций и диалога между всеми партнерами по развитию.

Стратегия сокращения уровня бедности (Poverty Reduction Strategy Paper - PRSP) является неотъемлемой частью процесса развития наименее бедных стран мира с большой внешней задолженностью (Highly Indebted Poor Countries - HIPC) и сосредоточивает основное внимание на борьбу с нищетой в условиях твердых со стороны Правительства страны бюджетных ограничений. Тем не менее, Стратегия сокращения бедности охватывает любые мероприятия ориентированные на нужды бедных, различные нефинансовые соображения, которые имеют важное значение для борьбы с нищетой.

Эта стратегия придерживается Целей развития тысячелетия, согласованных на международном уровне - сокращения масштабов нищеты, голода, болезней, неграмотности, деградации окружающей среды и дискриминации в отношении женщин. Танзания должна стремиться расширить пространство для участия других стран и эффективного участия гражданского общества, развивать частный сектор и поддерживать региональные и другие международные инициативы, направленные на социально-экономическое развитие. Так еще используется иностранная помощь, которая представляет собой добровольное перечисление средств из более богатых в более бедные страны. Известная как «помощь» или «иностранный помощь», она также играет решающую роль в развитии остальных экономик и в сфере гуманитарной помощи. С другой стороны, иностранная помощь является ограниченной по срокам в борьбе с нищетой и не достигает общих целей развития.

Заключение

Анализ современной ситуации в Танзании показывает, что остро встает вопрос о поисках вариантов развития, способных расширить базу экономической модернизации. В данном случае речь идет о производствах, которые при благоприятном инвестиционном климате могли бы привлечь внимание иностранных инвесторов.

Фиксируется положительная динамика и темпы развития, хотя разные отрасли экономики страны развиваются неравномерно. Растет удельный вес промышленности и строительства в ВВП, снижается доля сельского хозяйства.

Руководство страны стремится использовать позитивные внешние импульсы (иностранные инвестиции, иностранную помощь, техническую помощь, международное сотрудничество и др.) в целях ускорения роста конкурентоспособности отраслей национальной экономики и повышения благосостояния населения.

Литература

- [1] *Абрамова И.О.* Развивающиеся страны в мировой экономике XXI века: новые демографические детерминанты // *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 6; *Иванов Д.С., Слука Н.А.* Изменение демографических рейтингов стран мира за период 1995-2010 гг. // *Демографический журнал*. Х – Международный часопис за демографска и остала друштвена истраживања. – *Demography: international journal for demographic and other social studies* / Главни и одговорни уредник М. Грчић. – Београд, „Макарије“, 2013. – 262 с. - С. 7-23
- [2] *Тамберг Р.И.* КНР – Африка: экономические связи // *Азия и Африка сегодня*. 2012. №1.
- [3] *Маценко И.Б.* Африка: реализация «Целей развития тысячелетия» // *Азия и Африка сегодня*, 2012, № 8, 9, и 10; *Маценко И.Б.* Наименее развитые страны Африки: перспективы развития // *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 11.
- [4] *Ковальчук А.П.* Как мир помогает Африке преодолеть кризис и наращивать темпы экономического развития // *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 5
- [5] *Фитуни Л.Л.* Дифференциация развивающихся стран и новая архитектура мировой экономики // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 10; *Фитуни Л.Л.* Экономика Африки: вызовы посткризисного развития // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 8, 9, 2011, № 1.
- [6] *Баскин В.С.* Проблемы развития внешней торговли стран Африки в конце XX - начале XXI в. – М., 2004.
- [7] *Роцин Г.Е.* Зарубежные инвестиции и экономическое развитие в Африке // *Азия и Африка сегодня*. 2012. № 11; *Роцин Г.Е.* Международные корпорации в Африке // *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 12.
- [8] *Камузора А.* Особенности экономического развития Танзании на современном этапе // Автореферат. дисс. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук. – М.: 2003: <http://www.disserscat.com/content/osobennosti-ekonomicheskogo-razvitiya-tanzanii-na-sovremennom-etape#ixzz2mR1RM87W>
- [9] *Богуславский А.П.* Современные тенденции политики КНР в Африке // *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 4; *Дейч Т.Л.* «Большая игра»: Китай и США на африканских сырьевых рынках // *Азия и Африка сегодня*. 2010. № 8; *Дейч Т.Л., Корендясов Е.Н.* БРИКС – новый игрок на африканском континенте // *Азия и Африка сегодня*, 2012, № 4,6
- [10] *Корендясов Е.Н., Урнов А.Ю., Шубин В.Г.* Африка, Россия и 50-летие ОАЕ/АС // *Азия и Африка сегодня*. 2013. № 9; *Лопатов В.В.* Африканский рынок – один из самых перспективных // *Азия и Африка сегодня*. – 2008. №12; *Лопатов В.В.* Торгово-экономические отношения России с Африкой в конце XX – начале XXI в. – М., 2007.
- [11] *Международные макроэкономические исследования.* Институт экономики и права Ивана Кушнера – научно-исследовательское учреждение. Ассоциация свободных знаний: http://www.be5.biz/makroekonomika/gdp/gdp_tanzania.html
- [12] *Всемирная книга фактов.* ЦРУ США. The World Factbook: <http://www.cia.gov>.
- [13] *Монге Э.* Особенности экономического развития Танзании на современном этапе // Место и роль России в мировом хозяйстве. Сборник статей VIII международной научно-практической конференции (28-29.11.2013) ч.1 – Воронеж. гос. ун-т инж. технол. – Воронеж: ВГУИТ, 2013. – С.121-123.
- [14] *The Tanzania development vision 2025* - <http://www.tzonline.org/pdf/theTanzaniadevelopmentvision.pdf>
- [15] *Подбиралин А.В.* Соотношение факторов экономического развития стран с низким доходом (на примере восточноафриканских стран – Кении, Танзании и Уганды) // Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. экон. наук. – М., 2009.
- [16] *Мокреций А.Ч.* Китайско-африканские отношения: ускорение развития // *Азия и Африка сегодня*. 2011. № 5.
- [17] *Tanzania Investment Report (2012): Foreign private investment and investor perception.* 2013: <http://www.tic.co.tz/media/TIR2012%20Main%20Report%20for%20Web.pdf>
- [18] *Китай инвестирует \$10 млрд в порт в Танзании (2014):* <http://maanimocom/news/events/101710-kitay-investiruet-10-mlrd-v-port-v-tanzanii>

**ИЗМЕНЕНИЕ МОДЕЛИ УЧАСТИЯ ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТОВ
В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
И ТОРГОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА**

Введение. Существенные изменения позиций различных стран, произошедшие в последние десятилетия (особенно стремительный экономический рост Китая, Индии, азиатских НИС), предполагают серьезные сдвиги в области предложения энергии на азиатском континенте. Поэтому государства Персидского залива все более акцентируют свое внимание на сотрудничестве со странами Азии, не ограничиваясь рассмотрением их только как покупателей энергоресурсов, а расширяя импорт промышленных товаров и продовольствия. При этом растущие торговые связи с развивающимися странами Азии сопровождаются интенсификацией отношений в области инвестиций. Важно также учитывать тот факт, что трудовые мигранты из стран Азии составляют более половины рабочей силы стран Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ).

Выход на международный рынок ОАЭ (как и других стран ССАГПЗ), а также их специализация на этом рынке предопределяется, согласно теории и практике международной торговли, абсолютными и относительными, а также приобретенными, преимуществами этих государств. Изначально это были жемчуг и рыба, затем – углеводороды, доля которых как в структуре экономики ОАЭ, так и во внешней торговле в настоящее время снижается благодаря структурным сдвигам в экономике. Ныне страна все чаще выходит на внешние рынки с новой продукцией.

Для изучения данного вопроса проанализируем в сравнении объемы товарооборота ОАЭ и других стран ССАГПЗ, чтобы определить позиции страны в данном региональном союзе (табл. 1).

Таблица 1. Динамика внешней торговли стран Залива в 2000-2014 гг. (млрд долл.)

Страна / годы	2000	2005	2007	2008	2010	2013	2014
Экспорт							
Бахрейн	6,2	10,2	13,6	17,3	15,0	20,9	20,5
Кувейт	19,4	44,9	62,7	87,5	70,0	115,0	104,3
Оман	11,3	18,7	24,7	37,7	36,6	56,4	53,2
Катар	11,6	25,8	42,0	67,3	75,0	136,9	131,7
Саудовская Аравия	77,6	180,7	233,3	313,5	251,1	375,9	353,8
ОАЭ	49,8	117,3	178,6	239,2	214,0	379,0	360,0
Экспорт ССАГПЗ, всего	175,9	397,6	554,9	762,5	661,7	1084,1	1023,5
Импорт							
Бахрейн	4,6	9,4	11,5	15,0	12,3	14,4	13,9
Кувейт	7,2	15,8	21,4	24,8	22,7	29,4	31,5
Оман	5,1	9,0	16,0	23,1	20,0	35,0	30,4
Катар	3,3	10,0	23,4	27,9	23,2	34,9	34,6
Саудовская Аравия	30,2	59,5	90,2	115,1	106,9	168,2	163,0
ОАЭ	35,0	84,7	132,5	200,3	165,0	251,0	262,0
Импорт ССАГПЗ, всего	85,4	188,4	295,0	406,2	350,1	532,9	535,4
Товарооборот ССАГПЗ	261,3	586,0	849,9	1168,7	1011,8	1617,0	1558,9

Составлено по данным: [7]

Анализ показывает, что лидером региона по стоимостному объему товарооборота на протяжении длительного времени оставалась Саудовская Аравия. В 1989-1990 гг. показатель торгового баланса страны составлял 15,4 млрд долл. У ОАЭ данный показатель за аналогичный период был меньше почти в 1,5 раза и составлял 10,2 млрд долл. Третье место в регионе занимал Кувейт, 4-е - Катар. Однако в 2012- 2014 гг. лидером по стоимостному объему товарооборота в группе стран ССАГПЗ стали ОАЭ (в первую очередь за счет роста импорта) (табл. 1).

У всех стран региона ССАГПЗ наблюдаются общие тенденции изменения торгового баланса в период с 2000 по 2014 гг., в основном из-за однотипных по своей структуре экономик, а также вследствие схожести товарной структуры внешней торговли. В рассматриваемый период мы можем наблюдать динамичный рост торгового баланса вплоть до 2013 г. В 2014 г. наблюдается снижение товарооборота ОАЭ, как и других стран ССАГПЗ, что связано с конъюнктурой мирового рынка нефти и резким падением цен на «черное золото».

В ОАЭ активно создаются новые конкурентоспособные на международном рынке виды товаров. Правительство стимулирует развитие внешней торговли страны, а также создает условия для привлечения иностранного бизнеса на ее территорию. Кроме того, существует прямая зависимость между стоимостным объемом товарооборота и показателем ВВП. В 2005 г. в ОАЭ объем внешнеторгового оборота впервые превысил объем ВВП, в 2013 г. разница была уже в 1,5 раза. В 2014 г. товарооборот ОАЭ (622 млрд долл.) превысил стоимостной объем ВВП страны (416,4 млрд) в 1,6 раза. Стоит отметить, что в период мирового кризиса с 2008 по 2009 гг. оба показателя продемонстрировали определенное замедление своего роста, однако с 2011 г. ситуация в основном стабилизировалась.

Рассматривая изменения в коэффициентах концентрации и диверсификации экспорта и импорта стран Залива можно отметить, что – ОАЭ лидер региона по разнообразию импортируемых и экспортируемых видов товаров. ОАЭ опережает страны региона ССАГПЗ по показателю товарной номенклатуры как экспорта, так и импорта в среднем на 5-10% [7].

Более того, согласно современным исследованиям, удельный вес высокотехнологичной продукции в импорте всех стран региона ССАГПЗ имеет тенденцию к росту. Уже в настоящее время он превышает 50%. Как правило, речь идет о новом современном и высокотехнологичном оборудовании для различных отраслей экономики – как добывающей промышленности, так и нефтехимии, строительства, энергетики, медицины и обрабатывающих отраслей [4]. На основе проанализированных данных мы можем говорить о том, что экономика ОАЭ за период с 2005 по 2014 гг. стала менее уязвима. Наблюдается тенденция к расширению номенклатуры экспортных и импортных товаров, растет диверсификация, как экспорта, так и импорта.

Изменение модели участия ОАЭ в мировой экономике. ОАЭ все в большей степени вовлекаются в мировую экономику и международное разделение труда и, в первую очередь, через внешнеэкономические связи. При этом растут объемы ВВП, внешней торговли, степень открытости экономики, и страна имеет очень высокие и растущие показатели ВВП в расчете на душу населения. Страна уже подключилась к таким секторам, как международная торговля, мировые финансы, бизнес-услуги, современные средства связи и информации, ИКТ, международный туризм, региональная интеграция и др. Но, если ранее ОАЭ специализировались в основном на экспорте углеводородов, то в настоящее время страна развивает, помимо добывающих отраслей, обрабатывающую промышленность и сферу услуг.

Переход ОАЭ на социально-ориентированную инновационную модель развития (точнее на модель ориентированную на постепенный уход от жесткой зависимости страны от торговли углеводородным сырьем) способствует не только развитию обрабатывающих производств, отраслей сферы услуг, и диверсификации экспорта, активизации внешнеэкономической деятельности, но и укрепляет позиции страны в мировой экономике. При этом усилился процесс диверсификации экономики с целью сокращения роли углеводородного сектора объединяются со стремлением к овладению новейшими технологиями, секретами производства и деловыми навыками, которыми располагают иностранные инвесторы, к широкому использованию ИКТ, что отражается, в том числе в высоких позициях ОАЭ в международных рейтингах инновационного развития

Так, вплоть до последнего времени можно было говорить о деструктивном воздействии глобальных воспроизводственных и внешнеэкономических связей на экономику ОАЭ (учитывая, что главный ресурс экономики – нефть, и высокие цены на данный товар на мировом рынке в прежние десятилетия)²⁴. Максимальные цены на нефть на мировом рынке в

²⁴ В декабре 2015 года цена нефти Brent обновила минимум с июля 2004 года, опустившись до 36 долл. Снижение цен на нефть продолжилось и в 2016 г.

начале 21 в. были достигнуты в середине 2008 года и варьировали в диапазоне 130-150 долл. за баррель в зависимости от марки нефти. Еще в 2014 году средняя цена нефти марки Brent составляла 99,3 долл. за баррель. В регионе ССАГПЗ по экспорту сырой нефти ОАЭ находится на 2-м месте (вслед за Саудовской Аравией). В мире – ОАЭ также в числе лидеров (3-е – 4-е место). В 1987 г. ОАЭ экспортировали нефти 1320 тыс. барр./день, в 2011 г. – 2366 тыс. барр./день, в 2013 г. – 3646 тыс. барр./день. Именно высокие цены на нефть на мировом рынке в высокой степени препятствовали трансформации национальной экономики ОАЭ, заставляя ее оставаться экспортноориентированным сырьевым сегментом глобальной экономики. Однако в декабре 2015 года цена нефти Brent обновила минимум июля 2004 года, опустившись до 36 долл. Снижение цен на нефть продолжилось и в 2016 г.

На основе анализа динамики добычи и торговли нефтью в ОАЭ и изменений в секторах экономики, нами сделан вывод о том, что добыча нефти и торговля углеводородами по-прежнему очень важны для экономики. Согласно данным UAE Economic Report 2014, на нефтяную отрасль все еще приходится 56% ВВП эмирата Абу-Даби. Хотя экономика второго по величине эмирата – Дубая более сбалансирована (доля нефтяной отрасли в структуре его ВВП не превышает 30%). Безусловно, именно нефтегазовый сектор заложил основу для развития экономики ОАЭ и возможности инвестирования средств в другие – ненефтяные отрасли, с которыми, на сегодняшний день, страна уже довольно успешно представлена на международном рынке.

Иными словами, современная стратегия правительства страны заключается не только в создании благоприятной, сбалансированной торговой среды, способствующей экономическому росту. Основная цель государственной политики ОАЭ – это внедрение прогрессивной экономической модели развития. Правительство ОАЭ активно аккумулировало финансовые активы, получаемые в качестве доходов от экспорта топлива на мировом рынке, и они были направлены на укрепление и модернизацию нефтегазовой отрасли, а также на создание иных конкурентоспособных на мировом рынке отраслей. Это заложило основы структурных сдвигов в национальной экономике. Определенные успехи в данной сфере нашли отражение в улучшении позиций в международных рейтингах, особенно в тех, что характеризуют подвиги в инновационном развитии (табл. 2).

Таблица 2. Позиции лидеров и ОАЭ в международных рейтингах

Глобальный инновационный индекс (ГИИ) 2014 г.		Индекс готовности стран мира к сетевой экономике (NRI) 2015 г.		Индекс ИКТ (The ICT Development Index) 2014 г.		Индекс глобальной конкурентоспособности (GCI) 2015-2016 гг.	
1	Швейцария	1	Сингапур	1	Дания	1	Швейцария
2	Великобрит.	2	Финляндия	2	Респ. Корея	2	Сингапур
3	Швеция	3	Швеция	3	Швеция	3	США
4	Финляндия	4	Нидерланды	4	Исландия	4	Германия
5	Нидерланды	5	Норвегия	5	Великобрит.	5	Нидерланды
.....
6	США	7	США	11	Япония	3	США
22	Япония	16	Япония	14	США	6	Япония
.....
34	Латвия	21	Израиль	30	Мальта	10	Великобрит.
35	Венгрия	22	Эстония	31	Словения	11	Норвегия
36	ОАЭ	23	ОАЭ	32	ОАЭ	12	ОАЭ
38	Сауд. Аравия	24	Бельгия	34	Катар	13	Дания
.....
49	Россия	50	Россия	42	Россия	53	Россия

Источник: составлено на основе: The Global Competitiveness Report 2015–2016; The Global Information Technology Report 2015 и др.

Так, позиция ОАЭ в рейтинге Индекса экономики знаний (The Knowledge Economy Index) – 42-е место из 145-ти. В международном рейтинге «Глобальный индекс инноваций 2014» (The Global Innovation Index 2014) ОАЭ находится на 36 месте. В рейтинговой таблице Индекса готовности стран к сетевой экономике (The Networked Readiness Index 2015) ОАЭ на очень высокой 23-й позиции, опережая многие развитые страны. В рейтинге Индекса готовности к электронному правительству ООН (United Nations e-Government Readiness Index) ОАЭ находится на 32-й позиции (Бахрейн – 18-е место, Саудовская Аравия – 36-е место, Кувейт – 49-е). В международном рейтинге по «Индексу глобальной конкурентоспособности» (The Global Competitiveness Report 2014–2015) среди 140 стран ОАЭ вообще занимает очень высокое 12-е место (рядом с высокоразвитыми странами).

Анализ правительственных экономических программ и планов развития национальной экономики показал, что в ОАЭ на государственном уровне принята концепция сбалансированного развития при уменьшении зависимости национальной экономики от нефтяного сектора в качестве основного источника развития и получения доходов. Осуществляется инвестирование прибыли этого сектора в построение сбалансированной экономики, которая способна обеспечить экономический рост и процветание для нынешних и будущих поколений.

Товарная структура внешней торговли ОАЭ. Анализируя товарную структуру экспорта ОАЭ в период с 1995 по 2014 гг., мы можем сделать вывод о произошедших кардинальных структурных изменениях во внешней торговле (табл. 3), основой которых послужили структурные изменения в экономике страны.

Таблица 3. Товарная структура экспорта и импорта ОАЭ, 1995-2014 гг. (в %)

	Все прод. товары	Сельхоз. сырье	Топливо	Руды, минералы, металлы	Промышленные товары	В том числе:		
						Хим. продукция	Машины и трансп. оборудование	Прочие промышл. товары
Экспорт								
1995	3,3	0,3	72,4	5,1	18,0	2,9	6,3	8,8
2005	2,9	0,2	61,7	10,1	24,4	3,1	13,1	8,2
2014	3,6	0,2	58,1	16,4	21,5	3,3	8,8	9,4
Импорт								
1995	10,3	0,9	1,7	2,6	83,1	6,6	36,3	40,2
2005	5,9	0,5	4,1	11,2	76,3	5,2	43,5	27,6
2014	7,6	0,5	6,3	14,3	69,3	5,7	32,6	31,1

Составлено по UNCTAD. Handbook of Statistics 2015. [7]

Так, в 1995 г. основная часть экспорта государства была представлена продукцией нефтегазовой отрасли, а доля экспорта топлива составляла 72,4%. На все промышленные товары приходилось 18% совокупного экспорта, на руды, минералы и металлы 5,1%, на продовольственные товары 3,3%. В 2014 г. доля экспорта топлива упала на 14,3% – до 58,1%, выросла доля экспорта промышленных товаров, в 3 раза выросла доля экспорта руд, минералов и металлов, с 5,1 до 16,4%. Доля продовольственных товаров в экспорте также выросла с 3,3 % до 3,6 %.

В товарной структуре импорта ОАЭ с 1995 по 2014 гг. также произошел ряд серьезных изменений (рис. 2.12 и табл. 2.4-а). В 2005 г. основная доля импорта ОАЭ приходилась на промышленные товары – 83,1%, из них 6,6% – химическая продукция, машины и оборудование – 36,3% и прочие промышленные товары – 40,2%. В 2005 г. крупная часть импорта приходилась на продовольственные товары – 10,3%. В 2014 г. доля импорта промышленных товаров упала на 13,8% и составила 69,3%, доля продовольствия в импорте также сократилась до 7,6%, зато вырос импорт топлива – с 1,7% до 6,3%, а также руд, минералов и различных металлов – с 2,6 до 14,3%.

В то же время нельзя говорить о физическом снижении объемов импорта. Дело в том, что население ОАЭ быстро увеличивается, в том числе – и за счет мигрантов, и следует понимать, что импорт продовольствия физически не мог уменьшиться. Поэтому мы снова говорим о том, что в натуральном выражении все сегменты структуры импорта ОАЭ за исследуемый период выросли.

Остановиваясь на товарной структуре экспорта ОАЭ, стоит также рассмотреть более подробно основные экспортные товары, с которыми страна представлена на мировом рынке (табл. 4).

Таблица 4. Главные экспортные товары ОАЭ (2012 г.)

Код	Товар, товарная группа	Объем экспорта (f.o.b. в тыс. долл.)	Доля в % от экспорта страны	Доля в % экспорта товара в соответствующей категории общего объема экспорта среди развивающихся стран	Доля в % от мирового экспорта товара
	<i>Продукция всех товарных групп</i>	314 777 626	100,0	3,77	1,65
333	Сырая нефть и битуминозные нефти	133 493 660	44,2	10,65	7,78
334	Тяжелая нефть и битуминозные нефти	26 432 655	8,7	6,24	2,68
971	Золото неденежное, исключая руды	21 687 567	7,2	16,33	8,63
667	Жемчуг, драгоценные и полудрагоценные камни	16 115 278	5,3	20,43	10,46
342	Пропан и бутан сжиженные газы	6 977 823	2,3	17,65	11,82
343	Природный газ, в т.ч. сжиженный	5 858 865	1,9	3,67	1,69
897	Ювелирные изделия	4 595 289	1,5	5,67	3,70
864	Алюминий	4 055 298	1,3	10,56	3,40
781	Легковые и гоночные автомобили	3 890 002	1,3	3,43	0,61
764	Телекоммуникационное оборудование и комплект.	3 336 077	1,1	0,95	0,64
	Прочие товары	88 335 112	25,2		

Составлено по данным: [7].

Как показал анализ представленных данных, основа экспорта ОАЭ по-прежнему сырая нефть и битуминозные нефти. На них приходится 44,2 % всего экспорта ОАЭ. На тяжелую нефть и битуминозные нефти приходится 8,7% всего экспорта ОАЭ, этот показатель соответствует 6% экспорта тяжелой и битуминозные нефти развивающимися странами и 2,7% мирового экспорта.

Важное место в экспорте ОАЭ занимает торговля драгоценностями. В 2012 г. доля торговли золотом в экспорте составляла 7,2%. Показатель соответствует 8,63% мирового экспорта. Доля торговли жемчугом, драгоценными и полудрагоценными камнями в 2012 гг. составляла 5,3% (показатель соответствует 10,5% мирового экспорта этого вида продукции).

В 2014 г. ОАЭ вошли в десятку лидеров среди развивающихся стран по экспорту таких товаров, как:

– духи и косметика (HS code: 553) – 7-е место в мире (лидеры: Сингапур, Китай, Мексика),

– резины для колес (HS code: 625) – 8-е место (лидеры: Китай, Республика Корея, Таиланд);

– первичной формы этилен-полимеров (HS code: 571) – 10-е место (лидеры: Саудовская Аравия, Сингапур, Республика Корея);

– прочих пластмасс в первичных формах (HS code: 575) – 10-е место (лидеры: Республика Корея, Саудовская Аравия, Сингапур) [7].

На основании анализа этих данных мы можем утверждать, что продукция ряда секторов ОАЭ широко представлена на международном рынке.

Географическая структура внешней торговли ОАЭ. Географическая структура торговли стран мира меняется в связи с изменениями политической и экономической ситуации в мире, и в данном регионе. В связи с замедлением экономического роста в США и ЕС, страны ССАГПЗ осуществляют географическую диверсификацию внешнеэкономической деятельности, активизируя свое присутствие на рынках стран Азии, Африки, Латинской Америки и в собственном регионе [4]. Представленные ниже таблицы характеризуют динамику процесса (табл. 5).

Таблица 5. Динамика и географическая структура экспорта товаров из ОАЭ, 1995-2014 гг. (%)

Годы	Экспорт (млн долл.)	Развитые страны (%)		Развивающиеся страны (%)			С переходной экономикой (%)
		Всего	Япония	Всего	Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия	Западная Азия (%)	
1995	27 753	55.2	46.4	44.3	32.4	9.7	0.5
2005	115 453	42.0	27.5	57.2	44.7	8.1	0.8
2012	324 424	22.8	16.2	76.6	62.4	9.7	0.6
2014	360 000	21.5	14.7	77.8	61.7	11.3	0.6

Составлено по: [7].

При росте объемов экспорта товаров из ОАЭ (с 28 до 360 млрд долл.) заметно снижение удельного веса развитых стран в период с 1995 по 2014 гг. (с 55 до 21%) и рост удельного веса развивающихся стран (с 32 до 62%). Особенно заметен сдвиг в направлении стран Азии (суммарно 73% в 2014 г.), при этом лидирует регион Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия (свыше 60%).

Очень похожая картина изменения направлений торговых операций наблюдается и по импорту продукции в ОАЭ. Доля развивающихся стран (свыше 60%, 2014 г.), особенно государств региона Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия (свыше 45%) заметно выросла с 1995 года. Если ранее среди импортеров преобладали развитые страны (более 53%, 1995 г.) и особенно страны ЕС (33%), то ныне ОАЭ импортируют большую долю продукции из развивающихся стран (свыше 60%). А в 2014 г. – в связи с санкциями развитых стран мира против России, этот ряд событий затронул географическую структуру ОАЭ в слабой мере, однако, несмотря на это, также произошли определенные изменения (табл. 6).

Таблица 6. Динамика и географическая структура импорта товаров в ОАЭ, 1995-2014 гг. (%)

Годы	Экспорт (млн долл.)	Развитые страны (%)		Развивающиеся страны (%)			С переходной экономикой (%)
		Всего	ЕС	Всего	Восточная, Южная и Юго-Восточная Азия	Западная Азия (%)	
1995	27 753	53.4	32.8	46.1	35.5	8.9	0.5
2005	115 453	53.1	36.2	45.3	34.2	8.2	1.6
2012	324 424	39.0	20.7	60.3	45.8	10.1	0.7
2014	360 000	38.4	21.6	60.3	45.4	10.0	1.3

Составлено по данным: [7].

Анализируя географическую структуру экспорта ОАЭ по странам-лидерам в период с 2005 по 2013 гг., мы можем утверждать, что в ней произошли заметные структурные изменения (табл. 7).

Таблица 7. Экспорт товаров из ОАЭ по странам-лидерам, 2005-2013 гг. (%)

Страна	2005	Страна	2008	Страна	2009	Страна	2013
Япония	29,8	Япония	28,8	Япония	22,0	Япония	18,3
Респ. Корея	11,8	Индия	11,9	Индия	19,2	Индия	14,2
Иран	8,6	Респ. Корея	11,8	Респ. Корея	9,0	Китай	7,8
Таиланд	6,7	Таиланд	6,8	Таиланд	6,5	Респ. Корея	7,8
Индия	5,9	Сингапур	3,9	Китай	4,2	Таиланд	7,4
Китай	4,0	Оман	3,8	Сингапур	4,2	Сингапур	7,1
Сингапур	3,0	Китай	2,8	Оман	4,1	Оман	4,4
Пакистан	2,9	Пакистан	2,3	Пакистан	3,3	Сауд Аравия	3,6
Оман	2,8	Сауд. Аравия	1,8	Сауд.Аравия	2,8	Пакистан	3,3
Великобрит.	2,1	Малайзия	1,5	Малайзия	1,7	Турция	2,3
Мир всего	100	Мир всего	100	Мир всего	100	Мир всего	100
Суммарная доля по десяти ведущим странам, %							
	78		75		77		76
Суммарная доля по пяти ведущим странам, %							
	63		63		61		55
Суммарная доля по трем ведущим странам, %							
	50		52		50		40

Составлено и рассчитано по данным: [8].

Связаны изменения в первую очередь с быстрым экономическим ростом Китая и Индии, доли экспорта в данные страны выросли с 5,9 и 4,0 % соответственно в 2005 г. до 14,2 и до 7,8% в 2013 г. Очевидно, что у ОАЭ растет интерес к внешнеторговому сотрудничеству с этими странами. Япония по-прежнему остается крупнейшим импортером продукции ОАЭ, однако доля экспорта в Японию постепенно снижается. В 2005 г. в Японию экспортировалось продукции на 25323 млн долл., 29,8% всего экспорта ОАЭ, в 2013 г. 42528 млн долл., 18,3% всего экспорта ОАЭ. В период мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. совокупный экспорт ОАЭ в Японию снизился с 163401 млн долл. до 103004 млн долл.

Важно отметить, что на долю экспорта в 3 крупнейших торговых партнера по экспорту в 2005 г. приходилось 50% экспорта, в 2013 г. 40%. А суммарная доля по десяти ведущим странам в 2005 г. составляла 78%, в 2013 г. 76%. На основании этих данных мы можем сделать следующий вывод: экспорт продукции из ОАЭ в другие страны ежегодно наращивает свои темпы, в период с 2009 по 2013 гг. он вырос на 132%. Однако, важно заметить, что ОАЭ наращивают экспорт не только к основным торговым партнерам, но и с другими странами, т.к. доля первого десятка стран в совокупном экспорте ежегодно снижается.

В географической структуре импорта ОАЭ в период 2005-2013 гг. также наблюдается ряд значительных изменений (табл.8).

Как видно из анализа представленных ниже статистических данных, изменения географической структуры импорта ОАЭ, также, как и экспорта, напрямую связаны с такими крупными торговыми партнерами страны, как Китай, Индия и США.

Первое, что стоит отметить – в период с 2005 по 2013 гг. импорт ОАЭ вырос в 2,5 раза. В период 2005-2013 гг. доля Китая в импорте ОАЭ увеличилась в 1,5 раза – с 11,3 % до 16,6%, Китай по-прежнему является основным экспортером в ОАЭ, однако за годы мирового финансового кризиса 2008-2009 гг. Индия опередила его на 1,6% и стала лидером по

экспорту в ОАЭ. США стабильно занимают 3-е место по экспорту в ОАЭ, в 2005 г. объем экспорта США в ОАЭ составлял 8477 млн долл. (9% всего экспорта), а в 2013 г. – 24601 млн долл. (10,4%). Великобритания утратила свои позиции: в 2005 г. она была 2-м экспортером в ОАЭ, поставляя продукцию на 8730 млн долл. (9,2%), а в 2013 г. страна сместилась на 4-е место, 15565 млн долл. (6,6%).

Таблица 8. Импорт товаров в ОАЭ по странам-лидерам, 2005-2013 гг. (%)

Страна	2005	Страна	2008	Страна	2009	Страна	2013
Китай	11,3	Китай	15,1	Индия	17,7	Китай	16,6
Великобрит.	9,2	Индия	10,8	Китай	16,1	Индия	14,3
США	9,0	США	8,9	США	8,4	США	10,4
Индия	8,9	Германия	6,7	Германия	5,9	Великобрит.	6,6
Германия	5,7	Япония	6,2	Япония	4,5	Германия	5,6
Япония	5,1	Великобрит.	5,1	Великобрит.	4,4	Япония	3,6
Сауд.Аравия	5,1	Турция	4,5	Италия	3,6	Италия	3,1
Сингапур	3,9	Италия	4,4	Респ. Корея	3,5	Сауд.Аравия	2,7
Франция	3,5	Респ. Корея	3,3	Франция	3,4	Катар	2,5
Италия	3,4	Франция	2,9	Сингапур	2,6	Респ. Корея	2,4
Мир всего	100	Мир всего	100	Мир всего	100	Мир всего	100
Суммарная доля по десяти ведущим странам, %							
	65		68		70		68
Суммарная доля по пяти ведущим странам, %							
	44		48		53		53
Суммарная доля по трем ведущим странам, %							
	30		35		42		41

Составлено и рассчитано по данным: [8].

Весьма интересно отметить, что суммарная доля 3-х ведущих экспортеров в ОАЭ в 2005 г. составляла 30%, а в 2013 г. - 41%. Доля десяти ведущих экспортеров в ОАЭ в 2005 г. составляла 65%, в 2013 г. - 68%.

На основании этих данных мы делаем вывод, что объем импорта ОАЭ увеличивается, и в ближайшем будущем данные тенденции сохранятся. Однако ОАЭ не стремится расширять круг своих торговых партнеров для импорта товаров, а наоборот, концентрируются на продукциях тех, с которыми уже налажены долгосрочные отношения. Это может создать дополнительные проблемы для национальной экономики страны.

География реэкспорта ОАЭ. Необходимо рассмотреть еще один важный аспект развития внешнеторговой деятельности ОАЭ. С каждым годом на территории ОАЭ все интенсивнее развивается такой метод торговли между странами как реэкспорт. Этому в основном ОАЭ обязаны своему географическому местоположению – страна является подобием торгово-экономического узла между странами Востока и Запада. В 2005 г. объем реэкспортных операций на территории ОАЭ составлял 4,5 млрд долл. и к 2013 г. объем реэкспорта ОАЭ вырос до 14,8 млрд долл. (табл. 9).

Основные торговые партнеры ОАЭ по реэкспорту – как страны региона, так и всего мира. Лидером остается Китай. В 2005 г. его доля составляла 41,4% реэкспорта (1880 млн долл.), однако в 2013 г. она составила 33% при росте абсолютных показателей товарооборота (4877 млн долл.). Важными партнерами являются Оман, Саудовская Аравия, США.

Доля 3-х крупнейших торговых партнеров в 2005 г. составляла 74% всего реэкспорта, в 2013 г. – 75%. Суммарная доля 10-ти ведущих стран также увеличилась с 97% в 2005 г. до 99% в 2013 г. Мы можем говорить о том, что в реэкспорте у ОАЭ появляются новые

партнеры, десятка лидеров изменяется, но основная доля, по-прежнему, приходится на пятерку стран-лидеров.

Таблица 9. Географическая структура реэкспорта ОАЭ, 2005-2013 гг. (в млн долл.)

Страна	2005	Страна	2008	Страна	2009	Страна	2013
Китай	41,4	Китай	35,7	Китай	37,9	Китай	33,0
Оман	18,2	Оман	33,2	Оман	32,6	Оман	22,4
Сауд. Аравия	13,9	США	15,2	США	14,5	США	20,0
США	12,5	Кувейт	4,3	Катар	4,7	Сауд. Аравия	18,5
Маврикий	3,8	Катар	4,0	Кувейт	3,5	Катар	2,2
Катар	2,8	Иордания	2,0	Канада	1,9	Великобрит.	0,9
Канада	1,4	Канада	1,6	Уганда	1,1	Италия	0,6
Пакистан	1,0	Уганда	1,3	Бахрейн	1,0	Грузия	0,4
Судан	0,9	Бахрейн	0,8	Пакистан	0,9	Уганда	0,6
Мальдивы	0,8	Пакистан	0,5	Иордания	0,7	Иордания	0,3
Мир всего	100	Мир всего	100	Мир всего	100	Мир всего	100
Суммарная доля по десяти ведущим странам, %							
	97		99		99		99
Суммарная доля по пяти ведущим странам, %							
	90		92		93		96
Суммарная доля по трем ведущим странам, %							
	74		84		85		75

Составлено и рассчитано по данным: [8].

Проведенные нами расчеты на основе статистических данных Научного фонда США (Science and Engineering Indicators 2014) показывают, что в период с 1997 по 2012 гг. объем экспорта высокотехнологических товаров увеличился в 12 раз (с 537 млн долл. до 6,6 млрд долл.) и превысил даже соответствующий показатель России (5,0 млрд долл.) [6].

Позиции ОАЭ в международной торговле услугами. Необходимо обратить также внимание на масштабы и интенсивность участия ОАЭ в международной торговле услугами. При этом объем экспорта наукоемких услуг из ОАЭ вырос с 8 раз (с 7 до 57 млрд долл. в текущих ценах). Согласно данным Министерства экономики ОАЭ, в структуре экспорта и импорта услуг растет доля наукоемких услуг, причем фиксируется отрицательный баланс (почти в пять раз импорт услуг больше экспорта услуг). К наукоемким услугам ОЭСР относят услуги образовательной сферы, медицинские и бизнес-услуги, а также финансовые и коммуникационные услуги. Хотя доля страны в мировом экспорте наукоемких услуг пока небольшая – 0,16% мирового показателя, но в расчете на душу населения этот показатель находится на уровне показателей высокоразвитых стран мира (в 1997 г. этот показатель составлял 1280 долл. и вырос в почти в 10 раз – до 10170 долл. в 2012 г. (темпы роста очень высокие - такие же, как у Китая).

Но, главное, что он превышает ныне соответствующие показатели экспорта наукоемких услуг в расчете на душу населения у многих развитых стран, таких как: Япония (7793 долл.), Великобритания (8230 долл.), Швеция, Израиль, Дания, Ирландия (8640 долл.), Нидерланды (9037 долл.), и догоняет по данному показателю мировых лидеров – Норвегию (10793 долл.), США (11728 долл.), Швейцарию (16589 долл.) [Рассчитано по: 186]. Обогнали ОАЭ и всех соседей по региону Персидского залива (в т.ч. Кувейт – 7087 долл.), и почти догнали Катар (10205 долл.). Иными словами, наукоемкий экспорт из страны увеличивается очень быстрыми темпами, что является свидетельством изменения структуры экспорта товаров и услуг в целом.

В структуре экспорта услуг лидирует туризм (около 70%), на втором месте – транспортные услуги (более 25%). А в импорте услуг лидируют сектор страхования и перевозок (свыше 60%) и туризм (около 25%). Согласно данным Всемирной туристической организации (UN WTO. Tourism Highlight. 2015), доходы от туристической деятельности в ОАЭ самые высокие среди стран Ближневосточного региона – свыше 10,4 млрд долл. в 2014 г. (для сравнения: Саудовская Аравия – 7,7 млрд долл.; Катар – 3,46 млрд долл.; Бахрейн – 1,05 млрд долл.) [10]. Иными словами, международный туризм выступает ныне как еще одна из сфер, обеспечивающих экономический рост и социальную стабильность страны, и также является важным каналом вовлеченности в мировое хозяйство.

Ключевые торговые партнеры ОАЭ. Анализируя статистические данные, мы можем с уверенностью говорить о том, что регион Азии станет основным географическим направлением в процессе интегрирования ОАЭ в мировое хозяйство в обозримой перспективе. Этот вывод подтверждает наличие имеющихся тенденций.

За последние годы ОАЭ стали одним из ключевых торговых партнеров Китая. В 2012 г. между ОАЭ и Китаем было подписано соглашение о валютном союзе на сумму в 5,5 млрд долл. сроком на 3 года с целью стимулирования использования юаня. Соглашение охватывает 25% двусторонней торговли между странами [36], и, безусловно, будет содействовать ее дальнейшему развитию, как и развитию торговли Китая со странами ССАГПЗ в целом. Так, 10 сентября 2015 г. делегация ОАЭ приняла участие в открытии выставки «Китай-ССАГПЗ "Экспо-2015"», в г. Иньчуань, столице Северо-Западного региона Китая в Нинся-Хуэйском автономном районе [9].

В настоящее время Китай является крупнейшим импортером товаров в ОАЭ и другие страны ССАГПЗ. В частности, общий объем торговли между Китаем и арабскими государствами в 2014 г. достиг 251 млрд долл., что на 5,2% выше, чем в 2013 г., в том числе китайский экспорт увеличился на 12,3% по сравнению с 2013 г. Кроме того, в 2014 г. Китай инвестировал в страны ССАГПЗ 10 млрд долл. [9]. Накопленные инвестиции Китая в страны ССАГПЗ на конец 2014 г. превышали 40 млрд долл., в то время как, например, в 2005 г. они составляли 2,4 млрд. При этом странами ставится задача увеличить объем взаимного товарооборота до 600 млрд долл. в ближайшие 10 лет [2].

Интересно отметить, что Китай и ОАЭ стремятся исключить использование доллара США в оплате за поставки нефти и использовать китайский юань. Ряд крупных китайских банков, включая Промышленный и коммерческий банк Китая, Petro China International и Сельскохозяйственный банк Китая, уже открыли свои филиалы и представительства на территории ОАЭ, включая СЭЗ. С каждым годом китайская продукция все более активно представляется на различных выставках в ОАЭ [5]. Все эти факторы указывают на желание обеих стран укреплять взаимовыгодное сотрудничество и развивать бизнес-связи.

Рассматривая внешнеторговые связи с Индией, 2-м по стоимостному объему импортером для ОАЭ, стоит отметить, что они обусловлены географической близостью, историческими традициями и современной практикой. Ежегодно растет объем капиталовложений ОАЭ в Индию. Одна из крупнейших эмиратских компаний «Эмаар» инвестировала 600 млн долл. в индийские проекты. Между Индией и ОАЭ отсутствует двойное налогообложение. Также в 2003 г. правительства ОАЭ и Индии заключили ряд соглашений по взаимному сотрудничеству в борьбе с терроризмом и в области юстиции. На территории ОАЭ присутствует 2,5 млн иммигрантов из Индии (это крупнейшая диаспора на территории ОАЭ), они заняты в сферах производства, торговли, в мелком и среднем бизнесе, в секторе услуг [3].

Торговые отношения ОАЭ с Индией, имеющей устойчивую экономику, серьезные успехи в высокотехнологическом развитии и являющейся серьезным актором в системе мирового хозяйства, взаимовыгодны для обеих сторон, динамично развиваются, и в ближайшие годы можно ожидать дальнейшего их укрепления и расширения.

Еще одним важным торговым партнером ОАЭ является Япония. Для ОАЭ Япония является очень важным торговым партнером с точки зрения экспорта и импорта, а ОАЭ

является одним из крупнейших поставщиков в Японию сырой нефти. Торговые отношения Японии и ОАЭ можно охарактеризовать как «здоровые», даже не смотря на короткий период мирового финансового кризиса и потрясений Японии от землетрясения и цунами. Торговый оборот достиг рекорда: японский экспорт с 2008 года по 2012 г. вырос на 18,7% (до 8,9 млрд долларов США), а импорт на 2,6% (до 44 млрд долларов США по сравнению с 2011). Общий торговый оборот в 2012 году составил 52,9 млрд долл. Япония и ОАЭ подписали Конвенцию о недопустимости двойного налогообложения и предотвращении уклонения от налогообложения в отношении налогов на доходы японцев (в Дубае нет подоходного налога). Кроме того, соглашение устанавливает, что налоги на дивиденды снизятся с 20% до 5% в тех случаях, когда любое учреждение ОАЭ или компания владеет 10% капитала любой японской компании [1]. ОАЭ пытаются расширить сотрудничество с Японией по основным отраслям промышленности — производству стали, алюминия и продуктов нефтехимии. В октябре 2009 министр экономики, торговли и промышленности Масаюки Наошима (Masayuki Naoshima) посетил ОАЭ с первым официальным визитом после формирования нового кабинета министров в сентябре. Нельзя не отметить, что двусторонние отношения между ОАЭ и Японией значительно укрепились за последние годы и не только в экономической сфере.

Заключение. Направления интеграции ОАЭ в мировое хозяйство расширяются. Это не только внешняя торговля и привлечение зарубежных инвестиций. Это также участие в мировой финансовой системе, рост интенсивности участия ОАЭ в международной торговле услугами (в том числе наукоемкими и коммерческими), активное привлечение иностранной рабочей силы, научно-техническое сотрудничество, активное участие в региональной интеграции, развитие международного туризма, эффективная деятельность СЭЗ и др.

Объем внешнеторгового оборота ОАЭ за последние десятилетия увеличивается, хотя негативным образом на него и повлияли кризисы 1998 и 2008 гг. В ближайшем будущем можно прогнозировать стабильный рост товарооборота ОАЭ.

Показано, что основой устойчивости и динамичного развития национальной экономики на современном этапе является диверсификация экспорта и импорта. При снижении доли нефти в экспорте (с 72% в 1995 г. до 58% в 2014 г.) выросли показатели и ассортимент нефтегазового экспорта. Ныне среди экспортируемых товаров - золото и ювелирные изделия, продукция химической отрасли (полиэтилен и производные пропилена), первичный алюминий и др.

Изменения в структуре экономики, развитие нефтегазовых отраслей, структурные сдвиги в секторах промышленности и сферы услуг, изменение товарной структуры экспорта и импорта товаров и услуг способствовали изменениям в направлениях внешнеэкономических связей ОАЭ. Благодаря принятым мерам по укреплению экспортной базы, открытию новых рынков сбыта товаров и услуг, преодолению препятствий для национальных продуктов на традиционных рынках через соглашения о свободной торговле и соглашения об экономическом сотрудничестве продолжается устойчивый рост национального экспорта и рэкспорта страны.

Изменения в географической структуре ОАЭ произошли не во всех сегментах. Экспортируя свою продукцию, ОАЭ стремится расширить рынки сбыта, вывести свою продукцию на рынки менее развитых стран. В импорте наблюдается обратная динамика, страна стремится упрочнить связи в основном с имеющимися уже партнерами, их доля в общем импорте продолжает расти. В стране активно развивается рэкспорт. В период с 2008 по 2013 гг. объем рэкспорта в ОАЭ вырос более чем в 3 раза. В последние годы государство ОАЭ, делает особый акцент на поддержании деятельности, направленной на развитие рэкспорта как одного из важнейших инструментов активизации интегрирования страны в мирохозяйственную систему.

Азиатский регион станет основным географическим направлением внешнеэкономических связей в процессе интегрирования ОАЭ в мировое хозяйство в обозримой перспективе.

Литература

1. *Лулу аль Сахира*. Япония и ОАЭ: успех экономического партнерства – 2014 – С. 4 [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ifl.dvfu.ru/13353/>
2. *Mary Sophia*. UAE Looks East, Eyes Larger Trade With China // Gulf Business. - 2015. - [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://gulfbusiness.com/2015/02/uae-looks-east-eyes-larger-trade-china/#.VgJ8L5CPY7Y/>
3. *Муслех Айед С. Алахбаби*. Внешняя политика Объединенных Арабских Эмиратов в глобализирующемся мире (генезис, концептуальные основы, приоритеты, направления): диссертация... кандидата политических наук: 23.00.04 - Москва, 2007.
4. *Шкваря Л.В.* Внешняя торговля арабских стран Персидского залива в условиях глобальной нестабильности: направления и перспективы // Глобализация: влияние на страны Азии. Ежегодник – 2015. – М.: РУДН, 2015.
5. Exporting to the UAE // UK Design Business Association. URL: http://www.dba.org.uk/guides/pdfs/1_international_trade/exporting_to_the_uae.pdf/
6. Science and Engineering Indicators – 2016. Appendix (tables 6). Two volumes. Arlington, VA: National Science Foundation, USA, 2016. URL: <http://nsf.gov>
7. <http://unctadstat.unctad.org> - данные United Nations Conference on Trade and Development Statistics (UNCTAD Handbook of Statistics 2015. URL: <http://unctad.org/en/Pages/Publications/Handbook-of-Statistics.aspx>)
8. <http://comtrade.un.org> – статистические данные UN Comtrade. International Trade Statistics Database.
9. UAE takes part in inauguration of china-arab states expo // СМИ: UAE Interact. - 2015. URL: <http://www.uaeinteract.com/docs/UAE-takes-part-in-inauguration-of-China-Arab-States-Expo/70982.htm/>
10. UN WTO. Tourism Highlight 2015 Edition. URL: http://people.unica.it/carlamassidda/files/2012/04/UNWTO_Tourism-Highlight_2015.pdf

2. ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ВЕКТОР МИРОВОГО ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Родионова И.А., Кокуйцева Т.В., Волкова Е.Д.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА ПРОДУКЦИИ ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫХ ОТРАСЛЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: РЕГИОНЫ И СТРАНЫ-ЛИДЕРЫ В МЕНЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

Постановка проблемы. За последние десятилетия произошли существенные сдвиги в пространственной организации разных отраслей промышленности на внутривнутристрановом, региональном и даже глобальном уровне. Разные темпы развития вторичного сектора экономики в странах мира, внедрение достижений НТР в воспроизводственном процессе, на транспорте и в целом в сфере услуг изменило. При этом изменение отраслевой структуры мировой индустрии (с ростом доли высокотехнологичных отраслей) и пространственное перераспределение промышленного производства в глобальном масштабе вызвало перемены в товарной и географической структуре мировой торговли товарами. Произошли изменения в направлениях экспортных потоков готовой промышленной продукции и ее компонентов [1, 2, 4, 6, 10]. Изменения в портовом хозяйстве международной торговли, в развитие транспортно-логистических структур в свою очередь оказывают воздействие на размещение промышленного производства.

С помощью сопоставления статистических данных об объемах производства той или иной продукции в странах и регионах в динамике за последние десятилетия, показателей и коэффициентов структурных сдвигов нами уже неоднократно проводились исследования с целью определить характер и направление региональных сдвигов в размещении отдельных производств и отраслей промышленности мира (ординарные они или кардинальные) и оценить, и доказать, действительно ли происходило пространственное перераспределение индустриального производства между регионами и странами мира. Развернутая характеристика территориальных сдвигов в отраслях промышленности мира в период 1950-2010 гг. представлена в опубликованном ранее работах автора [2, 3, 4, 5, 6 и др.]. Мировые карты и структурные диаграммы по отдельным отраслям представлены в разделе «Промышленность» в Атласе [11].

Появляются новые производства и новейшие отрасли. Повсеместно происходит техническое совершенствование традиционных видов продукции, улучшается технология их производства и качество. Именно на новейшие отрасли приходится ныне самая большая часть расходов на НИОКР в мире и в отдельных странах. При этом важно напомнить, что отнесение отрасли или производства к числу наукоемких или высокотехнологичных, принятое в зарубежной и отечественной литературе, несколько различается. К ним обычно относят те отрасли, для которых характерно превышающее некоторый фиксированный уровень соотношения затрат на НИОКР и объема выпускаемой либо отгруженной продукции, добавленной стоимости или же величины основных факторов производства (основных производственных фондов и труда). Так, например, ОЭСР выделяет четыре группы отраслей обрабатывающей промышленности по уровню применяемых технологий (по показателю технологической интенсивности или интенсивности НИОКР – Research and Development intensity): высокотехнологичные (high technology manufacturing industries – HT-production), средние высокотехнологичные (medium-high technology manufacturing industries – MHT-production), средние низкотехнологичные (medium-low technology manufacturing industries – MLT-production) и низкотехнологичные (low-technology manufacturing industries – LT-production) [4 и др.]. В то же время отнесение тех или иных производств к разряду наукоемкого, высокотехнологичного сектора промышленности в России соответствует двум категориям: высокотехнологичных и средние высокотехнологичных отраслей или производств.

Технологические достижения – это ключевой фактор, определяющий рост производительности и международной конкурентоспособности. Для определения

технологических критериев были использованы методологические разработки [15]. Методология ОЭСР использовала три индикатора технологической интенсивности, в различной степени отражающих аспекты «технология–производитель» и «технология–пользователь» Ими были: 1) отношение затрат на НИОКР (R&D-исследования) к добавленной стоимости; 2) отношение затрат на НИОКР к выпуску продукции; 3) отношение суммы затрат на НИОКР и технологии, материализованные в полуфабрикатах и средствах производства, к объему производства (выпуску продукции). Согласно данной методологии ОЭСР выделяет следующие высокотехнологичные отрасли, для которых характерно наиболее высокое значение наукоемкости. Это - авиакосмическая отрасль (aircraft and spacecraft); производство компьютеров и офисного оборудования (computers and office machinery); электронная промышленность (semiconductor industry), производство коммуникационного оборудования (communications); производство высокоточной научной и медицинской аппаратуры (testing, measuring, and control instruments industry) и фармацевтическая промышленность (pharmaceuticals industry) [15].

Именно по этим отраслям промышленности Научный фонд США публикует статистические данные, представляемые один раз в два года в сборнике Science and Engineering Indicators. Эти данные по объемам производства продукции высокотехнологичных отраслей в стоимостном показателе в текущих ценах по регионам и странам (value added of NT manufacturing industries, by region/country/economy, millions of current dollars) за период 1999–2014 гг. мы анализировали и производили по ним наши расчеты [15]. Отметим, что данные этой статистической базы несколько отличаются от данных, публикуемых ЮНИДО [12], где объемы производства они приводятся не в текущих ценах, а в ценах 2005 г. Хотя отличия не слишком значительны (так, например, согласно расчетам данных статистической базы ЮНИДО доля США в добавленной стоимости обрабатываемой промышленности мира получается примерно равной 17% (оценка на 2015 г.), а по статистической базе Научного фонда США в текущих ценах – 18% (оценка на 2014 г.). Доля Китая также отличается не очень сильно – 24 и 25% соответственно) [Рассчитано по: 12, 15].

Цель данной статьи – охарактеризовать изменение позиций регионов и стран-лидеров в производстве высокотехнологичной продукции в быстро изменяющемся мире в 2000-е годы. Расчеты проводились по 6-ти макрорегионам мира: Северная Америка (вкл. США, Канаду и Мексику), Центральная и Южная Америка, Европа (Западная и Восточная, вкл. Россию и Украину), Азия и Австралия (с Океанией).

Лидеры мировой индустрии. Среди лидеров мировой экономики по объему ВВП по паритету покупательной способности валют находятся ныне Китай (19,4 трлн долл., 1-е место, 2015 г.), опередивший США (17,95 трлн долл.), Индия (7,97 трлн долл., 3-е место), Япония (4,83 трлн долл.), Германия (3,84 трлн долл.), Россия (3,72 трлн долл., 6-е место), Бразилия (3,2 трлн долл., 7-е место), Индонезия (2,84 трлн долл., 8-я позиция), Великобритания (9-я), Франция (10-я), Мексика (2, 23 трлн долл., 11-я позиция), Республика Корея (13-е место), Саудовская Аравия (14-е место в группе лидеров) [16]. Иными словами в группе лидеров мировой экономики растет доля развивающихся стран.

В неразрывной связи с изменениями отраслевого состава мировой индустрии происходит трансформации в территориальной структуре разных отраслей промышленности мира и мировой индустрии в целом, так как роль и значение развивающихся стран (в первую очередь ведущих) в производстве и экспорте промышленной продукции неуклонно растет.

Одним из важнейших индикаторов уровня развития промышленности стран мира является показатель производства добавленной стоимости в обрабатывающей промышленности в расчете на душу населения. Анализ данных ЮНИДО показывает, что разрыв между средними показателями в развитых и развивающихся странах (10:1) сохраняется (табл. 1-а). При этом хорошо видны стремительные темпы промышленного развития Китая. Только в период 1990-2013 гг. показатель увеличился в 10 раз (и хотя он ниже уровня показателя развитых стран, но фактически почти достиг среднемирового уровня) [12]. Проанализируем ситуацию в группе лидеров мировой индустрии. В период с

2005 по 2014 гг. удельный вес экономически развитых стран (США, Японии, Германии, Италии, Великобритании, Франции) сокращался. При этом росли показатели развивающихся стран, в первую очередь Китая (табл. 1). В первой десятке лидеров уже находится Индия (9-е место). На 11-й позиции разместилась Бразилия. Россия в 2014 г. занимала 14-ю позицию.

Таблица 1-а. Доля в мировой обрабатывающей промышленности стран-лидеров и России (в постоянных ценах 2005 г.)

Страна	Доля в мировой обрабатывающей промышленности, %		Продукция обрабатывающей промышленности на душу населения, долл.	
	2005	2014*	2005	2014*
Мир	100	100	1201,6	1276,7
США	22,38	19,30	5195,8	5519,7
Китай	9,88	18,45**	927,0	1219,0
Япония	12,18	10,89	7872,4	7912,8
Германия	7,68	6,93	6760,3	7737,5
Рес. Корея	2,81	4,01	5823,7	7477,3
		...		
Россия	1,63	1,51	868,9	978,2

* UNIDO – оценка; ** включая данные по Гонконгу

Источник: Составлено по: [12]

Доля Китая в мировой обрабатывающей промышленности выросла с 2005 г. с 10 до 18,45% (в ценах 2005 г.). И в 2014 г. Китай занимал вторую позицию вслед за США по объемам производства продукции обрабатывающей промышленности. Однако, согласно материалам другой статистической базы данных, где расчеты производились в текущих ценах (Научный фонд США – Science and Engineering Indicators 2016) уже в 2014 г. Китай вышел на первое место в мире по производству продукции обрабатывающей промышленности мире (25,6% мирового объема), оставив позади США (18,3%), Японию (7,2%), Германию (6,1%) и Республику Корея (2,7%) [15].

Известно, что Китай уже является мировым лидером по изготовлению большинства видов промышленных товаров. Так, по выплавке стали на эту страну приходится свыше 50% мирового показателя в 2015 г. (первое место в мире), по выплавке первичного алюминия – около 55% мирового объема (1-е место), по производству цемента – около 57% мирового показателя, по производству автотранспортных средств - 1-е место в мире (24,5 млн шт., 2015 г.), в том числе по производству легковых автомобилей - 1-е место в мире (21,1 млн шт. – около 30% мирового показателя) и т.д.

Первоначально следует охарактеризовать сдвиги в географии обрабатывающей промышленности мира (табл. 1).

Таблица 1. Доля регионов в производстве продукции обрабатывающей промышленности (value added of all manufacturing industries), 1999–2014 гг., %

Регионы	1999	2000	2004	2008	2010	2012	2014
Северная Америка	31,9	32,3	28,3	23,1	22,2	21,4	21,6
Центр. и Южная Америка	4,1	4,4	3,8	5,9	6,4	6,7	5,8
Европа	29,7	27,0	31,7	31,3	25,6	23,6	23,7
Африка	1,0	1,0	1,1	1,2	1,3	1,3	1,4
Азия	32,3	34,4	33,8	37,5	43,4	45,8	46,6
Австралия и Океания	1,0	0,9	1,2	1,1	1,1	1,1	1,0
Мир	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Расчитано по: [15]

Так, доля стран Северной Америки в производстве продукции всех отраслей обрабатывающей промышленности мира сократилась с 32 до 22% (в т.ч. доля США снизилась с 28 до 18%). Хотя США удерживаются в группе мировых лидеров, но их уже уверенно обгоняет Китай. Доля стран Европы также сократилась с 29,7 до 23,7% (в т.ч. стран ЕС – с 28 до 20%). Одновременно выросла доля стран Азии – с 32 до 46,6% за счет роста выпуска продукции в первую очередь в Китае и азиатских НИС. Так, например, доля Китая увеличилась с 6 до 26% мирового производства, хотя удельный вес Японии при этом сократился с 17 до 7%). В группе лидеров мировой индустрии (согласно базе данных ЮНКТАД на 2015 г.) находятся: Китай, США, Япония, Германия, Республика Корея, Индия, Италия, Франция, Бразилия, Индонезия, Великобритания, Россия, Мексика, Канада, Испания [12]. Причем на долю этих 15-ти государств-лидеров приходится около 80% мирового производства продукции обрабатывающей промышленности, а на первые 5 стран – около 60% [Рассчитано по: 12]. Согласно расчетам по базе Научного фонда США – картина практически та же самая (около 80% и свыше 60% соответственно) [Рассчитано по: 15].

Собранные данные и выполненные ранее автором расчеты по производству продукции отдельных отраслей промышленности (в натуральных, а не стоимостных показателях – т.е. в млн т, млрд куб. м, в кг, в штуках и т.д.) показывают, в какой степени изменился (увеличился или сократился) удельный вес того или иного региона в общемировом производстве определенного вида продукции. Следует отметить, что практически во всех отраслях был зафиксирован сдвиг производственных мощностей в азиатский регион. Приведем некоторые примеры. Удельный вес стран Азии вырос с 1950 по 2013 гг. с 4 до 68% — в выплавке стали; практически с 0 до 58% — в выпуске легковых автомобилей; с 5 до 55% — в производстве минеральных удобрений; с 8 до 83% — в выпуске разного вида химических волокон и т.д. [11]. Приведенные данные подтверждают факт пространственного перераспределения индустриального потенциала и производства между крупными регионами мира в пользу Азии.

Кроме того, вне всякого сомнения, заканчивается эра экспансии дешевых некачественных азиатских товаров на мировые рынки. В условиях резкого усиления конкурентной борьбы подобная стратегия Китая и азиатских НИС уже не является эффективной. Необходимо создавать и развивать производство высококачественной продукции (high-tech – HT-продукции) на базе высоких технологий, диверсифицировать наукоемкую промышленность и экспорт. Что, в сущности, в настоящее время и происходит.

Высокотехнологичное производство в регионах и странах мира: изменение позиций. Таким образом, уже никто не сомневается, что высокие технологии и наукоемкие отрасли ныне играют главную роль в развитии экономики и социальной сферы. Именно в них материализуется основная часть результатов НИОКР. Они определяют спрос на научные исследования, а, следовательно, именно эти отрасли мировой индустрии определяют дальнейшее развитие науки и техники и создают базу предложения материально-вещественных и информационных новшеств для всех отраслей хозяйства. Изменения в развитии высокотехнологичных отраслей свидетельствуют об увеличении их доли в отраслевой структуре мировой обрабатывающей промышленности и индустрии отдельных стран. Растет удельный вес машиностроения, химии и других отраслей, использующих новейшие достижения научно-технического прогресса, что и определяет их уровень конкурентоспособности в современном мире.

При этом в последние десятилетия в мировой индустрии менялась и сама структура высокотехнологичной промышленности (high-technology industries - HT). Так, например, еще в 1999 г. лидировало в стоимостных показателях производство полупроводников (23%), на второй позиции была продукция фармацевтической отрасли (20%) и на третьей позиции - производство коммуникационного оборудования (17%). В 2014 гг. на первую позицию с солидным отрывом вышла уже фармацевтическая промышленность (28%), а производство полупроводников перешло на 2-е место (22%), причем на эти две подотрасли суммарно по стоимости приходится 50% всего мирового выпуска высокотехнологичной продукции. На третью позицию вышло производство высокоточного оборудования и инструментов (20%) [Рассчитано по: 15].

Представленный ниже рисунок иллюстрирует тот факт, что объемы производства растут практически во всех регионах мира, но только темпы роста отличаются (рис. 1).

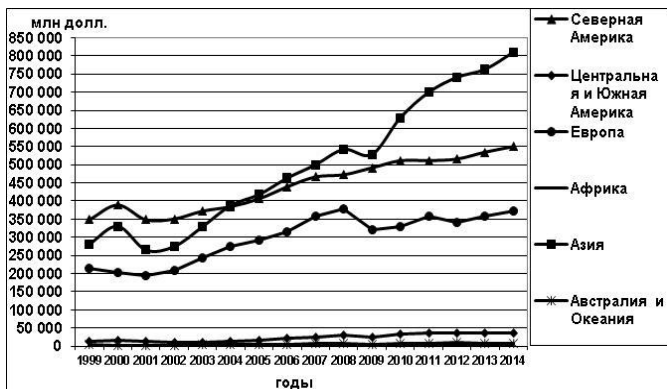

Рис. 1. Динамика производства высокотехнологичной продукции (value added of HT manufacturing industries) по регионам мира, 1999-2014, млн долл. (в текущих ценах)

Составлено по: [15]

Стремительный рост наукоемкого и высокотехнологичного производства – ключевая тенденция современного индустриального развития и трансформации пространственной структуры обрабатывающей промышленности мира в XXI в. За последние 15 лет стоимость условно чистой продукции этого сектора мировой экономики увеличилась более, чем вдвое – с 862 млрд до 1781 млрд долл. Подобного рода динамика присуща только избранным сегментам глобальной экономики. В Северной Америке медленно, но стабильно, преимущественно за счет США, объем производства отраслей хай-тека прирастал (рис. 2). За 1999-2014 гг. он увеличился с 349 млрд до 550 млрд долл. (а собственно в США – с 320 млрд до 511 млрд долл.). В случае с Азией ситуация иная. Масштаб и темпы прироста производства высокотехнологичной продукции в Азии за 1999-2014 гг. были более значительны – с 281 млрд до 810 млрд долл. Ныне – это лидирующий регион. произошло это, несмотря на сокращение объемов производства в Японии. После небольшого спада в результате финансового кризиса 2008-2009 гг. темпы роста производства данной отрасли вновь высокие. Изменился и удельный вес макрорегионов в мировом выпуске высокотехнологичной продукции. Если в 1999 г. на долю стран Северной Америки приходилось 40% всего мирового производства продукции высокотехнологичных отраслей, Азия – 32%, Европы – 25%, то в 2014 г. – 31%, 45,5% и 21% соответственно (табл. 2).

Таблица 2. Доля регионов в производстве продукции высокотехнологичных отраслей (value added of HT manufacturing industries), 1999–2014 гг., %

Регионы	1999	2000	2004	2008	2010	2012	2014
Северная Америка	40,4	41,2	36,0	33,0	33,8	31,3	30,9
Центр. и Южная Америка	1,6	1,7	1,3	2,0	2,1	2,3	2,1
Европа	24,8	21,5	25,7	26,5	21,7	20,7	20,9
Африка	0,2	0,2	0,3	0,3	0,3	0,3	0,3
Азия	32,6	35,0	36,3	37,8	41,6	44,9	45,5
Австралия и Океания	0,4	0,3	0,4	0,5	0,4	0,5	0,4
Мир	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Расчитано по: [15]

Иными словами, под влиянием большой совокупности факторов, требующих отдельного рассмотрения, налицо кардинальное изменение пропорций между регионами «старой» и «новой» волны индустриального развития, свершение своего рода революционного перехода в территориальной организации мировой промышленности.

Анализируя более подробно статистические данные, получаем следующее. Доля США – лидера региона Северная Америка сократилась с 37 до 29%, стран ЕС – с 22 до 17%. При сокращении доли в мировом выпуске высокотехнологичных товаров в Японии с 19 до 5% фиксируется увеличение доли Китая – с 3 до 27%. Наиболее высокие темпы роста стоимостных объемов производства в текущих ценах за прошедшие 15 лет были типичны для Вьетнама (в 42 раза, наибольший прирост отмечен в последние годы), Китая (в 16 раз), Индонезии (в 6 раз), Индии (в 4 раза), Сингапура, Тайваня [8, 9].

Важность инновационного курса развития давно осознали многие страны мира: США, Япония, страны ЕС, Китай, азиатские НИС и др. Именно они и входят в число лидеров и в настоящее время (рис. 2).

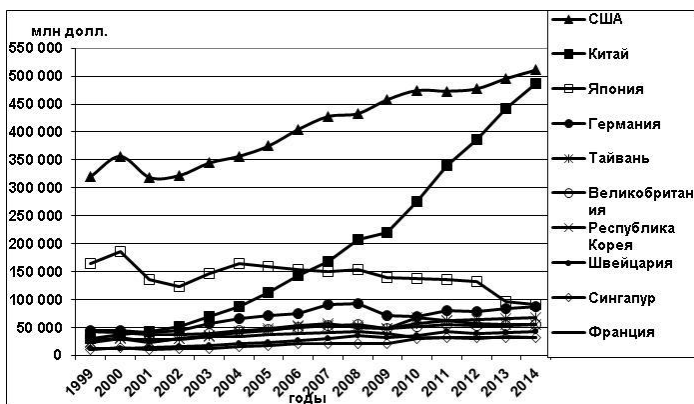

Рис. 2. Динамика производства высокотехнологичной продукции в странах лидерах, 1999–2014 гг., млн долл. (в текущих ценах)

Составлено и рассчитано по: [15]

В мировой экономике появились и крепнут новые лидеры регионального и даже глобального уровня, при этом меняется расстановка сил в мировой экономике по производству продукции наукоемких и высокотехнологичных отраслей. Поэтому интересным представляется анализ сложившейся ситуации на страновом уровне. Как отмечалось ранее, Китай, азиатские новые индустриальные страны (Республика Корея, Тайвань, Сингапур) и некоторые другие развивающиеся страны (Бразилия), применяющие достижения науки и техники, в настоящее время уже глубоко интегрированы в глобальные производственные цепочки (в первую очередь за счет стратегий ТНК). К тому же Китай ныне является лидером по изготовлению промышленного оборудования. А в 2015 г. Китай уже стал лидером мировой индустрии [9, 10, 14].

Таким образом, анализ статистических данных показал, что темповые модели развития сектора выпуска высокотехнологичных товаров в региональном и в страновом разрезе очень различаются. С одной стороны, «экстремально позитивный» полюс представляет Китай и некоторые азиатские страны. Так, объем выпуска продукции в Китае вырос в 16 раз (с 29,7 до 486,3 млрд долл.). А «экстремально-негативный» полюс представляет Япония, где по ряду причин (включая аварию на атомной станции Фукусима) объем производства высокотехнологичной продукции за 2000–2014 гг. сократился в два раза – со 185 млрд до 91 млрд долл. [9].

В результате мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. заметно ухудшились позиции большинства стран Европы, в том числе стран ЕС. Так, в целом по ЕС стоимостные показатели в 2008 г. были на уровне 325,8 млрд долл. (в текущих ценах), потом снизились в 2009 г. до 274,9 млрд долл., и даже в 2014 г. (303,0 млрд долл.) не достигли уровня 2007 г. (312, 6 млрд долл.). [15]. Особенно заметно сокращение производства в период кризиса в Германии, Франции, Италии, Финляндии и др., в меньшей степени – в Великобритании. Одновременно очень заметно увеличились за последние 15 лет объемы выпуска высокотехнологичной продукции в Словакии, Чехии, Румынии, Польше, Болгарии, что тесно связано с переводом в эти страны производственных мощностей ТНК наиболее развитых стран Европы. Это и позволило увеличить стоимостные показатели производства продукции в целом в ЕС в полтора раза.

США по-прежнему возглавляют группу лидеров (28,6% мирового производства). За ними следует, быстро наращивая объемы производства, Китай (до 27, 3%). На эти две страны приходится суммарно 56% мирового производства продукции хай-тек. Далее в группе лидеров (после Японии и Германии – по 5%) находятся Тайвань и Республика Корея, и между ними находится Великобритания. За ней следуют Швейцария, Сингапур и Франция. На 11-й позиции вслед за лидерами первой десятки уже находится Бразилия, опередившая Италию и Швецию. И на 13-й позиции разместились Россия.

Кстати, можно утверждать, что благодаря росту удельного веса и значимости Китая, Индии и Бразилии в мировом промышленном производстве суммарные показатели стран БРИКС в высокотехнологичных отраслях ныне уже сопоставимы с показателями экономических союзов НАФТА И ЕС (о чем будет сказано ниже). Рассмотрим ситуацию с изменением позиций регионов в отдельных отраслях хай-тек подробнее.

В мировом производстве вычислительной техники (компьютеры и офисное оборудование) объем выпуска вычислительной техники в мире по стоимости (в текущих ценах) вырос с 107 до 113 млрд долл.) практически не изменился (при массовом производстве снижаются цены на данные виды продукции). Динамика объемов производства по регионам представлена на графике (рис. 3).

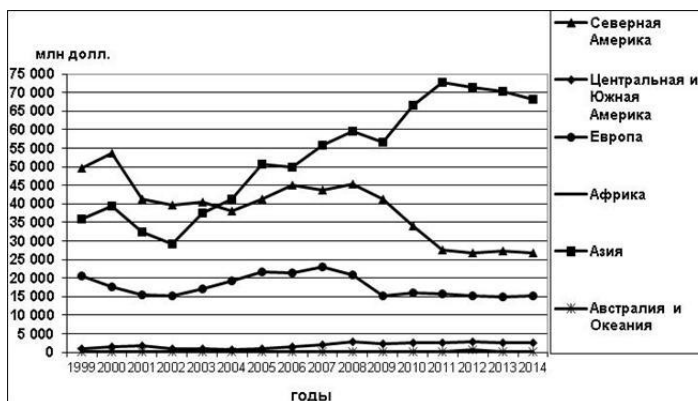

Рис. 3. Динамика производства вычислительной техники (value added of computers and office machinery) по регионам мира, 1999-2014, млн долл. (в текущих ценах)

Составлено по: [15]

Видно, что Азия, наращивая выпуск продукции, опережает прежнего лидера Северную Америку уже с 2003 г. В США стоимостной показатель выпуска компьютеров и офисного оборудования сократился почти в 2 раза (с 43 до 25 млрд долл.), а удельный вес страны в мировом производстве при этом снизился с 40 до 24%. Доля Японии также снизилась с 22 до 5%

мирового объема (по стоимости - сокращение в 4 раза с 24 до 6 млрд долл.). При этом стоимостной показатель выпуска продукции данной отрасли в Китае вырос в 32 раза (с 1,6 до 53,0 млрд долл.). В целом с 1999 г. доля этой страны в мире в производстве продукции этой отрасли увеличилась с 1,5 до 47%, что и повлияло, в конечном счете, на рост доли стран Азии и БРИКС (до 50% в 2014 г.) в производстве вычислительной техники. Однако стоит отметить также рост удельного веса Бразилии и России в мировом производстве продукции данной отрасли (объемы производства в текущих ценах выросли почти в 3 раза), и Индии (в 2 раза).

Доля стран Азии увеличилась с 33 до 60%. Доля стран Северной Америки сократилась с 46 до 24%, а доля стран Европы – с 19 до 13%.

В мировом производстве полупроводников роль стран Азии также возросла (и доля в мировом выпуске продукции отрасли увеличилась с 50 до 66%). При этом доля Северной Америки сократилась с 32 до 25%, стран Европы – с 18 до 9% (в т.ч. ЕС – с 17 до 8%). Но в регионах (за исключением Европы) объемы выпуска продукции росли, за исключением периода мирового финансового кризиса. Хотя темпы производства продукции в регионах и странах мира существенно различаются. Так, в Азии они выросли с 96 до 256 млрд долл. (рис. 4).

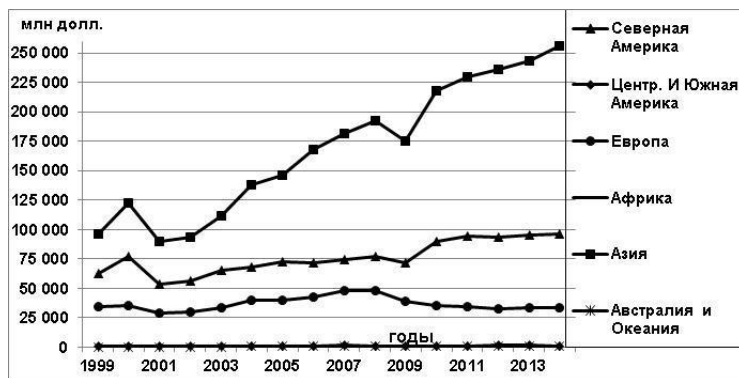

Рис. 4. Динамика производства полупроводников (value added of semiconductor industry) по регионам мира, 1999-2014, млн долл. (в текущих ценах)

Составлено по: [15]

Проанализируем ситуацию за счет каких стран вышел данный регион на лидирующую позицию в мире значительно опередив другие регионы. Как и в других подотраслях высокотехнологичного производства, Китай быстрыми темпами в последние 15 лет наращивал объемы выпуска полупроводников (отмечен пятнадцатикратный рост стоимостного показателя, в то время как мировое производство этой отрасли в стоимостном выражении в текущих ценах увеличилось лишь в 2 раза). Удельный вес Китая вырос с 5 до 35% мирового выпуска полупроводников. Одновременно по стоимости продукции Япония сократила производство более чем в 2 раза (при снижении доли этой страны с 27 до 5%). Еще в 1999 г. страна была на 2-м месте в мире вслед за США в мире по производству проводников. И являлась лидером среди азиатских стран. Но к 2014 г. Япония пропустила вперед не только Китай, но и Тайвань и Республику Корея.

США, однако, увеличили вдвое объем выпуска продукции, но произошло это при некотором сокращении удельного веса страны в мировом выпуске продукции отрасли с 31 до 24%.

Лидером отрасли ныне является ныне Китай, за ним следуют: США, Тайвань, Республика Корея, Япония, Германия, Малайзия, Сингапур, Индонезия. Иными словами и в данной подотрасли высокотехнологичного производства прослеживается сдвиг в страны Азии за счет роста объемов выпуска продукции в развивающихся странах.

В мировом производстве коммуникационного оборудования (средств связи) при общем росте объемов выпуска продукции в мире в стоимостном выражении в 1,5 раза (со 147 до 230 млрд долл.) объемы производства в Азии выросли более чем в 2 раза – с 72 до 147 млрд долл. и превысили мировой показатель 1999 года (рис. 5). Но за анализируемый нами период показатели производства в Северной Америке даже снизились до 41 млрд долл., что в 4 раза меньше показателя стран Азии, и не увеличились показатели в странах Европы. Удельный вес стран Азии вырос с 49 до 70%, что произошло вследствие снижения роли Северной Америки с 34 до 18%, а доли ЕС – с 14 до 7%.

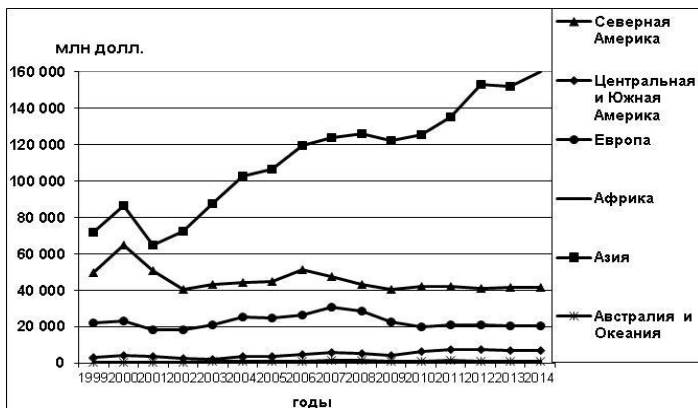

Рис. 5. Динамика производства коммуникационного оборудования (value added of communications) по регионам мира, 1999-2014, млн долл. (в текущих ценах)

Составлено по: [15]

Лидерами отрасли ныне являются Китай (43% мирового производства), США (16%), Республика Корея (7%), Япония (сократившая свое производство вдвое, и уменьшившая свою долю в мировом производстве с 27 до 7%), Тайвань, Бразилия и Вьетнам, опередивший Германию, Мексику, Швейцарию, Малайзию, Индонезию, Швецию, Италию и Россию. В Китае объем производства за 15 лет увеличился в стоимостном выражении в 10 раз (а доля в мировом производстве выросла с 7 до 43%), в Бразилии объем выпуска продукции вырос в 2 раза и в России - в 10 раз (но доля в мировом производстве коммуникационного оборудования в нашей стране по-прежнему была менее 1% в 2014 г.). Иными словами доля стран БРИКС, как и в производстве вычислительной техники, приблизилась к 50% мирового объема. А на долю всех стран Азии (лидирующего в данной отрасли региона) ныне приходится 70% мирового показателя.

В мировом производстве продукции фармацевтической отрасли наблюдался рост со 170 до 495 млрд долл. (увеличение почти в 3 раза), также как и во всех регионах. Только темпы роста отличались. Если в Северной Америке и Европе показатели стоимости продукции отрасли выросли в 2 раза, в регионе Центральная и Южная Америка, а также в Африке – в 3 раза, то суммарный выпуск продукции в Азии увеличился в 5 раз. И уже с 2010 года этот регион, опередив и Европу, и Северную Америку, вышел на первое место (рис. 6).

С 1999 г. по 2014 г. показатель выпуска продукции фармацевтической промышленности (в текущих ценах) в мире вырос почти в 3 раза (в США – в 2 раза, в Германии и Великобритании – в 2-3 раза, а в Японии показатель остался практически без изменения). Одновременно в Китае объем производства увеличился в 23 раза, в России – в 10 раз (хотя доля в мировом объеме небольшая – 0,5%), в Индии – в 5 раз, в Бразилии в 3 раза. Соответственно изменились и доли стран лидеров в мировом производстве. Ныне лидерами отрасли являются Китай (рост с 4 до 28%), США (снижение доли с 30 до 21%), Япония

(снижение доли с 18 до 6%), Германия и Великобритания (по-прежнему 4-5% мирового объема). При этом в первой десятке лидеров отрасли уже есть развивающиеся страны помимо Китая. Это - Сингапур, Индия и Бразилия. В целом же на страны НАФТА, ЕС и БРИКС суммарно приходится 70% мирового производства фармацевтической продукции [Рассчитано по 15].

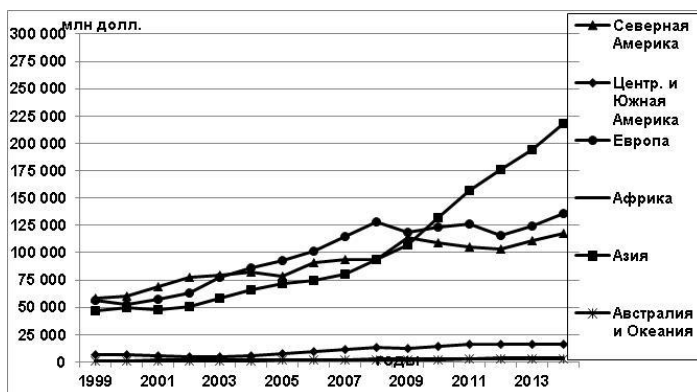

Рис. 6. Динамика производства продукции фармацевтической отрасли (value added of pharmaceuticals industry) по регионам мира, 1999-2014, млн долл. (в текущих ценах)

Составлено и рассчитано по: [15]

Однако в производстве высокоточного научного и медицинского оборудования роль стран Северной Америки (44%, 2014 г.) и в первую очередь США (42%) по-прежнему очень высока, как и доля стран Европы – 31% (в т.ч. ЕС – 23%). Суммарно на страны этих двух регионов приходится 75% мирового производства высокоточного оборудования. Хотя роль стран Азии выросла с 16 до 23% мирового производства. Объемы производства продукции отрасли росли во всех регионах (рис. 7). При этом очень серьезный спад наблюдался в Европе вследствие мирового финансово-экономического кризиса 2008-2009 гг. Но регион по-прежнему занимает 2-е место по выпуску продукции отрасли. Стабильный рост показал регион Северная Америка (с 66 до 158 млрд долл. за 15 лет). Он и остается лидером отрасли (за счет США, опережающих все остальные страны мира). Азиатский регион находится на 3-м месте, в первую очередь за счет увеличения почти в 20 раз объемов производства в Китае (с 2 до 45 млрд долл.). В этом регионе Япония практически не увеличила объемы производства, при этом третья страна данного региона – Республика Корея увеличила их в 5 раз (Сингапур увеличил производство в 4 раза).

Лидерами ныне являются – США, Китай, Германия, Швейцария, Япония, Италия, Великобритания, Республика Корея, Франция. И замыкает десятку лидеров Россия (то есть в основном, за небольшим исключением, это все высокоразвитые страны). Суммарно же страны НАФТА, ЕС И БРИКС производят свыше 80% мирового объема продукции данной отрасли.

В мировом производстве продукции аэрокосмической отрасли фиксируется рост стоимостных показателей развития. Так, объемы производства продукции отрасли в мире выросли с 1999 г. в 2 раза (с 99 до 197 млрд долл.). По-прежнему данная отрасль стабильно развивается в Северной Америке (рост с 62 до 110 млрд долл., что составляет более половины мирового показателя) и в Европе (рост с 29 до 56 млрд долл.). При этом следует отметить существенные темпы развития отрасли в Южной Америке и в Азии (рост в 4 раза), в основном за счет Бразилии (в 4,5 раза) и в Китае (рост показателя в 24 раза – с 0,6 до 13,6 млрд долл.). Хотя показатели развития данной сферы экономики в этих регионах много ниже, чем в регионах-лидерах (рис. 8).

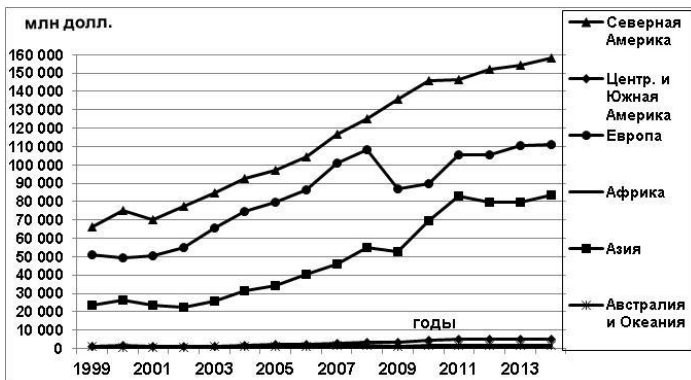

Рис. 7. Динамика производства высокоточного оборудования (value added of testing, measuring, and control instruments industry) по регионам мира, 1999-2014, млн долл. (в текущих ценах)

Составлено по: [15]

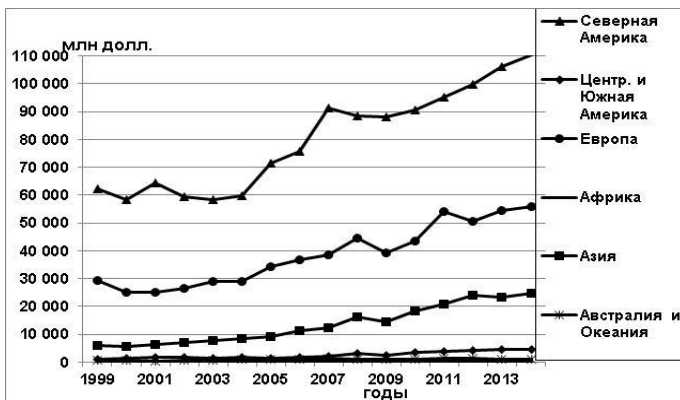

Рис. 8. Динамика производства продукции аэрокосмической отрасли (value added of aircraft and spacecraft) по регионам мира, 1999-2014, млн долл. (в текущих ценах)

Составлено и рассчитано по: [15]

В мировом производстве продукции аэрокосмической отрасли можно также отметить следующие тенденции после сокращения удельного веса России за рассматриваемый нами период с 13 до 4%. Самые низкие показатели России – 1,5% мирового выпуска продукции отрасли были отмечены в начале 2000-х годов. Только на суммарную долю стран Северной Америки (56%) и ЕС (23%) ныне приходится почти 80% общемирового показателя (а в начале 2000-х годов – практически 90%) При этом растет доля стран БРИКС, хотя и составляет ныне лишь 13%. Но и это происходит при быстром росте удельного веса Китая (с 0,6 до 7%, что сопоставимо с удельным весом Великобритании, Германии и Франции) и Бразилии (с 1 до 2,3%). Тем не менее, страны БРИКС входят в ТОП-15 стран-лидеров по Индексу конкурентоспособности в аэрокосмической промышленности, рассчитываемому консалтинговой компанией Futron [13]. Это свидетельство стабильного развития аэрокосмической отрасли в этих странах.

Изменения в расстановке сил в рамках иерархии крупнейших экономических группировок мира. Неординарность процессов индустриального развития и смена глобального лидерства на уровне ключевых стран-производителей закономерно отражается на расстановке сил в рамках иерархии *крупнейших экономических группировок мира*. Для понимания эпохального события наших дней логично привести следующие данные.

Важно отметить, что страны-гиганты и ведущие экономические группировки постоянно усиливают влияние в контроле на мировом рынке высокотехнологических отраслей. Один из явных векторов последнего времени – своего рода «внешний» в рамках глобального сообщества – усиление тенденций монополизации. Достаточно сказать, что суммарный вес трех крупнейших экономических группировок (НАФТА, ЕС и БРИКС) в мировом производстве высокотехнологичной продукции за период 1999-2014 гг. вырос с 2/3 до 4/5 [9]. Это хорошо отслеживается также на примере отдельных отраслей производства высокотехнологичных товаров (табл. 3), что однозначно свидетельствует о частичной «ограниченности» глобальных рынков и неконкурентоспособности всех прочих участников международного разделения труда в сфере хай-тек технологий.

Таблица 3. Доля стран БРИКС и экономических союзов НАФТА и ЕС в мировом производстве высокотехнологичных товаров, 1999–2014 г. (%)

Страны/ группы стран	1999	2000	2004	2008	2010	2012	2014
НАФТА	40,4	41,2	36,0	33,0	33,8	31,3	30,9
ЕС	22,4	19,8	22,9	22,7	18,1	16,8	17,0
БРИКС	5,9	6,1	10,4	17,9	22,0	27,4	31,1
Суммарно (НАФТА, ЕС, БРИКС):	68,7	67,1	69,3	73,6	73,9	75,5	79,0
в т.ч. в производстве:							
вычислительной техники:	67,3	67,0	72,6	80,6	80,2	82,5	86,1
коммуникационного оборудования	57,1	58,0	57,3	60,9	63,3	65,6	71,5
полупроводников	37,2	52,5	51,5	56,5	58,6	65,1	68,8
продукции фармацевтической отрасли	71,8	70,8	74,5	78,8	77,1	77,5	80,4
высокоточного научного и медицинского оборудования	80,1	80,5	82,9	83,0	82,6	80,8	83,1
продукции аэрокосмической отрасли	93,6	93,4	91,7	90,9	90,7	90,0	92,6

Рассчитано по: [15]

Как мы уже не раз отмечали в своих работах, второе важное направление трансформаций в течение последнего времени – переформатирование весомости внутри группы лидеров в сфере высокотехнологических отраслей [9]. Анализ показывает однозначно выигрышную динамику по многим пионерным областям и направлениям в производстве продукции высокотехнологичных отраслей в пользу «молодых» и «агрессивных». Представим расчеты, иллюстрирующие изменение ситуации по отдельным видам высокотехнологичного производства в мире стран БРИКС и крупнейших экономических союзов – НАФТА и ЕС (табл. 4). С методической точки зрения, важно отметить, что позиционирование любой экономической группировки, в т.ч. и «прорыв» БРИКС в высокотехнологичном производстве мира за 1999-2014 гг., можно измерять по-разному.

Выполненный авторами компаративный анализ позиций стран БРИКС, НАФТА и ЕС в мировой обрабатывающей промышленности и в производстве разных видов продукции высокотехнологичных отраслей в стоимостных показателях в текущих ценах в период 1999-2014 гг. по статистической базе Научного фонда США показал рост значения группировки БРИКС.

Как было отмечено выше, и доля Азии в региональном перераспределении лидирующих позиций в сфере высокотехнологичного производства выросла столь значительно в первую очередь вследствие бурного развития практически всех видов выпуска продукции отрасли в Китае.

Таблица 4. Динамика доли стран БРИКС и экономических союзов в мировом производстве отдельных видов высокотехнологичной продукции 1999–2014 гг., %

Страны/ группы стран	1999	2000	2004	2008	2010	2012	2014
в производстве вычислительной техники (компьютеры и офисное оборудование):							
НАФТА	46,3	47,7	38,2	35,2	28,5	23,0	23,8
ЕС	18,4	15,0	18,8	15,4	12,5	11,8	12,4
БРИКС	2,6	4,3	15,6	30,0	39,2	47,7	49,9
в производстве коммуникационного оборудования (средств связи)							
НАФТА	33,6	36,0	25,1	21,1	21,5	18,4	18,0
ЕС	14,3	12,3	13,1	12,2	8,3	7,2	6,7
БРИКС	9,2	9,7	19,1	27,6	33,5	40,0	46,8
в производстве полупроводников:							
НАФТА	32,1	32,6	27,5	24,0	26,0	25,5	24,8
ЕС	17,2	14,3	15,3	14,1	9,4	8,0	7,8
БРИКС	5,1	5,6	8,7	18,4	23,2	31,6	36,2
в производстве продукции фармацевтической отрасли:							
НАФТА	34,2	35,2	33,8	28,1	28,4	24,7	23,8
ЕС	29,7	27,5	31,3	33,0	26,8	23,5	23,2
БРИКС	7,9	8,1	9,4	17,7	21,9	29,3	33,4
в производстве высокоточного научного и медицинского оборудования:							
НАФТА	46,2	49,0	46,0	42,6	46,8	44,1	43,9
ЕС	31,1	28,4	31,2	29,6	22,5	22,6	23,1
БРИКС	2,8	3,1	5,7	10,8	13,3	14,1	16,1
в производстве продукции аэрокосмической отрасли:							
НАФТА	62,7	64,0	59,7	57,5	57,7	55,3	56,1
ЕС	23,6	25,7	26,2	25,5	23,2	23,2	23,2
БРИКС	7,3	3,7	5,8	7,9	9,8	11,5	13,3

Рассчитано по: [15]

Заключение

Изменение пространственной организации мировой промышленности происходит под влиянием экономического развития развивающихся стран и быстрых, но различающихся по странам темпов развития их индустриального сектора (в том числе за счет размещения производственных мощностей ТНК на их территории), а также роста спроса в развивающихся странах. Вне всякого сомнения, фиксируется рост значения развивающихся стран и их доли в мировом производстве промышленной продукции.

Глобализация и инновационное развитие привели к глубоким изменениям в отраслевой и территориальной структуре мирового хозяйства и мировой индустрии, в частности. При этом в отдельных развивающихся странах (Китай, Индия, азиатские НИС и др.) индустриализация происходит столь быстрыми темпами, что эти процессы способствовали пространственной перегруппировке сил не только на региональном, но и на глобальном уровне. Четко фиксируется азиатский вектор в мировом индустриальном развитии.

На позицию лидера мировой индустрии вышел Китай, в том числе не только в по массовым видам продукции, но и в выпуске продукции многих высокотехнологичных отраслей.

Стоит подчеркнуть, что пути продвижения стран БРИКС к формированию «экономики знаний» совершенно разные. Хотя все страны БРИКС ставят перед собой серьезные планы по совершенствованию структуры экономики и переходу на инновационный путь развития и уже сейчас находятся в группе лидеров мировой индустрии.

Позиции БРИКС в мировой индустрии, включая ее основной элемент – высокотехнологичную промышленность, не просто выросли, но зачастую и превосходят показатели НАФТА и ЕС. И с этим фактом уже нельзя поспорить. Хотя известно, что они выросли в основном за счет роста показателей Китая. Поэтому для России важно понимание того, что активизация сотрудничества в высокотехнологичной сфере должно выступать основным элементом взаимодействия в рамках блока БРИКС. Определенные шаги в этом направлении уже предпринимаются.

Литература

- 1) Горкин А.П. География постиндустриальной промышленности (методология и результаты исследований, 1973-2012 годы). - Смоленск: Ойкумена. 2012.
- 2) Изменения в пространственной организации промышленности мира: вторая половина XX в. – начало XXI в. / Под ред. проф. И.А. Родионовой. М.: Экон-Информ, 2009. - 260 с.
- 3) Родионова И.А. Макрогеография промышленности мира. – М.: Московский Лицей. 2000.
- 4) Родионова И.А. Мировая экономика: индустриальный сектор. – М.: РУДН, 2010.
- 5) Родионова И.А. Промышленность мира: территориальные сдвиги во второй половине XX в. " (монография). - М.: Московский Лицей, 2002.
- 6) Родионова И.А. Пространственная динамичность системы мировая промышленность // Глобальная социально-экономическая география: Сборник трудов памяти Р.В. Алисова /Под ред. Н.А. Слуки. - М.-Смоленск: Ойкумена, 2011. С. 53-73.
- 7) Родионова И.А., Слука Н.А. Глобальные тренды развития мировой промышленности // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания /Под ред. А.А. Лобжанидзе. – Матер. Между. научно-практ. конф. «Первые Максаковские чтения». Том. 1 – М.: МПГУ, 2016. – С. 33-39.
- 8) Родионова И.А., Слука Н.А. Новая география мировой промышленности: глобальные тренды //География в школе. – № 5, 2016. – С.5-15.
- 9) Родионова И.А., Слука Н.А., Кокуйцева Т.В. Производство высокотехнологичной продукции: позиции стран БРИКС в меняющемся мире // Успехи современного естествознания. - 2016. - № 3. - 2016. - № 3. - С. 190-197; URL: <http://www.natural-sciences.ru/ru/article/view?id=35847> (дата обращения: 14.04.2016)
- 10) Родионова И.А., Шувалова О.В. Мировая промышленность, международное производство и прямые иностранные инвестиции //«Фундаментальные исследования» № 12 (часть 9), 2014, стр. 1988-1992.Слука Н.А. Большой стране – большие проекты //Валовой внутренний продукт. № 5 (94), 2015. С. 26-31.
- 11) Холина В.Н. География: углубленный уровень: атлас для учащихся, студентов, преподавателей /В.Н. Холина, А.С. Наумов, И.А. Родионова; под общ. Ред. В.Н.Холиной. – 3-е изд., перераб. – М.: Дрофа, 2015-2016.
- 12) INDSTAT4 – 2015 edition. Industrial Statistics Database. URL: https://www.unido.org/data/IndStatBrief/World_Leading_MVA.cfm?print=no&tttype=W6&Country=&Group=
- 13) Futron Releases 2014 Space Competitiveness Index. URL: <http://www.satellitemarkets.com/market-trends/futron-releases-2014-space-competitiveness-index>
- 14) Rodionova I. World industry in post-industrial society: tendencies and regional shifts // Miscellanea Geographica – Regional Studies on Development Vol. 18. No.1. 2014. P.31-36. URL: <http://www.degruyter.com/view/j/mgrsd.2014.18.issue-1/issue-files/mgrsd.2014.18.issue-1.xml>.
- 15) Science and Engineering Indicators – 2016. Appendix (tables 6). Two volumes. Arlington, VA: National Science Foundation, USA, 2016. URL: <http://nsf.gov>
- 16) The World Factbook. Central Intelligence Agency. USA. URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html>

**ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКА В СТРАНАХ ЕВРОПЫ:
ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ И ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ СДВИГИ В XXI ВЕКЕ**

За последнее время в структуре мировой электроэнергетической отрасли произошли качественные изменения, которые в первую очередь связаны с развитием альтернативных источников энергии. Поэтому в XXI веке повышается научный интерес к изучению различных аспектов данной отрасли. С точки зрения энергетического развития и экономической безопасности в условиях глобализации особое значение представляет данный вопрос для большинства стран Европейского региона, у которых наблюдается дефицит традиционных топливно-энергетических ресурсов (углеводородов) при интенсивном развитии возобновимых источников энергии.

Существенные структурные и пространственные сдвиги, произошедшие в электроэнергетике в последние десятилетия, вызваны глобальными изменениями мировой экономики, в частности вступлением в новую стадию развития – постиндустриальную, интернационализацией мировой хозяйственной системы, кардинальной сменой принципов организации и управления отраслью, изменениями в структуре сырьевой базы, совершенствованием технологий производства, экологическими проблемами и реализацией принципов устойчивого развития Рио+20.

Экономико-географический анализ развития электроэнергетики в странах Европы проведен на основе характеристики нескольких аспектов: динамики производства и потребления электроэнергии, электроэнергетического баланса, отраслевой структуры, электроемкости и потерь электроэнергии, а также международной торговли. В связи с активным развитием в странах Европы принципов декарбонизации экономики самостоятельным структурным элементом выступает анализ динамики развития и структуры альтернативной электроэнергетики.

Динамика производства и потребления электроэнергии в странах Европы. В мире наблюдается тенденция постоянного роста ежегодной выработки электрической энергии. За период 1992 – 2014 гг. производство электроэнергии выросло с 12,2 до 23,5 трлн. кВт.ч, или практически в два раза. Для стран Европы также характерна данная тенденция. Однако за более чем за 20 летний период производство электроэнергии в регионе возросло с 3,9 трлн. кВт.ч до 4,6 трлн. кВт.ч, или на 33 %. Подобные масштабы динамики свойственны, кроме Европы, еще и странам Северной Америки. Все остальные регионы демонстрируют в XXI веке беспрецедентные темпы роста производства электроэнергии (табл. 1, рис. 1).

Таблица 1. Динамика производства электроэнергии в мире, трлн. кВт.ч [сост. по 1]

Регионы	Производство, трлн кВт.ч			Доля региона в мировом производстве, %			Рост/сокращение производства за 1992–2014 гг., %
	1992	2000	2014	1992	2000	2014	
Северная Америка	3,9	4,8	5,2	32	31	22	33
Центральная и Южная Америка	0,5	0,8	1,3	4	5	6	160
Европа и Евразия	4,6	4,7	5,2	38	31	22	13
Ближний Восток	0,2	0,5	1	2	3	4	400
Африка	0,3	0,4	0,7	2	3	3	133
Азия и Океания	2,7	4,2	10,1	22	27	43	274
<i>Мир</i>	<i>12,2</i>	<i>15,4</i>	<i>23,5</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>100</i>	<i>93</i>

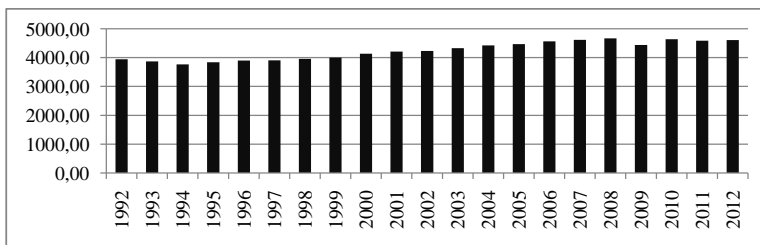

Рис. 1. Динамика производства электроэнергии в Европе, млрд. кВт.ч [сост. по 1]

С конца XX века произошли существенные географические сдвиги в региональной структуре производства электроэнергии. В 1990-е годы в структуре наблюдалось примерное паритетное соотношение Европы с Евразией и Северной Америки (38 и 32 % соответственно). Азия имела пятую долю мирового производства. В настоящее время два лидирующих в конце XX века региона сохранили паритетные позиции, однако почти в два раза увеличилась доля Азиатского региона с Океанией. На них приходится более 40 % всей вырабатываемой электроэнергии в мире. Существенно возросла доля Ближнего Востока – с 2 до 4 %. Страны Латинской Америки и Африки также увеличили удельный вес в мировом производстве электроэнергии. Наряду с этим наблюдается снижение доли Северной Америки и Европы.

Среди европейских стран с конца XX века по настоящее время сложилась устойчивая группа лидеров по производству электроэнергии: Россия (1064 млрд. кВт.ч), ФРГ (614), Франция (556), Великобритания (335), Италия (278 млрд. кВт.ч) [2]. Их суммарная доля составляет 60 % всей производимой электроэнергии в Европе, что является свидетельством высокой территориальной концентрации. Превышает также среднеевропейский показатель производство электроэнергии в Испании (277 млрд. кВт.ч), Украине (182), Швеции (162), Польше (159), Норвегии (142 млрд. кВт.ч). Наряду с этим в ряде европейских государств производство электроэнергии значительно уступает среднему показателю и не превышает 30 млрд. кВт.ч (Литва, Венгрия, Ирландия, Словакия) (табл. 2).

Таблица 2. Лидеры и аутсайдеры по объемам производства электроэнергии в Европе [сост. по 2]

Пять первых стран		Пять последних стран					
млрд. кВт.ч	млрд. кВт.ч	млрд. кВт.ч	млрд. кВт.ч				
1992 г.	2013 г.	1992 г.	2013 г.				
Россия	1010	Россия	1064	Латвия	3,8	Молдова	4,4
ФРГ	534	ФРГ	614	Албания	3,4	Литва	4,2
Франция	460	Франция	556	Кипр	2,4	Черногория	3,95
Великобрит.	319	Великобрит.	335	Мальта	1,5	Мальта	2,2
Украина	252	Италия	278	Люксембург	0,7	Люксембург	1,85

По показателю производства электроэнергии на душу населения в Европе прослеживаются четкие региональные различия. Наибольшее количество электроэнергии на человека вырабатывается в Северной Европе (8,0 кВт.ч/чел.), далее следует Западная Европа (7,7 кВт.ч/чел.), наименьший показатель в Восточной (5,6 кВт.ч/чел.) и Южной Европе (4,9 кВт.ч/чел.).

Страны Европы различаются между собой по трендам динамики производства электроэнергии за 1990 – 2013 гг., что позволило выделить среди них четыре группы: 1) с равномерным ростом (ФРГ, Франция, Австрия, Польша и др.), 2) с интенсивным ростом (Италия, Испания, Греция, Ирландия и др.), 3) с неустойчивой динамикой (Норвегия, Швейцария, Дания, Финляндия и др.), 4) с падением производства в начале 1990-х гг. и его последующим ростом. Четвертая группа представлена отдельными странами социалистической системы хозяйствования (Россия, Украина, Молдова, Болгария, Румыния, Беларусь) [4].

По объемам потребления электроэнергии в Европе выделяется группа лидирующих государств, которая совпадает с основными ее производителями в регионе (табл. 3). Наибольшим потреблением в 1992 году характеризовались Россия, ФРГ, Франция, Великобритания и Италия. В XXI веке на фоне общего роста объемов потребления географическая структура не претерпела изменений, и первая пятерка государств сохранила свои позиции (табл. 3). Вместе с тем, в Европейском регионе можно выделить группу стран второго порядка, в которых отмечены также большие объемы и быстрый рост потребления, в том числе за счет возобновимых источников энергии. В нее входят Испания, Нидерланды, Норвегия, Польша, Швеция и Украина.

Таблица 3. Лидеры и аутсайдеры по объемам потребления электроэнергии в Европе [сост. по 2]

Пять первых стран				Пять последних стран			
млрд. кВт.ч		млрд. кВт.ч		млрд. кВт.ч		млрд. кВт.ч	
1992 г.		2013 г.		1992 г.		2013 г.	
Россия	864	Россия	889	Люксембург	4,24	Молдова	5,06
ФРГ	486	ФРГ	540	Исландия	4,1	Кипр	4,3
Франция	355	Франция	451	Кипр	2,1	Албания	4,06
Великобритания	292	Великобритания	319	Албания	1,44	Черногория	3,26
Италия	229	Италия	303	Мальта	1,28	Мальта	1,85

Одним из главных показателей, отражающих уровень развития страны и позволяющих определить пространственные различия в обеспеченности электроэнергией, является потребление электроэнергии на душу населения. Его среднее значение на душу населения в мире составляло в 2012 г. 2,8 МВт.ч/чел. В Европейском регионе этот показатель в два раза выше и достиг 5,7 МВт.ч/чел. Средний рост душевого потребления за 1992 – 2012 гг. составил 14 %. На этом фоне за более чем 20 летний период произошел значительный рост объемов потребления в отдельных странах, что повлекло за собой изменения в структуре. В 1992 г. наибольшие показатели были отмечены в Норвегии (23,8 МВт.ч/чел), Исландии (16,1), Швеции (14,9) и Финляндии (12,1 МВт.ч/чел). К 2013 г. более чем в три раза выросло душевое потребление электроэнергии в Исландии, которое составило 54,8 МВт.ч/чел. В настоящее время именно это государство занимает первое место в Европе и мире. Отметим также, остальные ведущие государства в европейском регионе - Норвегия (23,3 МВт.ч/чел.), Люксембург (14,1), Финляндия (15,2) и Швеция (13,9) – занимают лидирующие позиции и в мировом рейтинге. В целом, в Европе можно выделить четыре группы государств по объемам потребления электроэнергии на душу населения: с наивысшим (более 20); высоким (10-20); средним (5 – 10) и низким (менее 5) (табл. 4).

Таблица 4. Распределение стран Европы по объемам потребления электроэнергии на душу населения, 2013 г. [сост. по 2]

Группы стран по уровню потребления, МВт.ч/чел.	Страны	Кол-во стран	%
1. Наивысший (более 20)	Исландия (54,8); Норвегия (23,3)	2	5
2. Высокий (10 – 20)	Финляндия (15,5); Люксембург (14,1), Швеция (13,9)	3	7
3. Средний (5 – 10)	Австрия (8,5); Бельгия (8,0); Швейцария (7,8); Франция (7,3); ФРГ (7,0); Словения (6,83); Нидерланды (6,82); Эстония (6,65); Россия (6,56); Чешская Республика (6,3); Дания (6,0); Ирландия (5,7); Черногория (5,6); Великобритания (5,41); Испания (5,4); Словакия (5,2); Италия (5,1); Греция (5,0)	18	45

4. Низкий (менее 5)	Кипр (4,7); Мальта (4,7); Португалия (4,69); Болгария (4,64); Сербия (4,44); Венгрия (3,89); Польша (3,89); Хорватия (3,75); Литва (3,66); Беларусь (3,65); Украина (3,6); Македония (3,5); Латвия (3,47); Босния и Герцеговина (3,21); Албания (2,53); Румыния (2,49); Молдова (1,35)	17	43
---------------------	--	----	----

Удельный вес двух первых групп составляет в структуре 12 %. В группу со средним уровнем, доля которой 45 %, вошли такие страны, напр., как Австрия, Франция, Великобритания, Италия, Испания, а также отдельные государства с переходной экономикой (Россия, Чешская Республика, Словения, Словакия, Черногория и Эстония). Низким уровнем душевого потребления характеризуется большинство государств ЦВЕ, стран бывшей социалистической системы хозяйствования, напр., Албания, Молдова, Болгария, Латвия, Литва и др. Доля этой группы составляет 43 % в структуре.

В соответствии с индексом электроэнергетической самостоятельности ($I_{э}$), который представляет собой отношение объема производства ($V_{\text{произв.}}$) к объему потребления ($V_{\text{потребл.}}$) электрической энергии, в Европе наблюдается дифференциация между странами по характеру *электроэнергетического баланса* (рис. 2).

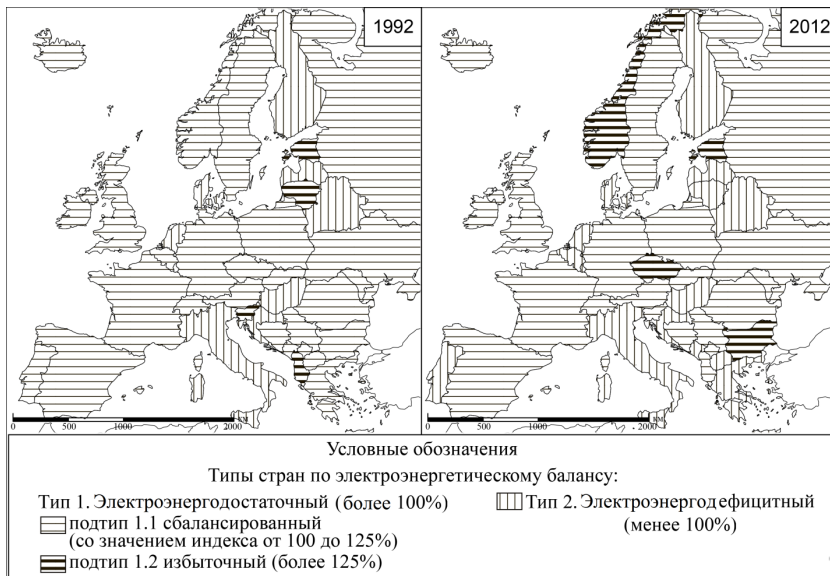

Рис. 2. Типы стран Европы по электроэнергетическому балансу [сост. по 1]

На основании расчетов выделяется два типа стран: 1) электроэнергодостаточные страны (со значением индекса более 100 %), разделенные на два подтипа - сбалансированные (от 100 до 125 %) и избыточные (более 125 %); и 2) электроэнергодefицитные (менее 100%). В 1992 г. в структуре наблюдалось преобладание электроэнергодостаточного типа стран в соотношении со вторым типом 73 к 27 %. Примерами стран сбалансированного подтипа являются ФРГ, Франция, Великобритания, Польша, избыточного – Норвегия, Чешская Республика.

Общей тенденцией для региона за период с 1992 по 2012 гг. является увеличение в структуре доли стран электроэнергодефицитного типа с 27 % до 38 %. К этому типу относится группа государств ЦВЕ, представленная странами с переходной экономикой (Черногория, Македония, Латвия, Литва, Венгрия, Хорватия и др.), а также ряд государств Северной и Южной Европы (см. рис. 2).

Динамика *отраслевой структуры электроэнергетики* в странах Европы свидетельствует о диверсификации энергоисточителей и все большем вовлечении возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в общий электроэнергетический баланс стран. Данная тенденция является отражением глобального тренда по декарбонизации мирового хозяйства, под которым понимается решение актуальной проблемы снижения углеродоемкости ВВП. В настоящее время в мировом производстве электроэнергии доля угля составляет 41,3 %, природного газа – 21,7 %, гидроэнергии – 16,3 %, атомной энергии – 10,6 %, нефти – 4,4 %. При этом доля нефти стремительно сокращается [5]. Согласно прогнозам, к 2050 г. в мире как минимум половина (возможно, до 70%) электроэнергии будет производиться с использованием возобновляемых источников энергии. К концу XXI века переход на «чистую энергию» завершится полностью. Сокращение промышленного применения нефти, газа, угля становится сутью новой энергетической политики ведущих стран, долгосрочным глобальным трендом в развитии «зеленой экономики». В 2014 г. лидеры ЕС согласовали климатические и энергетические цели до 2030 г., обязавшись сократить внутренние выбросы парниковых газов минимум на 40%, прекратить использование ископаемого топлива и в течение XXI столетия осуществить декарбонизацию национальных экономик. Это означает, что роль углеводородной энергетики будет постепенно сокращаться, тем самым подвергая сомнению надёжность и эффективность вложений с горизонтом свыше 30 лет в традиционный нефтегазовый сектор [6].

В 1990 г. в Европе 61 % всей электроэнергии был произведен на ТЭС, 22 % – на АЭС, около 17 % – на ВИЭ, в том числе на ГЭС – 15,9 % и альтернативных – 0,6 %. Спустя 20 лет структура претерпела значительные трансформации. Сократилась до 51 % доля ТЭС, возросла до 24 % - доля АЭС, и увеличилась доля ВИЭ до 25 %. При этом если доля ГЭС при этом принципиально не изменилась, то производство электроэнергии, вырабатываемой с использованием альтернативных источников, показало беспрецедентный рост. Удельный вес электроэнергии, производимой с использованием геотермальных, солнечных фотоэлектрических, волновых, приливных, биомассовых и ветроустановок, составил около 10 % (табл. 5).

Таблица 5. Динамика производства и потребления электроэнергии в Европе [сост. по 2]

Показатель	Годы					
	1990	1995	2000	2005	2010	2012
<i>Производство электроэнергии, млрд кВт·ч</i>	4273,54	3835,28	4131,30	4471,01	4640,41	4608,84
в том числе на, %:						
ТЭС	61,01	54,36	53,42	54,34	52,31	50,76
ГЭС	15,93	18,00	17,72	15,36	16,04	15,54
АЭС	22,47	26,55	26,93	26,54	24,50	24,10
геотермальных установках	0,08	0,10	0,15	0,17	0,23	0,25
ветроустановках	0,02	0,11	0,54	1,58	3,23	4,49
солнечных фотоэлектрических (термоэлектрических) установках	0,00	0,00	0,00	0,03	0,50	1,55
волновых и приливных электроустановках	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
биомассовых электроустановках	0,47	0,86	1,23	1,97	3,19	3,30
<i>Потребление электроэнергии, млрд кВт·ч</i>	3944,82	3500,34	3747,49	4078,38	4260,24	4228,77

Как видно, основной технологией в электроэнергетике остаются тепловые электростанции. Однако постепенно меняется структура потребляемого ТЭС минерального топлива: сокращается доля нефтепродуктов, повышается – природного газа, уголь по-прежнему остается главным видом топлива для электростанций ряда стран Европы.

При четком выделении в европейском регионе устойчивой группы государств-ведущих производителей электроэнергии среди стран сложилась специализация в производстве ее отдельных видов. Так, лидирующие позиции по объемам производства тепловой энергии занимают Россия (679 ТВт.ч), ФРГ (350), Великобритания (232), Италия (190), Польша и Испания (по 136 ТВт.ч). Ведущими производителями гидроэлектроэнергии в Европе выступают Россия (183 ТВт.ч), Норвегия (129), Франция (76 ТВт.ч). Основными производителями атомной электроэнергии являются Франция (424 ТВт.ч), Россия (173 ТВт.ч), ФРГ (97 ТВт.ч) [5].

Наряду с этим по всем видам электроэнергии наблюдается высокая степень территориальной концентрации. На долю шести ведущих производителей тепловой электроэнергии приходится 72 % производства в Европе, на долю трех государств-лидеров по производству атомной электроэнергии – 62 %, удельный вес трех производителей гидроэнергии составляет 50 %.

Отраслевая структура электроэнергетики в разрезе стран характеризуется дифференциацией и неоднородной динамикой. В ряде стран сохраняется преобладание того или иного вида электростанций. Преобладание ТЭС в структуре наблюдается в Беларуси, Молдове, на Мальте, Кипре, в Польше и Эстонии, где их доля либо равна, либо превышает 90 %. Во Франции (76 % в 2012 г.), Бельгии (50 %) и Словакии (54 %) традиционно доминирует в структуре АЭС. Преобладание возобновляемых источников энергии (включая ГЭС) наблюдается в 1/4 стран Европейского региона, при этом в Исландии и Албании их доля составляет 100 %.

Ключевой тенденцией динамики структуры производства электроэнергии в странах Европы за 1990 – 2012 гг. является увеличение доли возобновляемых источников энергии в производстве. Если в 1992 г. доля ВЭИ до 25 % была представлена в 12 странах, то в настоящее время их количество возросло практически в два раза и составляет 21. Следует при этом отметить, что на микрогеографическом уровне для большинства стран Европы характерен переход от доминирования одного источника генерации электроэнергии к диверсификации источников.

Дифференциация Европы по особенностям производства электроэнергии и динамике доли энергоносителей позволяет выделить три типа структуры производства электроэнергии. Первый тип с *моноспециализированной* структурой, характеризуется преобладанием одного типа электростанций, на долю которых приходится более 75 % выработки электроэнергии. Для второго типа – *комбинированного* – свойственно производство 50 – 75 % электрической энергии на одном типе электростанций. В первом и втором типах выделены свою очередь подтипы в зависимости от разновидности доминирующих электростанций. В странах, где до 50 % электроэнергии производится на каждом типе электростанций, сформировался *диверсифицированный* тип структуры.

За 1992 – 2012 гг. произошли значительные сдвиги в структуре между типами и между странами. В 1992 году наблюдалось преобладание стран с моноспециализированной и комбинированной структурой. При этом в комбинированном типе структуры отсутствовал подтип государств с большой долей альтернативных источников энергии (50 – 75 %). Только в двух странах – Финляндии и Словении - был представлен диверсифицированный тип структуры. Общей и основной тенденцией динамики структуры стран является сокращение количества стран с моноспециализированным типом, увеличение количества стран с комбинированной структурой и интенсивный рост количества стран с диверсифицированным типом структуры (рис. 3). Данный вывод микрогеографического уровня подтверждает глобальную и региональную тенденции, представленные выше.

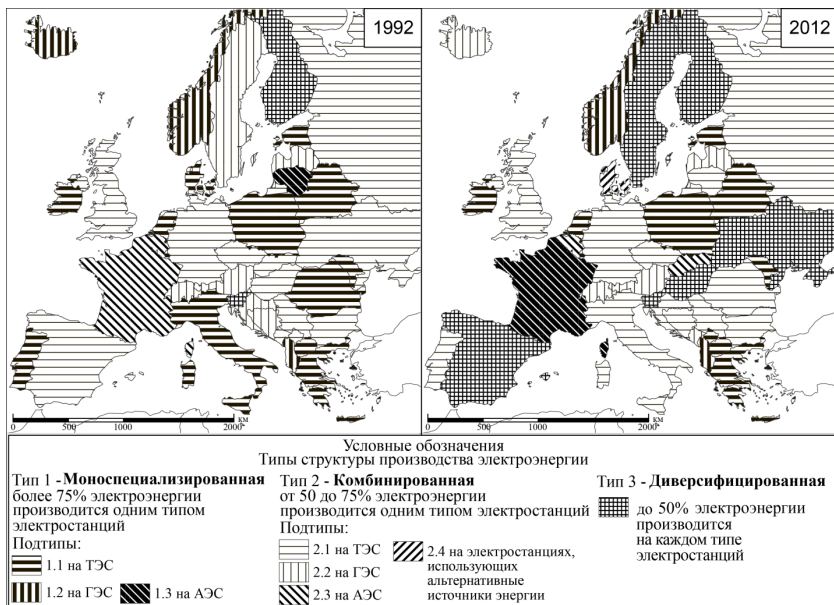

Рис. 3. Типология стран Европы по структуре производства электроэнергии [сост. по 1]

Тремя частными тенденциями динамики выступают:

1) реверсный переход единичных государств от комбинированного к моноспециализированному типу (напр., Франция);

2) сохранение единичными государствами устойчивых, ресурсобусловленных позиций в моноспециализированном типе (напр., Польша, Беларусь, Ирландия, Эстония, Молдова и др. остались в подтипе 1.1; Швеция – в подтипе 1.2);

3) выделение в самостоятельный подтип стран с комбинированной структурой на основе использования альтернативных источников энергии (напр., Дания).

В целом в представленной выше типологии 51 % стран образуют комбинированный тип, более чем каждое третье государство (32 %) относится к моноспециализированному типу, и 16 % стран характеризуются в XXI веке диверсифицированной структурой.

Электроёмкость ВВП характеризует уровень потребления электрической энергии на единицу ВВП и определяет электроэнергетическую эффективность экономики. В целом для Европейского региона характерно некоторое снижение этого показателя. Если в 1992 г. он составлял 286,9 кВт·ч/1000 долл. США, то в настоящее время 234,2 кВт·ч/1000 долл. США. Наименьшие значения наблюдаются в Ирландии (140,4), Великобритании (145,6), Албании (158,6), наибольшие – в Исландии (1438,0), Черногории (506,0) и Норвегии (475,6).

Эффективность и экономичность деятельности системы энергосбыта отражает доля потерь при транспортировке и распределении электроэнергии от производимой. Уровень 10-12 % считается максимально возможным для потерь электроэнергии в электрических сетях большинства стран с развитой экономикой. Уровень потерь свыше 25 % считается кризисным. Оптимальные потери находятся в диапазоне 4 - 6% [8]. В европейских странах доля потерь колеблется в пределах от 2,5 до 25 %. Наиболее эффективные энергосистемы находятся в Исландии и Греции с показателем до 3 %.

Около 10 % электроэнергии в Европе участвует в *международной торговле*. Объем внешнеторгового оборота электроэнергии составляет 867 млрд. кВт.ч, в том числе экспорт составляет 436,8 млрд. кВт.ч, импорт – 430,2 млрд. кВт.ч. По сравнению с 1992 годом торговый оборот увеличился в полтора раза. Наибольшая доля импорта от потребления (более 65 %) в 2012 г. была характерна для Люксембурга, Литвы, Албании, Латвии, Хорватии. Крупнейшими экспортерами электроэнергии в Европе являются ФРГ (66,81 млрд. кВт.ч), Франция (56,73), Швейцария (33,75), Швеция (31,26), Чешская Республика (28,71 млрд. кВт.ч). Главными импортерами выступают ФРГ (46,27 млрд. кВт.ч) (кВт.ч), Италия (45,41), Нидерланды (32,16), Швейцария (33,26), Австрия (23,26 млрд. кВт.ч) (рис. 4).

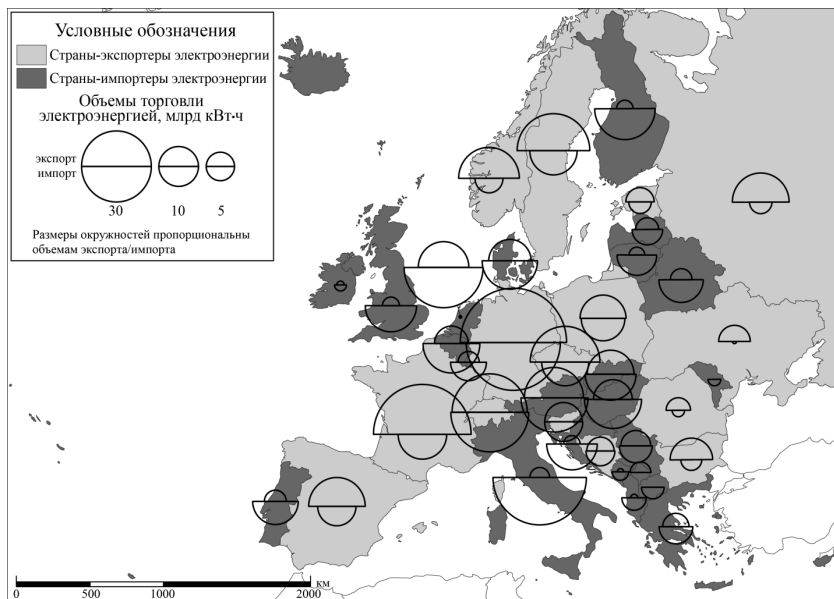

Рис. 4. Международная торговля электроэнергией в странах Европы [4]

В регионе в настоящее время действуют две крупные энергосистемы, различные по своему географическому положению, участники которых на общих принципах торгуют электроэнергией. Первая, ЕЭС/ОЭС, объединяет национальные системы России, Украины, Беларуси, Молдовы, Латвии, Литвы, Эстонии, Казахстана [7, 9]. Другая, ENTSO-E (European Network of Transmission System Operators for Electricity), включающая 41 страну, была сформирована в 2009 г. в результате объединения UCTE (Union for the Co-ordination of Transmission of Electricity) и NORDEL (Nordic Countries Synchronous Zone). Есть основания полагать, что в будущем будет сформирована единая Общеευропейская электроэнергетическая система.

Характеристика отдельных показателей развития электроэнергетики в странах Европы и выявленная территориальная дифференциация позволяет типизировать их в зависимости от уровня развития отрасли. Систематизация базировалась на оценочном подходе изучения системы специальных показателей с последующим расчетом на их основе интегрального индекса. Были определены 9 показателей, объединенных в 3 группы, характеризующие: 1) производство и потребление электроэнергии; 2) отраслевую структуру; 3) эффективность функционирования отрасли.

К первой группе были отнесены четыре показателя:

- 1.1 производство электроэнергии (I_1) на всех видах источников;
- 1.2 электроэнергетическая самостоятельность (I_2), которая представляет собой отношение объема производства ($V_{\text{произв.}}$) к объему потребления ($V_{\text{потребл.}}$) электрической энергии;
- 1.3 мощность всей электроэнергосистемы страны (I_3);
- 1.4 импорт электроэнергии ($V_{\text{импорт}}$), рассчитанный в процентном соотношении к потребленной (I_4);

Во вторую группу были включены два показателя:

- 2.1 количество видов энергоисточников (I_5), позволяющие определить диверсифицированность отраслевой структуры;
- 2.2 производство электроэнергии на возобновляемых источниках энергии (ВИЭ) ($V_{\text{ВИЭ}}$) в процентах от общего производства (I_6);

Третью группу сформировали три показателя:

- 1.1 электроемкость валового внутреннего продукта (ВВП) (I_7), характеризующая уровень потребления электрической энергии на единицу ВВП;
- 1.2 потребление электроэнергии в расчете на душу населения (I_8) – отношение потребленной энергии к среднегодовой численности населения (N) в стране;
- 1.3 потери при транспортировке и распределении электроэнергии (ΔW) в процентном соотношении к произведенной (I_9);

Разработка интегрального индекса уровня развития электроэнергетики в стране ($I_{\text{урЭ}}$) велась с использованием метода баллов, в соответствии с которым была разработана пятибалльная система оценки каждого показателя по соответствующим шкалам методом естественных интервалов в геоинформационном программном продукте ArcGIS. Интегральный индекс включает 3 компонента в соответствии с группами индикаторов и определяется как их среднее значение (формулы 1-4):

$$I_{\text{урЭ}} = \frac{(I_{1\text{ гр.}} + I_{2\text{ гр.}} + I_{3\text{ гр.}})}{3} \quad (1)$$

где

$$I_{1\text{ гр.}} = \frac{I_1 + I_2 + I_3 + I_4}{4} \quad (2)$$

$$I_{2\text{ гр.}} = \frac{I_5 + I_6}{2} \quad (3)$$

$$I_{3\text{ гр.}} = \frac{I_7 + I_8 + I_9}{3} \quad (4)$$

В последующем в зависимости от значения интегрального индекса был составлен рейтинг, в соответствии с которым было определено 5 уровней развития отрасли в странах Европы: 1) очень высокий (ОВ) (со значением индекса 3,51 и выше); 2) высокий (В) (от 3,01 до 3,50); 3) средний (С) (от 2,51 до 3,00); 4) низкий (Н) (от 2,01 до 2,50); 5) очень низкий (ОН) (2,00 и менее) (табл. 6).

Как видно из табл. 5 за 1992 – 2012 гг. в странах Европы отмечается общее возрастание уровня развития отрасли, что проявилось в переходе отдельных стран в группы с более высоким значением интегрального индекса. Это обусловлено ростом доли производимой электроэнергии на ВИЭ (в среднем на 4 % по каждой группе стран в 2012 г. по сравнению с 1992 г.), количества видов энергоисточников (на 1 источник), потребляемой электрической энергии на человека (менее чем на 1 МВт·ч/чел), снижением электроемкости ВВП (на 90 кВт·ч/1000 долл. США).

В современной структуре в Европе преобладает группа стран с высоким уровнем (35,7 %), равный удельный вес у групп с очень высоким и средним уровнем (по 19 %), третью позицию занимают страны с низким уровнем (16,7 %), и наименьшая доля принадлежит странам с очень низким уровнем развития электроэнергетики (9,5 %). За 1992 – 2012 гг. возросла доля стран с очень высоким и высоким уровнем развития электроэнергетики, и в то же время уменьшился удельный вес стран со средним, низким и очень низким уровнем.

Таблица 6. Значения интегрального индекса уровня развития электроэнергетики (I_{УРЭ}) по странам Европы*

Страна	Годы/показатели				Страна	Годы/показатели			
	1992	УРЭ	2012	УРЭ		1992	УРЭ	2012	УРЭ
Австрия	3,43	В	3,86	ОВ	Молдова	1,49	ОН	1,53	ОН
Албания	2,64	Н	2,28	Н	Нидерланды	3,14	В	3,28	В
Беларусь	1,78	ОН	2,25	Н	Норвегия	3,97	ОВ	3,97	ОВ
Бельгия	3,17	В	3,17	В	Польша	2,52	С	3,39	В
Болгария	1,99	ОН	3,06	В	Португалия	2,91	С	3,08	В
Босния и Герцеговина	2,01	Н	2,19	Н	Россия	3,36	В	3,47	В
Великобритания	3,26	В	3,72	ОВ	Румыния	2,54	С	3,33	В
Венгрия	2,22	Н	2,42	Н	Сербия	-		2,33	Н
ФРГ	3,57	ОВ	4,28	ОВ	Сербия и Черногория	2,20	Н	-	
Греция	2,76	С	3,33	В	Словакия	-		2,81	С
Дания	2,56	С	3,25	В	Словения	2,88	С	3,06	В
Ирландия	2,58	С	3,00	С	Украина	2,37	Н	3,11	В
Исландия	3,28	В	3,22	В	Финляндия	3,56	ОВ	3,42	В
Испания	3,18	В	3,81	ОВ	Франция	3,62	ОВ	3,97	ОВ
Италия	3,39	В	3,56	ОВ	Хорватия	2,31	Н	2,53	С
Кипр	2,36	Н	2,72	С	Черногория	-		1,89	ОН
Латвия	1,92	ОН	2,58	С	Чешская Республика	-		3,25	В
Литва	2,12	Н	2,39	Н	Чехословакия	2,50	Н	-	
Люксембург	2,54	С	3,00	С	Швейцария	3,49	В	3,50	В
Македония	2,19	Н	1,81	ОН	Швеция	3,71	ОВ	3,81	ОВ
Мальта	2,24	Н	2,42	Н	Эстония	1,71	ОН	2,56	С

Примечание: *Перечень стран определен Классификацией ООН [10]

К странам с *очень высоким* УРЭ относятся Австрия, Великобритания, ФРГ, Испания, Италия, Франция, Норвегия, Швеция. В группе отмечаются высокие значения показателей производства, мощности и количества энергоисточников. В этих странах одни из самых низких показателей доли импорта в потреблении и потерь от производства (табл. 7, рис. 5). В целом для стран с *очень высоким* уровнем развития электроэнергетики характерны такие средние значения индикаторов, которые наиболее положительно влияют на функционирование отрасли. Исключение составляет показатель электроемкости ВВП, значение которого в среднем по группе составляло 248,3 кВт·ч/1000 долл. США в 2012 г., в то время как в группе стран со средним УРЭ – 218,7 кВт·ч/1000 долл. США. Отличительной тенденцией данной группы является рост доли импортируемой электроэнергии (в среднем по 10 % в 2012 г. против 6 % в 1992 г.) в общем потреблении и доли потерь от производства (7 % против 5 % соответственно).

Отметим, что из этой группы вышла Финляндия (по сравнению с 1992 г.) из-за увеличения доли импорта и возрастания электроемкости ВВП. Вместе с этим, в 2012 г. в данную группу вошли Австрия, Испания, Великобритания и Италия, т.к. возросли мощности их электроэнергосистем, увеличилась доля ВИЭ в отраслевой структуре, расширился перечень энергоисточников (альтернативных).

За изучаемый период расширилась совокупность стран с *высоким* УРЭ. В 2012 г. данная группа была представлена 15 странами, у которых одни из самых высоких баллов по группе показателей эффективности функционирования отрасли, за исключением России и

Болгарии, где наибольшие баллы в первой группе показателей за счет индикаторов производства электроэнергии и электроэнергетической самостоятельности.

Таблица 7. Средние значения показателей по уровням развития электроэнергетики (УРЭ) в странах Европы

УРЭ	Показатели								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
1992 г.									
Очень высокий	250,9	108,5	58,8	6,0	6	42,0	459,0	12,5	5,4
Высокий	208,3	105,0	49,9	12,0	5	32,2	287,9	6,5	7,2
Средний	32,9	112,0	9,7	18,3	4	23,6	238,8	4,0	15,1
Низкий	38,5	111,0	9,6	13,0	2	14,6	375,3	3,0	9,5
Очень низкий	18,9	107,4	5,6	29,5	2	15,1	572,6	3,3	17,3
2012 г.									
Очень высокий	298,2	111,2	90,4	10,3	7	44,1	248,3	9,1	7,1
Высокий	133,3	107,5	35,4	20,3	6	30,2	345,8	9,1	7,2
Средний	10,8	90,5	3,7	41,9	4	24,1	218,7	5,8	9,0
Низкий	16,7	95,6	5,2	42,8	4	28,5	253,3	3,3	22,9
Очень низкий	4,9	97,2	1,2	38,9	2	19,3	416,5	3,2	21,7

1 - производство электроэнергии, млрд кВт.ч; 2 - энергетическая самостоятельность, %; 3 - мощность, млн. кВт.ч; 4 - доля импорта в потребляемой электроэнергии, %; 5 - количество видов энергоисточников, ед.; 6 - доля электроэнергии, производимой на ВИЭ, %; 7 - электроёмкость ВВП, кВт.ч/1000 долл. США; 8 - потребление ЭЭ на дн, МВт.ч/чел.; 9 - доля потерь от производимой электроэнергии, %

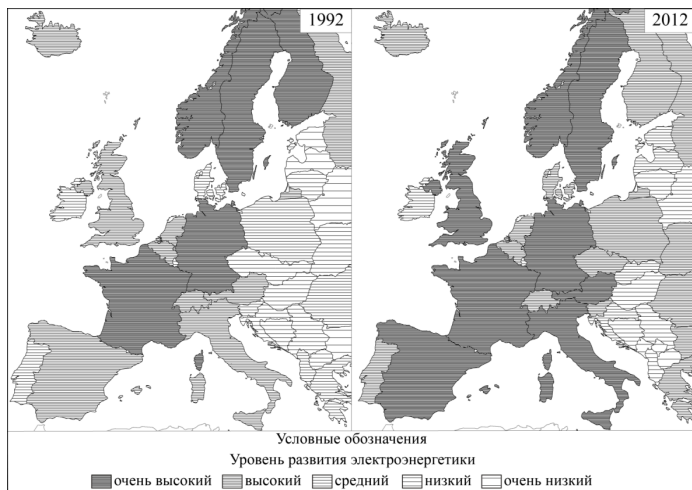

Рис. 5. Уровни развития электроэнергетики в странах Европы

Для стран со *средним* УРЭ характерны низкие значения производства электроэнергии, мощности электроэнергосистемы, т.к. группа представлена небольшими странами, но в то же время для них характерны минимальные потери в электросетях (3 – 19 % от производства) и низкая электроёмкость ВВП (140 – 328 кВт.ч/1000 долл. США) (рисунок 6).

Значительно сократился перечень стран с *низким* УРЭ, который в 1992 г. был представлен малыми странами и странами с бывшей социалистической системой

хозяйствования. В 2012 г. данная группа представлена Мальтой, Венгрией, Литвой, Сербией, Албанией, Беларусью, Боснией и Герцеговиной, которые имеют самые высокие показатели доли импорта в потребляемой электроэнергии и потерь в электросетях.

В группе стран с *очень низким УРЭ*, в которую в 2012 г. вошли Сербия, Черногория, Молдова и Македония, наблюдаются самые низкие показатели производства (2,7 – 5,9 млрд кВт·ч), мощностей (0,6 – 1,8 млн кВт), количества видов энергоисточников (2 – 3 вида, при доминирующей доли ТЭС (кроме Черногории)) и большая доля потерь электроэнергии (16,6 – 25,3 % от производства).

Структурные и географические сдвиги в альтернативной электроэнергетике стран Европы. В настоящее время в Европе 9,6 % всей электроэнергии вырабатывается на АИЭ, что больше чем в любом другом макрорегионе. Европа была мировым лидером по производству электроэнергии на АИЭ до 1982 г., когда на первое место вышли Азия и Океания, выработав 15,1 млрд. кВт·ч против европейских 13,6 млрд. кВт·ч. В 1986 г. Европа переместилась на третью позицию, уступив лидерство Азии и Океании и Северной Америки, суммарная доля которых составила 62,6 % всей вырабатываемой электрической энергии на АИЭ. С 1989 по 2002 гг. ведущую позицию в данной отрасли удерживала Северная Америка. В конце 1990-х гг. в Европе наблюдается стремительный рост развития альтернативной энергетики, и уже с 2003 г. регион вновь занимает первое место в мире.

В современной мировой структуре производства электроэнергии на АИЭ почти половина производится ветровыми энергоустановками, чуть больше 1/3 – с использованием биомассы и отходов, 9 % – солнечными и 6 % геотермальными станциями, менее 1 % вырабатывается на приливных и волновых гидроэлектростанциях [1].

Значительные изменения произошли в отраслевой структуре альтернативной электроэнергетики в Европейском регионе. Существенно снизилась доля геотермальных (с 19,1 % в 1980 г. до 2,6 % в 2012 г.) и биомассовых энергоисточников (с 77,5 до 34,2 %), при этом возрос удельный вес ветровых (эксплуатируются с 1983 г.; в 2012 г. их доля составила 46,6 %) и солнечных (с 1984 г.; 16,2 %). В течение данного периода уменьшилась роль биомассовых энергоисточников во всех мезорегионах практически в 2 раза. Приливные и волновые энергоустановки, представленные в большинстве своем в Западной Европе, на протяжении последних 30 лет производят электрическую энергию на уровне 0,5 – 0,6 млрд. кВт·ч ежегодно, но их доля за этот период постепенно снизилась с 5,8 % до 0,3 %. Среди особенностей альтернативной энергетики в Восточной и Южной Европе можно назвать уменьшение доли электроэнергии, выработанной на геотермальных источниках, в то время как в Северной и Западной их удельный вес в структуре альтернативной электроэнергетики остается неизменным. Отметим, что во всех регионах отмечается рост абсолютных значений генерации электрической энергии на АИЭ, за исключением стабильности показателей приливной и волновой.

Увеличение доли производства электрической энергии на нетрадиционных источниках происходит во всех мезорегионах Европы. Наибольший удельный вес АИЭ в электробалансе в 2012 г. наблюдался в Южной Европе (18,1 %), практически одинаков он был в Западной и Северной Европе – 11,7 и 12,5 % соответственно, и лишь 2,1 % электроэнергии на АИЭ было сгенерировано в странах Восточной Европы.

В настоящее время страны Европы находятся в числе мировых лидеров по развитию альтернативной энергетики, среди которых особо выделяются Дания (50,7 % АИЭ в структуре производства электрической энергии в 2012 г.), Португалия (31,7 %), Исландия (29,9 %), Испания (23,7 %), Германия (20,8 %) [11].

Страны Европы характеризуются различными трендами динамики производства электроэнергии на АИЭ. Исходя из этого, их можно разделить на 4 типа: 1 тип – страны, где электроэнергия на АИЭ практически не производится (Албания, Молдова, Черногория и др.); 2 тип – страны с экспоненциальным ростом производства (Великобритания, Германия, Франция и др.); 3 тип – страны со стремительным ростом с 2005 г. (Беларусь, Болгария,

Польша, Румыния и др.); 4 тип – страны с положительной, но неустойчивой динамикой (Россия, Словения, Финляндия и др.).

В целом в разрезе стран за период с 1990 по 2012 гг. произошли изменения в структуре выработки электроэнергии на АИЭ в сторону увеличения использования энергии ветра (наиболее интенсивный сдвиг произошел в Италии, Португалии, Ирландии) и солнца (в Германии, Франции, Испании) (рис. 6).

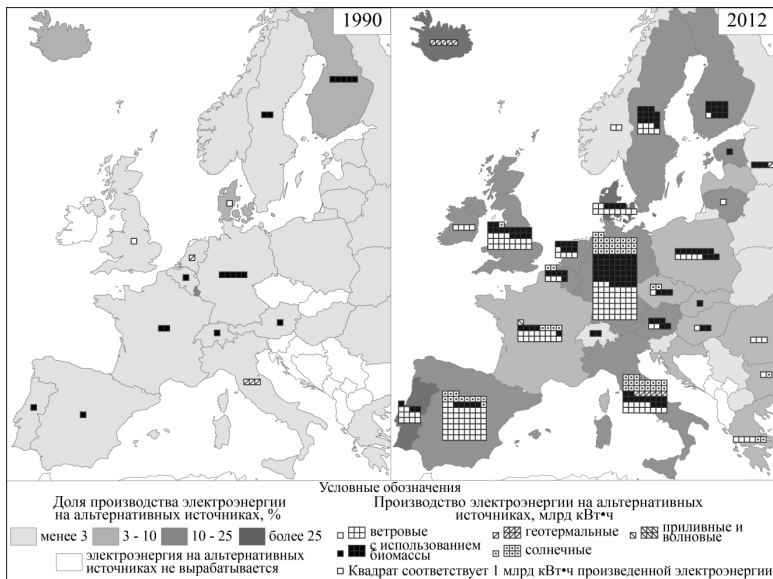

Рис. 6. Динамика производства электроэнергии на альтернативных источниках в странах Европы [11]

Пространственная дифференциация в количестве используемых АИЭ, структуре производства и электроэнергетической специализации позволяет выделить в Европейском регионе два типа стран – с монополистическим производством, когда производство осуществляется на одном либо двух АИЭ, и диверсифицированным производством, где участвуют от трех до пяти АИЭ. В свою очередь в каждом типе выделяются два подтипа – централизованный и распределенный, различающиеся долей производства на одном АИЭ (рис. 7). По сравнению с 1992 г., когда в Европе преобладали страны с монополистическим производством альтернативной электроэнергии, в настоящее время произошел сдвиг в сторону преобладания стран диверсифицированного типа.

Устойчивые позиции в монополистическом типе принадлежат Исландии, Финляндии, Ирландии, Польше, Эстонии, Латвии.

В целом в развитии альтернативной электроэнергетики в Европе ощутимы территориальные различия по характеру динамики и структуры развития отрасли, что обусловлено историческими, природными, экономическими, экологическими и инновационно-технологическими факторами.

Таким образом, развитие электроэнергетики в Европе на фоне мира определяется рядом основных аспектов. Регион занимает устойчивую позицию в мировом производстве электроэнергии, характеризуется сложившейся международной специализацией в области альтернативной энергетики, диверсификацией энергоносителей при интенсивном

вовлечении возобновляемых источников энергии в общий электроэнергетический баланс стран и высокой отраслевой и внутриотраслевой территориальной концентрации производства.

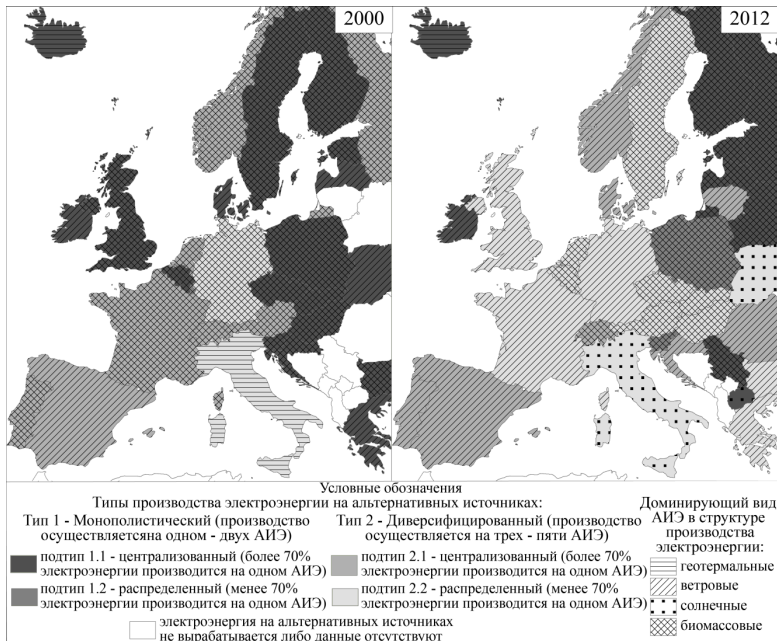

Рис. 7. Типология стран Европы по структуре производства электроэнергии на альтернативных источниках [сост. авт. по 2]

Вместе с тем, Европе отмечается территориальная дифференциация между странами по объемам производства и потребления электроэнергии, характеру электроэнергетического баланса, эффективности функционирования, отраслевой структуре, объемам международной торговли и темпам развития альтернативной энергетики, при которой в регионе сформировалось пять типов стран по уровню развития отрасли. Ядром региона с очень высоким уровнем развития электроэнергетики выступают восемь государств (Австрия, Великобритания, ФРГ, Испания, Италия, Франция, Норвегия, Швеция), где отмечаются максимальные значения показателей производства, мощности и количества используемых энергоисточников, в том числе альтернативной энергетики. За более чем 20 летний период произошли значительные региональные трансформации, выражающиеся в увеличении в структуре доли стран с очень высоким УРЭ при сокращении - с низким и очень низким уровнем развития отрасли.

Наряду с этим сложившаяся к началу XXI века регионализация электроэнергетики в Европе при общем высоком уровне ее развития проявилась в слиянии электроэнергетических рынков европейских стран в единый региональный рынок [8].

В соответствии с принципами устойчивого развития Рио+20, приоритетами «зеленой экономики» и глобальной декарбонизации мирового хозяйства в XXI веке при интенсивном развитии в Европе альтернативной энергетики ключевым направлением повышения его эффективности будет выступать дальнейшее освоение инновационных технологий использования возобновляемых источников энергии.

Литература

1. International energy statistics // U.S. Energy information administration [Electronic resource]. – 2016. – Mode of access: <http://www.eia.gov/cfapps/ipdbproject/IEDIndex3.cfm>. – Date of access: 20.05.2016.
2. IEA Energy Atlas // International energy agency [Electronic resource]. – 2015. – Mode of access: <http://energyatlas.iea.org/?subject=-1118783123>. – Date of access: 25.05.2016.
3. BP Statistical Review of World Energy 2015 - BP Global [Electronic resource]. -2015. - Mode of access: <https://www.bp.com/content/dam/bp/pdf/energy-economics/statistical-review-2015/bp-statistical-review-of-world-energy-2015-full-report.pdf>. - Date of access: 25.05.2016.
4. Жигальская, Л.О. Место Беларуси в структуре электроэнергетической системы Европы / Л.О. Жигальская // Материалы межд. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Географические исследования Евразии: история и современность», посвященной 160-летию экспедиции П.П. Семенова на Тянь-Шань в рамках XII Большого географического фестиваля. – М.: Издательство «Перо», 2016. – С. 655 – 660.
5. Key World Energy STATISTICS. 2015 [Electronic resource]. OECD/International energy Agency, 2015. – 81 p. Mode of access: https://www.iea.org/publications/freepublications/publication/KeyWorld_Statistics_2015.pdf. - Date of access: 25.05.2016.
6. Тарлавский В. Декарбонизация экономики // Экономика и жизнь [Электронный ресурс] – 12 августа 2015 г. – Режим доступа: <https://www.eg-online.ru/article/287725/>. – Дата доступа: 12.06.2016.
7. География мирового хозяйства: Учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению 021000 – География / ред. проф. Н.С. Мироненко. – М.: Издательство «Трэнвел Медиа Интернэшнл», 2012. – 352 с.
8. Бохмат И.С., Воронницкий В.Э., Татаринов Е.П. Снижение коммерческих потерь электроэнергии в электроэнергетических системах // Электрические станции. –1998. – № 9. – С.53-59.
9. Байдин В.Е. Международная торговля электроэнергией / В.Е. Байдин // Российский внешнеэкономический вестник. – 2009. – № 3. – С. 29 – 33.
10. Composition of macro geographical (continental) regions, geographical sub-regions, and selected economic and other groupings // United Nations [Electronic resource]. – 2013. – Mode of access: <http://unstats.un.org/unsd/methods/m49/m49regin.htm#europe> – Date of access: 14.06.2016.
11. Жигальская Л.О. Структурные сдвиги в альтернативной электроэнергетике Европы // Социально-экономическая география: теория, методология и практика преподавания. Материалы межд. науч.-практ. конф. «ПЕРВЫЕ МАКСАКОВСКИЕ ЧТЕНИЯ», 2 – 4 июня 2016 г. Москва: ФГОУ ВПО «МПГУ», 2016. – С. 94–100.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО СНАБЖЕНИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ ПРИРОДНЫМ ГАЗОМ²⁵

Введение

Рынок обеспечения Юго-Восточной Европы природным газом складывался в течении 40 лет и был основан на поставках сначала из Советского Союза, а затем из Российской Федерации. Однако в настоящее время в результате геополитических намерений Соединённых Штатов Америки ситуация меняется.

Прежние пути снабжения природным газом стран Юго-Восточной Европы шли через Украину. Из-за изменившейся при поддержке США ситуации в этой стране сейчас газопроводы, через которые на Запад идёт российский газ, на территории Украины либо работают наполовину, либо совсем «встали» [1].

И хотя формально ряд стран Юго-Восточной Европы не являются членами Европейского Союза (ЕС), политику, в том числе и энергетическую, для этих стран определяет ЕС при влиянии Соединённых Штатов Америки, которые ориентируют эти страны импорт ими природного газа с Ближнего Востока и месторождений Каспийского бассейна.

Существующие маршруты поставок энергоносителей в крупнейшие страны Европы – Германию, Италию, Францию и другие, налажены давно и работают бесперебойно, в частности поскольку построены новые газопроводы, минуя Украину – Ямал-Европа по территории Белоруссии и Северный поток по дну Балтийского моря. Однако Европа решила заняться вопросами энергоснабжения бывших социалистических стран, и в частности – Юго-Восточной Европы, ещё не вошедшей целиком в состав Европейского Союза. Причина такой заботы – больше политическая, чем экономическая.

Юго-Восточная Европа до сих пор зависит от российского газа, в настоящее время частично поступающего через Германию [2, 3].

Новая «газовая карта», ориентированная на поставки с Ближнего Востока и Каспийского региона – стимул для вовлечения стран Юго-Восточной Европы в геополитическое пространство Европейского Союза и отторжения их от России.

В 2005 году в Афинах была даже создана специальная организация – Европейское энергетическое сообщество, активно занимающееся решением проблем обеспечения экономик стран Юго-Восточной Европы энергоносителями, альтернативными российским, и вовлечением этих стран в энергетический рынок Европейского Союза [4].

Диверсификация поставок и новая роль Турции как энергетического хаба

Турция наращивает сотрудничество с Европейским Союзом, стараясь извлечь из этого сотрудничества максимальную пользу, и становится важным транзитным пунктом на пути природного газа в Европу из стран Каспийского и Персидского бассейнов. Однако несмотря на желание и Европы и Турции диверсифицировать поставки энергоносителей, чувствуются определённые опасения Европы из-за усиления позиций Турции. Ведь начав контролировать поставки природного газа в Европу, Турция сама сможет диктовать условия Европейскому Союзу [5].

Поэтому долгое время между Турцией и Европейским Союзом существовало некоторое недопонимание. ЕС предъявлял Турции претензии в том, что она никак не может определиться в своих приоритетах – с кем она? – с Россией или ЕС? При этом Турция была заинтересована в развитии обоих направлений сотрудничества [6].

Россия важна для Турции для диверсификации поставок энергоносителей. Кроме того, Турция планировала создать с помощью российских энергоносителей «энергетический хаб»

²⁵ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-36-00292 мол_а

в районе портового города Джейхан. С 2006 года действует трубопровод Баку – Тбилиси – Джейхан для транспортировки азербайджанской нефти в Европу. Турция планировала дополнить его трубопроводом Самсун-Джейхан для перекачки российской нефти из акватории Чёрного моря в Средиземное в обход Черноморских проливов. Однако, этому проекту не суждено было состояться. Не суждено было состояться и проекту трубопровода «Южный поток» для перекачки российского газа по территории Турции в Европу.

Европа же интересна Турции как крупный потребитель энергоносителей, куда бы Турция, учитывая её стратегическое положение, могла бы транспортировать природный газ и нефть из разных регионов – из России, Каспийского бассейна – Кавказа и Центральной Азии, а также с Ближнего Востока.

Странам Юго-Восточной Европы, на наш взгляд, навязывают новый миропорядок. Для них отнюдь не является самоцелью снизить свою зависимость от российского газа. С их стороны было бы логичным соблюдать баланс сил в регионе – диверсифицировать энергопоставки, но не отказываться от российского газа.

Цели участия Европы в ближневосточном конфликте

Вместе с Соединёнными Штатами Америки европейские страны проводят единую политику на Ближнем Востоке. В частности, в военном конфликте в Сирии, который разрастался с 2011 года, и в котором Россия выступает на стороне правительства Сирии, Соединённые Штаты Америки, Великобритания, Германия, Франция, Нидерланды вместе с Саудовской Аравией, Катаром, Объединёнными Арабскими Эмиратами, Иорданией, Бахрейном и Турцией оказывают военную и материальную поддержку сирийской оппозиции в лице Совета сирийского революционного командования.

Конфликт на Ближнем Востоке непосредственно связан с энергетическими ресурсами, которыми обладают страны региона, и инфраструктурой, позволяющей распределять их по всему миру. Европа всё больше и больше вовлекается в этот конфликт, вкладывает все большие средства в решение проблем с беженцами и, конечно же, ожидает отдачи от этих «инвестиций».

Предыстория взаимоотношений Европы, также как, впрочем, и Соединённых Штатов Америки с Ближним Востоком не такая уж безоблачная. Достаточно вспомнить Энергетический кризис 1973 года, когда в результате арабо-израильской войны развитые страны остались без нефтяного топлива. Европейские страны были вынуждены пересмотреть список стран-поставщиков энергоносителей. В частности, Германия отказалась от импорта из Организации стран-экспортёров нефти (ОПЕК), переориентировав маршруты поставок энергоносителей на страны североморского бассейна и Советский Союз. Единственной страной-поставщиком энергоресурсов из стран-членов ОПЕК в Германию оставалась Ливия из-за участия германского капитала в развитии её экономики. Однако после войны 2011 года и последовавшей серии гражданских конфликтов в Ливии Германия практически полностью потеряла этого важного поставщика.

Соединённые Штаты Америки с начала 1990-х годов в условиях падения мощи Советского Союза разместили в ближневосточном регионе военные базы и поставили на постоянное дежурство в Персидском заливе свои эсминцы.

В условиях военного превосходства США сотрудничество стран Европейского Союза с Соединёнными Штатами Америки в ближневосточном вопросе кажется нелогичным. Однако, Соединённые Штаты Америки нашли общий язык с Европой в вопросе низкой цены на нефть и природный газ.

В последние годы США почти в два раза нарастили объёмы нефтедобычи из сланцевых месторождений, что привело к появлению избыточного предложения ресурсов на мировом рынке, вследствие чего цены на нефть упали. Упали цены и на природный газ. Кроме того, в последние годы Катар в два раза нарастил объёмы добычи природного газа. Идёт новые рынки сбыта природного газа Иран, вышедший из-под санкций мирового сообщества [7].

С учётом того, что Америка больше не нуждается в прежних объёмах поставок энергоносителей, ближневосточные страны с её помощью «ищут» новых клиентов. Среди крупнейших потребителей энергоресурсов – Китай и Европа. Однако, для ближневосточного региона, китайский рынок более труднодоступен, чем европейский. Он постепенно насыщается российскими и центральноазиатскими нефтью и газом. А завязать Европу на поставки ближневосточных ресурсов, полностью контролируемых Соединёнными Штатами Америки, в геополитических интересах последних.

Европа решает, устроит ли её такой расклад, что Соединённые Штаты Америки будут контролировать большую часть поставок нефти и газа, а Турция станет влиятельным сегментом мировой политики благодаря своему стратегическому положению.

Для Европы аргументом «за» такой миропорядок являются не только дешёвые энергоносители, но и увеличение влияния на Балканах.

Газпром переориентируется на Восток

Возможно, Газпром в ближайшее время будет вытеснен с энергетического рынка стран Юго-Восточной Европы. Анализ текущей ситуации в энергетическом хозяйстве Юго-Восточной Европы ещё раз доказывает необходимость чуткости, гибкости и дальновидности в вопросах политического и экономического сотрудничества России с этими странами.

Известно, что Советский Союз придавал большое значение экономическому процветанию государств, поддерживавших его позицию на мировой арене. Так, например, в 1970-х годах эти меры позволяют добиться большинства голосов на заседаниях Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций в поддержку резолюций, предлагаемых Советским Союзом [8].

Однако в XXI веке возможности энергетической мощи России для Центрально-Восточной Европы не реализованы, а Газпром ищет новые рынки сбыта на Востоке.

В качестве причин ослабления деятельности на западном направлении Газпром называет общее снижение потребления природного газа в Европе, чинимые Европейским Союзом препятствия проектам развития транспортной инфраструктуры. Кроме того, согласно заявлениям Председателя Правления ПАО «Газпром» Алексея Миллера, Газпром «боится опоздать» на рынок природного газа стран Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), как это произошло с нефтью. Так, например, Казахстан опередил Россию в поставках нефти в Китай, первым построив экспортный нефтепровод [9].

Недостаточное внимание и активность Газпрома по отношению к странам Юго-Восточной Европы приведет, по нашему убеждению, к негативным последствиям, как для России, так и для стран Юго-Восточной Европы.

В условиях мировой политической нестабильности и развивающейся под влиянием определённых кругов Соединённых Штатов Америки антироссийских настроений, на наш взгляд, следует акцентировать внимание на развитие энергообеспечения внутри страны для создания основ развития отечественного производства, а в международной деятельности принимать политически выверенные и дальновидные решения, которые, возможно, не принесут сиюминутной прибыли, но послужат основой для политической и экономической выгоды в дальнейшем.

Литература

1. Официальный сайт Национальной акционерной компании «Нафтогаз Украины», Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.naftogaz-europe.com>. Дата обращения: 21.08.2016.
2. Официальный сайт Статистической службы Европейского союза, Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.ec.europa.eu/eurostat>. Дата обращения: 21.08.2016.
3. Официальный сайт Конференции ООН по торговле и развитию, Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.unctadstat.unctad.org>. Дата обращения: 21.08.2016.

4. Официальный сайт Европейского Энергетического Сообщества, Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.energy-community.org>. Дата обращения: 21.08.2016.
5. Официальный сайт Научного проекта «Турция как энергетический хаб – экономические перспективы и политические возможности», Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.blickwechsel-tuerkei.de>. Дата обращения: 21.08.2016.
6. Энергетическая стратегия Турции на сайте Министерства иностранных дел Турции. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.mfa.gov.tr/turkeys-energy-strategy.en.mfa>. Дата обращения: 21.08.2016.
7. Официальный сайт британской нефтегазовой компании «BP», Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.bp.com/>. Дата обращения: 21.08.2016.
8. *Громыко А.А.* «Памятное» (2 книги) — М.: Политиздат, 1988.
9. Официальный сайт Публичного Акционерного Общества «Газпром», Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.gasprom.ru>. Дата обращения: 21.08.2016.

АЛМАЗНО-БРИЛЛИАНТОВЫЙ КОМПЛЕКС МИРА: ОСОБЕННОСТИ ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ КОМПЛЕКСНОСТИ

Одна из основных сфер деятельности экономической и географической наук – поиск путей эффективного размещения предприятий. Наиболее продуктивные научные идеи, работающие на эту цель – это учение о территориально-производственном комплексе (ТПК), связанное, преимущественно, с работами представителей отечественной научной мысли (Н.Н. Колосовский [8], А.Г. Аганбегян, К.А. Багриновский [1], П.Я. Бакланов [2], М.К. Бандман [17], А.Г. Гранберг [18], В.И. Суслов [16] и др.). А так же учение о кластере, связанное с работами представителей зарубежной научной мысли, в первую очередь с идеями М. Портера [11] и др. Каждая из них предполагает разную форму организации производства, что во многом определяется разным типом национальной экономики (открытая, закрытая). Дискуссии о том, какая из них более эффективна, постоянно ведутся на страницах научных журналов (Я.А. Горбунова [4], В.П. Сидоров, Н.П. Шамаева [15] и др.). Поскольку все перечисленные научные достижения базируются на идее комплексности (взаимосвязанности отраслей экономики), неудивителен интерес исследователей к её поиску.

В силу того, что автор является специалистом в области алмазно-бриллиантового комплекса (рынка), проблемы комплексности рассматриваются на примере именно этого межотраслевого образования. Однако сбор материалов по данной теме ограничивается коммерциализацией информации о деятельности конкретных предприятий и, как следствие, получаемой в результате очень обобщенной консолидированной отчетности по конкретному региональному рынку в целом. На алмазно-бриллиантовом рынке это усугубляется высоким уровнем субъективности ценообразования на произведенную продукцию (алмазы, бриллианты). Поэтому получение объективной первичной информации о состоянии и особенностях его развития для проведения научного исследования – это само по себе является проблемой.

В связи с этим, исследователи в области АБК чаще всего отталкиваются от информации, предоставляемой ведущими аналитиками крупнейших международных отраслевых информационно-аналитических (консалтинговых) агентств и отраслевых изданий. Они хорошо знают не только основных субъектов своего рынка, поскольку сами являются неотъемлемой его частью, но и механизмы формирования, функционирования, конъюнктуру. Для мирового АБК – это специализированные информационно-аналитические агентства «Rapaport Group» (США) [23], «Tacy Ltd. Diamond Industry Consultants» (Израиль) [25], «IDEX Online (International Diamond Exchange)» (Бельгия) [21] и «Polishedprices» (Великобритания) [22], деятельность которых определяется идеями и исследованиями М. Rapaport и А. Kravitz, С. Even Zohar [20], К. Gassman, R. Plat и Ch. Wyndham, соответственно. Все они специализируются на изучении процессов, определяющих развитие мирового рынка алмазов, бриллиантов и ювелирных изделий с бриллиантами. Деятельность информационно-аналитических агентств России «алмазная» тематики в большей мере связана не столько с собственными исследовательскими проектами, сколько с поиском, сбором, переводом и трансляцией уже готовых исследовательских материалов. С этой точки зрения наибольший интерес вызывают материалы Rough&Polished [24] и ИАЦ «Минерал» [19].

В то же время, в силу значительной вовлеченности национальной экономики России в деятельность мирового АБК, в научной среде традиционно высок интерес к особенностям его функционирования. В силу того, что для России характерна территориальная диспропорция в добыче алмазов, многие исследователи рассматривают алмазодобывающую промышленность определенной территории (Республика Якутия, Пермский край, Архангельская область) в качестве потенциального ресурса, на базе которого может быть сформирован территориальный комплекс, включающий не только алмазодобывающие, но и гранильные, ювелирные, торговые предприятия. Поэтому целый пласт научных публикаций, связан как с изучением формирования и функционирования региональных АБК в России, так и с

изучением различных форм территориальной комплексности в АБК, построенных на вертикальной (территориально-производственные комплексы) и горизонтальной интеграции (кластеры). Это работы А.К. Белова [3], Е.Э. Григорьевой [5], И.Е. Егоровой [7], А.К. Кириллиной [9], Е.Г. Егорова, Г.А. Пономаревой, Е.Н. Федоровой [6], Т.И. Потоцкой [14] и др.

Отраслевая комплексность в рамках алмазно-бриллиантового рынка. В отраслевой, научной географической и экономической литературе, а также государственных документах алмазную, гранильную и ювелирную отрасли, производящих один конечный продукт (ювелирные изделия с бриллиантами) обычно рассматривают в рамках единого «алмазно-бриллиантового комплекса» (АБК) или «алмазно-бриллиантового рынка». Это связано с очень сильной взаимозависимостью перечисленных отраслей, что определяется следующими причинами.

Во-первых, наличием общих проблем: борьба с «кровавыми алмазами», необходимость создания разных стандартов сертификации природных алмазов, синтетических алмазов, природных с улучшенными качествами и др. Они решаются во многом, за счёт отраслевой (Всемирная федерация алмазных бирж, Всемирная ассоциация производителей бриллиантов, Всемирная конфедерация ювелиров) и, напрямую связанной с ней, межотраслевой интеграции (Всемирный алмазный совет). Во-вторых, сильной ценовой взаимозависимостью отраслей АБК. В-третьих, необходимостью проведения единой межотраслевой маркетинговой стратегии, так как компаниям, работающим на промышленных рынках – алмазном и бриллиантовом, повышать спрос на товар можно только продвигая конечную продукцию, которую получают из алмазов и бриллиантов – ювелирные изделия с бриллиантами. Все перечисленные причины диктуют компаниям, занятым в АБК вертикальную интеграционную стратегию, которую можно считать ещё одним из аспектов проявления комплексности. При этом, алмазные компании, как правило, имеют свои гранильные и ювелирные подразделения или формируют долгосрочные партнёрские отношения с компаниями из смежных отраслей: Rio-Tinto – Tiffany, Aber Resources – Harry Winston, De Beers – LVMH, Leviev Group – Bulgari, Pluczenik Diamond – Escada, Rosy Blue – Nagahori Corporation, АЛРОСА – Бриллианты АЛРОСА, Tiffany и др. Таким образом, вертикальная интеграционная стратегии компаний не только помогает эффективно решать общие межотраслевые проблемы, но и способствует улучшению конъюнктуры алмазно-бриллиантового рынка, так как позволяет его регулировать, работая, во-первых, с предложением (через ценовую политику), а во-вторых, со спросом (через совместное брендрование конечной продукции).

Перечисленные аспекты заставляют большинство исследователей рассматривать алмазную, гранильную и ювелирную отрасли вместе в составе межотраслевого комплекса, называя его «алмазно-бриллиантовым», «алмазно-промышленным», «алмазным», или в более популярной и общепринятой терминологии «алмазным трубопроводом» (рис.1). Его схему можно получить, если отрасли расположить в порядке прохождения через них произведенного товара от добычи сырья до получения конечной продукции - добыча алмазов, оптовая торговля алмазами, производство бриллиантов, оптовая торговля бриллиантами, производство ювелирных изделий с бриллиантами, оптовая и розничная продажа ювелирных изделий с бриллиантами. Учёт в ней наряду с производственной деятельностью и торговой, заставляет использовать вместе с термином «алмазно-бриллиантовый комплекс», термин «алмазно-бриллиантовый рынок».

Насыщение схемы «алмазного трубопровода» статистической информацией и отслеживание её в динамике, не только формирует чёткое представление о характере взаимодействия отраслей в рамках АБК, но и позволяет выявить уровень их взаимозависимости и, соответственно, уязвимости. Эту информацию можно получить, рассчитав общий коэффициент увеличения стоимости на каждой стадии «алмазного трубопровода» (отношение количественных показателей, отражающих состояние последующей стадии «алмазного трубопровода» к количественным показателям, отражающим состояние предыдущей стадии – табл.1) и отраслевой коэффициент увеличения

стоимости каждого товарного сегмента «алмазного трубопровода» (соотношение стоимости произведенного и проданного продукта в пределах алмазной, гранильной и ювелирной отраслей - табл. 2).

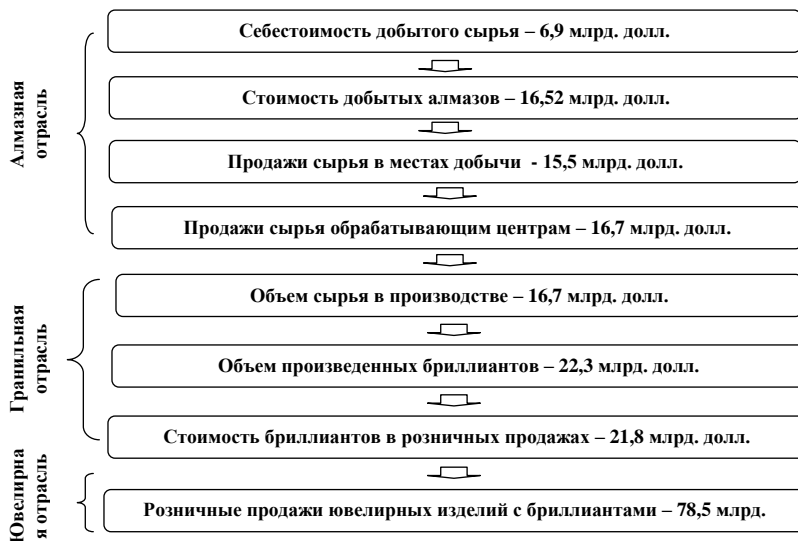

Рис. 1. Алмазный трубопровод – 2014 г. Составлено по [25]

Таблица 1. Динамика распределения «накопленной стоимости» и общего коэффициента увеличения стоимости на каждой стадии «алмазного трубопровода». Рассчитано по [IDEX Online News: Diamond pipeline, 2000 – 2014 г.г.]

Стадии «алмазного трубопровода»	Единицы измерения	2000	2004	2008	2012	2014
Себестоимость добытого сырья	млрд. долл.	1	3,9	7,2	6	6,9
	k					
Стоимость алмазов	млрд. долл.	7,5	10,1	14,3	13,4	16,52
	k	7,5	2,6	2	2,2	2,4
Продажи алмазов в местах добычи	млрд. долл.	7,8	11,3	14,2	15,5	16,7
	k	1	1,1	1	1,2	1
Продажи алмазов обрабатывающим центрам	млрд. долл.	8,8	11,9	14,5	15,2	16,7
	k	1,1	1,1	1	1	1
Объем сырья в производстве	млрд. долл.	9,6	12,1	14,2	17,6	22,3
	k	1,1	1	1	1,2	1,3
Производство бриллиантов	млрд. долл.	12,8	16,7	19,7	20,7	21,8
	k	1,3	1,4	1,4	1,2	1
Продажи бриллиантов	млрд. долл.	13,7	16,7	18,4	21,9	23,01
	k	1,1	1	0,9	1,1	1,1
Продажи ювелирных изделий с бриллиантами	млрд. долл.	57,6	60,6	64,8	72,1	78,5
	k	4,2	3,6	3,5	3,3	3,4

Таблица 2. Динамика отраслевого коэффициента увеличения стоимости в каждом товарном сегменте мирового АБК. Рассчитано по: [IDEX Online News: Diamond pipeline, 2000 – 2014 г.г.]

Отрасли АБК	2004		2008		2012		2014	
	млрд. \$	К	млрд. \$	К	млрд. \$	К	млрд. \$	К
Добыча алмазов	10,1		14,3		15,5		16,5	
Продажа алмазов	12,1	1,2	14,2	1,0	17,6	1,1	16,7	1,0
Производство бриллиантов	16,7		19,7		20,7		22,3	
Продажа бриллиантов	16,7	1,0	18,4	0,9	21,9	1,1	23,0	1,0
Производство ювелирных изделий с бриллиантами	31,7		н/и		н/и		н/и	
Продажа ювелирных изделий с бриллиантами	60,6	1,9	64,8	-	72,1	-	78,5	-

Рассчитано автором.

Наиболее информативным с аналитической точки зрения и поэтому чаще используемым, можно считать отраслевой коэффициент увеличения стоимости каждого товарного сегмента «алмазного трубопровода». Он даёт возможность определить наиболее и наименее экономически эффективный товарный сегмент рынка и позволяет выявить тенденции развития каждого сегмента.

Расчёты показали, что наиболее экономически эффективный товарный сегмент алмазно-бриллиантового рынка – это продажа ювелирных изделий с бриллиантами (коэффициент увеличения стоимости $k=1,9-2,2$), затем продажа алмазов ($k=1-1,3$), а наименее экономически эффективный – продажа бриллиантов ($k=0,9-1,1$). Очевидно, что для всего мирового АБК принципиальное значение имеет динамика коэффициента увеличения стоимости ювелирных изделий с бриллиантами, так как этот показатель отражает тенденции спроса на конечный продукт (ювелирные изделия с бриллиантами), который формирует спрос и на промежуточные продукты (алмазы и бриллианты). Любые его незначительные уменьшения должны насторожить производителей всех трех видов товаров и заставить их стимулировать свою маркетинговую деятельность. В то время как увеличение данного показателя говорит о благоприятной конъюнктуре на мировом рынке.

Наиболее уязвимым участникам АБК - производителям бриллиантов, которые находятся в центре «алмазного трубопровода» очень важно одновременно учитывать динамику коэффициента увеличения стоимости продажи алмазов и продажи ювелирных изделий с бриллиантами. Любое их согласованное развитие (одинаковые темы роста) свидетельствует о стабильности мирового АБ рынка, а значит, позволяет стабильно функционировать и гранильной отрасли. Несогласованное развитие рассматриваемых показателей может свидетельствовать, как о благоприятной среде, способной увеличивать прибыли производителей бриллиантов (рост коэффициента продаж ювелирных изделий с бриллиантами и уменьшение коэффициента продаж алмазов), так и о неблагоприятной конъюнктуре (рост коэффициента продаж алмазов и уменьшение коэффициента продаж ювелирных изделий с бриллиантами).

Территориальная комплексность в рамках алмазно-бриллиантового рынка.

Рассмотренная нами отраслевая комплексность проявляется преимущественно на глобальном территориальном уровне и очень слабо выражена на страновом (национальном) уровне. Это связано с разными факторами, влияющими на размещение предприятий каждой отрасли. Так, на развитие алмазной отрасли оказывают влияние такие факторы, как наличие природных ресурсов, капитала и государственное регулирование. Для гранильной отрасли наиболее важным является стоимость и качество рабочей силы, наличие капитала и предпринимательские ресурсы. Развитие ювелирной отрасли связано, прежде всего, с потребительскими свойствами территории, сложившимися традициями производства и потребления продукции отрасли и стоимостью рабочей силы. Трудно найти страны, обладающие полным набором перечисленных свойств необходимых для развития всех отраслей АБК. Именно поэтому территориально-производственные комплексы практически не формируются в рамках АБК. Если всё же страна, добывающая алмазы, стремится выстроить на их основе все товарные сегменты АБК

(гранильную и ювелирную отрасли), она сталкивается с несоответствием товарной структуры добываемых ею алмазов товарной структуре, производимых на данной территории бриллиантов и ювелирных изделий с бриллиантами.

Так, Россия, занимая лидирующие позиции на мировом алмазном рынке (21% мировой добычи алмазов в стоимостном выражении) производит всего 4% бриллиантов мира (2015г.) и не входит в число лидеров ни по производству ювелирных изделий с бриллиантами, ни по их потреблению. Это связано с тем, что большая часть добываемых в России алмазов относится к категории технических или околуювелирных, обработка которых наиболее рентабельна в странах с низкой стоимостью труда (Индия, Украина, Армения и др.). В то время как Россия выделяется и значительной стоимостью рабочей силы в силу её высокой квалификации, и в целом высокой себестоимостью производства бриллиантов из-за повышенных затрат электроэнергии (автоматизация, механизация, относительно суровый климат и др.). Поэтому в России экономически эффективным является только производство бриллиантов самой качественной и, соответственно самой дорогой категории бриллиантов. Отсюда и специализация ведущих гранильных компаний страны на так называемой «русской (идеальной) огранке». В то же время сбыт такой продукции на внутреннем рынке значительно ограничивается низкой покупательной способностью населения. С другой стороны, интенсивно развивающаяся отечественная ювелирная отрасль нуждается в бриллиантах, но относительно дешевой ценовой категории, источником которых на мировом рынке, в первую очередь, являются Индия, из стран СНГ - Украина, Армения и др. В результате отечественным гранильным компаниям приходится практически весь товар (более 90%) экспортировать, а отечественным ювелирным компаниям ввозить бриллианты меньшей стоимости из других стран, специализирующихся на их производстве. В свою очередь, недостаток алмазов ювелирного качества, продаваемых в России, заставляет её гранильные компании искать внешний источник сырья (Гана, Гвинея, ЮАР, Танзания и др.). Все количественные показатели, отражающие проблемы создания ТПК в АБК России отражены в «алмазном трубопроводе России», рассчитанном автором (рис.2).

Может показаться, что основным препятствием в создании ТПК в рамках алмазно-бриллиантового рынка России, является его малая ёмкость, несоразмерная объёмам добычи алмазов и производства бриллиантов. Однако представить соразмерные объёмы добычи алмазов, производства бриллиантов и ювелирных изделий с ними, а также их потребления в России (впрочем, как и в любой стране мира) практически невозможно. Так как улучшение базового показателя – потребительских свойств рынка (например, рост доходов населения) приведет к противоречивым последствиям. С одной стороны, вырастет внутренне потребление бриллиантов и ювелирных изделий с бриллиантами. Но, с другой стороны, производство самих бриллиантов и ювелирных изделий с ними станет нерентабельным из-за высоких зарплат и постепенно мигрирует в другие страны. Какой уж тут территориально-производственный комплекс?

И, тем не менее, на уровне отдельных государств, даже если мы наблюдаем, обозначенное несоответствие товарных структур изучаемых отраслей, элементы комплексности в той или иной мере, все же присутствуют. В алмазодобывающих странах, которые идут по данному пути, гранильную отрасль рассматривают, как источник прибыли за счёт формирования добавленной стоимости алмазов после их огранки и как источник новых рабочих мест за счет трудоёмкости производства. Но при этом страны, обладающие относительно высоким уровнем социально-экономического развития (Канада, ЮАР, Россия), сталкиваются с проблемой высокой себестоимости и, соответственно, нерентабельности гранильного производства (трудоёмкая отрасль).

А развивающиеся страны с низким уровнем социально-экономического развития и отставанием от научно-технического прогресса (Танзания, Намибия, Ботсвана, Ангола), страдают от низкой технологической оснащённости гранильной отрасли и отсутствия подготовленных специалистов, что в совокупности приводит к неконкурентоспособности произведенного товара (низкое качество). Если кроме гранильной отрасли, государство стремится и к созданию ювелирной отрасли на базе собственного алмазного сырья (Россия, ЮАР), то возникающий в

результате территориальный комплекс (если его вообще можно назвать таковым) сложно считать эффективным.

Рис. 2. Алмазный трубопровод в России 2008 г. Составлено по [12], [13]

Основной формой проявления территориальной комплексности на алмазно-бриллиантовом рынке, является кластер (как совокупность предприятий, расположенных на одной территории, обладающих схожей специализацией, использующих одну и ту же отраслевую инфраструктуру). В зависимости от специализации страны в рамках мирового АБК, можно выделить несколько типов кластеров – торговые (специализирующиеся на торговле алмазами, бриллиантами и ювелирными изделиями с бриллиантами), гранильные, ювелирные (рис.3).

По объективным причинам на мировом алмазно-бриллиантовом рынке объёмы вторичных продаж алмазов и бриллиантов превышают объёмы первичных продаж. Поэтому торговые кластеры являются нормой рассматриваемого рынка и формируются на территориях стран-посредников. Эти территории, как правило, обладают сочетанием таких свойств как: наличие режима льготного налогообложения и законодательства, наличие квалифицированных кадров оценщиков и геммологов. К основным посредникам относятся такие страны как Бельгия (24% мирового импорта алмазов, 35% мирового вторичного экспорта алмазов, 21% мирового импорта бриллиантов, 24% мирового экспорта бриллиантов), Великобритания (22% мирового импорта алмазов, 33% мирового вторичного экспорта алмазов), Израиль (17% мирового импорта алмазов, 17% мирового вторичного экспорта алмазов, 10% мирового импорта бриллиантов, 17% мирового экспорта бриллиантов), Гонконг (8% мирового импорта бриллиантов), ОАЭ (5% мирового импорта алмазов, 11% мирового вторичного экспорта алмазов, 10% мирового импорта бриллиантов и

8% мирового экспорта бриллиантов). В пределах каждой из них, торговые функции территориально концентрируются. В Бельгии – это Антверпен, в Великобритании – Лондон, в Израиле – Рамат-Гана, в ОАЭ – Дубай.

Самый старый и крупный торговый кластер мирового алмазно-бриллиантового рынка расположен в *Бельгии*. Его деятельность сконцентрирована в Антверпене на знаменитой «алмазной миле» (улицы Пеликан, Ховер, Шуп), где располагаются и собственно гранильные компании, и алмазные биржи, и специализированные банки, кредитующие отрасль, и транспортные компании, и магазины, торгующие бриллиантами и ювелирными изделиями с бриллиантами, и учебные и научные заведения, связанные с алмазным бизнесом. Здесь расположено более 1500 компаний, занимающихся производством и торговлей алмазами и бриллиантами. Однако высокий уровень социально-экономического развития препятствует реализации любых посреднических функций: высокие доходы населения, как следствие – высокие цены на произведённые товары, как следствие – необходимость в протекционизме и борьба льготным налогообложением. Поэтому постепенно посреднические функции мигрируют из развитых стран в развивающиеся с низким уровнем протекционизма. В результате возникают новые посреднические центры и кластеры.

Самый молодой и быстро развивающийся торговый кластер мирового алмазно-бриллиантового рынка расположен в *ОАЭ*. Его деятельность сконцентрирована в Дубаи на площадке специализированного торгово-промышленного парка Джебель Али («парк золота и бриллиантов»), работающего в режиме свободной экономической зоны. Здесь расположено более 6300 компаний разных отраслей экономики. Среди них гранильные предприятия, аффинажные производства, пробирные учреждения, службы безопасности, кредитные учреждения, производители ювелирных изделий. Но всё же большинство компаний занимаются оптовой и розничной торговлей алмазами, бриллиантами и ювелирными изделиями. Эта функция реализуется, в первую очередь, через Дубайскую алмазную биржу, которая осуществляет внешнеторговые операции с алмазами и бриллиантами.

Гранильные кластеры развиваются в пределах стран, специализирующихся на производстве бриллиантов. Это – Индия, Китай, Таиланд, Израиль, Бельгия, Россия, США и др.

Самый крупный гранильный кластер мира находится в *Индии* (65% производства бриллиантов мира) в пределах западных штатов в городах: Сурат, Бхаванагар, Ахмадабад, Паланпур (штат Гуджарат), Мумбаи (штат Махараштра). При этом существует определенная специализация в обработке алмазного сырья. Так, в Сурате и Мумбаи производят бриллианты относительно высокого качества. Бриллианты невысокого качества и самых малых размерно-весовых групп производятся в Бхаванагаре. А такие гранильные центры, как Ахмадабад и Паланпур, специализируются на обработке самого сложного в технологическом отношении сырья, идущего из лампроитового месторождения Аргайл (Австралия).

Самый молодой и современный гранильный кластер мира находится в *Kumae* (14% производства бриллиантов мира) в пределах Восточной экономической зоны. Основная масса гранильных компаний расположена в провинции Гуаньдунь (более 30 заводов, на которых производится более 70% бриллиантов в стране) и провинции Шаньдунь (24 завода, производящих более 10% бриллиантов страны). Значительную роль играют предприятия, расположенные в Шанхае и на сопредельных ему территориях (15 заводов, 12% производства бриллиантов в стране, Шанхайская алмазная биржа), а также в Пекине (12 заводов, 8% производства бриллиантов).

Основным конкурентом гранильной отрасли Китая выступает гранильная отрасль *Таиланда* (6% производства бриллиантов мира). Именно здесь расположен один из самых перспективных гранильных кластеров мира, развивающихся высокими темпами, благодаря низкой стоимости высококвалифицированной рабочей силы. Он размещён на территории свободной экономической зоны Gempolis в пригороде Бангкока. Здесь работает более 30 гранильных предприятий, Ассоциация продавцов драгоценных камней и ювелирных

изделий, Ювелирный клуб, алмазная биржа, Бангкокская биржа бриллиантов и драгоценных камней, Департамент по развитию экспорта, Геммологический институт и др.

В *Израиле* расположен наиболее технически оснащённый гранильный кластер мира (4% производства бриллиантов мира). В него входят: алмазная биржа, Ассоциация производителей бриллиантов, Израильский институт алмазов, гранильные предприятия (более 700), одно из ведущих отраслевых изданий алмазно-бриллиантового рынка - журнал IDEX. Находится кластер в Рамат-Гане (пригород Тель-Авива) и специализируются на производстве мелких и средних бриллиантов хорошего качества (так называемая «коммерческая огранка»).

Гранильный кластер в *США* (1% производства бриллиантов мира) связан с Нью-Йорком. Он расположен в Манхэттене в так называемом «Алмазном районе». Здесь функционирует около 100 производственных предприятий, размещаются самые известные геммологические лаборатории мира, ведущие торговые площадки – Алмазная биржа и Нью-Йоркский Клуб алмазных дилеров, основное отраслевое издание мирового алмазно-бриллиантового рынка - журнал Raparport Diamond Report и др.

В ювелирной отрасли степень концентрации производства намного меньше, чем в гранильной отрасли. Вместе с тем в каждой стране можно выделить территории, где концентрация производства ювелирных изделий с бриллиантами наиболее высока.

Самые знаменитые ювелирные кластеры мира расположены в *Италии* – законодательнице моды на ювелирные изделия. Они формируются на севере страны в области Венета (Виченца и Венеция), Тоскана (Флоренция, Ареццо, Сиена), Пьемонт (Валенца), Ломбардия (Милан). При этом между городами существует разделение труда: изделия с бриллиантами и другими драгоценными камнями производятся преимущественно в Валенце; изделия с недорогими бриллиантами производятся в Виченце; золотые ювелирные изделия – в Ареццо, Милане, Флоренции.

В *Индии* (11% мирового потребления ювелирных изделий с бриллиантами) ювелирное производство имеет повсеместное размещение, поэтому говорить о кластеризации не совсем уместно. Однако большая часть ювелирных компаний расположено в пределах одного восточного штата – Западный Бенгал (Калькутта), на него приходится более 60% частных ювелиров и работников отрасли, что даёт основание рассматривать его в качестве кластера.

В *Китае* (12% мирового потребления ювелирных изделий с бриллиантами) самым крупным центром по производству ювелирных изделий с бриллиантами является провинция, лидирующая и производству бриллиантов - Гуаньдунь. В городах Шэньжень, Пэнью, Шаньтоу работает более 700 ювелирных заводов. Поэтому уместно говорить о гранильно-ювелирном кластере.

Кластеры, развивающиеся в рамках АБК России, можно отнести к двум типам – гранильные и ювелирные. Гранильные кластеры России (3% производства бриллиантов мира). В стране функционирует более 90 гранильных компаний, на которых совокупно занято около 8 000 человек. Четверть гранильных компаний относится к разным формам иностранной собственности (США, Израила, Бельгии, Индии, Нидерландов, Люксембурга, Великобритании - Британские Виргинские острова). Проникновение в гранильную отрасль России иностранного бизнеса связано с его стремлением получить прямой выход на источники алмазного сырья. При этом вне зависимости от форм собственности, деятельность гранильных компаний территориально сконцентрирована - большая их часть расположена в Смоленской области, Москве и Московской области, Республике Якутия (Саха).

Самый значительный кластер сформировался в *Смоленской области*. На него приходится более 50% производства бриллиантов в стране, 54% занятых в отрасли.

В разные периоды времени здесь располагалось от 2 (в кризисные годы) до 11 гранильных предприятий: «Кристалл», который имеет тесные партнерские отношения в рамках ассоциации «Смоленские бриллианты» с «Кристаллдан», «КД – Прогресс», «Смоленск – Таше», «Смоленск - Ориентал», «Алмаз», «Содружество», «Гагарин», расположенными то же в Смоленской области, и активно участвует в производстве

ювелирных изделий с бриллиантами (Ювелирный центр «Кристалл»). Из перечисленных производителей бриллиантов, безусловным лидером отечественного бриллиантового рынка и по количеству и по качеству продукции, является «Кристалл». Эта компания - единственный российский сайтхолдер De Beers. Специализируется на производстве бриллиантов высокого и высшего качества, так называемой «русской огранки» (30 % мирового рынка высококачественных бриллиантов). В данном кластере размещены не только гранильные предприятия, каждое из которых работает с разным видом алмазного сырья, но и учебные заведения, геммологическая лаборатория, научно-исследовательские центры.

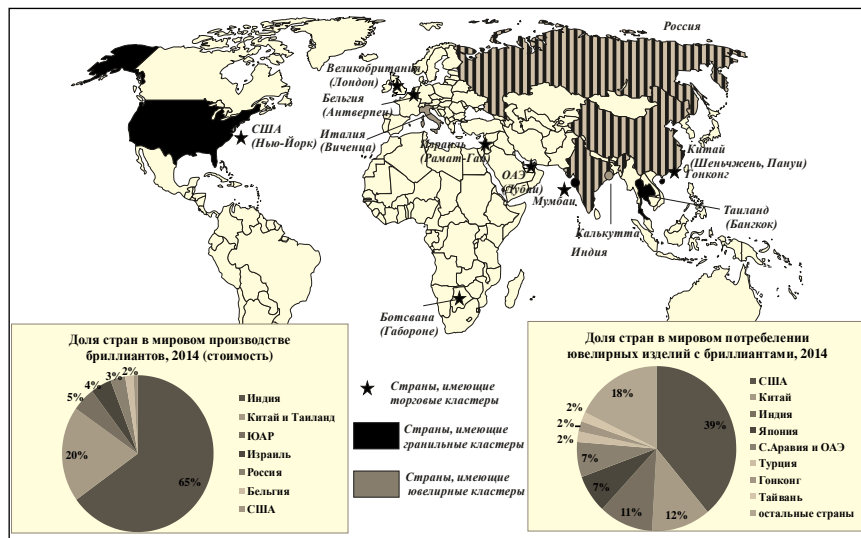

Рис. 3. Кластеры в алмазно-бриллиантовом комплексе мира, 2014.
Составлено автором по [14], [21], [25]

Второй кластер расположен в *Москве и Московской области*. Здесь работают более 50 гранильных предприятий (18% занятых в гранильной отрасли страны). Самые крупные компании сформировались на производственной и организационной базе Московского завода «Кристалл», существовавшего в СССР – это «Бриллианты АЛРОСА» (филиал АЛРОСА), «Руиз Даймондс» (Израиль), «Алмазный мир». Наряду с гранильными компаниями, здесь расположены геммологические лаборатории, сертификационные центры, Ассоциация производителей бриллиантов, Московская алмазная биржа, Алмазная палата России, ГОХРАН, учебные заведения и др. Особую значимость кластеру придают его торговые и деловые функции. На его территории размещены основные торговые площадки, реализующие первичное алмазное сырьё (АЛРОСА) и вторичное алмазное сырьё (ГОХРАН – аукционы по продаже алмазов специальных размеров и Алмазная палата – продажа нерентабельных для обработки алмазов гранильными компаниями). Более того, все организации, регулирующие деятельность отрасли то же размещены здесь!

Третий кластер расположен на территории ведущего алмазодобывающего субъекта РФ – *Республики Саха (Якутия)*. Здесь работают 10 гранильных предприятий (18% занятых в гранильной отрасли страны), производящих около 25% бриллиантов России. Самые крупные из компаний: «ЭПЛ Даймонд», «Якутская алмазная компания» и «Чорон Даймонд». Они являются членами международных алмазных бирж в Израиле и Бельгии. Кроме того,

Республика Саха (Якутия) обладает значительной сетью учебных заведений, готовящих специалистов разного профессионального уровня для гранильной отрасли. Здесь действует Алмазный совет при Президенте Республики. Наличие в Республике Саха (Якутия) алмазов, подталкивает её правительство к принятию решений по созданию «алмазного» ТПК. Одно из последних – формирование особой экономической зоны с участием алмазогранильной и ювелирной промышленности. Однако надо понимать, что высокая заработная плата (гранильная отрасль трудоёмка), характерная для данной территории («северный коэффициент» составляет 1,6 – 2,0) и значительные энергетические затраты (зона Севера), априори делают перечисленные производства неконкурентоспособными не только в пределах России, но и за рубежом (конкуренция с Индией, Китаем, Таиландом!).

В отличие от молодой гранильной отрасли, отечественная ювелирная отрасль имеет давние исторические корни и традиции. Сегодня в России действует около 400 ювелирных компаний, из которых чуть более 100 играют «ключевую» роль в функционировании отечественного ювелирного рынка, они формируют более 90% его производственной части. В отрасли занято немногим более 10 000 человек. В стране исторически сложились четыре центра производства ювелирных изделий: Москва и Московская область, Костромская область, Уральский регион, Санкт-Петербург. Лидирующее положение исторических центров ювелирной промышленности объясняется размещением на этих территориях еще со времен СССР государственных ювелирных предприятий. В перечисленных регионах есть учебные центры подготовки кадров для ювелирной отрасли и устоявшиеся национальные традиции ювелирного мастерства. Каждый из них можно рассматривать в качестве ювелирного кластера, так как здесь размещаются не только самые крупные и известные ювелирные предприятия, но и гемологические лаборатории, сертификационные центры, региональные гильдии ювелиров, органы пробирного надзора и др. Более того, каждый из них – это крупнейшие площадки как розничной торговли (работают самые крупные ювелирные торговые сети), так и оптовой торговли (проводятся ювелирные выставки).

Наиболее значительный ювелирный кластер сложился на территории *Москвы и Московской области* (33% производства ювелирных изделий страны, 16% занятых в отрасли). В его пределах работают такие общепризнанные лидеры отрасли, как «Адамас», «Камея», «Эстет», «Бронницкий ювелирный завод». Хорошие потребительские свойства столичного региона наряду с производственными функциями, стимулируют развитие торговых функций. Именно здесь наиболее концентрирована ювелирная выставочная деятельность, регион лидирует по количеству ежегодно организуемых выставок. Самые известные из них – система выставок «Ювелир» (детище самого старого ювелирного выставочного объединения России «Р.О.С.Ювелирэкспо»), «Junwex Новый русский стиль», «Junwex Москва», «Лучшие украшения России», «Самоцветы и алмазы России», «Московский салон изящных искусств», «Ювелирный вернисаж». Да и самые крупные розничные ювелирные торговые сети основную прибыль получают от продаж именно в этом регионе (даже если зарегистрированы в других субъектах РФ) – «Ювелирная сеть 585», «Яшма-Золото», «Адамас», «Алмаз-холдинг», «Московский ювелирный завод».

Один из самых старых ювелирных кластеров России расположен в *Костромской области* – Кострома, Красное-на-Волге. В нём производится 15% ювелирных изделий страны (15% занятых в отрасли). Многие из работающих здесь компаний, традиционно лидируют в производстве ювелирных изделий по объемам производства. Это такие компании, как: Красносельский ювелирный завод «Диамант», Костромская ювелирная фабрика «Топаз», Ювелирный завод «Платина», Ювелирный завод «Аквамарин», Костромская ювелирная фабрика «Алькор». Здесь проводится единственный в России ежегодный ювелирный фестиваль «Золотое кольцо России» и в его рамках ювелирная выставка, которые стимулируют неформальное общение ювелиров страны.

Самые большие темпы роста и преобразований характерны для ювелирной отрасли *Санкт-Петербурга* (11% производства ювелирных изделий страны, 16% занятых в отрасли). Крупнейшие ювелирные предприятия этого кластера – «Санис», «Ювелиры Северной

Столицы», «Самородок». На его территории действует самое современное выставочное объединение России, специализирующееся, в том числе и на организации ювелирных выставок – «РЕСТЭК». Наиболее известными его проектами являются ежегодные выставки «Junwex», «Питер Ювелир», «Лучшие украшения России», проводимые не только в Санкт-Петербурге, но и по всей России.

Единственный ювелирный кластер России, предприятия которого используют местное ювелирное сырьё, расположен в *Уральском регионе* (5% производства ювелирных изделий страны). Наиболее известные предприятия региона - «Ювелиры Урала», «Завод Русские самоцветы». В отличие от других ювелирных кластеров России, выставочная деятельность здесь значительно диверсифицирована, равномерно распределяясь по всем городам-миллионерам – Екатеринбург («Junwex Екатеринбург», «Урал Ювелир»), Уфа («ЮвелирЭкспо»), Казань («ЮвелирЭкспо»), Челябинск («ЮжУралЮвелир», «ЮвелирЭкспо»), Пермь («Ювелирная мода»).

Анализируя деятельность ювелирных кластеров в России, всё же необходимо помнить, что доля производимых в них ювелирных изделий с бриллиантами мала – не более 6% (в натуральном выражении).

Подводя итог проведённому исследованию, отметим, что, несмотря на очень высокий уровень межотраслевого взаимодействия в рамках алмазно-бриллиантового рынка, отраслевая комплексность проявляется преимущественно на глобальном территориальном уровне. Основной формой территориальной комплексности в рамках рассматриваемого рынка, является кластер. При этом наиболее характерны они для гранильной отрасли и торговой деятельности, что связано с типом рынка, на котором работают эти предприятия – b2b (промышленный). Он диктует необходимость посреднических структур, а значит, «деловой» инфраструктуры, что и обеспечивается кластерами. В ювелирной отрасли территориальная концентрация проявляется меньше, что связано с производством товара, ориентированного на конечного потребителя, который собственно и определяет его размещение.

Литература

1. Аганбегян А.Г., Багриновский К.А., Гранберг А.Г. Система моделей народнохозяйственного планирования. – М.: Мысль, 1972.
2. Бакланов П.Я. Территориальные структуры хозяйства в региональном управлении. – М: Наука, 2007.
3. Белов А.К. Эффективность кластеризации алмазно-бриллиантового комплекса России // Записки Горного института. 2011. Т. 189. С. 328-331.
4. Горбунова Я.А. Отличительные особенности советских территориально-производственных комплексов (ТПК) и современных экономических кластеров // Налоги и финансовое право. 2009. № 4. С. 317-321.
5. Григорьева Е.Э. Инструменты разработки сценариев развития региональных промышленных кластеров // Проблемы современной экономики. 2014. № 4 (52). С. 271-274.
6. Егоров Е.Г., Пономарева Г.А., Федорова Е.Н. Западная Якутия: территориальная организация социально-экономического комплекса. - Новосибирск, 2005.
7. Егорова И.Е. Методы выявления признаков кластера в алмазно-бриллиантовой промышленности Республики Саха (Якутия) // Наука и образование, 2007. - №1. – С. 184–188.
8. Колосовский Н.Н. Производственно-территориальное сочетание (комплекс) в советской экономической географии // Вопросы географии. 1947. № 6. С. 133–137.
9. Кириллина А.Г. Вертикальная интеграция предприятий алмазно-бриллиантового комплекса: тенденции, преимущества и недостатки // Экономические науки. 2009. № 53. С. 203-209.

10. *Мишура Н.А.* Кластерная организация экономики: к вопросу об идентификации кластера // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2012. № 43. С. 37-44.
11. *Портер М.* Конкуренция. – М.; СПб.; Киев: Вильямс, 2006.
12. *Потоцкая Т.И.* «Алмазный трубопровод» как метод анализа алмазно-бриллиантового рынка // Маркетинг в России и за рубежом, 2005. - № 4. С. 3–15.
13. *Потоцкая Т.И.* Алмазный трубопровод России // Маркетинг в России и за рубежом, 2007. - №3. – С. 122–131.
14. *Потоцкая Т.И.* Отраслевые и территориальные особенности комплексообразования на мировом алмазно-бриллиантовом рынке // Вестник БГУ. Серия 2, Химия. Биология. География. 2015. № 1. С. 75-81.
15. *Сидоров В.П., Шамаева Н.П.* О соотношении понятий «кластер» и «территориально-производственный комплекс» // Экологический консалтинг. 2013. № 2. С. 3-7.
16. *Суслов В.И.* Измерение эффектов межрегиональных взаимодействий: модели, методы, результаты. – Новосибирск: Наука, 1991. – 252 с.
17. Территориально-производственные комплексы: предплановые исследования / М.К. Бандман, В.В. Воробьева, В.Ю. Малов и др. – Новосибирск: Наука, 1988. – 270 с.
18. Территориальные народнохозяйственные модели / Отв. ред. А.Г. Гранберг. – Новосибирск: Наука, 1976. – 219 с.
19. Информационно-аналитический центр «Минерал» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.mineral.ru/> (дата обращения 05.05.2016).
20. Chaim Even-Zohar. From Mine to Mistress - Corporate Strategies and Government Policies in the International Diamond Industry. – London: Mining Communications Ltd. – 2007. – 944 p.
21. IDEX Online Research. URL: <http://www.idexonline.com/> (дата обращения 07.05.2016).
22. Polishedprices. URL: <https://www.polishedprices.com/> (дата обращения 14.02.2016).
23. Rapaport Group. URL: <http://www.rapnet.com/>(дата обращения 21.07.2016).
24. Rough&Polished. URL: <http://www.rough-polished.com/> (дата обращения 15.06.2016).
25. Tacy Ltd. Diamond Industry Consultants. URL: <http://www.diamondintelligence.com/> (дата обращения 19.02.2016).

ОСОБЕННОСТИ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ²⁶

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к изучению фармацевтической промышленности как одной из ключевых и жизненно важных отраслей мирового хозяйства. Фармацевтика – один из т.н. «столпов» инновационного сектора экономики и локомотив новых разработок в области химических, физических, биологических и других наук.

Это одна из ключевых наукоёмких отраслей в мировой промышленности, развитие которой во многом определяет научный потенциал хозяйства той или иной страны. При этом в пору говорить о наднациональной организационной структуре мировой фармацевтической промышленности, поскольку в развитии отрасли ключевую роль играют именно транснациональные корпорации. С другой стороны, развитию фармацевтической отрасли уделяется повышенное внимание со стороны государства – как с точки зрения обеспечения безопасности страны, так и для улучшения экономической ситуации. Импортозамещение важнейших для населения препаратов важно для обеспечения фармацевтической безопасности и независимости государства от внешних торговых потоков.

Для фармацевтической отрасли характерны высокие и стабильные показатели прибыли, поэтому государство уделяет внимание развитию отрасли для получения дополнительных доходов, в том числе за счёт расширения экспорта. Помимо этого, развитие фармацевтической индустрии оказывает высокий мультипликативный эффект на экономический рост в целом в стране.

Интерес в России к проблеме размещения отрасли выражается в стратегии развития фармацевтической промышленности РФ до 2020 г., в которой на официальном уровне говорится о необходимости импортозамещения в отечественной фармацевтической промышленности. Вследствие этого, а также вследствие насыщенной истории развития отрасли, территориальная организация мировой фармацевтики представляет значительный интерес для экономико-географического исследования.

Фармацевтическая промышленность как отрасль международной специализации Западной Европы. Продукция фармацевтической промышленности Западной Европы исторически востребована и широко представлена на мировом фармацевтическом рынке. В первую очередь, это продажи оригинальных препаратов, формирующие поток доходов, направленный в страны Западной Европы. Совокупный торговый баланс стран изучаемого региона составил +58,8 млрд. евро в 2009 г. Наиболее мощный поток фармацевтических товаров сформировался между США и Западной Европой; входными воротами для него служат страны Бенилюкса.

Величина торгового баланса фармацевтической продукции уже опередила аналогичный показатель в торговле прочими химическими товарами (в том числе бытовой химией, полимерами и нефтехимическими продуктами; баланс +47 млрд. евро; 2010).

Из всех стран Западной Европы в 2007 г. только Испания, Италия, Португалия имели отрицательный торговый баланс в области фармацевтики; в 2009 г. к этому списку добавились Нидерланды и Норвегия. У остальных стран положительные сальдо достигают значительных размеров на мировом фоне.

С 2000-х гг. Западная Европа представляет собой крупнейший мировой регион, специализирующийся на экспорте медикаментов. Совокупный экспорт из стран Западной Европы составил 321,4 млрд. долл. (77% мирового экспорта), импорт из других стран – 40,7 млрд. долл. (55% мирового импорта), сальдо составило 58,8 млрд. долл. Из стран ЕС-27 весь

²⁶ Статья написана по материалам диссертационного исследования: Подгорнев П.В. Территориальная структура фармацевтической промышленности в постиндустриальную эпоху//Диссерт. на соиск. уч. ст. канд. геогр. наук. - М., 2015; и материалов статьи: Подгорнев П.В. Структурные и географические особенности фармацевтической промышленности Западной Европы в начале XXI в. // Региональные исследования. — 2015. № 3(49). С. 57–65.

положительный торговый баланс обеспечивают 8 стран Западной Европы: ФРГ, Франция, Великобритания, Бельгия, Швейцария, Ирландия, Швеция и Дания. В остальном мире остаётся небольшое количество стран с положительным сальдо, а если и наблюдается положительное сальдо, то незначительное. Интересно заметить, что у США торговый баланс в фармацевтике отрицателен, и достигает гигантских размеров (-15 млрд. дол.; 2009); отрицательный баланс характерен и для Японии (-10 млрд. дол.; 2009).

Исходя из показателей торгового баланса в фармацевтической промышленности, наукоёмкого характера экспортируемой из региона фармацевтической продукции (а также отсутствия в мире показателей сальдо, способных сравниться с западноевропейским) можно сделать вывод, что фармацевтическая отрасль является отраслью международной специализации изучаемого региона. Помимо этого, можно проанализировать экспортную квоту фармацевтической промышленности по странам Западной Европы. В тех странах, где она превышает 100%, наличию ситуация, когда лекарственные средства (ЛС) реэкспортируются из страны. А в странах с низкой долей – наоборот, высок уровень импорта, либо производственный комплекс сравнительно слабо встроен во внешнюю торговлю.

Для выделения стран Западной Европы по уровню развития фармацевтической промышленности необходимо отобрать наиболее важные показатели, характеризующие её. Поскольку конкурентоспособность европейской фармацевтической индустрии определяется в первую очередь возможностью значительных затрат капитала на НИОКР (13-30% от доходов фирмы), то необходимо выстроить ряд стран именно по объёмам и характеру научных и исследовательских работ.

В целом на страны Западной Европы приходится около 1/5 всех мировых затрат на НИОКР в области фармацевтики. Только в период с 2006 по 2010 г. европейскими компаниями было выведено на рынок 49 новых оригинальных препаратов (для сравнения: США – 72, Япония – 19, остальной мир – 11). Среди 40 глобальных фармацевтических компаний с наиболее высокими затратами на науку европейских – 13, американских 19 и 7 японских. Всё это подчёркивает важную роль изучаемого региона в мировых исследованиях новых препаратов.

Интересен тот факт, что большой вклад в это отставание внёс отток перспективных специалистов из Европы в 1980-ые годы в США, где условия для открытия небольших биофармацевтических фирм-лабораторий были лучше (меньшая степень государственной зарегулированности, наличие высококвалифицированных кадров, условия работы). Сейчас наблюдается похожий отток технологий из Западной Европы, фирмы стараются создавать новые и переносить старые лаборатории в страны Азии (Китай, Индия, страны ЮВА), поскольку в последние годы в этих странах появились высококвалифицированные специалисты и лаборатории по исследованию новых медикаментов. И издержки на оплату труда здесь гораздо ниже по сравнению с Западной Европой. Число закрывшихся лабораторий в Европе сопоставимо с числом открывшихся в Азии.

Хорошим показателем результатов НИОКР является количество синтезированных новых молекулярных единиц (химических – для фармацевтики и биологических – для биофармацевтики), которые затем станут оригинальными препаратами. В период с 2003-2007 гг. США вывели 66 NMEs²⁷, Европа – 48; но ещё 20 лет назад соотношение было 63/97 в пользу Европы.

Если проанализировать корпоративные данные (2008), то в двадцатке мировых компаний по количеству собственных оригинальных препаратов (как находящихся в разработке, так и выведенных на рынок), то напрашиваются следующие выводы. Во-первых, в список входит 7 западноевропейских компаний. Во-вторых, лидирующие позиции занимает английская компания GSK, с 250 препаратами в инновационном портфеле. В-третьих, портфель разрабатываемых и продаваемых препаратов семи европейских фирм из списка охватывает 45%

²⁷ NME – New Molecular Entity – Новая молекулярная субстанция. Так обозначаются новейшие синтезированные молекулы лекарственного средства, ещё не выведенные на рынок.

всех препаратов компаний двадцатки. В Западной Европе второе место после GSK занимает французская Sanofi-Aventis, далее следуют англо-шведская AstraZeneca и швейцарская Novartis. Британские фирмы поддерживают марку лидера в области НИОКР, что показывают и данные по затратам на НИОКР, о которых речь пойдет ниже.

Великобритания инвестирует в научные изыскания новых препаратов – четверть всех западноевропейских затрат. Второе и третье места занимают ФРГ и Франция, находящиеся примерно на одном уровне. Фармацевтическая держава Швейцария находится на 4-ом месте с трёмиллиардными затратами на НИОКР. Столь значительная роль Великобритании обусловлена сложившейся здесь научно-образовательной средой; здесь один из самых значительных потенциалов для открытий (одним из самых популярных направлений у британских абитуриентов является биомедицина). Большинство университетов имеют химико-фармацевтические и медицинские факультеты с оснащёнными лабораториями (нередко на деньги британских и американских корпораций). Кроме этого, английский язык является средством коммуникации в международных исследованиях, на нём производится документация, международные названия ЛС даются на английском языке. Наличие англоязычных квалифицированных кадров обусловило создание на территории Великобритании центров НИОКР, принадлежащим американским компаниям.

В ФРГ самые значительные инвестиции в научно-исследовательский процесс производятся компанией Вауег (60% от всех немецких затрат на фармацевтические НИОКР). В исследовательском отделе компании трудятся 11,8 тыс. человек, из них 6300 – в ФРГ. Затраты на НИОКР компанией Вауег составляют около 5% от всех подобных затрат в промышленности ФРГ.

Наконец, интересным показателем, характеризующим ориентированность страны на научно-исследовательскую деятельность, является отношение затрат на НИОКР к объёму производства (стоимости произведённой продукции по отпускным ценам). Лидером по данному относительному показателю является Бельгия (36%), опережая Великобританию (28,5%) и Финляндию (27,5%). К другой группе стран относятся страны Южной Европы (Испания, Италия), где этот показатель незначителен – 5-6% (здесь распространено производство дженериков и бренд-дженериков, ТНК содержат здесь преимущественно промышленные предприятия, а не исследовательские центры). Замыкает список Ирландия, поскольку эта страна выступает в Западной Европе главным образом «производственной площадкой» фармацевтических фирм самой Западной Европы и США (уровень объёмов её производства гораздо выше затрат на НИОКР).

Лидерство малых стран (Бельгия, Австрия, Дания) в данной сфере фармацевтической отрасли обусловлено тем, что основная масса инвестиций в научно-исследовательскую деятельность здесь генерируется благодаря прямым зарубежным инвестициям, поток которых велик относительно небольших объёмов производства. Высокие значения доли затрат на НИОКР в производстве характерны также для Скандинавских стран (в особенности, для Финляндии) – поскольку здесь научные исследования в значительной мере поддерживаются правительством, субсидируется создание высокотехнологичных производств, инкубаторов (пример: г. Эспо, Финляндия).

Достаточно интересен пример Бельгии как страны с наиболее высоким отношением научно-исследовательских затрат по отношению к производству. Большинство предприятий на территории этой страны принадлежит зарубежным компаниям (в 2010 г. крупнейшая бельгийская фармацевтическая компания Solvay Pharma была куплена американской корпорацией Abbott). Затраты на фармацевтические НИОКР составляют в этой стране 24,3% от всех затрат компаний на НИОКР. Из этого числа 82% инвестируется зарубежными компаниями, среди них 61% - корпорациями США и 17% - корпорациями Великобритании.

На другом полюсе интенсивности НИОКР находится Ирландия, отношение затрат на науку к фармацевтическому производству здесь составляет всего 1,3%. Тем не менее, правительство этой страны в течение последних 10-20 лет предпринимает самые активные меры по стимулированию НИОКР в фармацевтической промышленности. Организация

«Science Foundation Ireland» создаёт в стране Центры науки, техники и технологии (CSET), которые выступают ключевым инструментом в привлечении ТНК к научному сотрудничеству с ирландскими фирмами. ТНК не привлекались в старые отрасли экономики Ирландии, но привлекались к деятельности в сфере высоких технологий. Сейчас наблюдаются плоды данного сотрудничества – налицо рост прямых зарубежных инвестиций, который был направлен на сдвиг структуры ирландской промышленности в сторону высоких технологий (биотехнологии, фармацевтика, электроника).

Важным фактором дифференциации стран Западной Европы по уровню развития фармацевтической промышленности является показатель производства продукции. Эта степень деятельности фармацевтической фирмы идёт на втором месте по степени важности для инновационной фармацевтики после НИОКР (в дженериковой фирме производство также располагается на втором месте, но уже после сбытовых мероприятий).

В территориальном отношении для фармацевтического производства характерны диспропорции на страновом уровне изучаемого региона. Так, самое небольшое производство в Норвегии меньше самого значительного в Германии в 38 раз. Лидеры по выпуску фармацевтической продукции в регионе – ФРГ и Швейцария (26,4 и 26,2 млрд. евро соответственно). На втором месте – Франция (24,9 млрд. евро.), далее следуют Италия (23,4 млрд. евро.) и Ирландия (21,7 млрд. евро.). Замыкает пятёрку лидеров Великобритания с показателем 18,3 млрд. евро (все данные по состоянию на 2009 г.). В целом выделяются страны-гиганты фармацевтической промышленности: Франция, ФРГ, Италия, Швейцария, Ирландия Великобритании; «средняки» – Швеция, Испания, Дания, Бельгия, Нидерланды и малые страны – Финляндия, Норвегия, Австрия и Португалия.

Характер фармацевтического производства можно понять, исходя из соотношения количества занятых в фармацевтической промышленности и объёма продукции. По количеству занятых лидирует фармацевтическая индустрия ФРГ – 104,6 тыс. чел., после следуют Франция (100,4 тыс.), Великобритания (72 тыс.), Италия (67,5 тыс.) и Испания (39,2 тыс.). Если провести совокупный анализ трёх показателей – объёмов НИОКР, объёмов производства и количества занятых, то можно выявить картину инновационности/трудоемкости промышленности. Германия, находясь по количеству занятых на 1 месте, по производству идёт на 1-ом и по НИОКР на 4-ом, показывает инновационно-производственный характер фармацевтической промышленности, высокую стоимость продукта, произведённым одним рабочим. Похожая ситуация в Швейцарии, находящейся по количеству занятых на 6-ом месте, по производству на 2-ом и по НИОКР на 4-ом. Типичный пример страны, ориентированной на НИОКР – Бельгия (по НИОКР на 4-ом месте, по производству на 11-ом месте, по занятым на 7-ом). Испания представляет собой пример сравнительно отсталой структуры фармацевтической промышленности (по НИОКР на 8-ом месте, по производству на 7-ом и по занятым – на 5-ом), как и Ирландия (но отличается более высокой производительностью труда в фармацевтическом производстве).

Для анализа территориальной структуры фармацевтического производства на страновом уровне применяется такой важный и необходимый показатель, как коэффициент локализации. Он позволяет выявить особенности концентрации изучаемой отрасли и выделить территориальные ячейки, специализирующиеся на данном производстве (другими словам, где данная отрасль группируется больше всего). Расчет осуществляется по формуле $k=(C1/C2) \times 100$, где $C1$ – доля фармацевтической отрасли в обрабатывающей промышленности региона, $C2$ – доля фармацевтической отрасли в обрабатывающей промышленности страны. В нашем случае высчитывались коэффициенты специализации каждой страны, относительно всего макрорегиона Западная Европа.

Получив данные, была составлена шкала, где по заданным критериям оценивался уровень локализации. При коэффициенте более 2 отрасль считается базовой, от 1,2 до 2 – концентрация выше среднего, от 0,7 до 1,1 – отрасль равно развита (на уровне макрорегиона), менее 0,7 – незначительная локализация отрасли. По таким критериям были отмечено, что базовой отрасль является в трёх странах – Ирландии ($k = 4,45$), Швейцарии

($k = 2,71$), Дании ($k = 2,23$). Незначительная роль продукции отрасли в продукции обрабатывающей промышленности зафиксирована в Финляндии ($k = 0,24$), Норвегии ($k = 0,33$), Австрии ($k = 0,48$), ФРГ ($k = 0,49$).

Стоит заметить, что Германия считается одним из европейских центров фармацевтической промышленности, по производству находится на 2-ом месте в Европе; но, тем не менее, размеры её обрабатывающей промышленности столь велики (мощная автомобильная, химическая, электротехническая промышленность), что фармацевтическая отрасль меркнет на их фоне. Высочайший показатель Ирландии иллюстрирует большую роль фармацевтической промышленности в экономике этой страны, по значению уступает лишь машиностроению.

Методологические основы выделения ареалов и центров отрасли. Методологической основой разработки методики выделения ареалов фармацевтической промышленности и анализа закономерностей ее размещения послужили труды российских (Н.В. Алисов, О. В. Витковский) и зарубежных (А. Gambardello, F. Pammolli) исследователей географии промышленности зарубежных стран.

Далее мы приведем выделение и группировка ареалов фармацевтической промышленности и центров фармацевтической промышленности на примере Западной Европы. Вся система мировой фармотрасли предстаёт в виде совокупности данных ареалов, крупнейших центров, а также центров за пределами ареалов. При этом объём выпуска фармацевтической продукции вне выделенных ареалов оценивается экспертно – за основу принимается гипотеза, что данными объёмами в анализе можно пренебречь (по сравнению с объёмами выпуска на территории ареалов и центров).

Основной понятийный и методологический аппарат принимается в соответствии с положениями статьи А. П. Горкина «Территориальная организация капиталистического промышленного производства (концептуальная модель)» [1]. Наименьшей единицей анализа выступает промышленное предприятие – территориальный целостный компактный производственно-хозяйственный объект, вырабатывающий на основе определенным образом завершённой технологии однородную или преимущественно однородную продукцию и реализующий её. Предприятия сгруппированы в промышленные ареалы – совокупности относительно компактно расположенных на более или менее значительной территории промышленных предприятий и комплексов (промышленных пунктов, центров, узлов), объединённых общностью экономико-географического положения. Взаимодействие между промышленными предприятиями в рамках промышленного ареала характеризуется производственными связями – хозяйственными отношениями предприятий (промышленного комплекса) с другими предприятиями (промышленными комплексами) в процессе производства продукции – в виде потоков сырья и материалов, топлива и энергии, полуфабрикатов (частей, компонентов, деталей, узлов, агрегатов), услуг, информации. В рамках данной диссертации в состав промышленных ареалов также включаются центры НИОКР, как играющие значительную роль для высокотехнологичного фармацевтического производства.

Для выделения ареалов и центров были выбраны ключевые макрорегионы глобальной фармацевтической промышленности, на которые приходится свыше 90% выпуска продукции отрасли (Западная Европа, Северная Америка, Южная Азия, Юго-Восточная Азия и Восточная Азия). Поскольку для каждого макрорегиона характерны свои уникальные исторические предпосылки формирования географии фармацевтической отрасли и территориальные особенности, выделение ареалов и центров проводилось по каждому макрорегиону в отдельности. Соответственно, представление результатов и характеристика выделенных ареалов и центров в рамках данной работы будут представляться последовательно в разрезе макрорегионов.

Особенности развития фармацевтической промышленности Западноевропейского макрорегиона. Важнейший территориальный фактор, оказавший историческое влияние на размещение отрасли и обусловивший качественный скачок в размещении – это начало интеграции стран Западной Европы с созданием Европейского союза. Страны изучаемого

региона сложили костяк единой Европы – 15 первых стран-членов сообщества. Кроме них, к макрорегиону относятся Норвегия, Швейцария, Исландия (входят в состав Европейской ассоциации свободной торговли). При этом, швейцарская фармацевтическая промышленность настолько тесно встроена в структуру фармацевтики Западной Европы, что образует с ней единое целое, несмотря на более существенные административные барьеры для неё, нежели чем для стран Евросоюза (к тому же, в последние годы существует тенденция законодательного упрощения условий товарооборота между странами).

Важной особенностью структуры фармацевтической промышленности является слабое присутствие государства в промышленном производстве и незначительное по сравнению с частными фирмами – в НИОКР и сильная его роль в законодательных аспектах регулирования фармацевтического рынка.

Сильная конкуренция и развитие фармацевтического бизнеса в Западной Европе сделали регион одним из крупнейших в мире производителей фармацевтической продукции. В 2006 г. объем производства в заводских ценах составил ок. 240 млрд долл. (38%); у США - 170 млрд долл. (27%); у Японии - 60 млрд долл. (10%). Рассчитано по: [5]. По состоянию на 2012 г. регион имеет непрочное лидерство в мировом производстве медикаментов; в настоящее время объем производства в Западной Европе составляет 260 млрд долл. (30%), в США 255 млрд долл. (29%), в Китае – 130 млрд долл. (15%) в Японии – 80 млрд долл. (9%). Из приведённых данных видно, что Западная Европа в последние годы теряет роль главного производителя медикаментов, что связано как с воздействием мирового экономического кризиса, так и с активным ростом производителей в развивающихся странах (особенно азиатских производителей).

Интересен факт, что в потреблении фармацевтической продукции Западная Европа (24%; 2013) уступает Северной Америке (США+Канада — 41%; 2013) [4]., несмотря на перевес в численности населения. Два региона играют противоположные роли в мировом производстве и потреблении медикаментов. Причина в том, что гигантский фармацевтический рынок США характеризуется чрезмерным потреблением, высокими ценами, ориентацией потребителя на оригинальные препараты, а также большой ролью государства в обеспечении лекарственными средствами пациентов (в рамках национальной системы медицинского страхования). Несмотря на сильные позиции европейских компаний на мировом фармацевтическом рынке, доля Западной Европы (как, кстати, и Северной Америки) в мировом потреблении медикаментов неуклонно снижается. Так, согласно прогнозу IMS Health [3], доля Северной Америки снизится с 43% в 2005 г. до 38% в 2015 г.; доля Западной Европы снизится за аналогичный период с 20% до 13%, что позволяет говорить об этом тренде как общем для всех развитых стран-лидеров мировой фармацевтической индустрии. На фоне этого явления вес развивающихся стран (главным образом, стран БРИК) на мировом фармацевтическом рынке увеличится с 12% до 28% в сопоставимом периоде. Рассчитано автором по: [2] и [4]. При этом основной рост будет происходить за счёт увеличения душевого потребления в развивающихся странах, в свою очередь обусловленного экономическим ростом и реформами в области здравоохранения; непосредственный вклад роста численности населения незначителен - не более 10%.

По показателям валового объема производства фармацевтической продукции и объема производства обрабатывающей промышленности в целом был рассчитан индекс локализации фармацевтики²⁸, показывающий, что отрасль выступает базовой (т.е. индекс локализации больше 2) в трёх странах региона – Ирландии ($k = 4,45$), Швейцарии (2,71), Дании (2,23). Незначительная роль продукции отрасли в продукции обрабатывающей промышленности зафиксирована в Финляндии (0,24), Норвегии (0,33), Австрии (0,48), ФРГ (0,49).

В фармацевтической промышленности особенно важна роль научных исследований. В совокупности на страны Западной Европы приходится около 1/5 всех мировых затрат на

²⁸ Расчет осуществлен по формуле $k=(C_1/C_2) \times 100$, где C_1 – доля выпуска фармацевтической отрасли страны N в объеме выпуска обрабатывающей промышленности страны N, C_2 – доля выпуска фармацевтической отрасли в общем объеме выпуска обрабатывающей промышленности Западной Европы

НИОКР в фармацевтической промышленности; по данному показателю регион значительно уступает США с 40% мировых затрат на НИОКР [2]. В период с 2004 по 2008 г. европейскими компаниями было выведено на рынок 47 новых оригинальных препаратов (для сравнения: США – 67, Япония – 16, остальной мир – 14). Но в период 2009-2013 гг. отставание по данному показателю было ликвидировано: западноевропейские фармацевтические компании вывели на рынок изучаемого региона 66 новых препаратов, опередив США, где было выведено 64 препарата. Указанные факты подчёркивают важнейшую роль Западной Европы в мировых исследованиях новых препаратов, а также свидетельствуют о постоянной конкуренции западноевропейских и американских ТНК.

В последние годы наблюдается сокращение темпов роста затрат на НИОКР в Западной Европе. Фирмы стараются создавать новые и переносить старые лаборатории в страны Азии (Китай, Индия, страны ЮВА), поскольку в последние годы в этих странах появились высококвалифицированные специалисты и лаборатории по исследованию новых медикаментов. Например, в 2001-2006 гг. ТНК закрыли в Западной Европе 18 исследовательских центров и в тот же период открыли 14 аналогичных центров в странах Азии [4]. Перенос активов связан с оптимизацией издержек и активной экспансией ТНК на развивающиеся фармацевтические рынки.

В среднем в Западной Европе затраты на НИОКР составили в 2012 г. ок. 40 млрд долл., наиболее объёмные инвестиции в научные исследования характерны для ФРГ (7,9 млрд долл.), Великобритании (7,1 млрд долл.), Швейцарии (6,8 млрд долл.) и Франции (6 млрд долл.) [4]. Лидером по доле затрат на НИОКР от объёма выпуска фармацевтической продукции является Бельгия (34%), опережающая Великобританию (24%) и Финляндию (23%). Лидерство ФРГ в абсолютных затратах на НИОКР сложилось исторически, но с точки зрения совокупности показателей интересен пример Великобритании, которая занимает одновременно вторые места как по валовым инвестициям в НИОКР, так и по показателю наукоёмкости отрасли. Значительная роль Великобритании в инновациях обусловлена сложившейся научно-образовательной средой, представляющей значительный потенциал для открытий. Среди всех научных областей в британских ВУЗах наибольшее число студентов обучается на специальности, связанных с биологией и медициной; большинство университетов имеет мощную материальную базу. Наличие англоязычных квалифицированных кадров и мощной научной базы стало одной из главных причин создания практически всеми крупнейшими ТНК на территории Великобритании центров НИОКР.

К другой группе стран относятся страны Южной Европы (Испания, Италия), где этот показатель незначителен – 5-6% (здесь распространено производство лекарств, вышедших из-под патента и контрактное производство; ТНК разместили здесь преимущественно промышленные предприятия, а не исследовательские центры). Замыкает список Ирландия — подобное соотношение здесь составляет 1,4%, поскольку эта страна в рамках Западной Европы выступает «производственной площадкой» крупнейших мировых фармацевтических ТНК, в т. ч. целого ряда компаний американского происхождения.

На базе ключевых показателей развития фармацевтической индустрии Западной Европы была выполнена классификация стран по показателю производительности труда²⁹ и показателю наукоёмкости отрасли. Отдельным показателем роли каждой страны в фармацевтической промышленности региона в целом выступает объём производства медикаментов, который также учитывается в данной типологии (Рис. 1).

Чётко прослеживаются две группы стран, для которых характерно преобладание либо инновационной, либо производственной составляющей Страны, для которых показатель наукоёмкости производства выше, чем в среднем для Западной Европы (объём затрат на НИОКР составляет в среднем 10% от объёма выпуска медикаментов в регионе), были отнесены к типу стран с «инновационной» фармацевтикой. Страны с показателем

²⁹ Здесь и далее по тексту производительность труда рассчитывается как объём выпуска продукции (в долл. США) в расчёте на одного занятого в отрасли.

производительности труда выше среднего по Западной Европе (470 тыс. долл./чел в год) были отнесены к типу стран с «производственной» фармацевтикой.

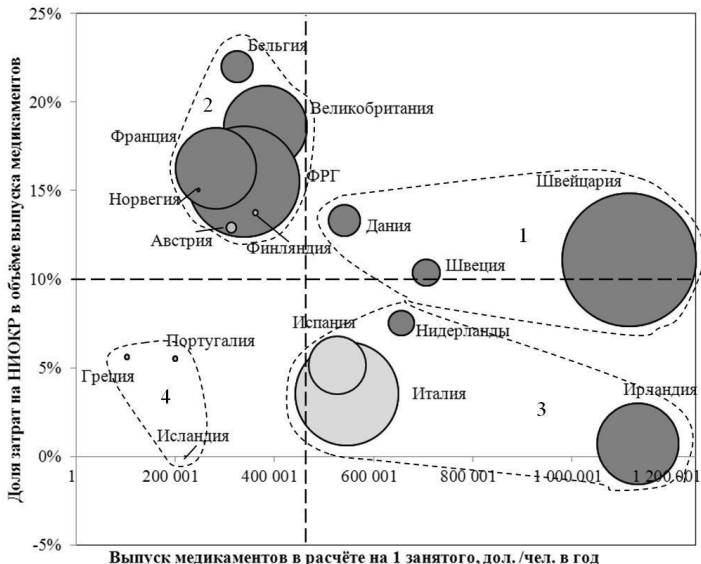

Рис. 1. Типология фармацевтической промышленности стран Западной Европы (2012); диаметр круга пропорционален годовому объёму выпуска ЛС в стране)

Составлено по [2] и [4]

Помимо показателей наукоёмкости и производительности труда в фармацевтической промышленности стран Западной Европы важно учитывать глобальную роль каждой из стран в отраслевом МРТ. Фактически страны нетто-экспортёры (указаны темным тоном) играют значительную роль в МРТ как поставщики продукции на международный рынок. Таким образом, в круг крупнейших нетто-экспортёров входят Швейцария, ФРГ и Ирландия. К ключевым нетто-импортёрам отнесены Греция, Испания, Португалия, Норвегия, Финляндия и Италия. Для стран, специализирующихся на фармацевтической промышленности в рамках МРТ характерны высокие объёмы нетто-экспорта в торговле ЛС со странами вне Западной Европы, как в абсолютном масштабе, так и относительно объёмов производства ЛС в стране. Наиболее ярко выражена международная специализация у Великобритании и Бельгии; немногим ниже уровень специализации у Дании и Австрии.

С целью уточнения специализации стран на фармацевтике в рамках МРТ из объёмов внешней торговли каждой страны были вычтены суммы внешнеторгового оборота со странами-партнёрами из Западной Европы. В итоге, отрицательное сальдо в торговле со странами вне Западной Европы отмечено только у Норвегии, в остальных странах данный показатель положителен (в т. ч. незначительное положительное сальдо в странах нетто-импортёрах).

К странам с преимущественно «инновационным» характером развития (вторая группа) фармацевтической промышленности можно отнести Францию, Великобританию, ФРГ и Бельгию (среди ведущих производителей ЛС, на которые суммарно приходится 40% выпуска медикаментов в регионе), а также Австрию, Финляндию и Норвегию (среди небольших производителей медикаментов). Важно отметить, что из указанных стран нетто-

импорт медикаментов характерен только для Финляндии и Норвегии, что в целом говорит о связи инновационной и экспортной ориентации фармацевтической отрасли в регионе.

Третья группа в фармацевтической промышленности Западной Европы – это страны с «производственным» характером развития промышленности, на которые приходится 34% объёма выпуска медикаментов в регионе. К данной группе отнесены Италия, Ирландия, Испания и Нидерланды. Ирландия также обладает самым высоким индексом локализации фармацевтической промышленности в регионе, став «производственным цехом» Западной Европы. Италия и Испания – крупнейшие нетто-импортёры в регионе, в основном за счёт отрицательного сальдо в торговле с США.

Некоторые страны нельзя однозначно отнести к одной из категорий. Для них были выделены две дополнительные группы. Страны со сравнительно низким объёмом производства (менее 1% от совокупного объёма производства в регионе) выделены в четвертую группу (ок. 2% выпуска ЛС в регионе), включающую Португалию, Грецию и Исландию: фактически это «задворки» местной фармацевтической промышленности, не играющие важных ролей ни в научных исследованиях, ни в производстве медикаментов. Кроме этого, все страны данной группы относятся к нетто-импортёрам. Страны с объёмом производства свыше 1% от суммарного показателя по региону были отнесены к странам с «комплексным» характером развития фармацевтической промышленности (первая группа - 24% выпуска ЛС в регионе). Внутри этой группы лидирует Швейцария – ядро фармацевтической индустрии Западной Европы, ключевой производитель и нетто-экспортёр медикаментов в регионе. Другие две страны, отнесённые к типу стран с «комплексным» характером развития фармацевтической индустрии – это Дания и Швеция; на территории которых гармонично развиты промышленные мощности и инфраструктура научных исследований; указанные страны также специализируются на фармацевтической промышленности в рамках международного разделения труда. Особо отмечена специализация Дании на торговле со странами вне Западной Европы (на них приходится почти 80% экспорта ЛС из Дании).

Несмотря на весомую роль Западной Европы в мировой фармацевтической промышленности, внутри региона выделяются страны - «локомотивы» индустрии; есть и страны с незначительными объёмами производства ЛС на фоне других стран мира. По итогам исследования пространственной структуры фармацевтической промышленности Западной Европы сделан вывод, что странами-локомотивами отрасли выступают Швейцария, ФРГ, Ирландия, Великобритания и Франция, которые занимают видное место как в глобальном производстве и экспорте медикаментов, так и в разработке новых лекарственных средств. Отдельно отмечена роль Дании как страны с самой сильной специализацией на экспорте ЛС за пределы Западной Европы. Большинство стран изучаемого региона сохраняют стабильную специализацию в течение последних 30 лет, кроме Швеции, Австрии (перешли в категорию нетто-экспортёров в указанном периоде) и Италии (перешла в категорию нетто-импортёров в указанном периоде).

На более детальном территориальном уровне при выделении и сравнении ареалов использовались вспомогательные данные, влияющие на размещение производства и НИОКР – крупнейшие урбанизированные ареалы Западной Европы и важнейшие университетские центры, занимающиеся исследованиями в области медицины и биологии.

При выделении ареалов фармацевтической промышленности на территории Западной Европы были определены 14 ареалов концентрации предприятий, научно-исследовательских подразделений и головных офисов фармацевтической индустрии. В пределах ареалов выделены четыре главных центра фармацевтического производства, в которых наблюдается наибольшая концентрация предприятий по выпуску медикаментов, принадлежащих двадцати ведущим мировым фармацевтическим ТНК.

При выделении ареалов и центров фармацевтической промышленности учитывалась взаимосвязанность элементов (предприятий, лабораторий, штаб-квартир) по признаку их функций, корпоративной принадлежности, исторической общности возникновения и, самое

главное – территориальной общности (соседства). Таким образом, выделение ареалов и центров проводилось на базе данных из корпоративных источников (размещение предприятий и лабораторий, потоки капитала и продукции между подразделениями, объемы выпуска продукции и объемы затрат на научные исследования), а также исторического обзора фармацевтической индустрии Западной Европы. Отметим, что для целей выделения ареалов и центров были учтены только активы двадцати крупнейших глобальных ТНК, на которые в совокупности приходится ок. ¼ мировых продаж ЛС. На территории региона указанные компании контролируют 303 учреждения, из которых 70 – корпоративные лаборатории и центры НИОКР (22%). Внутри ареалов расположены 293 объекта, т.е. 97% всех объектов рассматриваемых ТНК в Западной Европе.

Для каждого из 13 ареалов рассчитаны показатели объема производства медикаментов (по формуле $V_p = V_c * (\sum_p / \sum_c)$, где V_p – объем выпуска медикаментов в ареале в долл. за 2012 г.; V_c – объем выпуска медикаментов в стране, на территории которой расположен ареал; \sum_p – количество производственных предприятий на территории ареала; \sum_c – количество производственных предприятий на территории страны)³⁰. Если ареал охватывает территорию двух стран и более, то рассчитывался суммарный показатель по каждой из стран.

Если доля ареала в совокупном выпуске медикаментов выше, чем доля ареала в количестве всех точек на территории Западной Европы, то такой ареал отнесен к категории «производственных». К данной категории относится меньшая часть ареалов – Альпийский, Ирландский, Миланский и Шотландский.

Для определения инновационного характера фармацевтической промышленности каждого ареала была рассчитана доля количества лабораторий на территории ареала в суммарном количестве объектов на территории ареала. Ареалы с долей лабораторий выше среднего по региону были отнесены к категории «инновационных». Ареалы, отнесенные по каждому показателю в разные категории, выделены в третий тип – «комплексные» ареалы, т.е. с неярко выраженной инновационной или производственной ориентацией³¹.

Из 13 ареалов к категории инновационных отнесены 4 (в порядке убывания) – Лондонский, Долина Рейна, Бенилюкс и Баварский. Ареалы с преимущественно производственной ориентацией (в порядке убывания мощностей): Ирландский, Парижский, Миланский, Скандинавский, Средняя Италия, Средняя Англия, Шотландский, Центрально-Восточная Германия. Два ареала отнесены к категории комплексных – Альпийский (включает в себя все центры на территории Швейцарии и часть французских предприятий) и Южная Франция.

Внутри ареалов наивысшая степень концентрации фармацевтических производств отмечена в Базеле, Милане, Лондоне и Дублине; совокупный объем производства в них составляет свыше 1/3 от суммарного выпуска ЛС в Западной Европе. Кроме этого, в Базеле и Лондоне находятся по две штаб-квартиры крупнейших мировых фармацевтических ТНК. Указанные агломерации выступают полюсами развития фармацевтической индустрии региона, при этом Базель является одной из крупнейших агломераций фармацевтической промышленности в глобальном масштабе – в одном ряду с Нью-Йорком, Токио и Шанхаем (в каждой из этих агломераций объем выпуска медикаментов приближается к отметке 40 млрд долл./год)³². Крупнейший центр инноваций в фармацевтической отрасли на территории региона – Лондон (14 лабораторий вместе с Кембриджем), Базель и Брюссель (по 5 лабораторий), а также Париж (4 лаборатории).

³⁰ Делается допущение, что для всех предприятий объем выпуска продукции в денежном эквиваленте сопоставим.

³¹ Безусловно, существуют более релевантные способы изучения степени инновационности или наукоёмкости ареалов, например, на базе количества научных публикаций или запатентованных лекарств. Но имеющаяся эмпирическая база делает затруднительной привязку указанных показателей к ареалам/центрам – это тема отдельного исследования.

³² Авторская оценка, на базе [5].

Территории, не охваченные ареалами, характеризуются слабой территориальной концентрацией производства, размытостью рисунка размещения, слабыми взаимными связями. Тем не менее, фармацевтические заводы присутствуют в Португалии, Греции, Финляндии. На территории Испании действует значительное количество фармацевтических предприятий, а Мадрид выступает центром НИОКР в Испании.

Таким образом, в фармацевтической промышленности Западной Европы существуют пространственные неоднородности, анализ которых позволил выделить по совокупности признаков ареалы, каждый из которых обладает уникальным набором свойств.

Литература

1. Горкин А.П. География постиндустриальной промышленности (методология и результаты исследований, 1973-2012 годы) – Смоленск: Ойкумена, 2012.
2. Ташенов А.С., Чередниченко Н. Н. Перспективы развития фармацевтического рынка Единого экономического пространства [Электронный ресурс]. // Евразийский банк развития / Отраслевой обзор №18, Алматы, 2013. – 39 с.
3. The Global Use of Medicines: Outlook Through 2015. // IMS Institute for Healthcare Informatics, - May 2011.
4. The Pharmaceutical Industry in Figures, Editions 2005-2014 [Электронный ресурс]. // European Federation of Pharmaceutical Industries and Associations. - Brussels. Режим доступа: <http://www.efpia.eu/facts-figures>. (дата обращения 12.08.2015)
5. United Nations Industrial Statistics Database 2009 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.unido.org/en/resources/statistics/statistical-databases.html> (дата обращения 27.01.2015)

РОЛЬ КЛАСТЕРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ В ИННОВАЦИОННОМ РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ И РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА

Эффективность управления региональной экономикой зависит от многих условий и факторов, соблюдения «правил игры» и законов рынка. Наряду с адаптацией существующего в мировой практике стратегического инструментария, необходима разработка новых подходов к экономическому обоснованию концепций и стратегий развития. Одним из таких подходов является кластерная политика, основанная на преодолении узкого отраслевого видения экономики и переходе к комплексному использованию потенциала развития территории. Основной целью реализации кластерной политики является обеспечение высоких темпов экономического роста и диверсификации экономики за счет повышения конкурентоспособности предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, образующих территориально-производственные кластеры [3].

Впервые термин «кластер» популяризировал лауреат Нобелевской премии, профессор кафедры делового администрирования Гарвардской бизнес школы Майкл Портер в своей работе «Конкуренция». Согласно теории Портера, кластер – это группа географически соседствующих взаимосвязанных компаний (поставщики, производители и др.) и связанных с ними организаций (образовательные заведения, органы государственного управления, инфраструктурные компании), действующих в определенной сфере и взаимодополняющих друг друга [9]. М. Портер выделяет три основных свойства кластеров: географическая локализация, связь между объектами (предприятиями), технологическая связь между отраслями. Особое внимание уделяется взаимосвязи отраслей в кластере. Это вызвано в первую очередь тем, что основные конкурентные преимущества возникают не внутри предприятий, а между поставщиками, покупателями, дилерами и т.п. Отсюда вытекает разработанная Портером концепция конкурентоспособности, которая заключается в том, что конкурентоспособность государства (региона) необходимо определять не как категорию макроэкономики, достигаемую с помощью кредитно-денежной и налогово-бюджетной политики, а как производительность, т.е. эффективное использование рабочей силы и капитала. Уровень жизни в определенной стране измеряется показателем национального дохода на душу населения, который растет с совершенствованием экономики. Однако национальный доход создается на микроуровне и рассмотрение благосостояния экономики надо рассматривать в отношении каждой отдельной компании. То есть реализуется стратегическая цель развития территории – повышение уровня жизни за счет роста конкурентоспособности предприятий.

В настоящее время существуют различные точки зрения на определение термина «кластер». Кластер – совокупность однородных элементов, идентичных объектов, образующих группу единиц [10]. Соколенко С.И. под кластером понимает территориальное объединение взаимосвязанных предприятий и учреждений в пределах соответствующего промышленного региона, направляющих свою деятельность на производство продукции мирового уровня [14]. А. Воронов, изучая данный вопрос, пришел к выводу, что кластер – это упорядоченная совокупность специализированных предприятий, выпускающих конкурентоспособную продукцию [2]. В условиях усиления конкуренции становится всё более очевидным, что уникальные конкурентные преимущества формируются на уровне конкретных бизнесов, функционирующих на территории регионов. Сегодня первостепенной задачей является создание системы управления региональным развитием, которая была бы направлена на постоянное и устойчивое повышение добавленной стоимости, создаваемой на территории того или иного региона РФ [6].

Международный опыт показывает, что развитие кластерной политики варьируется в зависимости от национальных традиций и культуры, а также концепции кластера. При этом из данного опыта можно выделить базисные подходы. Первый – это комплекс мер,

осуществляемых федеральными и региональными органами власти по идентификации кластеров, определению поля деятельности формирующих кластеры фирм, созданию государственных органов поддержки кластеров и осуществлению общей политики поддержания кластеров в стране и регионе. Второй подход базируется на хорошем знании о существующих в стране или регионе кластерах и подразумевает индивидуальный подход к проблемам развития каждого кластера в отдельности. Государственные инициативы в кластерной политике ориентированы, в первую очередь, на поддержку сильных и креативных компаний и создание плодотворной среды, в которой, в свою очередь, более слабые и отстающие фирмы могли бы повышать свою конкурентоспособность.

В зависимости от роли государства при проведении кластерной политики выделяют несколько направлений её проведения:

- каталитическая кластерная политика, когда правительство сводит заинтересованные стороны (например, частные компании и исследовательские организации) между собой, но обеспечивает ограниченную финансовую поддержку реализации проекта;
- поддерживающая кластерная политика, при которой каталитическая функция государства дополняется его инвестициями в инфраструктуру регионов, образование, тренинг и маркетинг для стимулирования развития кластеров;
- директивная кластерная политика, когда поддерживающая функция государства дополняется проведением специальных программ, нацеленных на трансформацию специализации регионов через развитие кластеров;
- интервенционистская кластерная политика, при которой правительство наряду с выполнением своей директивной функции перенимает у частного сектора ответственность за принятие решения о дальнейшем развитии кластеров и посредством трансферов, субсидий, ограничений или регулирования, а также активного контроля над фирмами в кластере, формирует его специализацию [7].

Особое внимание следует уделять кластерной стратегии. Говоря о кластерах, можно выделить основные группы стратегий, которые на практике дополняют друг друга: (1) стратегии, направленные на повышение использования знаний в существующих кластерах; (2) стратегии, направленные на создание новых сетей сотрудничества внутри кластеров. Кластерную стратегию необходимо рассматривать как средство консолидации активности администрации, бизнеса и населения в интересах достижения совместных целей развития и решения социально-экономических проблем. В этом контексте эффективная стратегия должна ориентироваться на обеспечение баланса интересов как на основное условие её дальнейшей реализации. При разработке стратегии следует учитывать социально-экономические проблемы, поскольку они являются ограничениями для потенциала региона.

Развитие регионов, реализация программных инновационных стратегий субъектов РФ и страны в целом [15], во многом зависят от качества среды, стимулирующих источников инновационного развития при реализации кластерной политики, в том числе: повышения уровня доверия, привлекательности ведения бизнеса, спроса на инновации, склонности к инновациям и др. Под качеством среды мы понимаем совокупность сложившихся в регионе факторов и потенциальных возможностей, значимым образом влияющих на процессы развития территории с учетом интересов и потребностей ее жителей.

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Зарубежный опыт показывает, что современное развитие регионов невозможно без повсеместного, постоянного использования результатов инновационной деятельности, без опоры на знания, науку, интеллект. Обратимся к факторам успеха и зарубежному опыту в инновационном кластерном развитии.

Кластерное развитие Финляндии

Интересным является опыт инновационного кластерного развития Финляндии. В 1990 годы для экономики страны наступили сложные времена, а сегодня это страна победившего «хайтека». Финская национальная модель производства и использования новых знаний

призвана одной из наиболее эффективных в мире. Инновациям отводится важная роль в экономической политике правительства Финляндии. Это нацелено на создание условий для коммерциализации инноваций, их стимулирование и обеспечение устойчивости инновационной среды. Активный диалог между компаниями, университетами, научно-исследовательскими институтами и организациями, осуществляющими финансирование НИОКР, является одним из ключевых факторов инновационности Финляндии. Ключевые факторы успеха Финляндии следующие:

- Минимум коррупции и бюрократии. О низком уровне коррупции в Финляндии говорит уже тот факт, что полиция считается организацией, вызывающей наибольшее доверие в стране. Низкий уровень коррупции позволяет более открыто и честно вести бизнес в Финляндии, чем в большинстве других мест, и делает страну еще более привлекательной для инвестиций.

- Высокий процент ученых и инженеров, одна из лучших систем образования в мире. Высокий уровень образования за счет достижения договоренности между властью, наукой и бизнесом об общих «правилах игры».

- Страна занимает одно из ведущих мест в мире по расходам на НИОКР на душу населения. В течение последнего десятилетия в Финляндии число занятых в сфере НИОКР выросло с 40 000 до почти 80 000 человек, что составляет 2 % всей рабочей силы и является самым высоким показателем среди стран ОЭСР. Число докторских степеней за последнее десятилетие почти удвоилось.

- Активная роль государства в инновационной и научно-технической политике.

- Широкое распространение маркетингового стиля мышления, в соответствии с которым выпуск продукта начинается только после того, как фактически на него получен заказ. Производить только то, что требует рынок, в таком количестве, которое может быть продано, на что есть платежеспособный спрос.

- Кластеризация, проведение целенаправленной политики диверсификации экономики, приоритетное развитие наукоемких отраслей и использование новейших знаний во всех сферах деятельности. Доля продукции высокотехнологичных отраслей в экспорте увеличилась с 5% в конце 1980 гг. до 20% в начале 2000 гг.

- Высокоразвитая финская инфраструктура транспорта и связи обеспечивает стратегический выход на растущие рынки Северной Европы, России и Азии [5].

Современная Финляндия является одной из самых быстро развивающихся стран Европы и имеет самый высокий профицит государственного бюджета. Согласно отчету исследовательского агентства Economist Intelligence Unit за 2009 год Финляндия имеет лучшую в мире бизнес среду на период с 2009 по 2013 год.

В Финляндии хорошо налажено партнерство между государственно-муниципальным и частным секторами, что подтверждается устойчивым экономическим ростом на протяжении более десяти последних лет. Государственные институты, служащие опорой для экономического развития страны, занимают первые строчки в мировых рейтингах. Эффективная и прозрачная деятельность госучреждений и регуляторных органов способствует поступательному развитию частного сектора и экономики страны в целом. И на этом фоне активно и успешно проводится кластерная политика. К наиболее развитым кластерам в Финляндии относятся: информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), чистые технологии, возобновляемая энергетика, здравоохранение и фармацевтика, биотехнологии и медицинская промышленность, горная, лесная и химическая отрасли. Благодаря тесному сотрудничеству с финскими вузами компании могут непосредственно использовать передовые научные достижения финских университетов.

Цифровой бизнес

Финский кластер цифрового бизнеса насчитывает порядка 8000 компаний, занимающихся разработкой цифровых продуктов и услуг для улучшения и обогащения повседневной жизни людей и повышения эффективности деловой деятельности и государственного сектора. Финские компании цифрового бизнеса имеют опыт в области

электронного обучения, многоязычных коммуникаций, управления контентом, игр и развлечений, а также социальных медиа. Игровая индустрия Финляндии, включающая в себя около 75 компаний, значительно выросла за последнее десятилетие и стала неотъемлемой частью экспортного сектора Финляндии. Кластер цифрового бизнеса имеет пять центров экспертиз в городах Хельсинки, Хямеэнлинна, Коувола, Тампере и Турку. Компании кластера постоянно взаимодействуют с крупнейшими университетами, научно-исследовательскими институтами, проектными организациями и компаниями стран [17].

Чистые технологии

Финские компании сектора чистых технологий известны своими разработками, используемыми на всех этапах производственно-сбытовой цепочки древесного топлива, а также в области водопотребления и водоочистки, охраны атмосферного воздуха, комбинированного производства тепла и электроэнергии, биоэнергетики, ветровых технологий, управления отходами и эффективности городской энергетики. Благодаря профессионализму мирового класса и деятельности ведущих компаний в области зеленых технологий и возобновляемой энергетики Финляндия является богатым источником передовых технологий и лучших практик, а также идеальным испытательным полигоном со сложными арктическими условиями. Кластер чистых технологий имеет четыре региональных центра экспертиз, охватывающих более 400 предприятий, а также ведущие университеты и исследовательские центры Финляндии. В результате сотрудничества между участниками кластера уже появилось множество инновационных решений, связанных, в том числе, с энергетикой, водопользованием и качеством воздуха. Общей для кластера является тема экологического мониторинга, который сочетает в себе ноу-хау в области ИКТ и охраны окружающей среды и является одним из самых быстрорастущих направлений сектора чистых технологий в мире.

Энергетические технологии

Финляндия входит в число лидеров в области возобновляемой энергетики, биоэнергетики, энергосбережения и энергоэффективности, а также комбинированной генерации тепла и электроэнергии (когенерации). Финская индустрия энергетических технологий растет примерно на 20 % в год. Семь региональных центров экспертиз данного сектора выступают в качестве связующего звена для компаний и университетов с целью повышения конкурентоспособности, создания новых бизнес операций, развития инновационной деятельности и стимулирования экспорта. Финские компании занимаются производством и переработкой различных видов биотоплива, разработкой технологий биоэнергетики и сжигания, биогазовых технологий и теплоэнергетическим бизнесом. В Финляндии также накоплен опыт в области ветровой и солнечной энергетики, других видов распределенного энергопроизводства и водородных технологий. В области энергетики финские компании предлагают решения для лесной промышленности, производства материалов, когенерации, будущих видов первичной энергии и энергетических рынков. Финские компании также обладают компетенциями по вопросам энергораспределения и ИКТ при проектировании электросистем, в области управления интеллектуальными электросетями, электропотребления и магнитных технологий [17].

Кластер здравоохранения и охраны здоровья

В области медицинских технологий финские компании обладают компетенциями по разработке аксессуаров, инструментов, оборудования и систем, в том числе систем диагностики и информационной поддержки. В сфере услуг здравоохранения и профилактики здоровья финские компании участвуют в разработке медицинских, врачебных, медсестринских, социальных, домоводческих, вспомогательных и альтернативных услуг. Финские компании также занимаются разработкой технологий и сервисов дистанционного мониторинга состояния здоровья, позволяющие, в частности, пожилым людям легче справляться с трудностями повседневной жизни. В области спорта и фитнеса финские компании разрабатывают новые технологии, концепции и решения, направленные на укрепление здоровья и профилактику

заболеваний. Кластер здравоохранения и охраны здоровья имеет четыре центра экспертизы, расположенных в Куопио, Оулу, Тампере и Хельсинки.

Кластер туризма и управления впечатлениями клиентов

Финский кластер туризма и управления впечатлениями клиентов, предлагающий посетителям чистую природу, четыре разных времени года и уникальную культуру, нацелен на создание экологически безопасного туризма и на предоставление клиентам незабываемых впечатлений как во время деловых, так и во время частных поездок. К 2020 г. Финляндия стремится стать одной из ведущих туристических стран в Европе за счет обеспечения легкого доступа и предоставления высококлассного сервиса в течение всего года. Кластер имеет в городах Рованиemi, Ювяскюля, Савонлинна, Турку и Хельсинки пять центров экспертизы, содействующих инновационному развитию и сотрудничеству между научно-исследовательскими институтами, бизнесом и государством. Ключевые направления в области НИОКР включают в себя инновации, сочетающие в себе управление впечатлениями клиентов, электронный бизнес и проектирование услуг. Инновации создаются с участием реальных пользователей в реальных условиях с помощью модели Experience Lab («Лаборатория впечатлений»). Используя такие лаборатории, кластер стремится к интегрированному и долгосрочному развитию и поддержанию процессов совершенствования деятельности на благо туристического бизнеса.

Опыт развития кластеров Финляндии может иметь особое значение для экономики Северо-Запада России. В этом регионе эволюционно сложились предпосылки для формирования аналогичных кластеров, которые по своим масштабам и потенциалу способны существенно превосходить финские.

Кластерное развитие Японии

Важное направление инновационной политики правительства Японии – содействие созданию и развитию кластеров - групп географически близких взаимосвязанных компаний и организаций (образовательных, научно-исследовательских учреждений, государственных органов), сотрудничающих в определенной сфере. Кластер – наиболее эффективная форма ведения успешного инновационного процесса, поскольку формирует не спонтанную концентрацию разнообразных технологических изобретений, а строго ориентированную систему распространения новых знаний, технологий и инноваций.

Кластеры в Японии создаются для продвижения наиболее современных научно-технических направлений: разработки и производства больших интегральных схем, нанотехнологий, робототехники. Особое значение придается так называемым смешанным отраслям: биопроизводству, экологической и биоинформатике. В этом заключается одно из основных отличий японских программ от их аналогов в Европе, где нередко преобладают кластеры в таких «традиционных» отраслях, как сельское (Дания), морское (Норвегия) и лесное (Финляндия) хозяйство. Активное создание этой формы генерации инноваций ведется в Японии с принятия в 2001 г. двух проектов развития промышленных и интеллектуальных кластеров. Они разрабатывались с учетом зарубежного опыта, прежде всего американского, однако имеют некоторые особенности.

В Японии решающая роль отводится регионам в лице местных органов самоуправления и компаний. Власти префектур и муниципалитетов должны самостоятельно планировать строительство различных объектов, решать вопросы размещения частных предприятий и лабораторий, выделять земельные участки, брать на себя значительную часть расходов по развитию необходимой инфраструктуры. Большое значение в кластерной политике Японии придается налаживанию кооперации между частными промышленными компаниями, научно-исследовательскими, учебными учреждениями, соответствующими государственными организациями. В Японии убеждены, что разобщенность между ними является слабым местом японской инновационной системы.

Успешный пример, демонстрирующий особенности японской политики по развитию кластеров, – «Долина Саппоро». Этот кластер – одно из первых в Японии крупных научно-производственных объединений. В 1976 г. доцент Университета Хоккайдо Ё. Аоки

организовал «Группу микрокомпьютерных исследований Хоккайдо». Многие студенты, входившие в группу, впоследствии организовали свои компании, занимающиеся разработкой программного обеспечения (ПО), что в итоге привело к созданию «Долины Саппоро». В конце 1990 гг., в период спада японской экономики, город Саппоро (столица губернаторства Хоккайдо) испытывал серьезный кризис. Однако индустрия ПО продолжала демонстрировать устойчивый рост. Это побудило власти губернаторства разработать «Проект создания сверхкластера Хоккайдо», который предусматривал пакет мер по развитию венчурного бизнеса, по сотрудничеству между промышленными компаниями, научно-исследовательскими, учебными учреждениями и государственными организациями, по налаживанию международного научно-технического и гуманитарного обмена, а также по подготовке специалистов.

В 2001 г. администрация Саппоро учредила Городской центр цифровых разработок, призванный содействовать разработчикам ПО, веб-дизайнерам и другим специалистам в организации венчурных предприятий. Тогда же была разработана программа «Электронный шелковый путь», направленная на развитие сотрудничества с зарубежными партнерами. Наряду с Саппоро в ней участвуют Сеул, Тэчжон (Южная Корея), Шанхай, Шэньян, Шэньчжэнь, Гонконг (КНР), Синьчжу (Тайвань), Бангалор (Индия), Сингапур. В настоящее время «Долина Саппоро» представляет собой кластер со стабильно растущим совокупным доходом, способный в перспективе войти в ряд крупнейших центров создания ПО в Азии [8].

Японский подход к решению проблемы кластеризации промышленности заслуживает серьезного изучения с точки зрения использования в российских условиях, которые отличаются неразвитостью инфраструктуры и венчурного бизнеса, разобщенностью науки и бизнеса. Детальное изучение и анализ особенностей японской кластерной политики могут представлять значительный практический интерес при разработке и реализации инновационной политики России.

РОССИЙСКАЯ ПРАКТИКА КЛАСТЕРИЗАЦИИ

Существующие аспекты развития кластеров позволяют говорить об их применимости на территории Российской Федерации. Развитие территориальных кластеров в России является одним из условий повышения конкурентоспособности отечественной экономики и интенсификации механизмов частно-государственного партнерства. Кроме того кластерный подход становится основным инструментом структурирования экономики. Это связано с тем, что он дает новый способ понимания конкуренции и источников достижения конкурентных преимуществ.

Стратегией инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. предусматривается создание сети территориально-производственных кластеров, реализующих конкурентный потенциал территорий, формирование ряда инновационных высокотехнологичных кластеров. Формирование и развитие кластеров является эффективным механизмом привлечения прямых иностранных инвестиций и активизации внешнеэкономической интеграции. Включение отечественных кластеров в глобальные цепочки создания добавленной стоимости позволяет существенно поднять уровень национальной технологической базы, повысить скорость и качество экономического роста за счет повышения международной конкурентоспособности предприятий, входящих в состав кластера [15].

На уровне субъектов РФ (регионов) кластерную политику можно рассматривать как систему отношений между органами государственной власти региона и хозяйствующими субъектами по поводу повышения их конкурентоспособности на основе формирования и развития кластеров. Задачи региональной кластерной политики нацелены на создание благоприятных условий для формирования и развития конкурентоспособных кластеров на территории регионов и включают: проведение диагностики кластеров; поддержание кластерных инициатив и информирование о них федеральных и муниципальных органов управления; стимулирование развития кластеров; мониторинг деятельности кластеров и оценку эффективности кластерной политики.

Опыт Санкт-Петербурга

В Санкт-Петербурге существуют и довольно благополучно развиваются крупные кластерные объединения, служащие примером успешной внутри- и межотраслевой кооперации. Согласно Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2030, стратегически важными целями являются обеспечение устойчивого экономического роста города, увеличение соотношения ВРП Петербурга к суммарному ВРП России на душу населения в 1,5 раза; увеличение выработки на одного занятого в промышленности в 2,5 раза (по сравнению с уровнем 2012 г.); рост эффективности промышленности в целом и конкурентоспособности продукции отдельных промышленных предприятий, в частности, за счет роста инвестиционной и инновационной активности (к 2030 г. доля инновационной продукции в общем объеме обрабатывающих производств должна составлять 30%). На фоне сложной экономической ситуации и дефицита бюджетных средств предприятиям выгодно выступать единым фронтом, повышая конкурентоспособность и инновационность производств за счет налаживания крепких внутри- и межотраслевых связей и создания общей инфраструктуры. То есть придерживаться кластерной политики развития. Сегодня в Петербурге действуют несколько как исторически сложившихся кластеров, так и объединений в стадии формирования. Среди них можно выделить автомобильную, судостроительную, фармацевтическую и радиологическую сферы, а также направления радиоэлектроники и информационно-коммуникационных технологий.

Автомобильный кластер

Одним из самых известных и активно развившихся в последние годы стал автомобильный кластер, в котором размещены производства ведущих мировых автопроизводителей: Toyota, General Motors, Nissan, Hyundai, Scania и MAN. По итогам 2013 г. доля петербургского автопрома в структуре общероссийского производства автомобилей составила более 20%. На перечисленных предприятиях занято более 8 тыс. человек. В 2013 г. на фоне общего по России снижения спроса и объемов производства заводы кластера не сократили выпуск – здесь было произведено более 392,8 тыс. легковых автомобилей, объем производства вырос, лишь на условный 1%. Для обеспечения предприятий кластера кадрами в городе организованы два центра по подготовке, переподготовке и повышению квалификации специалистов на базе профессионального лицея № 110 «Автосервис» и Санкт-Петербургского политехнического университета.

Международный опыт привлечения крупнейших мировых автопроизводителей показал, что наибольший рост конкурентоспособности страны и региона достигается путём создания на своей территории автомобильных кластеров, объединяющих автопроизводителей, поставщиков автокомпонентов и компаний поддерживающих секторов. С приходом в Россию международных лидеров автомобильной промышленности, этот международный опыт может быть эффективно использован для привлечения новых игроков и повышения конкурентоспособности региона.

Радиоэлектроника

Инновационный территориальный кластер «Развитие информационных технологий, радиоэлектроники, приборостроения, средств связи и инфотелекоммуникаций» был образован путем объединения двух ранее существовавших кластеров - Санкт-Петербургского кластера предприятий радиоэлектроники, приборостроения, средств связи и инфотелекоммуникаций и Санкт-Петербургского кластера информационных технологий.

В состав Ассоциации предприятий входят Жилищный комитет, Комитет по транспорту, Комитет по энергетике и инженерному обеспечению, ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга», ОАО «Ленэнерго», ГУП «Петербургский метрополитен» и др. В настоящее время радиоэлектронный комплекс составляет 11% от общероссийского объема и производит более 60% радиоэлектронной продукции Санкт-Петербурга. Совокупный объем производства предприятий кластера в 2013 г. составил более 44,5 млрд. рублей [13]. Дальнейшее развитие кластера ориентировано на высокотехнологичные разработки и использование датчиков, приборов и автоматизированных систем, которые применяются в

различных сферах городского хозяйства и направлены на реализацию задач социально-экономического развития города в части обеспечения комплексной безопасности, ресурсосбережения, эффективности функционирования городского хозяйства, жилищно-коммунального хозяйства и административных органов государственного управления для повышения качества жизни населения Санкт-Петербурга.

Фармацевтика

Наиболее успешным считается сегодня пилотный инновационный территориальный кластер медицинской, фармацевтической промышленности, радиационных технологий, расположенный одновременно на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В составе кластера более 200 предприятий, включая 40 научно-исследовательских и 120 производственных организаций. Общее число сотрудников кластера составляет более 59 тыс. человек. Развитие кластера строится на значительном потенциале региона в области создания, производства и внедрения в медицинскую практику инновационных лекарственных препаратов, воспроизведенных лекарственных средств, медицинской техники и изделий медицинского назначения. Одна из приоритетных задач кластера - устранение системных проблем отрасли на уровне Российской Федерации, в том числе на основе государственно-частного партнерства. Существующие проблемы и слабые стороны кластера: технологическое отставание на всех этапах жизненного цикла лекарственного средства - от научных исследований до внедрения в медицинскую практику; отсутствие ориентации на применение инновационной продукции; существенный объем затрат на низкоэффективные воспроизведенные лекарственные средства (дженерики) в структуре государственного заказа; отсутствие взаимосвязи между разработкой лекарственных препаратов, выпуском и внедрением в практику фармацевтической продукции и другие.

Судоостроительный кластер

Комплекс судоостроительных предприятий существует в городе если не со времен Петра Первого, то с советского времени точно. Развитие национального судоостроения в формате отраслевого кластера, является эффективной формой продвижения на рынке, для которого характерны высокая капиталоемкость инвестиционных проектов, значительная инерционность производственных решений, высокая технологическая и научная емкость. Сегодня в Санкт-Петербурге более 40 организаций судоостроительной отрасли, на которых работают свыше 50 тыс. специалистов. Продукция индустрии судоостроения составляет более 50% от всей петербургской продукции ОПК. Основу кластера представляют организации, входящие в состав ОАО «Объединенная судоостроительная корпорация» - ведущие российские проектно-конструкторские бюро ОАО «ЦКБ МТ «Рубин», ОАО «СПМБМ «Малахит», ОАО «ЦМКБ «Алмаз», ОАО «Северное ПКБ», ОАО «Невское ПКБ», ОАО «ЦКБ «Айсберг». По их проектам строятся атомные и дизельные подводные лодки различных классов, корабли и суда, составляющие сегодня основу морских стратегических ядерных сил и сил общего назначения Военно-Морского Флота России и военно-морских сил иностранных государств.

Многие петербургские предприятия, поставляющие отдельные узлы и целые комплексы управления корабельным оружием, системы автоматики, судовую арматуру, электротехническую продукцию, выступают исполнителями крупных заказов, в их числе: ОАО «Концерн «НПО «Аврора», ОАО «Пролетарский завод», ОАО «Концерн «ЦНИИ «Электроприбор», ОАО «Концерн «Гранит-Электрон» и др.

Однако доля российского судоостроения в ежегодном объеме мирового рынка не превышает 0,5%. В настоящее время судоостроительная отрасль Санкт-Петербурга проходит этап реорганизации. Для развития отрасли необходимо определить стратегии ее рыночного развития, сформировать новые эффективные формы кооперации между предприятиями.

ИТ - кластер

Петербургский ИТ-кластер существует более 15 лет и формируется сегодня некоммерческим партнерством (НП) «РУССОФТ» - одним из самых крупных объединений компаний-разработчиков программного обеспечения (ПО) России, появившегося в результате слияния консорциума «Форт-Росс» с Национальной ассоциацией разработчиков

программного обеспечения. Сегодня партнерство объединяет более 70 компаний, работающих в области информационных технологий с общим штатом более 17 тыс. сотрудников в тесном взаимодействии с ведущими вузами. Среди участников – ГК «Гранзас» (разработка продуктов и решений для морской индустрии), ОАО «НИЦ ПетербургаЭТУ» (Научно-инженерный центр Санкт-Петербургского электротехнического университета, специализация – разработка систем сбора, обработки, анализа и интерпретации данных), ЗАО «Ланит-Терком» (компания базируется в Петродворце и работает в тесной связи с СПбГУ, оказывает широкий спектр услуг – от разработки программно-аппаратных комплексов и реинжиниринга, до ИТ-консалтинга), компания PROMT (разработчик решений по машинному переводу для корпоративных и частных пользователей) и др. По оценкам экспертов, ИТ-индустрия Санкт-Петербурга составляет около 60% от общего объема по Северо-Западному федеральному округу [13].

Инжиниринг и хай-тек

Объединение компаний формирует НП «Кластер Высоких технологий и Инжиниринга», главная цель их деятельности - содействие развитию инжиниринга и HiTech на промышленных предприятиях Санкт-Петербурга посредством объединения и взаимодействия инжиниринговых и HiTech-компаний и установления конструктивного диалога между бизнес-сообществом, государственной властью, общественными и иными участниками экономических отношений. Состав участников: ЗАО НПФ «Диполь» (подбор оптимальных технологий производственного процесса для промышленных предприятий различных отраслей, выполнение функции технического заказчика и генподрядчика при создании и техническом перевооружении промышленных предприятий), ООО «АСКОН-Северо-Запад» (разработчик и поставщик комплексных решений для автоматизации конструкторских, технологических и проектных работ), ГК «ТЕЛРОС» (работает в области инновационных комплексных систем безопасности и промышленной автоматизации, разработки технологий и создании интеллектуальных систем управления различными аспектами городской инфраструктуры) и др. Партнерами кластера выступают экономический университет (СПбГЭУ), электротехнический университет «ЛЭТИ» (СПбГЭТУ), НИУ ИТМО, Санкт-Петербургская инженерная академия, Институт инновационных технологий в бизнесе и Инженерный клуб.

Полимерный кластер

Полимерный кластер функционирует на базе Делового полимерного парка – совместного проекта властей Санкт-Петербурга и завода по переработке пластмасс им. «Комсомольской правды». Деятельность компаний-партнеров включает поставки сырья и материалов, проведение научно-исследовательских работ, лабораторных исследований и натурных испытаний, разработку прототипов изделий, проектирование оснастки и изготовление пресс-форм, изготовление готовых изделий малой и крупной серии по различным технологиям, инжиниринговые услуги, контроль качества и др. Инновационная инфраструктура кластера включает в себя, во-первых, Российско-германский «Институт полимеров», в задачи которого входит сбор, анализ и систематизация информации по разработке и использованию современных конструкционных полимерных материалов в мировой практике, разработка инновационных технологий создания и переработки конструкционных полимеров, выпуск опытных партий изделий и их внедрение. Во-вторых, здесь создан Инженерный полимерный центр, где проводятся экспериментальные и теоретические исследования, ведется теоретическое изучение основ использования различных типов материалов и конструктивных элементов, проходят стендовые статистические и динамические испытания различных конструкций и разработок в широком ряде отраслей. В-третьих, в деловом парке организован специальный Центр прототипирования для обеспечения малых и средних инновационных предприятий Санкт-Петербурга и СЗФО, а также предприятий кластеров и ассоциаций Санкт-Петербурга доступом к интегрированной среде «проектирование – подготовка производства – опытное производство» для сокращения времени и стоимости разработки новых изделий из

полимерных материалов, металлов и композитных материалов. В кластере осуществляется ряд пилотных проектов по заказам ФГУП «ЦНИИ им. Крылова», ОАО «РЖД», ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга», а также в сфере ЖКХ, социальной и промышленной недвижимости и т.д. Центр внедрения «зеленых» энерго- и ресурсосберегающих технологий получил премию правительства Санкт-Петербурга за лучший инновационный проект, реализуемый в рамках кластера [13].

Кластер станков и инструментов

На базе ОАО «Кировский завод» при поддержке администрации города, петербургского Союза промышленников и предпринимателей и Российской ассоциации производителей станкоинструментальной промышленности «Станкоинструмент» создан соответствующий кластер. Он объединяет производителей оборудования, комплектующих изделий и инструмента; научно-исследовательские институты; вузы и другие организации «взаимодополняющие друг друга и усиливающие конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом». Здесь сложилось устойчивое сотрудничество между компаниями «Балт-Систем» (производитель систем ЧПУ), «СКБ ИС» (производитель измерительных систем), «АВА Гидросистемы» (производитель гидрооборудования), «Киров-Инструмент» (производитель оснастки и инструмента), «Санкт-Петербургский завод прецизионного станкостроения» (производитель прецизионного шлифовального оборудования), «Киров-Станкомаш» (производитель зубообрабатывающего оборудования), «Станкозавод ТБС» (производитель расточного оборудования). Одним из ожидаемых результатов объединения предприятий в данный кластер является импортозамещение компонентов и комплектующих: систем ЧПУ, измерительных систем, гидрооборудования, программно-математического обеспечения.

Кластер специального машиностроения и электроники

Соглашение о создании и развитии на территории Санкт-Петербурга инновационного территориального кластера специального машиностроения и электроники «Северо-Западный региональный центр» (СЗРЦ) было подписано в 2012 г., координатором новой структуры выступило ООО «СЗРЦ Концерн ПВО «Алмаз-Антей». Основу научного, образовательного и производственного потенциалов кластера составляют пять якорных предприятий (ОАО «ВНИИРА», ОАО «ГОЗ», ОАО «ЗРТО», ОАО «КБСМ» и ОАО «РИВ») и семь вузов (СПбГУТ, СПбГПУ, СПбГЭТУ, НИУ ИТМО, ГУАП, СПбГТИ(ТУ), БГТУ «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова). При этом СПбГПУ и НИУ ИТМО получили статус национальных исследовательских университетов, а ОАО «ВНИИРА» – статус федерального научно-производственного центра. Кластер включает три организации среднего профессионального образования, ООО «СЗРЦ Концерн ПВО «Алмаз-Антей», 17 компаний малого и среднего бизнеса. Численность работающих в кластере превышает 16 тыс. человек, почти половина из которых занимается исследованиями и разработками. Основные цели кластера: посредством объединения усилий и консолидации интеллектуального, конструкторского и производственного потенциала активно содействовать повышению конкурентоспособности и инновационной активности, формировать сбалансированный и устойчиво развивающийся сектор исследований и разработок, увеличивать доли промышленных предприятий, осуществляющих технологические инновации в общем количестве промышленных предприятий региона, развивать кадровый потенциал его участников, повышать качество жизни населения.

Помимо названных, в Санкт-Петербурге сегодня на разной степени формирования находятся: аэрокосмический кластер, кластер лазерных технологий и оборудования, кластер водоснабжения и водоотведения, арктический кластер Санкт-Петербурга и другие структуры. В Концепции развития промышленного комплекса Санкт-Петербурга на период до 2020 г. отражена возможность создания кластеров легкой и пищевой промышленности. По мнению ряда экспертов, кластерный подход также будет эффективен в сфере ЖКХ, что поможет существенно повысить качество предоставляемых петербуржцам коммунальных услуг [13].

КЛАСТЕРНАЯ ПОЛИТИКА КАЛУЖСКОЙ ОБЛАСТИ

В целях обеспечения устойчивого развития региона на основе диверсификации и модернизации экономики, создания условий для производства конкурентных видов продукции и роста инновационной продукции была принята «Стратегия развития Калужской области до 2030 года». Главной целью Стратегии является достижение устойчивого развития области путем диверсификации отраслей экономики и подготовка условий для перехода в долгосрочном плане к сервисно - технологической экономике. Производство конкурентоспособных и высокотехнологичных товаров, во всех отраслях промышленности и сфере услуг является главным предметом областной инновационной политики.

Калужская область одна из первых в России начала управлять региональным развитием с помощью кластерного подхода, положив его в основу «Стратегии социально-экономического развития Калужской области до 2030 года». Основными целями данной стратегии являются пространственная организация и комплексное развитие территорий на основе нового «пакета ресурсов», создание инновационной инфраструктуры и поддержка развития кластеров, влияющих на основные показатели социально-культурного и экономического развития области [16].

Целевой задачей современного периода развития области является обеспечение высоких темпов роста валового регионального продукта (ВРП), дальнейшее наращивание эффективного производства и, конечно, повышение качества жизни населения. Бурное развитие технологий, логистики, коммуникационных и транспортных средств приводит к тому, что движения финансовых потоков становится более динамичными, а сама транспортировка – быстрой и относительно доступной. В связи с этим важнейшими факторами достижения и удержания конкурентного превосходства становятся не только инновации и образование, но и взаимосвязи между предприятиями области. В настоящий момент на территории Калужской области присутствуют, как организованные кластеры, так и существуют предпосылки для формирования сетевых экономических сообществ, которые при соответствующей организационной и правовой поддержке могли бы в ближайшем превратиться в «полюса» хозяйственной активности, существенной для достижения общих целей регионального развития.

Развитие Калужской области нацелено на формирование эффективной инновационной системы и организацию кластеров, имеющих определенную специализацию: автомобилестроение, биотехнологии и фармацевтика, нанотехнологии и новые материалы, туристско-рекреационный, агропищевой, транспортно-логистический и другие, на модернизацию социальной инфраструктуры, обеспечивающей повышение качества жизни населения области и создание привлекательной среды обитания.

В Калужской области активно развиваются индустриальные парки, на территории которых размещают свои производства промышленные предприятия с мировыми именами. Многим компаниям для организации производства и обеспечения материальными ресурсами требуется развитая транспортно-логистическая инфраструктура. Для обеспечения необходимого развития логистической инфраструктуры в области решаются вопросы о возможном создании и развитии транспортно-логистических центров: «сухой порт», грузовой парк «Росва», складские и таможенные терминалы, проект по созданию пассажирского и грузового международного аэропорта «Калуга», который реализуется на базе открывшегося аэропорта «Грабцево» и др. Заинтересованность бизнеса в грузовых и пассажирских авиаперевозках и доставке грузов в Калугу значительна. На территории области сосредоточили производства крупные автомобильные компании, которые являются потенциальными клиентами авиаперевозок при осуществлении доставки дорогих автокомпонентов и электроники для сборки автомобилей.

Строительство объектов логистической инфраструктуры позволит удовлетворить потребность в обработке грузов всей Калужской области, сосредоточить материальные потоки при распределении грузов в московский регион, создать распределительный центр при осуществлении транзита через Москву с востока на запад и с запада на восток. Реализация проекта позволит решить не только транспортные, но складские и таможенные вопросы.

В перспективе реализация системного подхода к региональной кластерной политике позволит обеспечить высокие темпы экономического роста и диверсификации экономики регионов за счет повышения конкурентоспособности предприятий, поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных производственных и сервисных услуг, научно-исследовательских и образовательных организаций, образующих территориально-производственные кластеры.

Для достижения поставленных в Стратегии целей в Калужской области создается поддерживающая инфраструктура. Координирует и продвигает кластерную инициативу специально созданное в 2010 г. Агентство инновационного развития Калужской области (АИРКО). Совместно с Корпорацией развития и Агентством регионального развития Калужской области (АРРКО) они оказывают кластеру эффективную системную поддержку. Основным инструментом по развитию транспортно - логистической инфраструктуры и предоставлению комплексных транспортно - логистических услуг на территории области является компания ООО «Индустриальная логистика». ОАО «Корпорация развития Калужской области» (КРКО) учреждено в 2007 г. для создания и развития инфраструктуры индустриальных парков и инженерной инфраструктуры на территории Калужской области. На данный момент, в регионе есть все звенья цепочки, необходимые для его динамичного кластерного развития.

Автокластер в Калужской области начал активно развиваться с 2007 г. Во многом благодаря автокластеру область считалась передовым регионом по инвестициям и входила в топ-3 российских автокластеров по производственным мощностям, в состав которого входят крупнейшие мировые производители (VOLVO, PSA Peugeot-Citroen, Volkswagen, Mitsubishi Motors) 7 мировых авто-брендов, 25 моделей автомобилей и сеть крупнейших производителей автокомпонентов. Предприятия автокластера концентрируются на территории трех из шести действующих в Калужской области индустриальных парков «Грабцево», «Калуга-Юг», «Индустриальный парк РОСВА» общей площадью 1370 га. Общий объем инвестиций предприятий автокластера составил 74 075 миллионов рублей. Ранее предполагалось, что на 1 рубль государственных вложений к 2019 г. будет привлечено до 15 рублей частных инвестиций. Сегодня прогнозировать цифры по инвестициям - сложно.

Автомобильный сектор чувствительнее других сегментов торговли реагирует снижением спроса на экономический спад. Сегодня авторынок России переживает кризис, сокращается производство, идут массовые увольнения. По данным Ассоциации европейского бизнеса, в марте 2015 г. авторынок России упал на 42,5 процента. Было продано на 103 482 автомобилей меньше, чем год назад, и это снижение продаж стало крупнейшим за последние шесть лет [7].

В декабре 2014 г. временно остановило мощности предприятие "ПСМА Рус" (концерн Peugeot, Citroen и Mitsubishi), а оформленных по срочным контрактам работников завода попросили уйти в отпуск. В настоящее время автоконцерн продолжает работу, однако модельный ряд значительно сокращен, как и количество персонала. В марте 2015 г. стало известно, что в условиях падения спроса ПСМА Рус приостанавливает производство Citroen C4 Седан и Peugeot 408 в период с 27 апреля по 10 июля 2015 г. Как сообщили представители компании, трактоваться этот период будет как простой и соответствующим образом будет оплачен сотрудникам. Также в марте 2015 г. предприятие прекратило некоторые трудовые договоры работников в связи с истечением срока их действия. Без работы осталось порядка 100 человек.

До наступления 2015 г. Калужская область превосходно развивалась и была образцово-показательной для остальных регионов страны. Во многом экономика региона выигрывала за счет создания автокластера - амбициозного проекта, который должен был превратить Калужскую область во второй центр автопрома в России, центр инноваций в сфере производства автомобилей и автокомпонентов.

В состав автомобильного кластера сегодня входят организации по следующим направлениям деятельности:

1. Сборочное производство легковых автомобилей: Volkswagen, Volvo Trucks & Renault Trucks, Peugeot-Citroen-Mitsubishi Motors Rus.

2. Производство автокомпонентов, материалов, узлов для автосборочных заводов: Gestamp Automocion – производство металлических сборочных узлов; Benteler Automotive – производство деталей подвески автомобилей; Magna Experia – производство бамперов, фронтальных модулей и автомобильных зеркал; YAPP Automotive Parts – производство топливных систем; Betsema – производство навесного автомобильного оборудования; Visteon Deutschland – производство сидений и обшивки автомобилей; HP Pelzer – производство звукоизоляционных материалов; HT&L – производство шиномонтажных линий; Гестамп-Северсталь и Северсталь-Гонварри – штамповочное производство и металлообработка; Fuyao Glass Industry Group – производство автомобильного стекла; ООО «ЛИР» – производство автомобильных сидений и жгутов; ООО «Шердель» – производство металлических каркасов для сидений автомобилей.

Открытие в Калужской области современных производств поставило задачу привлечения и подготовки высококвалифицированной рабочей силы. Недостаток в трудовых ресурсах компенсируется привлечением иностранных работников. В 2012 г. 21 компания заявила потребность использовать труд граждан Германии, в том числе такие, как «АЛЬПИНЕ», «ФОЛЬКСВАГЕН Груп Рус», «САБМиллер Рус», «Магна Технопласт» и др. С 2007 г. в Калужской области функционирует Центр подготовки специалистов для автомобильной промышленности, в котором совместно с ведущими международными компаниями (VW coaching, AFPA) обучено более 4000 специалистов для Фольксваген Груп Рус, ПСМА Рус, «Автофрамос».

В 2008 г. на базе КФ МГТУ им. Н.Э. Баумана открыта специальность «Наземные транспортные средства», по которой ежегодно осуществляется подготовка 20 человек. В 2010 г. на работу в «Фольксваген Груп Рус» направлено 10 специалистов. В 2010 г. в целях обеспечения подготовки отечественных кадров для «Фольксваген Груп Рус» в ГАОУ СПО «Калужский колледж информационных технологий и управления» были открыты 5 новых адаптированных специальностей. Они разработаны совместно с предприятием по направлениям «механотроника» и «автомеханотроника» на базе существующих специальностей.

В 2011 г. было подписано соглашение между «Фольксваген Груп Рус», МГТУ им. Н.Э. Баумана и ГАОУ СПО «Калужский колледж информационных технологий и управления» о кооперации в области обучения в сочетании с практикой. Цель кооперации – разработка и внедрение новой формы образования, включающей в себя высшее образование и профессиональное обучение по определенной профессии. В 2012 г. стартовал новый проект StiP (Studium im Praxisverbund – обучение в сочетании с практикой) – это совместный проект с участием «Фольксваген Груп Рус» и МГТУ им. Н.Э. Баумана. Программа предусматривает, что 50% учебного времени проходит в стенах вуза, остальное – на производстве. В августе 2012 г. открылся новый учебный модуль в калужском учебном центре по подготовке и переподготовке кадров для автопромышленности. В центре кроме теоретических классов есть мастерские покраски, контроля качества автомобилей и элементов кузова, робототехники, герметичности салона и днища, шлифовки, клейки [7].

На фоне общего падения спроса на автомобили 2015 г. был для заводов кластера тяжелым - производство автомобилей в Калужской области сократилось на 28%. Но автокластер на сегодня производит 11% всех автомобилей в стране. В области продолжают работать три автосборочных производства, а 28 предприятий производят компоненты - широкую номенклатуру узлов и агрегатов. Сегодня некоторые модели, которые собираются на калужских автозаводах, более чем на 40% состоят из деталей, произведенных в России. Автопром попал под наибольшее давление курса иностранной валюты. Но здесь отчасти спасает локализация производства. На сегодняшний день калужские автозаводы придерживаются своей инвестпрограммы. В 2015 г. Volkswagen Group Rus запустила завод

по производству двигателей. «ПСМА Рус» планирует расширение модельного ряда в сегменте малых внедорожников.

Цели Калужской области на перспективу – стать вторым центром автопрома в России, центром инноваций в сфере производства автомобилей и автокомпонентов. Среди ближайших задач – глубокая локализация производства автопроизводителей. Планируется расширить сеть R&D подразделений автопроизводителей и стать крупнейшим российским центром компетенции подготовки специалистов в сфере автомобилестроения.

Туристско-рекреационный кластер

Одним из потенциалов Калужской области как «региона нового развития» является туризм. Обладая богатой историей, многовековыми традициями и живописными природными ландшафтами, область имеет возможности развития туризма различных форм: от делового, культурно-познавательного, религиозного до агротуризма и спортивного туризма с активными формами отдыха. Предопределяющими факторами успешного развития туризма и создания кластера в области являются близость столицы Российской Федерации, генерирующей мощный поток туристов, и наличие инновационных ядер, способных обеспечить конкурентоспособность туристско-рекреационного направления и его динамичное развитие. Важной особенностью потенциального туристического кластера на этапе его формирования является выход за границы одной области. Кластер может быть сформирован при условии создания нового межрегионального туристского бренда, включающего, например, Калужскую и Тульскую области, при участии южных районов Московской области.

Предпосылками формирования туристско-рекреационного кластера в Калужской области являются два фактора. (1) Благоприятная внешняя ситуация. Калужская область расположена рядом с Москвой, которая генерирует мощный поток туристов. Москва - источник расселенческого потока, который будет потребителем практически всего комплекса туристических и рекреационных услуг кластера. Формирование этого кластера происходит в условиях конкуренции с туристским территориальным брендом «Золотое Кольцо», а также с формирующимися в настоящее время рекреационными зонами московского макрорегиона - Тверской областью и Мещёрой (Рязанская область). (2) Наличие инновационных ядер, которые смогут обеспечить конкурентоспособность кластера и его динамичное развитие. В настоящее время Калужская область обладает значительным количеством таких инновационных зон, что выгодно отличает ее от других подмосковных регионов, в том числе - от регионов Золотого Кольца. Известным инновационным ядром являются Николо-Ленивецкие промыслы. Также инновационным ядром может стать экопарк «Сергиевское», формирующийся сейчас вокруг с. Кольцово, Ферзиковского района. Среди других инновационных ядер туристско-рекреационного типа можно выделить:

- Туристический центр «Этно-мир», специализирующийся на интерпретации наследия народов мира.
- Парк птиц «Воробы» - удачное сочетание возможностей для исследований, образовательных программ, семейного отдыха.
- «Сафари-парк», предоставляет посетителям широкие возможности для отдыха во взаимодействии с природой – от возможностей жизни в традиционной деревне, прогулок до охоты и рыбалки.

Таким образом, основные прорывные, инновационные зоны в развитии туризма и рекреации связаны в Калужской области со способами интерпретации среды, соединения природы и культуры. Именно такой, средовой подход может стать отличительным признаком индустрии туризма и рекреации на территории региона. Эта специализация может быть дополнена работой в области интерпретации среды малого русского города. Такая работа ведется на территории Боровска, в перспективе подобные культурные проекты и инициативы возможны в Тарусе, Козельске и других малых городах [16].

Создание кластера биотехнологий и фармацевтики

Создание кластера фармацевтики и биотехнологий стало одним из приоритетных направлений развития экономики области. Одна из важнейших задач фармацевтической отрасли – создание системы национальной лекарственной безопасности. Лекарственная безопасность определяется как состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства в сфере обращения лекарственных средств [12]. Следует помнить, что, с одной стороны, недостаточный уровень лекарственной безопасности обуславливается плохим положением дел в других аспектах национальной безопасности. Другая сторона медали – ухудшение лекарственной безопасности негативно влияет на формирование уровня национальной безопасности в целом. Без продукции фармацевтики немислима современная жизнь. Причины, побуждающие человека принять лекарство, лежат в сфере фундаментальных представлений о здоровье, качестве жизни и ее смысле. Россия до 70% потребностей в лекарствах удовлетворяет за счет дорогостоящего импорта.

Средняя продолжительность жизни в Калужской области составляет всего 68,5 года. Средняя ожидаемая продолжительность жизни населения Калужской области в 2014 г. составила 69,4 лет, что равнялось 98,8 % от среднероссийского уровня. Продолжительность жизни мужчин в регионе - 63,5 лет (98,4 %), женщин - 75,3 лет (99,2 %). Женщины в среднем живут на 11,8 лет дольше, чем мужчины (104 % от аналогичного показателя по России) [11]. Недостаток качества и количества лекарственного обеспечения является одной из причин такого низкого показателя.

Особенностью Калужской области является высокий потенциал кластеризации. Фармкластер области состоит из компонентов, некоторые из которых отсутствуют в фармкластерах других регионов России: промышленное производство готовых лекарственных форм, разработка технологий производства препаратов и инжиниринг, разработка, лицензирование и опытное производство оригинальных фармсубстанций, услуги по обеззараживанию фармсубстанций, готовых лекарственных форм и отходов фармпроизводства. Реализация данной технологической цепочки дает мощный синергетический эффект и позволяет выйти за рамки отраслевой схемы, объединив вокруг системы взаимосвязанных продуктов предприятия из разных отраслей – химической, фармацевтической, пищевой. Принципиальным отличием Калужского фармкластера от конкурентов из других регионов является то, что он был сформирован не по принуждению, а на добровольных партнерских началах. То есть каждый из его участников (рис. 1) нашел в кластере свой интерес, и этот интерес учитывается всеми остальными субъектами.

Вопросами развития фармкластера в Калужском регионе занимаются следующие структуры: Координационный совет при Губернаторе Калужской области по развитию фармацевтического кластера в Калужской области; ОАО «Агентство инновационного развития - центр кластерного развития Калужской области» (специализированная организация); Некоммерческое партнерство «Калужский фармацевтический кластер» (организация-координатор) и др. Территориально кластер разместится на двух площадках – в Калуге и Обнинске. В индустриальном парке «Габцево» создана производственная база, а в Обнинске ведутся инновационные разработки. Важным звеном регионального фармкластера станет ФГБУ «МРНЦ» Минздрава РФ, на базе которого будет создан федеральный высокотехнологичный инновационный центр медицинской радиологии. Научным ядром кластера являются предприятия, расположенные в Обнинске и занимающиеся исследованиями, разработкой и внедрением новых продуктов и технологий – ООО «Мир-Фарм», ООО «Обнинская химико- фармацевтическая компания», ООО «НПП «Медбиофарм», ООО «БИОН» и др. [7].

Жизненный цикл развития фармацевтического кластера состоит из четырех этапов: (1) - возникновение, формализация ключевых участников (2014 г.); (2) - становление (до 2020 г.); (3) - органический рост (до 2035 г.); (4) - трансформация (после 2035 г.). На этапе «Возникновения» (а также «Становления») основные усилия будут сосредоточены на следующих направлениях: привлечение производителей лекарственных средств;

привлечение компаний оказывающих специализированные услуги (контрактные исследования, контрактное производство, доклинические и клинические испытания); развитие образования и науки; поддержка новых компаний.

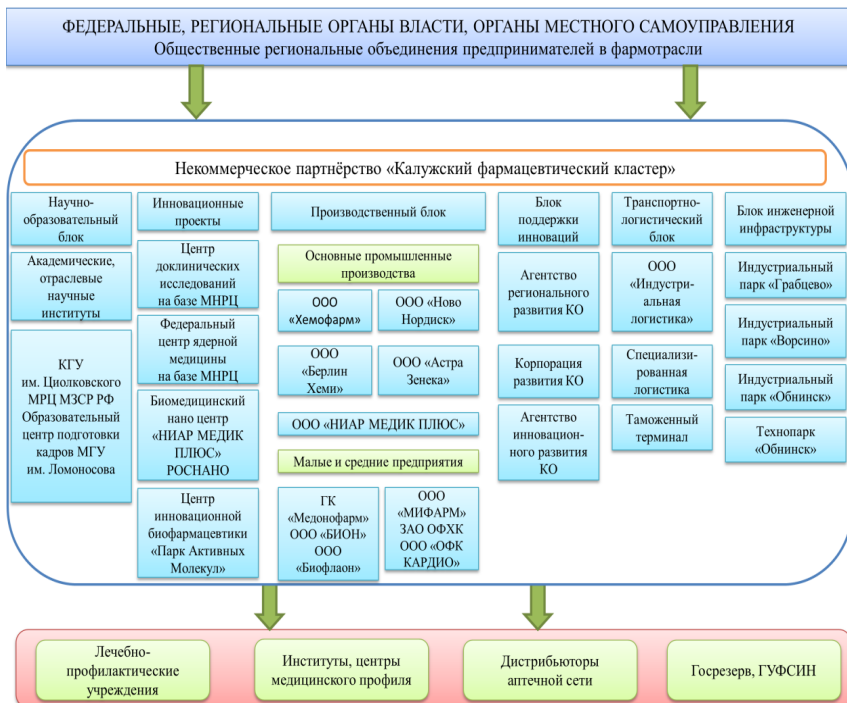

Рис. 1. Структура и участники Калужского фармацевтического кластера

На заседании координационного совета по развитию фармацевтического кластера области обсуждаются актуальные вопросы его дальнейшего развития. К основным направлениям развития калужского фармацевтического кластера относятся: устойчивый рост объемов продаж продукции предприятий-участников кластера в России, выход на мировой фармацевтический рынок инновационной продукции и технологий предприятий кластера; развитие производства импортозамещающей продукции; разработка и принятие Стратегии дальнейшего развития кластера; расширение территориальных границ кластера.

В ближайшие годы в регионе будет реализован проект создания научно-медицинского центра радиомедицины, использующего не имеющую в мире аналогов методику лечения онкологических заболеваний, на основе существующих в Калужской области научно-исследовательских центров ядерной энергетики, общей и прикладной радиобиологии и радиационной медицины.

Одним из условий динамичного развития фармкластера является благоприятный инвестиционный климат в регионе. Инвестиционный климат - экономические, политические, финансовые условия, оказывающие влияние на приток внутренних и внешних инвестиций в экономику страны. Благоприятный климат характеризуется политической устойчивостью, наличием законодательной базы, умеренными налогами, льготами, представляемыми инвесторам [10]. От изменений инвестиционного климата зависит эффективность

инвестиционной политики. Более благоприятное состояние инвестиционного климата влияет на инвестиционную политику в сторону ее дальнейшего совершенствования.

В ближайшее время большое внимание будет уделено формированию инвестиционной политики фармацевтического кластера в регионе, в частности – определению критериев отбора проектов, реализуемых под его эгидой. В отраслевой образовательной сфере усилия будут направлены на создание в регионе непрерывной системы подготовки квалифицированных кадров для высокотехнологичных предприятий и научно-исследовательских центров. Подготовку кадров для фармацевтического кластера осуществляют на базе НИФХИ им. Л.Я. Карпова, медицинского факультета ИЭТЭНИЯУ МИФИ, Медицинского радиологического научного центра РАМН, Всероссийского Научно-Исследовательского Института Сельскохозяйственной Радиологии и Агроэкологии, Клинического центра радиологической медицины, медицинских колледжей Калуги и Обнинска.

В 2009 г. правительство области совместно с корпорацией «Росатом» и Федеральным медико-биологическим агентством приступило к созданию Федерального высокотехнологического центра ядерной медицины. В феврале 2012 г. в Обнинске губернатор области А. Артамонов и вице-президент немецкой корпорации «ГЮФ Рейнланд Груп» З. Шмаудер подписали соглашение о сотрудничестве в сфере реализации инвестиционного проекта по строительству в Калуге высокотехнологичного учебного центра по подготовке кадров для фармацевтической промышленности региона [1].

Исходя из перспектив развития Калужского региона до 2030 г., область крайне заинтересована в дальнейшем укреплении своих позиций в фармацевтической отрасли. Практика показывает, что фармацевтика – наиболее стабильная сфера экономики. Важны и налоговые поступления, которые поступят в бюджет области, как результат деятельности фармкластера. За период с 2011 по 2016 гг. планируется увеличить совокупную выручку предприятий-участников кластера с 4,3 до 44,5 млрд. рублей. Число работников, занятых научно-исследовательской деятельностью, в рамках кластера к 2016 г. планируется увеличить с 840 до 2400 человек, общее число сотрудников достигнет 9200 [7].

Результаты проведенной работы по использованию кластерного подхода в развитии Калужской области показывают, что организационное развитие фармацевтического кластера в регионе находится на высоком уровне, чему способствуют основные факторы успеха:

- наличие компаний-лидеров с четко выраженной конкурентоспособной стратегией;
- активное содействие малому бизнесу;
- тесное взаимодействие промышленных компаний, как между собой, так и с образовательными и исследовательскими организациями;
- создание экспертных советов на уровне региона, формирование институтов развития (специализированных маркетинговых, финансовых и прочих агентств);
- формирование в отраслях «новой» экономики.

Калужский фармкластер – это и защитник здоровья нации, и двигатель экономики региона, и реальное повышение уровня жизни людей. Итоговая оценка политики и экономики государства проверяется средней продолжительностью жизни его гражданина. В регионе по прогнозам в результате работы фармкластера уровень средней продолжительности жизни к 2017 г. планируется увеличить до 70,7 года, что на 2,2 года больше чем в 2011 г.

Для достижения названных стратегических приоритетов развития Калужского региона планируется осуществление ряда мегапроектов:

- Региональный университет.
- Центр прикладного образования.
- Научно-медицинский центр радиационной медицины.
- Межрегиональный туристический бренд.
- Агентство территориального развития.
- Венчурный форум и ярмарка инновационных проектов.

- Инвестиционный форум «Историческая недвижимость».
- Региональная агролизинговая компания.
- Техническое перевооружение коммунальных систем и индивидуальных жилищных комплексов «Умный дом».
- Модернизация транспортной инфраструктуры.
- Подготовка кадрового резерва управления Калужской области.

При условии развития рассмотренных кластерных направлений экономика области будет развиваться опережающими темпами, будут созданы комфортные условия для проживания населения и ведения бизнеса на ближайшую и отдаленную перспективу.

Таким образом, промышленность Калужской области, по оценкам экспертов, останется в ближайшие 5-10 лет основным источником развития экономики региона. Однако, эффективность использования этого ресурса для долгосрочных целей развития, будет зависеть от способа организации промышленной структуры, от развития логистической сети на территории Калужской области, а также от результативности сближения инновационных научных разработок с реальным сектором региональной экономики. Для Калужской области это означает, что на ее территории должна развиваться действительно конкурентоспособная экономика. Наиболее предпочтительными, с точки зрения развития региона, являются те производства, которые не разрушают среду, а используют ее потенциал. При этом показатели конкурентоспособности будут зависеть не столько от стандартных макроэкономических показателей, сколько от состояния среды жизни и качества человеческого капитала. Такие нетрадиционные в рамках обычных экономических показателей результаты могут быть достигнуты при условии формирования и запуска пространственно организованных кластеров. Это, по сути, экономическая оболочка накопления человеческих и инфраструктурных возможностей, которые являются универсальным ресурсом для реализации самого широкого диапазона территориальных целей. Впереди большой объем работ по обеспечению управления развитием кластеров региона.

Литература

1. В Калужской области скоро появится новый высокотехнологичный учебный центр для фармпредприятий // Новости Калуги и области. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://kalugacity.ru/news.php?id=793>
2. *Воронов А., Буряк А.* Кластерный анализ – база управления конкурентоспособностью на макроуровне // Маркетинг. – 2003. – №1.
3. *Ерохин И.И., Ерохина Е.В.* Роль кластерной политики в социально-экономическом развитии // Международные и региональные проблемы развития национальной экономики в современных условиях. Сборник научных статей XI Международной научно – практической конференции. Под ред. Сергеева Н.И., Александрова Е.Л. – Калуга: ИД «Эйдос», 2012.
4. *Ерохина Е.В.* Управление инновационной деятельностью в регионе: экономика, кластеры, логистика: научное издание. – М.: Издательство МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2013.
5. *Ерохина Е.В.* Формирование и развитие региональных инновационных подсистем // Диссертация на соиск. уч. ст. доктора эконом. наук. – М., 2014.
6. *Ерохина Е.В., Никитушкина Ю.В.* Создание автомобилестроительного кластера: практика Калужского региона // Новое в экономике и управлении. Сборник статей / Под ред. А.М. Симичева; сост. Т.А. Коровкина. - М.: МАКС Пресс, 2012. - Выпуск 38.
7. Калужский автокластер переживает трудный период // Политинформация. Аналитика, факты, комментарии. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://politinform.su/novosti-regionov/24242-kaluzhskiy-avtoklaster-perezhiwaet-trudnyu-period.html>
8. *Масленников Н.* Кластерная стратегия. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.ng.ru/science/2010-03-10/11_strategy.html
9. *Портер М.* Международная конкуренция. – М.: Международные отношения, 1993.
10. *Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б.* Современный экономический словарь. – М.: ИНФРА-М, 2005.

11. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. М., 2015. – 1266 с.
12. *Садчиков И.А.* Экономика фармацевтической отрасли. – СПб.: СПбГИЭУ, 2009.
13. *Скляренок М.* Кластерные перспективы // Эксперт онлайн. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://expert.ru/northwest/2014/40/klasternyie-perspektivy/>
14. *Соколенко С.И.* Промышленная и территориальная кластеризация как средство реструктуризации // Безопасность Евразии. – 2002. – №1.
15. Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением Правительства РФ от 08.12.2011 г. N 2227-р. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://mon.gov.ru/files/materials/4432/11.12.08-2227r.pdf>
16. Стратегия социально-экономического развития Калужской области до 2030 года. – Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.admoblkaluga.ru>
17. Финляндия в цифрах и фактах – Как наладить рентабельный бизнес в Финляндии. Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.investfinland.ru/uploaded/files/Finland_Fact_Book_RUS.pdf

3. СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Часовский В.И.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ТРЕНДЫ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ ПОСТСОВЕТСКОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ СИСТЕМЫ

Введение. При исследовании теоретических основ изменения региональной промышленной системы в методологическом плане большой интерес представляет выявление и изучение системообразующих факторов формирования и развития крупных интегрированных региональных промышленных комплексов в переходный период своего развития.

Как показывает анализ, в процессе своего перехода к рынку национальные промышленные комплексы стран СНГ постепенно превращаются в сложные динамично изменяющиеся региональные производственные системы. Это требует при исследовании географии промышленности постсоветских республик, применения более совершенных методологических подходов, позволяющих делать новые научные выводы, а также использования современных методик прикладных экономико-географических расчётов.

Традиционные подходы решения региональных проблем промышленного развития СНГ, путём моделирования взаимосвязей в ТПК, формирования на данной основе производственных узлов, решения задач размещения производительных сил и производственных мощностей за счёт минимизации транспортных издержек или приведённых затрат в переходный период развития экономики представляются во многом упрощёнными.

Анализ системообразующих факторов трансформирования и развития крупного регионального промышленного комплекса

Определённый интерес при изучении перспектив промышленного развития представляют концепции, предлагающие при классификации и исследовании региональных промышленных систем выделять различные функциональные сферы анализа. Так, например, при изучении производственного потенциала региона обычно выделяют следующие социально-экономические характеристики: природные и сырьевые ресурсы, трудовые ресурсы, их образовательный уровень и иные индикаторы воспроизводства человеческого капитала, производственные мощности и их отраслевую структуру, уровень развития науки, научно-технического прогресса и восприимчивость к нововведениям; экономико-географическое положение региона и его инфраструктурную обеспеченность; характеристики инвестиционно-финансового потенциала. При этом, однако, часто не уточняется, как выделенные сферы взаимодействуют между собой. К тому же пространственные характеристики при таком анализе, как правило, задаются экзогенно.

Последнее утверждение в методологическом плане означает, что с возможным изменением границ и размеров региона СНГ, а также ряда других пространственных характеристик в региональной системе будут изменяться структура экономического потенциала, промышленного производства, потребления, доходов, занятости и благосостояния населения. В этой связи встаёт проблема экономической обоснованности новых границ региона.

В научной литературе чаще всего экономические границы определяются в терминах концептуальных определений региональных кластеров, пространственных сетей, стратегических партнёрств, организационной и географической близости. Проводя анализ региональных промышленных систем, авторы различных научных публикаций справедливо подчёркивают, что пространственные характеристики не являются нейтральными и должны быть подвергнуты экономико-политическому, институциональному и экономико-географическому анализу. Более того, обращается внимание на то, что традиционные положения в региональной экономике в массе случаев игнорируют пространственный фактор и настаивают на «эндогенизации» пространственной переменной как в

экономической теории, так и при исследовании функционирования региональных промышленных систем [3; 4; 15; 16; 22].

В научной литературе неоднократно предпринимались попытки ввести пространственные характеристики в экономический анализ, о чём в своих трудах писали: И. фон Тюнен [8], У. Алонсо и М. Фудзита [12; 14], А. Маршалл [18], Р. Лукас [17], И. Пападжорджу и Р. Смит [19] и другие. Между тем интересными, на наш взгляд, в настоящее время являются выводы Феодоритова В.Я. о пространственном равновесии региональных экономических (производственных) систем [9]. Пространственное равновесие им понимается скорее как оптимум, по Парето, соответствующий состоянию региональных экономических систем, когда ни один из входящих в национальную хозяйственную систему регионов не может улучшить своё социально-экономическое положение, не ухудшая аналогичного положения другого региона.

В обобщённом варианте «теория пространственного неравновесия исходит из взаимодействия в экономической системе региональных производственных подсистем с различным потенциалом, заметно отличающихся инвестиционной эффективностью и привлекательностью, а также уровнем социального благосостояния». При этом функционирование региональных промышленных систем опирается на механизм воспроизводства регионального продукта, дохода, производственно-технического и человеческого капитала, адаптационные, защитные и мотивационные механизмы. Соотношение, формы и способы взаимодействия этих механизмов в значительной степени определяют технологии и процедуры принятия решений, обеспечивая институциональную устойчивость региональной производственной среды. В этом смысле методологически оправдано анализ такого взаимодействия рассматривать как один из подходов исследования системообразующих связей, как в развитии индустрии самого региона, так и пространственного неравновесия.

Как следствие, формируется устойчивый дисбаланс в действии механизмов воспроизводства, возникают стратегические диспропорции в структурах регионального промышленного продукта, промышленного капитала, цен, распределения дохода, трудовых ресурсов. Более активно включаются защитные механизмы, усиливающие разнообразие и неоднородность региональной институциональной среды. А это, в свою очередь, запускает механизм формирования нового состояния неравновесия региональной промышленной системы, а также формирует иной, чем ранее, баланс экономических интересов социально-экономических групп, в рамках вновь активизируемых (с изменением институциональной среды) мотивационных механизмов.

Поскольку различные промышленные системы имеют специфику в соотношении, формах и способах взаимодействия воспроизводственных, адаптационных, мотивационных и защитных механизмов, постольку в их развитии, особенно в условиях транзитивной экономики, отчётливо наблюдаются тенденции расхождения. Различия усиливаются в изменении организационно-экономической, воспроизводственно-функциональной, институциональной и социальной структур региональных промышленных систем, инвестиционно-финансового потенциала и потенциала экономического роста.

При этом, как показывают соответствующие оценки аналитиков, инвестиционно-финансовые потоки формируются независимыми инвесторами, главным образом, в пользу тех стран региона, социально-экономические условия и культура менеджмента которых позволяют получать в среднесрочном и долгосрочном периодах более высокую отдачу на вложенный капитал. Вследствие этого, при национальной традиции в постсоветских странах СНГ доминирования институтов власти над институтами собственности рентная составляющая, приходящаяся в таких странах на одного собственника (инвестиционный проект), устойчиво снижается и в долгосрочном периоде оказывается ощутимо более низкой. Между тем ещё не так давно региональные различия в постсоветских республиках в эффективности использования собственности не были столь значительными как сегодня.

Как известно, исторически развитие промышленных систем постсоветских республик происходило в условиях высокой централизации государственной власти, а в некоторых странах СНГ (Беларусь, Туркменистан, Узбекистан) аналогичные условия продолжаются и по сей день. Доминирование института власти над институтами собственности, значительный уровень налоговых изъятий из доходов, определяющая роль государственного бюджета и иностранных инвестиций в промышленном развитии, интенсивно протекающие, но при этом малоэффективные процессы накопления капитала – всё это традиционно ставит постсоветские республики в подчинённое положение сырьевых придатков и главных поставщиков относительно дешёвых ресурсов в интересах сформированной властной вертикали.

Между тем, в начале 1990-х годов, с началом процессов экономического реформирования стран СНГ национальные и некоторые региональные властные элиты решительно заявили о себе. Началось быстрое формирование, организационно-экономическое и институционально-политическое оформление региональных промышленных структур. Объективность этого процесса заключалась в том, что в первую очередь у «стран-доноров», существовала острая потребность в формировании «ядра» – системообразующих и структурообразующих связей региональной промышленной системы, обеспечивающих их относительную независимость от государственных и отраслевых структур власти и известную самостоятельность в осуществлении хозяйственной деятельности. Особенность, однако, состояла в том, что в условиях сильного доминирования институтов власти над институтами собственности решение указанных вопросов фактически было перенесено из экономической сферы во властно-политическую. Кроме того, данный процесс существенно осложнялся тем, что при сложившейся системе социально-экономических условий и институтов ускоренная приватизация неизбежно приводила к образованию широкого слоя неэффективных (в классическом понимании) частных собственников. Всё это приводило к тому, что «ядра» в национальных и региональных промышленных системах формировались с серьёзными деформациями, существенно осложнявшими дальнейшее проведение рыночных реформ. Более того, вследствие специфики темпов и структурных составляющих трансформации региональной индустрии в целостные национальные промышленные комплексы по целому ряду внутриреспубликанских регионов возникали свои, порой значительные, отличия в их развитии, усиливалась пространственная неоднородность национальных промышленных систем и региональной промышленности СНГ в целом.

В результате в настоящее время мы имеем на промышленном пространстве СНГ различные структурно-динамические типы национальных производственных систем, для которых характерны то или иное качество и определённые уровни эффективности структурных сдвигов. Всё более рельефно в странах проявляются «эффекты промышленного доминирования» одних регионов над другими [5].

При этом можно выделить микро-, мезо- и макроуровни такой производственной иерархии. Каждый из них отражает свою специфическую организацию процедур принятия решений в формируемой «обновлённой», соответствующей региональной промышленной системе, которая осуществляя региональную промышленную, а затем и политическую экспансию, имеет свои «центры роста» – узловые промышленные регионы и внутрирегиональные стратегические узлы, «скелетную» структуру и так называемую «островную» производственную периферию. В процессе стратегического развития данной промышленной системы постепенно вырабатываются базовые принципы «сборки» соответствующих системных и периферийных компонент. И именно они существенно влияют на формирование своих особых структурно-отраслевых профилей промышленного развития в различных странах СНГ.

Известно, что особая роль в поддержании и воспроизводстве системообразующих связей принадлежит институциональной системе. «Ядром» этой системы являются институты власти, институты собственности и имущественной ответственности. В экономике стран СНГ в переходный период развития власть традиционно продолжала определять, кто, как и в каких

целях распоряжается собственностью. Попытки административно-волевым путём изменять отраслевой состав региона, игнорируя финансовые возможности, в долгосрочной перспективе рано или поздно приводили к существенной недозагрузке, таким образом созданных производственных мощностей вследствие низкой экономической эффективности подобных производственных проектов. В промышленности увеличивался «технологический», организационный, экономический и институциональный «балласт», вследствие чего хозяйственная система быстро теряла способность к экономическому структурно-стратегическому маневрированию и переходила в стагнационный режим.

Описанные выше подходы к выделению системообразующих связей, факторов формирования и развития национальной индустрии позволяют нам перейти к социально-экономической характеристике структурной организации региональной промышленной системы СНГ и её «ядер».

Структурная реорганизация постсоветской региональной промышленной системы

Основываясь на системообразующих связях и факторах формирования и развития национальной промышленности, а также выявленных нами тенденциях, структурная организация промышленных систем предполагает образование различных структурно-отраслевых профилей промышленного развития в различных странах и их регионах. В связи с этим в методологическом плане крайне важно выделить и исследовать базовые факторы такой структурной организации регионального промышленного производства.

Между тем, как показывают исследования, многие из указанных факторов структурной организации региональных промышленных систем изменчивы и их непросто наблюдать. Пространственные измерения таких факторов в большинстве случаев трудно верифицировать. Поэтому в научной литературе анализ структурной организации промышленных систем предлагается проводить: 1) в терминах пространственной конкуренции; 2) выделяя отношения институционального «сходства», географической и организационной «близости» экономических агентов; 3) исследуя «внешние эффекты» пространственной концентрации и факторы воспроизводства такого рода «внешних эффектов»; 4) с точки зрения достижения пространственной сбалансированности природной, экономической и социальной подсистем страны (региона) [11].

Ещё М. Портер заметил, что производитель в условиях конкуренции стоит перед выбором: либо стратегия продуктовой дифференциации, отраслевой диверсификации, либо стратегия более удалённого территориального размещения от конкурентов. Таким образом, ценовая конкуренция выступает как центробежная сила, а конкуренция покупателей – как центростремительная сила в пространственном развитии производственных систем [22].

В различных типах экономических систем это имеет различные стратегические последствия в развитии структурной организации региональной промышленности. В условиях, когда имеет место доминирование институтов власти над институтами собственности, в рамках централизованной плановой системы целенаправленно формируются «промышленные полосы» пространственной концентрации экономических активностей, стратегии принудительной продуктовой и отраслевой дифференциации преобладают над стратегиями приобретения конкурентных преимуществ на аналогичных продуктовых и региональных промышленных рынках. Уровень конкуренции на региональных промышленных рынках сознательно регулируется различными «группами влияния».

Соответственно с ростом продуктовой и отраслевой дифференциации возрастает интенсивность удалённых транспортных потоков. Производственное потребление ориентируется на сложившуюся базовую структуру поставщиков, а потребительский рынок – на планомерную организацию поставок, причём, как правило, из-за пределов региона. В результате как специфическое явление для исследуемого типа хозяйственных систем формируется технологический монополизм, существенно сужающий инновационное поле практически всех национальных индустриальных систем и региональной промышленной

системы в целом. Более низкий уровень региональной конкуренции заметно сужает «промышленное пространство покупателя» и возможности маневрирования при выборе того или иного продукта, ресурса. Параллельно, при низком уровне региональной конкуренции, по отношению к данному региону, расширяется «промышленное пространство продавца».

В классической рыночной экономике, где институты собственности доминируют над институтами власти, ценовые сигналы во многом предопределяют структурные пропорции экономического развития. Промышленная фирма при решении задачи пространственного размещения сталкивается со следующей дилеммой: насколько привлекательной для неё, причём не столько в финансовом отношении, сколько с точки зрения долгосрочной перспективы развития своего бизнеса, быть размещённой подальше от уже действующих в регионе фирм той же промышленной отрасли. У интересующей нас промышленной фирмы есть и другая стратегическая альтернатива. Она заключается в том, чтобы быть размещённой в географической близости с другими существующими предприятиями той же отрасли с целью приобретения преимуществ от пространственных внешних эффектов, генерируемых знанием, информацией, технологическими трансфертами, общими коммуникациями, социальной инфраструктурой.

Выбирая в рамках хозяйственной системы рыночного типа одну из указанных альтернатив промышленная фирма параллельно оптимизирует размеры, структуру, отраслевой профиль предприятия, расширяя «промышленное пространство покупателя», причём независимо происходит это в регионе с высоким или низким уровнем пространственной концентрации производственных активностей. Одновременно происходят соответствующие «сжимающие» и «расширяющие» изменения в «промышленном пространстве продавца». Результатом таких изменений становится промышленная структура того или иного типа. При этом для хозяйственной системы рыночного типа в промышленной структуре страны (региона) характерно преобладание базовых отраслей промышленности, тесно связанных с конкурентоспособностью и структурно-инвестиционным потенциалом страны (региона). Чаще всего это диверсифицированный набор отраслей обрабатывающей промышленности с высокой долей добавленной стоимости и конечного продукта. Здесь цены на конечный продукт растут, как правило, быстрее, чем цены на промежуточный продукт, преобладают ресурсосберегающие технологии, структурное развитие промышленности страны (региона) отражает существующие потенциальные возможности по её экономическому развитию [6].

Для современной промышленности СНГ рассмотренные нами с точки зрения их структурной динамики два типа промышленных систем не являются альтернативными. В переходный период развития экономики в большинстве постсоветских республик отсутствовала централизованная система планирования. Точнее она распалась на соответствующие фрагменты, активно используемые вертикально-интегрированными корпоративными производственными структурами во взаимодействии со структурами государственной власти на национальном, региональном и муниципальном уровнях.

Начиная с 1992 года в постсоветских республиках произошло существенное ужесточение финансовых ограничений. В этих новых условиях внутренний инвестиционный потенциал и уровень инвестиций оказывались недостаточными для осуществления глубоких структурных изменений в национальной и региональной структуре промышленности. Следовательно, речь могла идти преимущественно о модернизации существующих мощностей и реинжиниринге бизнес-процессов, а не о масштабном пространственном размещении новых конкурентоспособных промышленных производств.

Оценивая уровень пространственной концентрации в национальных производствах СНГ, важно понимать различное его влияние на малые и крупные предприятия. За постсоветский период некоторые крупные национальные промышленные предприятия образовали новые диверсифицированные сети вертикально-интегрированных структур. Например, в России «Газпромовские» структуры и их аффилированные структуры «поглотили» горно-обогатительные комбинаты и нефтехимические и химические предприятия с высоким удельным весом «рентной составляющей». Именно структурное

видение в рамках этих крупных отраслевых и межотраслевых промышленных системных образований определяло в целом ряде случаев по широкому кругу отраслей и регионов соотвествующую логику структурных изменений в географии промышленности СНГ.

В постсоветский период параллельно, при формировании и развитии крупных региональных и национальных промышленных систем, происходило развитие малых и средних предприятий. При проведении исследований по становлению малого бизнеса в СНГ объектом исследования являлось малое предприятие как первичная простейшая предпринимательская организационная структура. Между тем в 1990 году Ж. Бекаттини при изучении развития малого бизнеса в отдельных региональных промышленных зонах предложил в качестве объекта исследования изучать связанные между собой группы (сети) малых предприятий [13]. На наш взгляд, при анализе структурной организации региональной производственной системы и её «ядер» (отраслей промышленности) это очень важное методологическое положение. Опираясь на него, можно оценивать изменения структуры и динамику отраслевых промышленных групп малых предприятий в соответствующих территориальных зонах пространственной концентрации экономических активностей. Также можно выделять группы малых предприятий по принадлежности их к «группам влияния» (корпоративного, регионального, муниципального).

С учётом обозначенной национальной и региональной специфики, формируется определённая отраслевая структурная динамика промышленности, соотношение в промышленном развитии между малым, средним и крупным бизнесом с соответствующей структурой собственности, уровень эффективности промышленной занятости и уровень эффективности функционирования национальной промышленной системы в целом.

Как уже отмечалось, структурная организация региональных промышленных систем во многом предопределяется интенсивностью вхождения производственных предприятий и фирм в регион и своего рода продуктивностью встречи «предприятие-территория». В этом случае в качестве базовых факторов вхождения предприятий и фирм в регион часто выделяют пространственные внешние эффекты [20; 21]. К ним относят эффекты от агломерации, в которые, включают экономию масштаба, экономию размещения, локализации (получение выгоды от концентрации нескольких предприятий на одной площадке), экономию урбанизации (выгоды от использования одного и того же городского хозяйства). В составе пространственных внешних эффектов также называют гибкость процесса производства, важность неторговых (нерыночных) отношений. В последнее время в число пространственных внешних эффектов включают специфику человеческого капитала в региональной экономической системе и её когнитивное измерение: способность предприятия через обучение и приобретение опыта изменять свою позицию в хозяйственной системе, развитие инноваций, как фактора знания.

При этом подчеркивается, что при жёсткой организации производственных систем и/или в «бедных» с точки зрения разнообразия элементов региональных промышленных системах продуцирование пространственных внешних эффектов незначительно. В свою очередь, гибкая внутренняя организация региональных промышленных систем предполагает их высокую адаптивность и наличие в них устойчивого свойства высокой инновационной восприимчивости, то есть способности региональной системы к диффузии нововведений, различных стандартов в процессе интерактивного взаимного обучения. Заметим, что в этом случае изменения происходят внутри самих агломерационных сил».

Последнее замечание, на наш взгляд, принципиально. Дело в том, что введение в методологию исследования внешних эффектов, по мнению многих специалистов, не позволяет принципиально решать поставленную проблему. В данном случае – проблему структурной организации региональных производственных систем и их «ядра» – промышленности. Поэтому методологически оправдано говорить о наличии в регионе общего доступного для всех участников воспроизводственного процесса актива или группы активов [6].

В наиболее полной классификации к указанным *активам* можно, на наш взгляд, отнести следующие: в первую очередь, это первичные и иные ресурсы с высокой рентной

составляющей. Именно их наличие формирует в стране и в регионе значительные финансовые потоки, их способность самостоятельно формировать достаточно развитую производственную инфраструктуру. Недостатком наличия в стране или регионе такого вида активов при сложившемся в национальных экономиках СНГ типе хозяйственной системы, являются замкнутые финансовые циклы, основанные на продаже первичных ресурсов. Например, деньги, полученные от продажи нефти, руды или металлов, как правило, вновь реинвестируются в добычу нефти, руды и в металлургический комплекс (например, в России). Таким образом, формируется тенденция к консервации в таких странах в структуре промышленного развития, высокой доли первичных добывающих отраслей.

В современных национальных и региональных промышленных системах в качестве актива значительную роль играет наличие местных человеческих ресурсов со специализированным «ноу-хау», способность их в процессе обучения повышать своё качество, характеристики знаний и опыта как неотъемлемого атрибута человеческих ресурсов [6].

Вместе с тем для производственных предприятий и фирм, входящих в тот или иной регион, принципиальную роль как актив играет существование в регионе институтов, гарантирующих соответствующие условия жизнедеятельности и обеспечивающих воспроизводимые параметры производственно-хозяйственных процессов. В тех странах СНГ, где властные элиты гарантируют стабильные и недискриминационные для новых участников предпринимательской деятельности и инвесторов «правила игры», существенно ограничивающие произвол власти, динамика пространственной концентрации экономических активностей и прогрессивные структурные изменения в национальной промышленной системе происходят наиболее быстро.

Со всем этим тесно связано наличие ещё одного актива промышленной региональной системы, заключающегося в способности к формированию горизонтальных организационных сетей внутри региональных производственно-хозяйственных зон. Разные страны Содружества и их регионы демонстрируют различную способность в формировании таких горизонтальных структур. Между тем вхождение предприятия или фирмы в такую организационную сеть позволяет им приобретать по целому ряду позиций особый режим «благоприятствования» их деятельности, полнее реализовывать свои интересы. Одновременно с интегрированием в такую организационную сеть более расплывчатыми становятся и границы предприятия и фирмы, что делает проблематичным проведение регионального анализа с использованием методологии пространственных внешних эффектов [2].

При анализе национальных или региональных активов следует учитывать процесс концентрации инноваций в пространстве. При прочих равных условиях привлекательными в инвестиционно-экономическом плане оказываются страны, где уровень такой концентрации является более высоким, где возникают эффекты «излишка знаний» и кумулятивное приумножение таких эффектов.

Продолжая анализ подходов к исследованию процессов пространственной концентрации экономических активностей, рассмотрим и третий подход, предложенный в 1990-е годы неформальной группой отраслевых экономистов «Proximity Dynamics». Это одна из удачных попыток эндогенизировать пространственную переменную экономического анализа. Западные учёные А. Торре и Ж.-П. Жилли в рамках предлагаемого ими методологического подхода при анализе пространственной концентрации экономических активностей и эффектов пространственной близости выделили два основных измерения и два соответствующих им типа логики, имеющих место при развитии процессов регионализации. Первое измерение определяется как *организационная*, второе – как *географическая близость* [7].

Действительно, принадлежность к той или иной производственно-организационной сети (например, к российским структурам: «Газпром», «РУСАЛ», «КамАЗ», «АвтоВАЗ») зачастую сильнее стимулирует взаимодействие между входящими в неё экономическими агентами, чем традиционное «территориальное соседство». Принадлежность организации предполагает строгое соблюдение «правил игры», принятых в рамках определённых

«замкнутых» отраслевых (межотраслевых) организационных промышленных структур и форм, в одном и том же «организационном пространстве» отношений. Вместе с тем организационная близость предполагает и то, что разнообразные производственные агенты оказываются между собой объединёнными в другие институциональные и групповые организационные сети.

Наконец, организационной близости «соблюдения правил», в отраслевых (межотраслевых) производственно-организационных сетях могут просто противостоять региональные производственно-организационные сети, основанные на институциональном сходстве. Развитие последних при определённых условиях может существенно сужать в регионе «сферы влияния» отраслевых властно-политических и предпринимательских сетей отраслевого типа. Вместе с тем, если имеет место обратный процесс, часто возникают так называемые моногорода, субрегиональные и региональные производственные образования. Логика развития промышленных структур в регионах такого типа совершенно иная, чем в регионах, где позиции «отраслевых промышленных групп влияния» заметно слабее.

Географическая близость также предполагает введение в сферу промышленно-отраслевого и регионального анализа «социальных конструкций» особого типа, задающих регионально-экономические характеристики промышленных систем через инфраструктуру региональной экономики. В процессе развития национальных и региональных промышленных систем получает развитие и становится более разнообразной инфраструктура.

В целом, в рамках противоречивого взаимодействия между характеристиками производственно-организационной близости и производственно-географической близости формируются и получают своё развитие институциональные механизмы, регулирующие данное взаимодействие.

Наряду с вышеизложенными положениями, в рамках противоречивого взаимодействия между организационной и производственно-географической близостью имеет место одновременное развитие формальных и неформальных региональных институтов. Конечным результатом всех этих взаимодействий в регионе становится «союз» или «конгломерат» различным образом организованных, институционально оформленных и функционирующих производственных систем. При этом трансформация «конгломерата» промышленных систем в «союз» активизирует и проявляет производительный потенциал географической и организационной близостей [6].

Между тем оба понятия производственной близости, будучи определены однажды, требуют детализации и структурирования. С точки зрения методологии должны быть рассмотрены компоненты этих отношений, должно быть точно проанализировано их содержание, а также эффект воздействия этих отношений на процессы промышленной динамики. В данной связи особый научный интерес представляют модальности координации, играющие важную роль в интеграции пространства производственных отношений.

По мнению ряда экономистов, модальность контрактной координации может быть структурирована следующим образом. В условиях товарных дефицитов переходного периода в СНГ часто получали распространение производственные контракты по «соседскому» принципу «ты – мне, я – тебе». Их широкое применение обуславливалось двумя причинами: отсутствием развитых институтов собственности и имущественной ответственности, крайней неразвитостью денежных институтов. Принцип «ты – мне, я – тебе» в централизованно планируемой экономике используется как в рамках схем горизонтальной производственной координации, так и в рамках схем вертикальной координации между промышленными агентами. В рыночной экономике его скорее можно наблюдать только в рамках горизонтальной координации. Процессы же вертикальной координации регулируются в условиях доминирования институтов власти над институтами собственности и некоторого развития денежных институтов контрактами, заключаемыми на «административных» промышленных рынках. В зависимости от того, какой из этих трёх типов соглашений доминирует на региональном промышленном рынке, мы можем говорить о соответствующей модальности контрактной координации в стране в целом и на её отдельных региональных рынках.

Заключение

Таким образом, исследуя перспективы трансформации структуры региональной промышленной системы СНГ, можно сказать, что в процессе трансформации региональной промышленности советского типа в постсоветской региональной промышленной системе СНГ можно выделить «промежуточные» производственно-экономические пространства с нечёткими контурами границ. В них институциональные и структурные формы, унаследованные из прошлого, и деятельность различных групп промышленных агентов, размещённых в регионе и формирующих будущее, сочлнены и ориентированы на решение стоящих перед ними общих и индивидуальных проблем.

При этом территория с её особыми, приведёнными нами выше характеристиками становится своеобразным пространством-посредником, которое определённым образом сконструировано в процессе осуществления различного рода взаимодействия между промышленными и другими агентами. В этой сложной динамике взаимодействий основными производственными «игроками» являются те, кто играет посредническую, способствующую гибридизации роль между региональным и глобальным уровнем, выбирая то или иное соотношение в процессе сочлнения между прошлым и будущим, между производственной географической и организационной близостью, сохраняя или изменяя свою модальность [20].

Между тем известно следующее научное положение: когда экономика стабильна, происходит диффузия от общих (глобальных) принципов, форм и механизмов институционального регулирования к особенным (региональным). Напротив, когда в экономике имеет место кризис, полагается, что происходит процесс диффузии от особенных (локально-региональных) принципов, форм и механизмов институционального регулирования к общим (глобальным). В результате осуществляется обновление общих «правил игры», традиций и схем их институционального оформления. При этом динамика процессов гибридизации и диффузии зависит от институциональной и организационной плотности формируемых воспроизводственно-хозяйственных сетей в различных структурных типах региональных и национальных промышленных систем [1].

Следует добавить так же, что на пространстве СНГ в последнее десятилетие возрастает роль современных форм организации промышленного производства, таких как ТНК, ФПГ, холдинги, ПИИ, ОЭЗ, технопарки и кластеры, где происходит концентрация промышленного, технологического, финансового и научного потенциала. Рыночные формы организации национальной промышленности постепенно могут стать основой формирования нового промышленного каркаса СНГ, на базе которого в будущем будут разворачиваться уже более сложные стратегии трансформации, например, включающие развитие новых секторов инновационной экономики [10].

Литература

1. Гранберг А. Г. Основы региональной экономики: учебник для вузов. М., 2004.
2. Конкурентоспособность в системе мирового хозяйства: пространственный анализ / под ред. Н.С. Мироненко. - М.: Пресс-Соло, 2002.
3. Кочетов Э.Г. Геоэкономика. Освоение мирового экономического пространства: учебник для вузов. - М.: Норма, 2006.
4. Мироненко Н.С., Федорченко Л.В. Эволюция территориальной структуры промышленного производства в экономически развитых странах в послевоенный период // Вестник МГУ. Серия 5, География. 1999. № 6. С. 27–32.
5. На пороге новой регионализации: Доклад центра стратегических исследований Приволжского федерального округа. - Нижний Новгород, 2001. С. 17.
6. Некрасов Н.Н. Региональная экономика. Теория, проблемы, методы. М.: Экономика, 1978.
7. Пилипенко И.В. Анализ основных зарубежных теорий конкурентоспособности стран и регионов в мировом хозяйстве //Известия Академии Наук. Серия: Географическая. 2003. № 6. С. 15–25.

8. Тюнен И.Г. Изолированное государство в его отношении к сельскому хозяйству и национальной экономике. М.: Экономическая жизнь, 1926.
9. Феодоритов В.Я. Пространственное неравновесие экономических систем // Равновесие и неравновесие социально-экономических систем. - СПб.: Изд-во СПб ГУЭиФ, 1998. С. 159.
10. Часовский В.И. Основные тренды территориально-отраслевых изменений в промышленности России // Балтийский регион. Изд-во БФУ им. И. Канта, 2015. Вып. 3. С. 154-169.
11. Шапанов А.П. Методология управления региональными промышленными системами и отраслевыми комплексами. - Казань, 2004.
12. Alonso W. Location and Land Use. Cambridge: Harvard University Press, 1964.
13. Becattini G. From Industrial Districts to Local Development: An Itinerary of Research. Edward Elgar Puh, 2003. 241 p.
14. Fujita M. Urban Economic Theory. Cambridge: Cambridge University Press, 1989.
15. Gardiner B., Martin R., Tyler P. Competitiveness, Productivity and Economic Growth Across the European Regions // ERSА Conference paper. Porto, 2004. 37 p.
16. Gorkin A.P., Smirnyagin L.V. A structural approach to industrial systems in different social and economic environments // Spatial Analysis, Industry and the Industrial Environment. Progress in Research and Applications. Vol. 1: Industrial systems / ed. by F.E.I. Hamilton and Linge G.J.R. Chichester. N.Y., Brisbane, Toronto: Wiley, 1979. P. 25–36.
17. Lucas R.E. On the mechanics of economic development // Journal Monetary Econ. 1998. № 22. P. 3–42.
18. Marshal A. Principles of Economics / Royal Economic Society. London: Macmillan, 1890.
19. Papagiorgion Y., Smith R. Agglomeration as local instability of spatially uniform steady-states // Econometrica. 1983. Vol. 151, № 1. P. 109–119.
20. Perroux F. Economic Space: Theory and Applications // Quarterly Journal of Economics. 1950. № 64 (1).
21. Perroux F. Note on the Concept of Growth Poles in Economic Policy for Development: Selected Reading / ed. by T. Livingstone. London: Harmondsworth, 1971.
22. Porter M. The economic performance of regions // Regional Studies. 2003. Vol. 37. August-October. P. 549–578.

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМ ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ В РОССИИ

В условиях ускоренного технического прогресса и усиливающейся глобальной конкуренции регионы должны разрабатывать сложные инновационные решения, требующие взаимодействия множества игроков-участников социально-экономического процесса: крупного, среднего и малого бизнеса, населения (трудовых ресурсов) и органов государственной власти.

Особая роль в современном социально-экономическом развитии стран принадлежит инновационным системам, складывающимся в отдельных районах и наиболее полно включённых в глобальный инновационный процесс, что позволяет с помощью интеграции знаний в процесс взаимодействия всех ключевых игроков на рынке с максимальной возможностью повышать экономическую эффективность самого инновационного процесса. Активное внедрение инноваций обеспечивает возрастающую отдачу от экономических активов, что выражается в экономическом росте отдельных фирм и территорий в целом. Эффективное сочетание собственных инновационных разработок и конструктивное заимствование, и усвоение опыта других обеспечивают прорывную динамику экономического роста, выход на новый уровень экономического развития.

Региональные инновационные системы становятся самым эффективным уровнем для коммуникации и обмена знаниями. Это связано со значительной ролью регионального уровня для внедрения технических, инженерных инноваций, с наиболее эффективно работающей инфраструктурой на отдельной территории, а также эффективно налаженным взаимодействием между различными субъектами экономики. При этом экономическая эффективность внедрения самих инноваций определяется качеством среды и институциональными факторами, сложившимся на территории. Особенности развития инновационных процессов определяют направления дальнейшего развития [21].

Особенности инновационного процесса приводят к возникновению особых форм пространственной организации экономической деятельности. Зарубежный опыт показывает, что наиболее эффективной формой инновационного развития выступают кластеры. Реализация инвестиционных проектов в рамках кластерных образований позволяет создать инфраструктуру не только на территории самого кластера, но и региона в целом (включая производственную, транспортную, энергетическую, инженерную, инновационную, жилищную и социальную инфраструктуру). Инвестиции в проекты, реализуемые внутри кластера способны стимулировать дополнительный приток инвестиций и в другие центры региона. Успешный опыт функционирования предприятий кластера позволяет сформировать и распространить наиболее эффективные механизмы государственно-частного партнерства. Развитие системы образования, в том числе в рамках повышения квалификации и переквалификации сотрудников, развитие малого и среднего предпринимательства формирует среду для успешной международной научно-технической и производственной кооперации.

Основы пространственной структуры экономики России были заложены еще в советский период в форме территориально-производственных комплексов, которые нельзя рассматривать как кластеры, но можно учитывать их опыт в пространственной концентрации экономического развития и достижении определенного экономического развития. Формирование пространственных форм организации (аналогичных кластерам) в рамках советской модели шло в условиях концентрации производства на крупных предприятиях при минимальной роли рыночных отношений и конкуренции. Советская модель получила свое воплощение в виде так называемых территориально-промышленных комплексов (ТПК). ТПК не являются в полном смысле слова кластерами.

Например, Лажинцев В.Н. считает, что кластеры отличаются от территориально-производственных комплексов (ТПК): «во-первых, по признаку движущих сил их

формирования (кластер – продукт рынка; ТПК – план и административных решений); вторых, по признаку целевых установок. ТПК – форма реализации крупных народно-хозяйственных программ, как правило, в регионах нового освоения (сырьевых, как было в СССР) или в старо освоенных регионах, подлежащих коренной реконструкции. А кластеры направлены на повышение групповой конкурентоспособности на основе использования новых знаний и инноваций (что в условиях территориальной компактности взаимодействующих хозяйственных образований в промышленности и сфере услуг происходит быстрее)». [9] Тем не менее, основным характеристикам промышленного кластера (географическая близость, общность деятельности, взаимосвязи предприятий) ТПК все же удовлетворяют.

В рамках модели ТПК рыночные отношения между предприятиями сведены к минимуму. Создается ТПК «планово» - в соответствии с технико-экономическими расчетами. Производство обладает высокой степенью концентрации на отдельных предприятиях, «дублирование» функций и конкуренция исключаются. В итоге, модель ТПК обладает четкими границами применения: в сырьевых отраслях в регионах с низкой плотностью населения и слабым развитием обрабатывающей промышленности.

Цель данного исследования – анализ процесса эволюции форм пространственной организации экономической деятельности, выявление этапов становления кластерной политики в России, характеристика отраслевой и региональной структуры кластеров России на современном этапе развития страны.

Этапы развития кластерной политики в России

Поскольку основой для развития большинства кластеров в России выступает инфраструктура, заложенная еще в советский период, мы рассматриваем его как 1 этап становления кластерной политики страны (табл. 1)

Таблица 1. Этапы развития кластерной политики в России

Название периода	Годы	Основные черты
Советский период	До 1991 г.	Формирование территориально-производственных комплексов и энерго-производственных циклов как территориальных форм организации экономики
Период региональных кластерных инициатив	1991- 2006 гг.	Создание и развитие прообразов кластеров в ряде регионов России, реализуемых в рамках региональной политики субъектов РФ
Период кластеризации инновационной сферы	2006-2007	Развитие кластеризации в рамках технико-внедренческих особых экономических зон
Период государственных кластерных инициатив	2007-2014 гг.	Разработка нормативно-правовых актов для создания кластеров, формирование технологических платформ, активная государственная поддержка инновационно-территориальных кластеров
Период активизации региональных кластерных инициатив	С 2014 г. и по настоящее время	Активное создание и развитие кластерных инициатив на основе инноваций, связей между предприятиями и развития конкуренции

Источник: Составлено авторами

1 этап – советский - формирование территориальных форм организации экономики. За основу формирования кластеров в России была принята индийско-китайский опыт кластеризации, рассчитанная на активное участие иностранных компаний. Но продукция кластеров, созданных за последние 5-10 лет, была направлена преимущественно на удовлетворение потребностей внутреннего рынка, а не на внешний рынок. Ставка на инновации в процессе кластеризации современной экономики России неконкурентоспособна

вследствие слабого развития малого и среднего предпринимательства. Сокращение потока ПИИ в страну, снижение покупательной способности рубля, и, как следствие уменьшение потребностей внутреннего рынка, в условиях экономических санкций стран Запада, привело к необходимости поиска новой модели или оптимизации работы старой.

2 этап - этап региональных инициатив. Возникновение первых кластеров в нашей стране относят ко второй половине 80-х гг. XX в., когда началось становление рыночных механизмов в экономике. Но распространение производственной кооперации в этот период было осложнено разрывом сложившихся экономических связей после распада Советского Союза. В связи с этим кластеры возникли как пространственные формы только в отдельных регионах, в том числе в Республике Коми, в Иркутской, Томской, Мурманской и ряде других областей РФ. Становление рыночной экономики уже в независимой России, анализ зарубежного опыта работы промышленных предприятий в рамках кластера привел к постепенно возрастающему интересу со стороны государства к процессу кластеризации.

3 этап - период кластеризации инновационной сферы. В 2006 г. Правительством Российской Федерации был инициирован проект по созданию технико-внедренческих особых экономических зон. Это можно считать началом кластеризации инновационной сферы России.

Несмотря на то, что сам термин «кластер» не использовался, основные принципы организации созданных образований в целом соответствовали процессу кластеризации: инновационная деятельность, тесная кооперация между предприятиями крупного, малого и среднего бизнеса, научно-исследовательскими учреждениями. [5] Такие зоны были созданы на базе уже сложившихся научных школ и направлений – в г. Москве, Московской области, г. Санкт-Петербург и Томской области. Но их развитие длительное время проходило крайне медленно. В результате даже к 2012 г. большая часть запланированных показателей развития ОЭЗ данного типа так и не была достигнута (табл. 2).

Таблица 2. Отдельные показатели экономической эффективности деятельности технико-внедренческих особых экономических зон РФ (накопленным итогом за весь период деятельности к 2012 и 2014 г.)*

Регион	Количество рабочих мест созданных				Объем налогов, уплаченных резидентами ОЭЗ от всех налогов региона		Объем инвестиций			
	2012 г.		2014 г.		2012 г.	2014 г.	2012 г.		2014 г.	
	Ед.	%	Ед.	%	%	%	Млн руб.	%	Млн руб.	%
Санкт-Петербург	435	116	966	96	0,2	0,1	2337	85	4225	284
Москва	794	72	1062	119	0,01	0,01	2162	54	1832	103
Московская область	1036	86	1684	101	0,02	0,03	2068	64	3109	2072
Томская область	1085	99	1474	105	0,16	0,23	3708	106	1457	108

Примечание: * ОЭЗ в Республике Татарстан создана в 2012 г. и не участвует в оценке эффективности

Составлено авторами по материалам Министерства экономического развития Российской Федерации

Аналогичная ситуация сложилась и с другими проектами, которые можно было бы отнести к разряду кластерных инициатив: возрождение наукоградов, развитие технопарков, формирование системы региональной поддержки малых инновационных предприятий. [5] Причины более медленного и менее эффективного развития были связаны, в первую очередь

с непроработанным законодательством в области регулирования инновационной сферы. В частности, механизмы реализации предложенных мер противоречили действовавшим нормам экономического регулирования, не имевшими прямого отношения к инновационной сфере (табл. 2).

Ситуация осложнилась в 2009 г., когда начал реализовываться проект инновационного города Сколково (Московская область), в который были направлены основные финансовые, управленческие, технологические и др. виды ресурсов. К тому же в рамках технико-внедренческих зон не сложились устойчивые взаимосвязи между предприятиями-участниками кластера и их смежниками, научными и образовательными организациями, генерирующих основную часть инноваций.

Кластерная политика сузилась до поддержки малых, прежде всего инновационных (не выделенных в отдельную категорию со специальными режимами поддержки) предприятий через соответствующие программы Министерства экономического развития РФ (МЭР). В ряде регионов были приняты программы развития кластеров или созданы организационные структуры по их развитию, однако эта активность была временной и осуществлялась в режиме, можно сказать, «кампанейщины». В итоге планы по формированию ряда ранее широко анонсированных кластеров (например, авиационного в г. Жуковском) реализованы не были. Но интерес к кластеризации усиливался как со стороны региональных, так и федеральных органов власти. В результате на уровне федерального центра приступили к разработке базовых документов реализации кластерной политики, хотя этот процесс шел крайне медленно.

4 этап - период государственных инициатив. В 2007 г. Министерством экономического развития была разработана «Концепция развития кластерной политики в Российской Федерации». [8] Но только через два года к концепции были представлены «Методические рекомендации по реализации кластерной политики в Российской Федерации», в том числе для создания инновационных кластеров. [11] В рекомендациях по созданию промышленных кластеров было отмечено, что к числу имеющихся предпосылок для развития их в России следует отнести следующие явления, тенденции и процессы. Это - формирование в России крупных интегрированных бизнес-структур, активно позиционирующих себя на национальном рынке; определенный уровень производственной кооперации, который складывается между предприятиями, представляющими различные направления, виды и сегменты бизнеса. На практическом уровне было решено реализовать пилотные проекты по созданию кластеров на базе технико-внедренческих зон (ТВЗ) и технопарков. Но при этом для развития кластеров не предполагалось вводить новые инструменты, а более эффективно использовать уже имеющиеся, в том числе и возможности разворачивавших в то время свою деятельность «институтов развития».

В Концепции были выделены наиболее значимые направления поддержки развития кластеров: долевое финансирование аналитических исследований структуры кластера, определение целей и направлений развития, создания центров по обмену знаниями, привлечение заинтересованных организаций к совместным действиям, повышение эффективности программ профессиональной подготовки кадров, содействие коммерциализации результатов исследовательской деятельности.

Технологические платформы в РФ. Только в 2008 г. начали формироваться технологические платформы, хотя и их роль в процессе кластеризации была в большинстве случаев непонятна самим участникам кластеров. Технологические платформы - очень эффективный инструмент развития сотрудничества между всеми участниками кластера. Создание и развитие технологических платформ в России опиралось на европейский опыт. Из 12-ти основных параметров оценки кластеров, выделенных на основе международного исследования лучших кластерных практик мира INNOVISA (2012 г.), развитие 4-х напрямую связано с развитием кластеров в рамках технологических платформ. [1] Это - усиление связей между наукой и бизнесом; повышение эффективности взаимодействия участников кластера с разработчиками кластерной политики; развитие новых технологий; привлечение новых компаний в регион. Оставшиеся 8 параметров (расширение ассортимента работ и

услуг, рост инвестиций в кластере, рост числа рабочих мест, рост числа участников кластера, развитие специализированных тренингов и соответствие целям развития) могут повысить свое значение при опосредованном влиянии технологических платформ. Но при этом необходимо учитывать тот факт, что технологические платформы в Европе были созданы как инструменты, способствующие активному сетевому взаимодействию всех участников кластера. Формирование технологических платформ в Европе прошло в своем развитии три этапа. Вначале были сформулированы на основе анализа особенностей социально-экономического, технологического и инновационного состояния отдельных территорий приоритетные направления, задавшие основные векторы развития кластерам (в том числе отраслевые). Затем разрабатывались «дорожные карты» технологических платформ, в рамках которых были найдены источники финансирования и разработаны базовые проекты, формирующие кластеры, и которые реализуются на третьем этапе развития платформ. [6]

В России технологические платформы, несмотря на то, что они *были созданы раньше, чем объявлен конкурсный отбор инновационных кластеров*, пока развиты достаточно слабо. Вследствие этого кластеры практически не рассматривают в программах своего развития связь с технологическими платформами. В 17-ти из 25-ти программ развития инновационно-территориальных кластеров, получающих государственную поддержку в РФ, упоминают, что некоторые организации участвуют в технологических платформах, но не учитываются возможные преимущества такого участия в своем дальнейшем развитии. В 1/3 программ вообще нет информации о связях с техплатформами. При этом ни одна программа не предлагает разработанный план взаимодействия предприятий кластера с технологическими платформами. Так, например, в программе развития кластера фармацевтики, биотехнологий и биомедицины указано, что опосредованная связь с технологическими платформами «Медицина будущего» и «Современные биотехнологии» происходит через организации-участницы кластеров, но виды совместной деятельности не описаны.

Это связано, в первую очередь с тем, что приоритетные направления развития науки, технологий и техниками в России были сформулированы сверху (Указами Президента и постановлениями Правительства), под которые впоследствии были определены направления развития технологических платформ. Разработанные при отсутствии государственного финансирования на организацию работы, «дорожные карты» платформ оказались низкого качества. [6] А третий этап (реализация проектов) в условиях длительного процесса согласования мер государственной поддержки и финансовых условий только начинается.

В 2008 г. были разработаны и «Методические рекомендации по реализации кластерной политики в северных субъектах Российской Федерации», предусматривавшие несколько видов государственной поддержки кластерных инициатив в регионах со сложными природными условиями. [10] Это – информационно-аналитическая и конкурсная виды поддержки, разработка общей стратегии, содействие развитию международного сотрудничества в сфере кластерной политики.

Региональные особенности формирования кластеров в России. В результате к 2008 г. в 64 регионах России было заявлено о создании более чем 220 территориальных кластеров. При этом 62 из них (27%) было запланировано создать в Приволжском федеральном округе. Еще 100 кластеров в общей сложности должны были быть созданы в Центральном, Северо-Западном и Южном (в границах 2008 г.) федеральных округах. Меньше всего планировали создать кластеров в Сибирском федеральном округе – 14 образований (рис. 1). В 2010 г. Подкомитет по развитию кластерных технологий Комитета торгово-промышленной палаты Российской Федерации декларировал создание 250 кластеров в 50 отраслях экономики. 70 кластеров (28%) от общего числа приходилась на 3 вида деятельности: агропромышленный комплекс, строительство и туризм. [14]

Но значительного экономического результата этот процесс не принес. Большая часть кластеров была заявлена на базе существующих предприятий, которые крайне неохотно шли на изменение структуры деятельности, поскольку механизмы поддержки не были фактически разработаны.

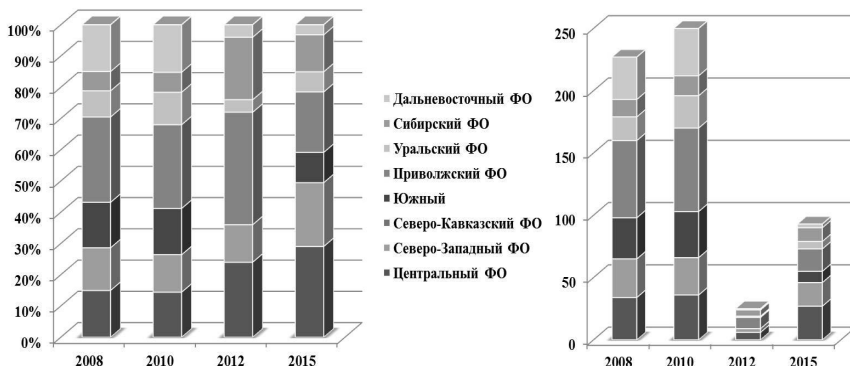

Рис. 1. Региональные особенности создания кластеров в России (2008-2015 гг.)

Источник: Составлено по материалам Министерства экономического развития РФ, кластерной обсерватории НИУ ВШЭ.

Идея развития кластеров была реанимирована в 2011 г. в ходе разработки новых стратегических документов. Помимо «Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г.» был принят еще и проект «Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г.», где воспроизведены основные положения Концепции МЭР 2007г. [8] В Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г. инновационным кластерам посвящен целый раздел. Хотя в нем не дано определения инновационных кластеров, но этот термин употребляется в одном контексте с особыми экономическими зонами, технопарками, наукоградами и Сколково. В Стратегии уже были заложены особенности, по которым предстояло развиваться кластерам в России: глубокое вмешательство государства в процесс кластеризации (вплоть до регламентации и контроля над институтами, обеспечивающими создание и развитие кластеров), федеральное субсидирование основных мероприятий кластеризации и ориентир государственной поддержки на малые предприятия. В тоже время четкой позиции по вопросу государственной поддержки сформулировано не было. Так как не было четко прописаны критерии выделения инновационных кластеров, то возник риск отнесения к кластерным образованиям практически любых территориальных образований. Несмотря на то, что разработка Стратегии ориентировалась на зарубежный, в первую очередь европейский опыт, не было учтено, что на современном этапе в основе выделения кластеров в странах Европы лежит так называемая «умная специализация» («smart specialization»). [12] Данный инструмент подразумевает выбор на региональном, а не государственном уровне отраслей специализации кластеров с учетом максимально возможного вклада в экономическое развитие региона.

В результате реализации мероприятий в рамках Стратегии Министерство экономического развития в марте 2012 г. объявило о формировании перечня пилотных программ развития инновационных территориальных кластеров. В соответствии с отраслевой специализацией кластеры были сформированы в 12-ти отраслях (медицина и фармацевтика, радиационные технологии, ИКТ, лазерные технологии, производство летательных и космических аппаратов, двигателестроение, нефтегазопереработка и нефтегазохимия, автомобилестроение, приборостроение, электроника, новые материалы, ядерные технологии, биотехнологии, судостроение, химическая промышленность, энергетика). Все они условно относятся к 6 технологическим направлениям, которые соответствуют приоритетным направлениям развития науки, технологий и техники в Российской Федерации. [15] Отобранные 25 кластеров располагаются на территориях с

высоким уровнем концентрации научно-технической и производственной деятельности. В их число входит, в частности, ряд наукоградов и территорий базирования особых экономических зон, закрытых территориальных образований. На территории большей части кластеров формируются многоотраслевые образования в смежных или связанных между собой отраслях.

Иными словами, отечественные подходы к кластерной политике отчасти повторяют прежние идеи, которые ранее не были реализованы в полном объеме. Вместе с тем состав мер поддержки формирования кластеров пересмотрен и расширен с учетом зарубежного опыта, однако не приняты во внимание новые инструменты развития инновационных кластеров. Заимствования отстают от современных тенденций, что удлиняет путь к созданию инновационных кластеров в РФ.

5 этап - период соучастия регионов и государства в создании кластеров. Активизация мер государственной поддержки развития кластеров (не только для пилотных инновационных кластеров, но и по отношению к другим территориальным кластерам со стороны Центра кластерного развития в рамках программы Минэкономразвития России по поддержке малого и среднего предпринимательства) способствовала возобновлению деятельности региональных органов власти по формированию кластерных инициатив.

Отраслевая и региональная структура кластеров России на современном этапе развития

В результате к началу 2016 г. Кластерной обсерваторией НИУ ВШЭ зарегистрировано 92 реально существующих кластера в 40 регионах России с общей численностью занятых более 1 млн. человек. [15] Наибольшее количество кластеров созданы в традиционных высокотехнологичных и инновационных регионах России: Москве, Московской области, Санкт-Петербурге, Республике Татарстан. Данные регионы проводили целенаправленную последовательную стимулирующую политику, направленную на инновационное развитие экономики. В этих регионах не только самые высокие показатели инновационной и научной деятельности, но и высокий уровень развития малого и среднего бизнеса, высокий уровень инвестиционной привлекательности регионов. [21] Именно в них были созданы и развивались первые технико-внедренческие зоны РФ.

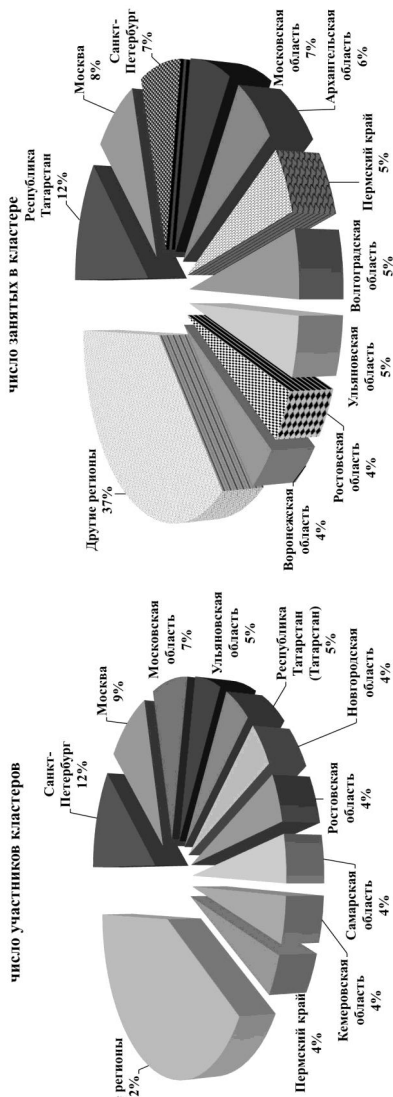
Анализ отраслевой структуры кластеров показывает приоритетное развитие в них высоко и средне-технологичных отраслей. По числу участников лидерами являются микроэлектроника, информационно-коммуникационные технологии, фармацевтика и медицинская промышленность (в общей сложности 36%). По численности занятых лидируют автомобилестроение и производство автокомпонентов, производство машин и оборудования, медицинская промышленность, фармацевтика и ядерные и радиационные технологии (46%) (рис. 2).

Следует отметить и достаточно широкую отраслевую диверсификацию кластеров. Однако осуществляемая кластерная политика в России пока не дала должного результата – в рейтинге Индекса глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума по индикатору «состояние развития кластеров» Россия стабильно занимает позиции ниже 100: в 2012–2013 гг. – 114; в 2015–2016 гг. – 110 (табл. 3).

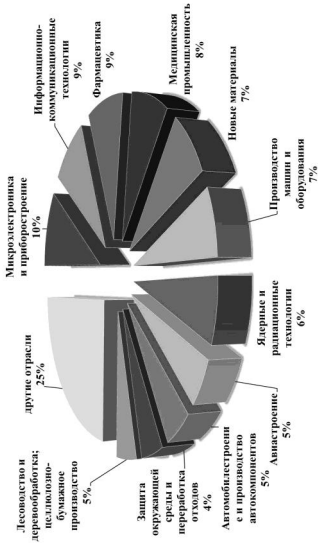
При этом никакой устойчивой положительной тенденции пока не наблюдается. Крайне низки позиции России по позициям: «охват цепочек добавленной стоимости местными компаниями» (94 место), «сотрудничество компаний и университетов в области НИОКР» (81 место), «распространенность практики обучения персонала в бизнесе» (83 место), «объем прямых иностранных инвестиций и трансфер технологий» (115 место из 140).

В итоге, анализ сложившейся ситуации и инициатив позволяет сделать выводы о крайне неэффективной государственной кластерной политике в РФ на современном этапе: выделенные средства на поддержку кластерных инициатив пока не принесли запланированный результат.

число участников кластеров

число участников

численность работников

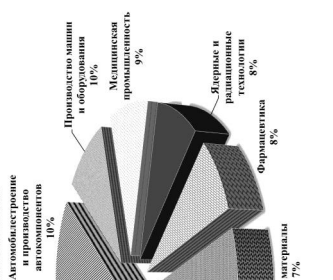

Рис. 2. Отраслевая и региональная структура кластеров России на современном этапе развития (конец 2015 г.).

Источник: Составлено автором по материалам кластерной обсерватории НИУ ВШЭ – URL: <http://map.cluster.hse.ru/list>

Таблица 3. Изменение некоторых показателей уровня конкурентоспособности экономики России (по данным Индекса глобальной конкурентоспособности - The Global Competitiveness Index)

Показатель	2009-2010		2010-2011		2011-2012		2012-2013		2013-2014		2014-2015		2015-2016	
	баллы	ранг	баллы	ранг	баллы	ранг	баллы	ранг	баллы	ранг	баллы	ранг	баллы	ранг
состояние развитие кластеров	н.д.	90	н.д.	87	3,2	92	3	114	3,1	124	3,1	118	3,1	110
охват цепочек добавленной стоимости местными компаниями	н.д.	92	н.д.	104	2,8	124	2,8	129	3,2	114	3,5	96	3,5	94
качество поставщиков на внутреннем рынке		110		114	3,8	121	3,8	122	3,9	111	4,1	88	4,1	81
сотрудничество компаний и университетов в области НИОКР		48		61	3,5	75	3,4	85	3,6	64	3,6	67	3,6	67
инновационный потенциал компаний		42		38	3,5	38	3,3	56	3,5	64	3,8	66	3,8	84
конкурентные преимущества местных компаний на международных рынках		103		98	2,8	115	2,7	125	3,1	102	3,4	75	3,4	74
распространенность практики обучения персонала в бизнесе		91		90	3,8	82	3,7	89	3,8	88	3,8	89	3,8	83
оплата труда и производительность		35		47	4	61	4	65	4,2	46	4,6	24	4,6	25
ПИИ и трансфер технологий		103		120	3,7	129	3,6	135	3,7	125	3,8	123	3,8	115

Источник: Составлено по: The Global Competitiveness Report 2014–2015 Available at: <http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014-2015>

Следует отметить и достаточно широкую отраслевую диверсификацию кластеров. Кластерная политика в России пока не дала должного результата. В рейтинге Индекса глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума по индикатору «состояние развития кластеров» Россия стабильно занимает позиции ниже 100: в 2012 -2013 гг. – 114; в 2015-2016 гг. – 110 (табл. 3). При этом никакой устойчивой положительной тенденции пока не наблюдается. Крайне низки позиции России по следующим направлениям: «охват цепочек добавленной стоимости местными компаниями» (94 место), «сотрудничество компаний и университетов в области НИОКР» (81 место), «распространенность практики обучения персонала в бизнесе» (83 место), «объем прямых иностранных инвестиций и трансфер технологий» (115 место из 140).

В итоге, анализ сложившейся ситуации и инициатив позволяет сделать выводы о крайне неэффективной государственной кластерной политике в РФ на современном этапе: выделенные средства на поддержку кластерных инициатив пока не приносят запланированный результат.

Несмотря на наметившиеся положительные сдвиги в повышении эффективности кластерных инициатив, в целом роль кластеров как драйверов экономического развития регионов России в настоящее время крайне низка. В первую очередь, на наш взгляд это связано со слабой экономической автономией на региональном и местном уровнях, слабым развитием инновационной инфраструктуры, которая призвана обеспечить поддержку развития кластерных образований. Обстоятельством, существенно осложняющим эффективность государственной поддержки является и непоследовательность мероприятий, непродуманность последовательности действий, периодически угасающий интерес к созданию инновационных кластеров в регионах России.

Деятельность инновационных кластеров в России поддерживается Министерством экономического развития по двум направлениям: как пилотных инновационно-территориальных кластеров (ИТК) и Центром кластерного развития в рамках программы по поддержке малого и среднего предпринимательства. Наиболее отработанным является механизм поддержки ИТК.

В начале 2012 г. в рамках конкурса по развитию инновационно-территориальных кластеров в субъектах РФ организованному Министерством экономического развития России, было отобрано 25 из 100 принявших участие кластерных инициатив для пилотной поддержки в последующие годы. [2]

При этом предприятия только 19 кластеров работают в высокотехнологических (фармацевтика, авиакосмическая отрасль, информационные технологии) и средние технологических отраслях (автомобилестроение, ядерные и радиационные технологии, химия и нефтехимия). Следует отметить, что половина из этих кластеров развивается на фундаменте, заложенном в советский период (производство летательных и космических аппаратов, судостроение, ядерные и радиационные технологии, химия и нефтехимия). [2]

Значительная часть кластеров функционируют в регионах с очень высоким инновационным потенциалом и высокоэффективной инновационной региональной политикой, что позволяет эффективно использовать их качественный человеческий потенциал, накопленные знания. В рейтинге Ассоциации инновационных регионов России регионы, в которых расположено 13 из 25 кластеров относятся к группе «сильных инноваторов», 5 — в «среднесильных инноваторах», 1 кластер находится в регионе — «среднем инноваторе» и 2 кластера — в «среднеслабых инноваторах». Существенный опыт поддержки инноваций является важным фактором, обуславливающим интерес региональных органов власти к поддержке кластеров.

Наибольшее количество кластеров сформировано в фармацевтической отрасли и биотехнологии. К 2013 г. фармацевтический рынок России занимал 7-е место по объемам и 3 место в мире по темпам роста. В то же время 75% лекарств – импортные, а сальдо торгового баланса пассивное и составило 14 млрд. долл. В 5 субъектах фармацевтические кластеры были сформированы на базе уже имеющихся научно-исследовательских и промышленных

организаций. [13] Но все они демонстрируют разные значения показателей эффективности их работы. При этом 5 из 6 кластеров развиваются как фармацевтические, и только кластер в Томской области сочетает в себе не только фармацевтический предприятия, предприятия по производству медицинской техники, но и по производству информационных технологий.

Государственную поддержку кластеры, развивающие ядерные и радиационные технологии, получают в 4-х регионах РФ: Ульяновская, Нижегородская, Московская области и Красноярский край.

В Архангельской области, Хабаровском крае, Кемеровской области, Республике Татарстан, Нижегородской области и Республике Башкортостан инновации формируются в традиционных отраслях – судостроение, переработка угля и техногенных отходов, а также в нефтехимии.

В 25 инновационных кластерах в 2013 г. работало около 1 млн человек. Больше всего занято на предприятиях нефтехимического кластера в Республике Татарстан (30% от всех занятых) и фармацевтическом кластере г. Санкт-Петербурга (6,5%). В 2013 г. на территории кластеров было создано более 35 тыс. высокопроизводительных рабочих мест, но 70% из них – рабочие места информационно-коммуникационного кластера г. Санкт-Петербурга, авиа-кластеров в Пермском крае и Самарской области, судостроительном кластере Хабаровского края.

Самая высокая производительность (выработка на одного работника) на фармацевтических и биотехнологических предприятиях кластеров: Санкт-Петербург и Ленинградская область – 16,4 млн руб. на человека в год, Калужская область – 3,55 млн руб. на человека в год.

Объем отгруженной инновационной продукции инновационно-территориальных кластеров составил 726 млрд руб. (менее 2% от общероссийских показателей), 50% которого пришлось на предприятия двух кластеров: нефтехимического в Татарстане и судостроительного в Архангельской области.

В общей сумме за 2013-2014 гг. на цели развития кластеров было выделено из федерального бюджета 3,8 млрд руб. Эта сумма была распределена между кластерами в зависимости от качества их программ развития и конкретных проектов на условиях софинансирования из региональных бюджетов. Из 1,3 млрд руб. субсидий выделенных в 2013 г. 71% ушло на развитие инновационной и образовательной инфраструктуры, 12% - на разработку и содействие реализации проектов развития кластера, выполняемых совместно 2 и более участниками, еще 10% на профессиональную переподготовку, повышение квалификации и проведение стажировок работников. В 2014 г. при увеличении размера субсидий почти в 2 раза (до 2,5 млрд руб.) соотношение трех ведущих мероприятий осталось неизменным. Но следует отметить, что если на развитие инженерной и социальной инфраструктуры в 2013 г. было выделено 2,5 %, то в 2014 г. доля такого вида субсидий составила всего 0,6%. [7, 18]

Несмотря на декларируемое инновационное развитие, большая часть анализируемых кластеров является *промышленно-производственными*, а не инновационными, при этом не представляющими полные технологические цепочки вплоть до изготовления конечной продукции.

Согласно зарубежному опыту, в кластере должны присутствовать не менее 30-50 профильных компаний для реализации потенциала диффузии инноваций. Вызывает обеспокоенность то, что в 13 кластерах из 21 рассматриваемого число участников менее 50, а в 6 кластерах — меньше 30. В том числе в кластере медицинской, фармацевтической промышленности, радиационных технологий в Ленинградской области (18 участников), «Физтех XXI» Московской области (25 участников), Нижегородском индустриальном кластере в области автомобилестроения и нефтехимии (всего 8 участников), титановом кластере Свердловской области – 17 участников и т. д.

Несмотря на то, что большая часть кластеров удовлетворяет большинству критериев зрелого кластера в соответствии с Европейским стандартом кластерного превосходства (в

марте 2015 г. четыре российских кластера получили бронзовый лейбл Европейского секретариата кластерного анализа), различия в уровне и качестве развития зарубежных и российских кластеров существенны.

Стандартный российский кластер имеет в своем составе около 70 участников (малые и средние предприятия, крупные компании, университеты, исследовательские организации, государственные структуры, бизнес-инкубаторы и технопарки). Но при этом, доля малых и средних предприятий в ИКТ России составляет всего 34%, тогда как в Финляндии этот показатель составляет 80%, в Австрии – 68%, Дании – 59%, Германии – 53%. Тогда как доля органов государственной власти составляет – 7% (против 1-2% в европейских странах). Следует отметить и очень высокую долю в российских кластерах высших учебных заведений и научно-исследовательских и конструкторских организаций (около 19%). Тогда как в Европе на долю таких участников приходится от 3 (Финляндия, Австрия) до 9-10% (Польша, Франция). [2]

Отметим, что 71% участников пилотных инновационно-территориальных кластеров вошли в состав кластера в течение последних двух лет, когда начала осуществляться финансовая поддержка Минэкономразвития России.

Заключение

Анализ эволюции форм пространственной организации экономической деятельности в России позволил выделить 5 этапов кластерной политики. Отмечено, что на втором этапе происходило лишь создание прообразов кластеров в ряде регионов России. На третьем этапе происходило формирование процесса кластеризации в рамках технико-внедренческих особых экономических зон. На четвертом этапе – в период государственных кластерных инициатив – происходила разработка нормативно-правовых актов для создания кластеров, формирование технологических платформ. И на современном (пятом) этапе отмечается активное создание и развитие кластерных инициатив на основе инноваций, связей между предприятиями и развития конкуренции.

Несмотря на наметившиеся положительные сдвиги в повышении эффективности кластерных инициатив, в целом роль кластеров как драйверов экономического развития регионов России в настоящее время еще крайне низка. Необходимо развитие инновационной инфраструктуры, которая призвана обеспечить поддержку развития кластерных образований.

Значительная часть кластеров функционирует в регионах с высоким инновационным потенциалом и высокоэффективной инновационной региональной политикой. К инновациям в России более всего расположены крупные, экономически самостоятельные предприятия, имеющие достаточные финансовые, кадровые и интеллектуальные ресурсы. И чем крупнее предприятия, тем выше среди них доля инноваторов.

Региональные различия показателей, характеризующих результаты и условия инновационной деятельности в России, демонстрируют значительные диспропорции. Основная инновационная деятельность сконцентрирована всего в восьми-десяти регионах России Центрального, Поволжского и Северо-Западного федеральных округов.

Опыт ведущих стран мира в области инноваций показывает, что ключевая роль в создании и развитии региональных инновационных систем принадлежит привлечению необходимых ресурсов (финансов, знаний, квалификации и т.д.), а также процессам активизации их динамики, которые не могут происходить без соответствующего развития инновационной инфраструктуры.

Тем не менее, процесс формирования и развития кластеров становится ведущим в развитии инновационных форм организации экономической деятельности в регионах России.

Литература:

1. International Benchmarking Study of Competitiveness Poles and Clusters and Identification of Best Practices – URL: http://www.vegepolys.eu/media/international_benchmarking_study_inovisa_pic_2012_092299500_1147_26062012.pdf

2. *Kutsenko E.* Pilot Innovative Territorial Clusters in Russia: A Sustainable Development Model. // Foresight-Russia, 2015. - vol. 9, no 1. - P. 32–55
3. The Global Competitiveness Report 2014–2015 Available at: <http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014-2015>
4. *Бортник И.М., Земцов С.П.* Становление инновационных кластеров в России: итоги первых лет поддержки // Инновации. – 2015. – № 7 (201). – С. 26-36
5. *Дежина И.Г.* Новый этап кластерной политики в инновационной сфере // Экономическое развитие России. - 2012. - № 2 - С. 41-43.
6. *Дежина И.Г.* Технологические платформы и инновационные кластеры: вместе или порознь? // М.: Издательство Института Гайдара, 2013. – С.35- 43
7. Доклад «Кластерная политика: концентрация потенциала для достижения глобальной конкурентоспособности. - Москва, 2015 г. <http://cluster.hse.ru/>
8. Концепция кластерной политики в Российской Федерации и план действий Правительства Российской Федерации по ее реализации в 2007-2008 гг.: постановление Правительства РФ. 2007. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy.gov.ru/wps/wcm/connect/ad33308040dc18c9a768b7c8cc8c99f3/rasporyazh88.doc>
9. *Лаженцев В.Н.* Территориально-хозяйственные системы как объекты географических и экономических исследований //Современные производительные силы. Экологическая политика. № 4, 2013, с. 99 -110
10. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в северных субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.tpprf.ru>
11. Методические рекомендации по реализации кластерной политики в субъектах Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/innovations/development/doc1248781537747>
12. Платформа «smart specialization» Европейского Союза. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://s3platform.jrc.ec.europa.eu/>
13. *Подгорнев П.В.* Территориальная структура фармацевтической промышленности в постиндустриальную эпоху //Диссерт. на соиск. уч. ст. к.г.н.- М., 2016.
14. Подкомитет по развитию кластерных технологий Комитета торгово-промышленной палаты Российской Федерации – URL: <http://tpprf.ru/ru/interaction/committee/komlogistics/>
15. Приоритетные направления развития науки, технологий и техники в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/987>
16. Проект Концепции долгосрочного социально-экономического развития России до 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://economy.gov.ru/minec/activity/sections/strategicPlanning/concept/>
17. *Родионова И.А., Хуснутдинова С.Р., Галимов Ш.Ш.* Региональные особенности и тренды развития промышленности РФ в кризисных и посткризисных условиях //Фундаментальные исследования. 2012. № 9-1. С. 225-230.
18. Российская кластерная обсерватория – URL: <http://cluster.hse.ru/>
19. Становление инновационных кластеров в России: итоги первых лет поддержки// Инновации, № 7 (201), 2015, с. 26- 36
20. Стратегия инновационного развития РФ на период до 2020 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://innovation.gov.ru/sites/default/files/documents/2014/5636/1238.pdf>
21. *Фролова Е.Д., Родионова И.А., Е.А. Фролова Е.А.* Развитие локальных структур промышленного типа в глобальном геоэкономическом пространстве // Вестник УрФУ. Серия экономика и управление. 2012. № 6. С. 37-49.

СДВИГ НА ВОСТОК И РЕКОНСТРУКЦИЯ ТИХООКЕАНСКОГО ФАСАДА РОССИИ

Уже второй раз за свою короткую постсоветскую историю Россия вынуждена прилагать титанические усилия для ликвидации дефектов геополитического и геоэкономического положения. В девяностые и двухтысячные годы было жизненно важно обеспечить условия для бесперебойного экспорта энергоносителей и минимизировать ущерб от утраты ряда важнейших портов. Для этого прокладывались нефтепроводы БТС-1 и БТС-2, был построен газопровод «Ямал-Европа», доставляющий газ в Германию в обход Украины, через Белоруссию и Польшу. Несмотря на противодействие стран, входящих в ЕС и заинтересованных в сохранении для Украины преимуществ транзитёра, которыми она часто злоупотребляла, в 2011 г. был введен в строй «Северный поток» (в 2012 г. – вторая очередь). Сооружались новые порты (Приморск, Усть-Луга) и расширялись существующие.

Дальнейшим шагом должен был стать «Южный поток», позволяющий полностью отказаться от транзита газа через Украину. Однако резкое ухудшение геополитической ситуации заставило Газпром не только отказаться от его сооружения, но и круто изменить свою бизнес-стратегию в Европе, основанную на приобретении активов (в т.ч. в сфере производства электроэнергии) и стремлении поставлять газ конечным потребителям. Эти активы оказались теперь в зоне риска.

Разумеется, можно серьезно усомниться во вменяемости политического руководства ЕС, которому жизненно необходимо расширять сотрудничество с Россией в политической и экономической областях, но которое вместо этого занялось продвижением «Европейского проекта» с применением всех огневых средств, имеющихся в распоряжении украинской армии, в регионы, категорически не желающие в нем участвовать. В политическом плане сотрудничество с Россией совершенно необходимо для противодействия общим угрозам, таким как ИГИЛ.

В экономическом отношении следует готовиться к новой реальности, которая наступит с Трансатлантическим партнерством по торговле и инвестициям (ТТIP). Очевидно, что в ЕС не придет дешевый сланцевый газ из США. В любом случае он не будет дешевле российского. Более того, чем ниже будут цены на газ, тем выше будет конкурентоспособность газа, поставляемого по трубопроводам в сравнении со сжиженным, доставляемым танкерами. Немецкие химические концерны уже переносят производство в США, где использование более дешевого газа позволяет улучшить экономические показатели. Между тем в странах ЕС по чисто политическим соображениям построены многочисленные терминалы для приёма сжиженного газа, загруженные в целом лишь на 20% мощности [10], а в Литве потребителей даже обязали в законодательном порядке покупать более дорогой норвежский газ.

Для лидеров ЕС было бы значительно логичней лезть из кожи вон, чтобы обеспечить политически низкую цену на российский газ. Это вполне реально, поскольку наша страна крайне заинтересована в передовых технологиях и инвестициях для своей ускоренной модернизации, а потому вполне могла бы пойти на подобную мегасделку. Для европейских экономик выгода от реализации такого гигантского проекта была бы двойной. Скорее всего, таким образом удалось бы даже преодолеть стагнацию и встать на путь динамичного развития. Однако прогрессирующий упадок Запада сопровождается интеллектуальным угасанием, что проявляется и в сфере международных отношений. Вместо углубленной «работы над ошибками», направленной на решение острейших политических, экономических, этнических и социальных проблем, стоящих перед ЕС, избран путь внешней экспансии, что позволяет говорить о становлении нового европейского империализма. А ведь еще недавно было, по сути, отказано от европейского дома Турции, значительно более модернизированной и сильной в экономическом отношении, нежели Украина.

Лидеры мирового развития постоянно менялись, в XX в. *Pax Britannica* сменился на *Pax Americana*, через пару десятилетий «многополярного мира» мы будем жить в *Pax*

*Sinensis*³³. Отметим, что предыдущий период «многополярного мира» начался и кончился мировой войной, поэтому и сейчас следует готовиться к крайне турбулентным международным отношениям в переходный период. Уже происходящее перемещение оси мирового развития из Атлантического макрорегиона в Тихоокеанский в любом случае делает абсолютно необходимым преодоление крайнего убожества тихоокеанского фасада России. Однако необходимость срочной эвакуации из сошедшей с ума (или выжившей из него) Европы требует быстрого геополитического разворота в условиях острого дефицита экономических и демографических ресурсов и недореформированного, а потому и не отличающегося эффективностью хозяйства.

П.Я. Бакланов и М.Т. Романов уже отметили фактически двойную асимметрию геополитического положения России. Если на западе соседи первого порядка РФ – страны, имеющие меньший геополитический потенциал, чем Россия, то на востоке Россия имеет сухопутные или морские границы со странами, обладающими самым большим в мире геополитическим потенциалом – Китаем, Японией, США. Эта асимметрия усугубляется, по справедливому мнению П.Я. Бакланова и М.Т. Романова, крайне недостаточным уровнем освоения и развития Дальнего Востока, так и не вставшего, несмотря на огромные полугороковые усилия, вровень с ее развитыми районами европейской части. Этими авторами введено и весьма перспективное представление о Тихоокеанской России, охватывающей территорию ДФО и акватории в исключительной экономической зоне [1].

Обратившись к недавнему прошлому, мы видим, что в 80-е гг. страны ЕЭС проявили дальновидность и самостоятельность, прокредитовав строительство газопровода Уренгой-Помары-Ужгород и его продолжения в страны Западной Европы, несмотря на сугубо отрицательное отношение США к этому проекту. Отметим, что и в далеком 1981 г. администрация Р. Рейгана (1911-2004) ввела запрет на экспорт высокотехнологичного оборудования, к коему были отнесены и трубы большого диаметра, и технологии, использовавшиеся европейскими производителями при изготовлении компрессорных

³³ Чередование интеграционных и дезинтеграционных циклов в развитии мирового хозяйства исследовали Б.Н. Зимин (1929-1995) и Л.М. Синцеров [12]. Так, Б.Н. Зимин еще в 80-е гг. поставил вопросы: «1) является ли экономическая интеграция как общий и региональный процесс односторонним, [идущим – *В.Ш.*] по восходящей? и 2) существуют ли некоторые исходные и предельные величины для размеров региональной экономической интеграции?» [5, с. 32]. Б.Н. Зимин предложил следующий ответ на первый вопрос: «Европейский опыт показывает, что экономическая интеграция в исторический период имела скорее циклический характер, присущий, как указывалось выше, большинству экономических процессов. При этом периоды интеграции сменялись периодами дезинтеграции... Однако внимание исследователей всегда привлекал период интеграции, а циклические дезинтеграционные процессы оставались в тени, а ныне вообще считаются не стоящими изучения. Наши работы отразили существенную роль цикличности интеграционных процессов, которые обусловлены во многом теми же крупными сдвигами в отраслевых структурах и НТП, что и длинные волны, по Н. Кондратьеву, и прежде всего, сменой ведущих источников энергии... Можно предположить, что нынешний интеграционный цикл (по крайней мере для Западной Европы) закончится скорее всего со сменой ведущих энергоносителей в «энергетическом цикле» - не ранее 2040-2050 гг.» [5, с. 32-33]. Ответ на второй вопрос звучит следующим образом: «Наши расчеты, основанные на оценке ВРП «стандартного экономического региона», показали, что «внутренний предел» эффективности достигается при объединении в рамках единого рыночного пространства 9 подобных регионов, что примерно соответствует суммарному ВВП «шестерки». Поэтому уже расширение первоначального ЕЭС до «девятки» (особо следует учитывать последствия присоединения Великобритании) превысило, по нашему мнению, экономический потенциал наиболее экономически рационального размера интеграции на 8-13%. Это, несомненно, стало причиной ряда кризисных явлений в ЕС, «торговых войн», трудностей валютного регулирования и т.п. Дальнейшее расширение ЕС может снизить ее [интеграции – *В.Ш.*] эффективность и усилить внутриинтеграционные противоречия, которые, конечно, не окажут сколь-нибудь стимулирующего действия на дезинтеграционные процессы, но, несомненно, заметно отразятся на экономической эффективности ЕС в целом и его отдельных членов» [5, с. 34]. О «стандартных экономических регионах (районах)» см. [9].

станций, в СССР и другие социалистические страны. В результате трубы были не проданы, а «обменены» на будущие поставки газа.

Сейчас параноидальное стремление европейских лидеров лишить Россию «газового оружия», которым ни СССР, ни РФ никогда не пользовались (впрочем, такое стремление следует признать вполне рациональным, если конфликт готовится загодя), заставляет переориентировать поставки энергоносителей на восток. Строятся нефтепровод ВСТО и газопровод «Сила Сибири», однако значительно большего внимания с геополитической точки зрения заслуживает газопровод Сила Сибири-2 (ранее именовался «Алтай»), поскольку будет наполняться газом с месторождений Западной Сибири, где трудно ожидать существенного роста добычи. Следовательно, в перспективе речь идет о переориентации газовых потоков с европейского направления на китайское. Пока этому препятствует только отсутствие договоренности по цене.

По справедливому мнению К.В. Симонова [11], гендиректора Фонда энергетической безопасности, огромные инфраструктурные инвестиции до поры до времени амортизировали воздействие украинского кризиса на отношения между РФ и ЕС. Теперь гигантские инвестиции, как в сам газопровод «Сила Сибири-2», так и в его продолжение по китайской территории к наиболее крупным потребителям, всего порядка 4 тыс. км, наконец и надолго привяжут Россию к Китаю. Китаю тоже предстоят трудные времена в связи с существенным ростом стоимости рабочей силы, неблагоприятными демографическими тенденциями, необходимостью проведения радикальных реформ в госсекторе экономики и многими другими проблемами, вызванными глубокой структурной перестройки китайского общества. Россия будет жизненно заинтересована в успехе этих преобразований, проводимых в условиях острого соперничества с США, поскольку вынуждена положить все яйца в одну корзину. В то же время КНР едва ли будет оказывать РФ существенную поддержку в ее конфликте с США и ЕС.

Очевидно, что для России предельно нежелательно втягивание в неизбежное грядущее столкновение между США с союзниками и Китаем на стороне последнего, но участие в подобном столкновении на стороне Запада гарантированно приведет к краху самого Российского государства. Между тем объективное совпадение интересов России и Запада во многих существенных сферах будет крайне трудно реализовать в выстраивании геополитической конфигурации ввиду готовности рассматривать РФ как партнера (причем только младшего) и соответственно учитывать ее интересы только в случае безоговорочного следования в кильватере США и ЕС. В таких условиях свобода от союзов, вопреки мнению В.В. Путина, едва ли будет надежной гарантией безопасности России. Придется прилагать все усилия для установления союзнических отношений с Китаем, который и так уже рассматривает Россию как свой тыл, если попытки договориться о нейтралитете с Западом ни к чему и не приведут.

В том фактически отчаянном положении, в котором оказалась наша страна, сдвиг на восток становится условием ее выживания. Этот сдвиг уже происходит, но в крайне неблагоприятных условиях – задачи диверсификации экономики в долгосрочной перспективе и импортозамещения в краткосрочной с очевидностью толкают экономику в западном направлении [4], работают на усиление сложившейся асимметрии. Положительным фактором, действующим в желательном для нас направлении, следует считать переинвестированность китайской экономики, где в некоторых отраслях промышленности уже образовались избыточные мощности. Именно избыточность капитала выталкивает его из страны, способствуя, в том числе и реализации ширококомасштабных инфраструктурных проектов, включая «Шелковый путь» в обеих его ипостасях. Комплиментарность с недоинвестированной российской экономикой объективно должна привести к тому, что финансовые потоки из Китая проложат русло в Россию, преодолев многочисленные преграды самого различного свойства, и со временем отчасти заменят западные инвестиции, крайне оскудевшие из-за санкций. Вероятно, этому будет косвенным образом способствовать

и выдавливание Китая из Восточной Азии с помощью нового экономического блока – ТПР, созданного по американским лекалам.

Сравнение графиков Зипфа (графиков «ранг-размер») для 34 крупнейших городов СССР и 24 крупнейших городов России (в обоих случаях наименьший из рассмотренных – Владивосток), свидетельствует о вполне удовлетворительном соответствии этому правилу системы городов СССР и совершенно неудовлетворительном – городов России (рис. 1 и 2).

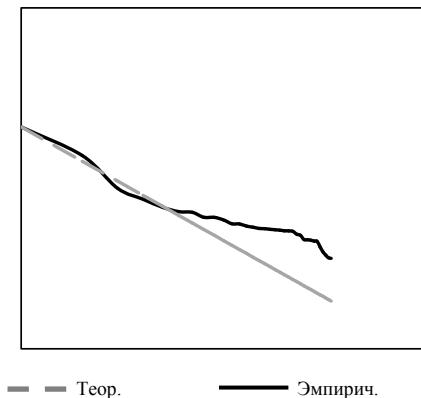

Рис. 1. График «ранг-размер» для 34 крупнейших городов СССР (последний – Владивосток), 1989 г. (выполнен А.И. Трейвишем)

Мы видим, что Москва, Ленинград, Киев, Ташкент, Харьков, Минск хорошо «ложатся» на график Зипфа. Таким образом, можно утверждать, что система городского расселения СССР сложилась как целостность. Провал на графике «ранг-размер» на 2010 г. (рис. 2) чётко обозначает недостающие региональные столицы.

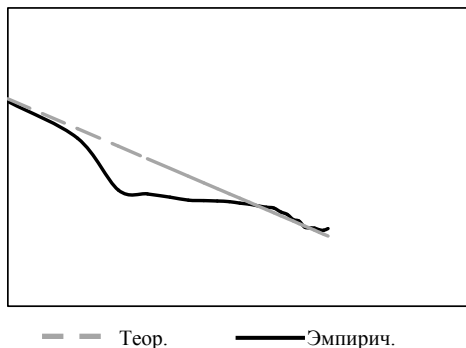

Рис. 2. График «ранг-размер» для 24 крупнейших городов РФ (последний – Владивосток), 2010 г.

При этом системы расселения, соответствующие правилу «ранг-размер», могут охватывать территории любого масштаба, включая планетарный. Последнее было блестяще показано С.П. Капицей (1928-2012), установившим еще в 1990-е гг., что крупнейшие города мира соответствуют правилу «ранг-размер» за весь исторический период [6], что совершенно противоречит здравому смыслу географов применительно к доколумбовой эпохе.

Что же касается формирования четких иерархических структур городского расселения, описываемых теорией центральных мест, то они в «нормальных» случаях имеют характерные размеры 10^4 - 10^5 км², т.е. могут охватывать территории в десятки или сотни тысяч квадратных километров (один «ненормальный» случай, да и то как гипотетический, будет рассмотрен ниже). Именно поэтому провалились попытки создания единой системы расселения СССР, в то время как применение фактически тех же принципов к территории Литовской ССР (65 тыс. км²) имело очевидный успех. Экистическая политика в этой республике (в ее разработке участвовали и географы) была весьма разумной и достижения 1960-х – 1980-х гг. даже сейчас получают положительную оценку литовских авторов. Сверхцентрализация была губительной для СССР, она может стать губительной и для России. *Совершенно необходимо формирование примерно полудюжины мощных региональных столиц, одной из которых должен стать Владивосток.*

Нам следует вернуться к фундаментальной идее И.М. Маергойза (1908-1975) начала 1970-х гг. о необходимости форсированного развития Дальнего Востока на основе его уникального (уже тогда!) географического положения. Дальний Восток, по мнению этого замечательного географа, должен был стать второй базой освоения Сибири, поднимаемой в таком случае мощными потоками, идущими как с запада, так и с востока [7]³⁴. Развитие Дальнего Востока требует формирования целостной системы расселения, до сих пор отсутствующей. Для региона характерно двустольичье, соперничество Владивостока и Хабаровска, а также ориентация остальных областных и краевых центров, равно как и Якутска, непосредственно на Москву, а не на один из этих двух центров, с единственным исключением в виде Биробиджана, который с очевидностью тяготеет к Хабаровску.

В традиционном соперничестве Владивостока и Хабаровска первый обречен на победу³⁵, в силу как несравненно более благоприятного макрогеографического положения, способствующего тихоокеанской интеграции, так и наличия большой потенциальной агломерации. Сейчас население обоих городов составляет примерно по 600 тыс. жит., но у Хабаровска агломерации практически нет, а Владивосток может удвоить свою людность за счет таких городов, как Находка, Уссурийск, Артём, Партизанск, Бол. Камень, Славянка, Посыет и др.

Для этого требуется развитие скоростного внутриагломерационного транспорта, в т.ч. и морского, предположительно на воздушной подушке, с учетом конфигурации и изрезанности побережья. Масштаб этой задачи по тихоокеанским меркам следует признать скромным – в устье Янцзы на основе скоростного железнодорожного транспорта формируется гигаполис с населением порядка 100 млн. жит. Однако Большой Владивосток³⁶ (рис. 3) в течение полутора-двух десятилетий сможет вырасти в полтора раза и, обогнав Новосибирск, стать третьим городом России, тихоокеанским Петербургом.

³⁴ Разумеется, оставшееся незавершённым индустриальное освоение Дальнего Востока уже нельзя завершать прежними методами, как нельзя дважды войти в одну и ту же воду. Поэтому представляет исключительный интерес концепция постиндустриального освоения этого региона, разработанная А.Н. Пилясовым [8]. Ее автор настоятельно подчеркивал, предвосхитив «революцию» сланцевой нефти, что и добывающая промышленность может быть очень и очень инновационной, причём касается это как основного производства, так и социальных и экологических его «приложений».

³⁵ «В некотором смысле Дальнему Востоку, несмотря на размеры его территории, было бы выгоднее иметь 1 город-миллионер, чем 2 пятистоттысячника, хотя такое утверждение лишь абстрактно» – писал еще в 1982 г. А.И. Трейвш [13, с. 109].

³⁶ Мысль о формировании крупной агломерации на основе Владивостока нельзя считать совершенно новой: «Дело не только в том, что в конце 60-х годов Владивосток вновь опередил его [Хабаровск – В.И.] по людности и ряду центральных функций (числу отраслевых дальневосточных управлений, НИИ, вузов и др.) и продолжал «перехватывать» некоторые транспортно-распределительные (по морским связям с Севером). Существеннее то, что он распространил выгоды своего макроположения на свое окружение, возглавив Южно-Приморский ТПК и группу агломераций (собственно Владивостокская имеет тенденцию к срастанию в единый город, а спутниковые зоны двух других – Находкинской и Уссурийской – пересекаются или близко сходятся с ней). Ее население уже к 1970 г. превысило 1 млн. чел.» [13, с. 109-110].

Рис. 3. Большой Владивосток

Это вполне реально, поскольку Новосибирск, третий город России, далеко не обладает столь выгодным ЭГП, не имеет значительной агломерации, да к тому же испытывает конкуренцию со стороны других крупных городов Сибири. Его население сейчас приближается к 1,6 млн. жит., но растет довольно медленно. Можно ожидать, что в ДФО сначала сложится целостная система расселения во главе с Большим Владивостоком, которая будет удовлетворительно соответствовать правилу «ранг-размер». В дальнейшем же произойдет формирование иерархической структуры центральных мест (ЦМ) с $K=2$, наиболее примитивной, с перспективой дальнейшей эволюции в направлении увеличения значения K . Возможность образования систем ЦМ с таким показателем K не рассматривалась ни А. Лёшем, ни, насколько нам известно, другими зарубежными исследователями. В нашей стране эта возможность была впервые рассмотрена А.А. Важенниным [2,3]

В такой системе ЦМ на первом уровне иерархии будет Большой Владивосток, на втором – Хабаровск, на третьем – Якутск и Благовещенск, на четвертом – Комсомольск-на-Амуре, Южно-Сахалинск, Петропавловск-Камчатский и Магадан, на пятом – Биробиджан, Белогорск, Нерюнгри, Свободный, Арсеньев, Спасск-Дальний, Амурск, Советская Гавань с Ванино (эти поселения практически срослись, поэтому их объединение правомерно). Необходимо отметить, что население Комсомольска-на-Амуре в настоящее время превышает население Благовещенска почти на 30 тыс. жит. Однако с высокой вероятностью можно ожидать, что в перспективе Благовещенск опередит Комсомольск-на-Амуре по численности населения в силу несравненно более благоприятного ЭГП (рис. 4).

Население Благовещенска уже перестало сокращаться и перешло пусть к медленному, но все же росту. Можно не сомневаться в его существенном ускорении после ввода в эксплуатацию моста через Амур, что позволит городу в полной мере воспользоваться выгодами своего приграничного положения. Комсомольск-на-Амуре теряет население в течение всего постсоветского периода, и рассчитывать можно в лучшем случае на его стабилизацию. Поскольку системы ЦМ Дальнего Востока еще не существуют и формирование ее ожидается в течение полутора-двух десятилетий, логично ожидать, что в силу разнонаправленных тенденций к этому времени людность Благовещенска превысит людность Комсомольска-на-Амуре (рис. 4).

Рис. 4. Система центральных мест Дальнего Востока в перспективе.

Ранее нами было установлено [14], что характерное пространство систем ЦМ составляет $10^4 - 10^5 \text{ km}^2$, причем эта величина подвержена историческим изменениям: с прогрессом транспорта характерное пространство систем ЦМ возрастает, в то время как число иерархических уровней в системе, напротив, обнаруживает тенденцию к сокращению. Однако сейчас уже правомерно ставить вопрос об эволюционных изменениях не только исторического, но и географического характера, что, в сущности, не удивительно в свете известной каждому географу мысли Э. Реклю (1830-1905) о том, что география – это история в пространстве, в то время как история – география во времени. В условиях крайне разреженного расселения и предельно примитивной иерархии ЦМ системы ЦМ могут охватывать территорию в миллионы квадратных километров, а не десятки или сотни тысяч. Как видим, подобный вырожденный случай кристаллеровской иерархии может представлять не только теоретический, но и вполне практический интерес.

Еще более ограниченные, чем в начале 1970-х гг. ресурсы требуют филигранной точности в выборе локализации и специализации, концентрации сил и средств в немногих локусах, а не их размывания по огромной территории. В любом случае придется срочно выучить урок И.М. Маергойза, который в свое время бездарно прогуляли.

Литература

1. *Бакланов П.Я., Романов М.Т.* Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанской России. - Владивосток: Дальнаука, 2009.
2. *Важенин А.А.* Иерархии центральных мест и закономерности в развитии систем расселения // Изв. РАН. Сер. геогр., 2002, №5. С. 64-71.
3. *Важенин А.А.* Эволюция пространственных структур расселения: смена закономерностей // Изв. РАН. Сер. геогр., 2006, №3. С. 29-38.
4. *Вардомский Л.Б.* Об азиатском векторе трансформации экономического пространства России // Вопросы географии. Сб. 141. Проблемы регионального развития России. М.: Кодекс, 2016. С. 539-555.

5. *Зимин Б.Н.* Размещение промышленности в развитой рыночной среде //Диссертация на соискание ученой степени доктора географических наук в форме научного доклада. – М.: ИГРАН, 1993. 53 с.
6. *Катица С.П.* Парадоксы роста: законы глобального развития человечества – 2-е изд. доп. и перераб. – М.: Альпина нон-фикшн, 2012.
7. *Маергойз И.М.* Уникальность экономико-географического положения советского Дальнего Востока и некоторые проблемы его использования в перспективе //Вестн. Моск. ун-та. Сер. V. География, 1974, №4. С. 3-8.
8. *Пилясов А.Н.* И последние станут первыми: Северная периферия на пути к экономике знания. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.
9. Размещение производства в рыночной среде. Из трудов Б.Н. Зимина. – М.: Альфа-М, 2003.
10. *Симонов К.* Газовый историцизм //Ведомости, 03.11.2015.
11. *Симонов К.* Трубопровод невозврата //Ведомости, 23.09.2014.
12. *Синцеров Л. М.* Длинные волны глобальной интеграции //Мировая экономика и международные отношения, 2000, N 5. С. 56-64.
13. *Трейвиш А.И.* Роль экономико-географического положения Дальнего Востока в формировании его территориальной структуры // Территориально-хозяйственные структуры Дальнего Востока. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1982. С. 104-118.
14. *Шупер В.А.* Самоорганизация городского расселения. М.: Российский открытый университет, 1995.

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ РЕГИОНЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ФУНКЦИИ, СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Феномен трансграничных регионов (ТГР). ТГР – рассеченные государственной границей участки геопространства разных размеров, обладающие свойствами системности. ТГР формируются либо в результате интеграционных процессов в случае преобладания контактной функции границы, либо образуются в результате делимитации единого прежде пространства. Трансграничные регионы первого типа характерны для европейских и североамериканских стран, второго – для постсоветского пространства, а также для ряда азиатских и африканских государств. ТГР выделяются среди других приграничных регионов, которые в силу разных причин, прежде всего, доминанты барьерной функции границы, слабо связаны со своими зарубежными соседями. Однако в эпоху глобализации нарастают трансграничные интеграционные процессы. Даже изолированные регионы становятся проницаемыми для диффузии культурных и экономических нововведений со стороны соседних государств, не последнюю роль в этом процессе играют миграции. Со временем и эти приграничные регионы могут трансформироваться в трансграничные. Феномен трансграничности характерен для всех регионов мира.

Не случаен рост интереса представителей разных наук (политологи, социологи, географы, историки, экономисты и др.) к трансграничной проблематике. Изучение ТГР актуально как с точки зрения поиска подходов к решению трансграничных проблем и споров, так и с позиций обоснования выбора геополитических и геоэкономических векторов соседних государств. Изучение ТГР имеет не только научное, но и практическое значение для регулирования межгосударственных отношений, миграционной политики, районирования территории и прогнозирования дальнейшего хода этнокультурогенеза.

Разумеется, любой ТГР уникален, что объясняется своеобразием этноисторических условий, типом становления хозяйственных форм и спецификой трансграничных процессов. Тем не менее, нередко они сталкиваются с идентичными экономическими, гуманитарно-культурными и политико-правовыми проблемами. Иногда трансграничные регионы становятся источниками нестабильности, характеризуются наличием сепаратистских тенденций, приводящих к весьма серьезным последствиям, как в трансграничном Курдистане, Российско-Грузинских и др. ТГР.

ТГР присущи характеристики и функции, которые потенциально позволяют их использовать в качестве инструментов для сотрудничества либо создают основу для серьезных региональных конфликтов в зависимости от целого ряда факторов. Ситуация в большинстве случаев предопределена политикой соседних государств. Особое место принадлежит **контактной** функции, которую они выполняют («окна» в «иные миры» [1]). Важными характеристиками являются наличие тесных связей, высокий уровень трансграничного взаимодействия и сотрудничества в различных сферах жизнедеятельности. Определяющую роль в развитии культурных, политических, социально-экономических связей играет, помимо политики сопредельных государств, степень сформированности трансграничной инфраструктуры, наличие максимально возможного количества переходных зон.

Другие, не менее важные функции ТГР, – **барьерная, распределительная и контрольная**, которые подобные регионы осуществляют лучше других. ТГР играют роль своеобразных «фильтров» - правовых, информационных, экономических и т.д., не позволяющих потокам людей, товаров, услуг, в ряде случаев идей абсолютно беспрепятственно циркулировать между странами.

Соотношение контактной и барьерной функций предопределяет наличие **экспериментальной** функции. ТГР нередко используются как площадки для создания и апробации эффективного механизма трансграничного сотрудничества; служат модельными полигонами особых экономических зон; получают мощный импульс для развития в результате формирования «полосов роста».

Осложняет либо облегчает взаимодействие «напряжение границы» по А. Тойнби [6, с. 543-544]. Среди препятствий природные, коммуникационные, правовые, социально-экономические (различия в масштабах, специфике национальных экономик и уровне социально-экономического развития соседних государств, различия геоэкономических предпочтений), политические (различия политических режимов в приграничных государствах, геополитических векторов) факторы.

Особое значение имеют этнокультурные характеристики ТГР (условия, создающие для большинства населения по обе стороны границы благоприятную либо некомплиментарную этнокультурную среду). Сохранение единства этнокультурного пространства на уровне межэтнического взаимодействия – решающий фактор устойчивого развития ТГР на постсоветской территории. Этнокультурная основа – важнейший фактор и условие формирования ТГР [1]. Этнокультурные ТГР (ЭКТГР) формируются в определенном вмещающем ландшафте и обладают региональной целостностью, наличием общих культурных черт населения, сложившихся в результате длительного периода взаимодействия культур, а также местными формами проявления национальной культурной традиции.

Специфика ТГР, формирующихся на постсоветском пространстве, обусловлена их генезисом. Большая часть этих ТГР на протяжении длительного периода складывалась как провинциальные внутренние регионы. Трансграничными они стали в одночасье в 90-е годы XX века, когда административные, в ряде случаев условные, границы после распада СССР превратились в государственные, с нарастающей барьерной функцией. Делимитация не отражала реальной дифференциации пространства и привела к разрыву традиционных связей единого прежде этнокультурного и социально-экономического пространства. Разделёнными оказались этносы, границы прошли между соседними населёнными пунктами, превратив родственников, друзей, соседей в «зарубежных партнеров». Проблемы контактов населения стали самыми серьезными и имеющими далеко идущие, до конца не оценённые последствия.

Сократилось не только пространство России, но и ее геополитическое влияние в мире. Вместе с тем, в ряде республик Россия может и должна сохранить, а в ряде случаев и усилить свое влияние, и это совпадает с ее национальными интересами. Для этого есть все предпосылки и даже определенные обязательства – экономические, социальные и – что наиболее важно – *этнокультурные*. Этому может способствовать и наличие ТГР как естественных «коридоров». На большинстве участков границ России с бывшими союзными республиками основой трансграничного сотрудничества служат единая инфраструктура и сложившиеся экономические и культурные связи, зачастую обусловленные этнокультурным единством. Новое порубежье пока ещё сохраняет некоторое единство, однако уже сейчас наблюдается усиление процессов дивергенции и трансформация геопространства по разные стороны границы, что подтверждают и наши исследования [2].

Для России граница – очень важный атрибут государственности: страна имеет самую протяженную сухопутную государственную границу с 16-ю зарубежными странами (включая Абхазию и Южную Осетию). Выход к государственной границе имеют 39 субъектов РФ. Следует учесть также, что к государственной границе непосредственно примыкают свыше трехсот муниципальных районов и городов, в наибольшей степени ощущающих на себе специфику приграничного положения. Ширина приграничной полосы с населенными пунктами, непосредственно выходящими к государственной границе, по нормативам РФ составляет 5 км, по нормативам ВТО (полоса приграничной торговли) – 15 км [3].

Трансграничные регионы характеризуются наличием тесных культурных и исторических связей, которые нередко сильнее, чем связи приграничных территорий с субъектами внутри государства. Такими примерами могут служить связи французско-бельгийского и других европейских ТГР, в России – Астраханской, Курганской и Оренбургской областей с приграничными регионами Казахстана. Некоторые территории, напротив, только формируют трансграничные связи. Создаются совместные проекты (чаще всего экономические) развития территорий по обе стороны границы, ускоряющие и углубляющие интеграцию, способствующие

сближению соседних стран и формированию трансграничных регионов. Ряд трансграничных проектов связывает Казахстан с регионами России. Трансграничное сотрудничество в настоящее время динамично развивается во всем мире. Можно привести десятки примеров трансграничных регионов в Западной Европе, Северной и Южной Америке. Трансграничная форма лежит в основе западноевропейской экономической интеграции и формирования Еврорегионов. Зарубежный опыт уместно использовать при реализации разных форм трансграничного сотрудничества на постсоветском пространстве.

Трансграничное сотрудничество: пример Российско-Казахстанского порубежья. Казахстан и Россия «обречены» на сотрудничество в силу ряда историко-географических и геополитических причин. Во-первых, Российско-Казахстанская граница – самая протяжённая в мире (если не учитывать границу через внутренние водоемы) сухопутная граница - 7500 километров. С Казахстаном граничат 12 субъектов Российской Федерации, в том числе Оренбургская область, которая наряду с Забайкальским краем имеет самый протяженный среди порубежных субъектов Российской Федерации участок государственной границы. В районе российско-казахстанской границы выделяются четыре этнокультурных трансграничных региона, в том числе Оренбургско-Казахстанский. Отсутствие в пограничной зоне естественных природных рубежей, представленных лишь незначительными по протяженности пограничными участками реки Урал и его притока реки Илек, не ограничивают развитие трансграничных контактов.

Во-вторых, приграничные с Россией казахстанские районы наиболее плотно заселены и освоены, чем глубинные районы. Это объясняется не только природными условиями и историко-географическим особенностями развития, но и политикой современного казахстанского руководства, стимулирующего заселение северных территорий, особенно казахским населением. Средняя плотность сельского населения в приграничных районах Оренбуржья в 1,5-2 раза меньше, чем в среднем по области, а на востоке области в пограничных с Казахстаном районах она составляет всего 2-2,5 чел. на 1 кв. км. Казахстанское и российское социально-экономическое пространство в порубежье сложилось как единое. Трансграничная инфраструктура. К примеру, участок железнодорожной магистрали со станцией Илецк-1 принадлежит казахстанской компании "Казахстан Темир Жолы" (Западно-Казахстанской железной дороге), а границу с Казахстаном пересекает проходящий по Оренбургской области участок Союзное-Домбаровский, являющийся собственностью российской стороны. Экономика Казахстана в определённой степени зависит от экономики России, доля которой составляет 38.4% импорта и 7.3% экспорта [4]. Казахстанско-Российская граница не является «экономической пустыней» (выражение Б.Б. Родомана), как большая часть современных административных границ России. Однако в результате ослабления связей через некоторое время возможно частичное её экономическое опустынивание, что приведет (и уже приводит) к возрождению природных степных ландшафтов и восстановлению естественной фауны этого региона. Вместе с тем, анализ жилищного строительства в приграничных с Оренбургской областью районах Казахстана позволяет сделать оптимистичные выводы относительно перспектив интеграции двух стран [2]. В 90-е годы вследствие распада СССР и изменения политического статуса Республики Казахстан произошло возрастание барьерной функции границы, приведшее к возникновению и расширению порубежий в российско-казахстанском пространственном континууме и образованию трансграничной «бреши» в расселении населения [7].

В-третьих, уникальное трансграничное геокультурное пространство, сочетающее в себе азиатские и европейские черты, тоже едино. Сходны и культурные ландшафты. В результате смешения и особых форм сосуществования и взаимодействия разнообразных народов преимущественно в степном и лесостепном вмещающем ландшафте образовалась региональная динамическая этноландшафтная целостность, а наличие этноландшафтных ниш в виде интразональных вкраплений (придолинных, водораздельных, равнинных и низкотерных) стало важным фактором, позволившим избежать межэтнических конфликтов. Каждый этнос занимал свою ландшафтно-географическую нишу, исходя из оптимального адаптационного формата.

Современные этнокультурные ареалы формировались в ходе интенсивного общения этносов, которые оказались комплиментарными. Историко-географическое совместное развитие привело к формированию этнокультурных единых трансграничных территорий, ставших естественной основой для интеграции и взаимопонимания населения по обе стороны границы. Этот процесс сопровождался трансформацией этнокультурных систем. Автохтонные этносы (казахи и башкиры) за годы проживания с другими этносами взаимно обогатились чертами этнической культуры. Существование в рамках общей цивилизации и единого государства, сходство ценностных установок, цивилизационных и культурных начал способствовали взаимопониманию и толерантности. Западные инвесторы, имевшие большой экономический интерес в постсоветском Казахстане, столкнулись с проблемами, имевшими в своей основе этнокультурные причины [2].

Современные тенденции развития позволяют говорить о *дивергенции* единого прежде российско-казахстанского пространства, чему способствует возрастающая барьерная функция российско-казахстанской границы. Это мощный фактор, влияние которого в полной мере проявится в будущем. Пока ещё сохраняется некоторое единство этнокультурного и социально-экономического пространства и его территориальной организации по обе стороны границы. Однако уже сейчас наблюдается усиление процессов этнического разделения, причем очень быстрыми темпами. Анкетирование, интервьюирование и экспертные оценки на территории 3-х административных районов Казахстана, находящихся на разном расстоянии от российско-казахстанской границы, и двух приграничных районов Оренбургской области (около 1000 анкет, 20 интервью и 8 экспертов), подтвердили, что граница за постсоветский период превратилась из условной в реальную.

Этносы подвергаются прежде всего языковой дивергенции, и это обстоятельство в значительной степени предопределяет изменение идентичности. Наблюдается единодушное противопоставление себя проживающим по другую сторону границы: мы-они, включая родственников, с которыми поддерживают связи. Так, большинство российских казахов, даже имеющих родственников в Казахстане, русскоязычны и не знают казахского языка, для казахстанских родной язык – казахский, а молодое поколение практически не владеет русским. Казахский этнос неоднороден, он делится на жузы и роды. На юге Казахстана, где исторически располагались земли Старшего Жуза, позднее других присоединенные к России, среди казахов сильнее влияние ислама, лучше сохранились родоплеменная структура, казахский язык и традиционная культура. В северных, центральных и восточных районах, где проживают представители Младшего и частично Среднего Жузов, в условиях иноэтничного окружения традиционная культура была сильно трансформирована и отчасти вытеснена современными стандартами жизни, именуемыми здесь "русскими". Но в настоящее время ситуация меняется, родовые флаги как маркеры висят рядом с национальными на офисах предприятий. Чем дальше от российской границы, тем меньше влияние и хуже знание русского языка. В приграничной с Россией зоне (например, в Джаныбеке – у границы с Волгоградской областью) есть мотивация для изучения русского языка: он необходим для общения с россиянами. В глубинных районах по-русски не говорят. Русский язык используют в крупных городах и поликультурных индустриальных центрах, но и там казахские дети русского языка уже не знают.

В школах Казахстана обучение ведётся на казахском и русском языках, однако наблюдается тенденция к росту числа казахских классов (процесс «сверху»), а в некоторых районах не набирают русскоязычные классы. Если тенденция сохранится, русский язык исчезнет из употребления. Делопроизводство в Казахстане переведено на казахский язык, что приводит к этническому замещению руководящего звена [см., например, 8].

Подобные процессы характерны не только для казахов, но и для представителей других этносов, которые еще не успели подвергнуться окончательной дивергенции главным образом благодаря старшему и среднему поколениям. Изменился этнический состав населения. В Казахстане уменьшилась доля русскоязычного населения: русских, украинцев, белорусов, немцев как за счет эмиграции, так и за счет привлечения казахов-переселенцев из южных районов и оралманов (иммигрантов казахской национальности). А в Оренбуржье

усилились новые этнокультурные группы (армяне, азербайджанцы, узбеки, таджики и др.), привнесшие в регион новые этнокультурные характеристики. Выросло новое поколение казахстанцев и россиян в условиях усиления барьерности границы.

Несмотря на изменения этнического состава населения и превращения многих районов в однопациональные, образ территории сохраняется как многонациональный, о чём говорят проведённые социологические опросы и интервью. Так, в Хан Ордасы интервьюируемые единодушно утверждали, что район многонациональный, называли среди проживающих греков, татар, русских. Однако по официальным статистическим данным в настоящее время осталось лишь несколько семей представителей неказахской национальности (6 татарских, 1 греческая, 3 русских). Двадцать лет назад здесь преобладали русские и татары, разговорным языком был русский, а казахи составляли меньше половины населения. Неказахское население частично ассимилировалось, но большинство мигрировало (главным образом, по экономическим причинам) в казахстанские города или в Россию. Межэтнические браки распространены. Немногочисленные представители этнических меньшинств не могут найти себе пару своей национальности. В межэтнических семьях пользуются казахским языком даже в быту, хотя сохраняют иное этническое самосознание. Так, в Новой Казанке, основанной татарами, проживают лишь несколько смешанных (татарско-казахских) семей, являющихся родственниками. Они двуязычны (казахский и русский языки), но идентифицируют себя как татары. Традиционно в казахских семьях (в том числе смешанных) на родственниках до седьмого колена жениться нельзя, это сильно ограничивает выбор. Увеличивается число браков с российскими казахами, которым приходится учить язык и приспосабливаться к другой социокультурной обстановке.

Различия возрастают и в отношении к религии. Казахи традиционно не являются религиозными фанатами. И в настоящее время, хоть и строятся мечети, большая часть населения их не посещает. С российской стороны отношение к религии иное. Изменилась в Казахстане топонимия, что полностью отражает складывающиеся тенденции. Большая часть неказахских топонимов исчезла с географической карты.

Дивергенции систем и «размыванию» ЭКТПР способствует и этноландшафтный фактор. При единой административной системе двух ныне суверенных государств его действие сглаживалось, сейчас всё больше проявляется различий. Этноты вписаны в ландшафт, адаптируются в нём, преобразуют его, формируют культурные ландшафты. Ландшафты по обе стороны границы сходные, но при продвижении на север степь сменяется лесостепью и лесом, при продвижении на юг ковыльные степи сменяются полынными и солончачковыми. Степной ландшафт нарушается песками антропогенного происхождения (Рын-пески), южнее степи сменяются полупустынями и пустынями. Это предопределяет всё большие различия в природопользовании.

Граница вносит коррективы в информационное пространство. Способствует дивергенции низкий уровень информационного обеспечения трансграничного пространства, культурного и научно-образовательного взаимодействия. Типична ситуация, когда об общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни в США или Европе население информировано больше, чем о реалиях соседних стран.

Граница осложнила контакты и стала серьёзным препятствием для перемещения товаров и людей. Особенно это коснулось граждан, имеющих родственников в соседнем теперь уже государстве, но не только их. Известны парадоксальные случаи, когда людям приходится ездить в гости в соседнее село за речкой не через привычный мост, а делая большой круг через райцентр, где находится пограничный пропускной пункт. На некоторых станциях в приграничной зоне Казахстана (например, в Жаныбеке) не останавливаются поезда, следующие в Россию, что затрудняет трансграничные контакты.

Ослабевающие интеграционные связи и усиливающаяся дивергенция социально-экономического и этнокультурного пространства привели к «сжатию» ТПР (сокращению его размеров). В случае сохранения этой тенденции уже через поколение произойдёт трансформация региона в два приграничных. В случае же режима благоприятствования и

политики прозрачной границы возможна дальнейшая интеграция, что представляется логичным, обусловлено геополитическим положением двух стран и вписывается в историко-географический контекст. Способствует этому и отношение населения. Анкетирование и интервьюирование показало, что образ границы у жителей по обе стороны негативный, и чем ближе к границе, тем он хуже. Многие казахстанцы ностальгируют по прошлому времени, когда границы не было, опасаются усиления влияния Китая и ориентированы на партнёрские отношения с Россией. То же, хотя и в меньшей степени, характерно и для российского населения.

Дальнейшее этнокультурное и геополитическое развитие региона может происходить по двум сценариям, которые целиком зависят от политики руководителей соседних государств. В случае режима благоприятствования и прозрачной границы возможна дальнейшая интеграция в рамках единого этнокультурного региона, что представляется логичным, обусловлено геополитическим положением двух стран и вписывается в историко-географический контекст. Существуют же в мире примеры формирования трансграничных регионов в результате интеграции по обе стороны границы. В случае сохранения и усиления барьерной функции границы и политики ограничений произойдет окончательная дивергенция и трансформация.

Положение Оренбуржья у границы с Казахстаном нельзя считать преимуществом, скорее это отрицательный фактор развития. Однако в условиях глобализации и международной интеграции роль трансграничных регионов возрастает. Анализ географической специфики порубежья даёт основание рекомендовать усилить курс на интеграцию двух соседних государств, ориентирующихся на укрепление позиций Евразийского Союза. Это в русле интересов обеих стран.

В связи с созданием ЕАЭС возрастает роль контактных функций границы, что существенно повышает потенциал и потенциально делает приграничное положение Оренбуржья положительным фактором. Ситуация может коренным образом измениться при условии разумной региональной стратегии и политики. Перенос тяжести рычагов управления на региональный уровень, где должны быть сосредоточены реальные финансовые и управленческие ресурсы, актуализирует использование этих преимуществ. В историко-географической ретроспективе Оренбуржье всегда получало импульсы для развития в периоды, когда Российский геополитический вектор смещался в сторону Азии. Качественно новый этап может наступить в случае создания трансконтинентального евразийского транспортного коридора между Зарубежной Европой и Восточной Азией, строительство которого уже началось.

Возможно создание совместных с Казахстаном информационных, транспортно-логистических, энергетических структур, серии инновационных программ, а в перспективе кластеров в сфере коммуникаций, энергетики, агропромышленного комплекса, образования, туризма. Интеграционным процессам может способствовать тот факт, что Оренбургская область и приграничные регионы соседней республики находятся в относительно близкой весовой категории по таким показателям, как стоимость валового регионального продукта на 1-го занятого в экономике (производительность труда) и уровень доходов населения.

ЕАЭС, по мнению экспертов из сферы бизнеса, уже начал играть положительную роль. При этом экспертные оценки бизнесменов российской стороны оптимистичнее. Они отмечают облегчение пограничной ситуации, рост совместных предприятий (не только сырьевой специализации, но и, к примеру, предприятий фармацевтики). Россия имеет в Казахстане культурно-ментальные преимущества, особенно по сравнению с Китаем и США. Однако никто не берется предсказать дальнейшее развитие событий. Вновь активизировались предприниматели из США, теперь уже с учетом ошибок прошлых лет.

Казахстанские эксперты оценивают ситуацию менее оптимистично и более осторожно, считают, что изменения пока носят формальный характер. Не реализовано совместное контролирование пограничных переходов, что значительно сократило бы время прохождения границы. Недостаточно развита академическая мобильность. Казахстан в

наибольшей степени ориентируется на Россию. Особенно это относится к русскоязычному населению, в среде которого усиливаются эмиграционные настроения, особенно в условиях роста роли государственного (казахского) языка.

Заключение. Приграничная полоса условно и формально проведенных государственных границ в трансграничных регионах современной России на значительном протяжении с обеих сторон имеет сходную ситуацию: смешанное население, однотипную экологическую культуру и культурные ландшафты, сходную планировку селений, образ жизни, язык, менталитет. Границы усложняют сложившиеся контакты и не приемлемы населением. В то же время вряд ли искусственно нарушенная в последние годы интеграция – дело близкого будущего. Как отмечает Б.Б. Родоман, "В Западной Европе проницаемость границ – результат многих десятилетий послевоенного развития в сторону интеграции, в СНГ это реликт советской эпохи. ЕЭС и СНГ движутся в разные стороны; Европа уже объединилась, а СССР фактически еще до конца не распался. В Европе "прозрачные" границы считаются достижением гуманного, правового, демократического общества, а в СНГ – следствием недостаточного финансирования силовых ведомств" [5, с. 298].

Вдоль границ РФ в разное время (в досоветский, советский и в постсоветский периоды) в результате размежевания либо интеграции сложились ТГР, многие из которых являются этнокультурными (моно- и поликультурными, а также этнические контрастными). Одни из них характеризуются интенсивными, другие – относительно редкими трансграничными связями. В большинстве ТГР сформировалась единая инфраструктура. Следует подчеркнуть, что в зависимости от генезиса ТГР зачастую складывается геополитическая ситуация в том или ином регионе. На постсоветском пространстве после распада СССР преобладают трансграничные регионы, сложившиеся в результате искусственного разграничения единых прежде территорий, а происходящие в настоящее время процессы ведут к дивергенции единых прежде регионов. Эту ситуацию можно изменить только проводя политику интеграции и сотрудничества. Россия издавна развивалась как полиэтничное сообщество, что особенно важно учитывать сегодня при проведении региональной социальной, этнокультурной и социально-экономической политики. Органам власти разных уровней необходимо учитывать историко-географическую и этнокультурную специфику трансграничных территорий и проводить политику, направленную на межэтническое взаимодействие, социально-экономическую и этнокультурную интеграцию, что будет способствовать сохранению стабильности и устойчивому развитию трансграничных регионов.

Литература

1. *Герасименко Т.И.* Проблемы этнокультурного развития трансграничных регионов: монография – С-Петербург. – 2005. – 235с.
2. *Герасименко Т.И.* Трансформация глубинных регионов под воздействием новой государственной границы (пример оренбургско-казахстанского порубежья) // Территориальная организация общества и управление в регионах (к 100-летию со дня рождения С.А. Ковалева): Материалы IX Всероссийской науч.-практич. конф. Воронеж, 2012.
3. *Покровская В.В.* Приграничная торговля как составляющая внешнеэкономической политики государства // Российский внешнеэкономический вестник №3 - 2013. - С. 28-47
4. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2014. Стат. сб. / Росстат. – М., 2014. – 900 с.
5. *Родоман Б.Б.* Государственные границы в СНГ и приграничная политика // Поляризованная биосфера: Сб. статей. – Смоленск: Ойкумена, 2002. – С. 298-302
6. *Тойнби А.Дж.* Постыжение истории: Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1991. – 736 с.
7. *Чибилёв А.А. (мл.), Семёнов Е.А.* Очерки экономической географии Оренбургского края. Том I. Екатеринбург, ООО «УЦАО». 2014. – 182 с.
8. *Официальный интернет-ресурс акимата Западно-Казахстанской области, 2016* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.bko.gov.kz/?lang=ru> (дата обращения 02.02.2016)

ОСОБЕННОСТИ ВОВЛЕЧЕНИЯ РОССИИ В ПРОЦЕСС ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Стратегия научно-технического развития, а также развития инновационной деятельности требует от любого государства учета глобальных тенденций и вызовов. В данном контексте для Российской Федерации определение будущего страны крайне важный шаг. В настоящее время в РФ разработано и одобрено несколько законодательных документов, утверждающих движение страны в русле главных тенденций развития научного мирового ландшафта. По мнению авторов, наиболее значимым документом является «Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года» (далее – Стратегия) разработана на основе положений Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (далее - Концепция) в соответствии с Федеральным законом "О науке и государственной научно-технической политике", в которой поставлена задача перехода страны к социально-ориентированному инновационному типу экономического развития [1]. В рамках данной Стратегии раскрывается задача формирования научно-технологического потенциала нашей страны адекватного современным вызовам мирового технологического развития.

Отмечается, что Россия ставит перед собой цели долгосрочного развития, заключающиеся в обеспечении высокого уровня благосостояния населения и закреплении геополитической роли страны как одного из лидеров, определяющих мировую политическую повестку дня. Отмечается, что единственно возможным способом достижения этих целей является переход экономики на инновационную социально ориентированную модель развития. Теме модернизации и инноваций уделяется большое внимание руководством страны. Создана Комиссия при Президенте Российской Федерации по модернизации и технологическому развитию экономики России. Определены государственные научно-технологические приоритеты, в рамках которых начато финансирование конкретных проектов.

Мировой экономический кризис 2008 - 2009 годов осложнил реализацию поставленных целей, привел к сокращению расходов частного бизнеса на инновации и замедлил процесс развития российской инновационной системы. На современном этапе развития мировой экономики, в эпоху возрастающих процессов интернационализации возникает целый ряд проблем – неравномерность социально-экономического развития, демографические дисбалансы, старение мирового населения. Они порождают серьезные межгосударственные проблемы, в том числе мощные миграционные потоки. Возникают проблемы обеспечения национальной безопасности, преодоления кризиса нераспространения ядерного оружия, решения экологической и других глобальных проблем. Меняется вектор мирового экономического развития. Возрастает роль инновационного сектора экономики.

Никто не оспаривает правильность постановки проблемы. Однако, несмотря на убедительные призывы властей страны перейти на новый – инновационный курс развития, в Российской Федерации далеко не все положения Стратегии работают и будут выполнены в ближайшем будущем. В то же время при реализации Стратегии развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года не был достигнут запланированный уровень ряда индикаторов, связанных, прежде всего, со спросом на инновации в реальном секторе экономики [1].

Россия продолжает уступать ведущим мировым лидерам по показателям инновационной активности и экономического развития. В свете нынешних экономических санкций экономически развитых стран Запада против России этот разрыв может даже усилиться.

В ближайшие несколько лет, скорее всего, сохранится тенденция недофинансирования уровня расходов на образование, науку (по сравнению с общемировыми стандартами). Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года не планируется снижение налогового бремени для инновационных

предприятий, стратегически важного показателя во всей системе инновационного развития. По сути, ни один механизм концепции не заработал в полную силу. А значительная зависимость экономики страны от своих природных ресурсов и их экспорта лишь тормозит модернизацию экономики в направлении инновационного развития.

Однако, по нашему глубокому убеждению, наличие национальной инновационной системы, действенной инновационной политики и долгосрочной стратегии ведения инновационного курса позволят нашей стране занять достойную позицию в глобальной инновационной системе. Но пока позиции России в глобальной инновационной системе достаточно слабые.

Позиции России в международных рейтингах инновационного развития.

В настоящее время известно несколько комплексных показателей (интегральных индексов), характеризующих уровень развития экономики, основанной на знаниях. Они показывают различия между странами в уровне использования инноваций и информационных технологий [2] (табл. 1).

Таблица 1. Позиции лидеров и России в международных рейтингах инновационного развития

Глобальный инновационный индекс (ГИИ) 2015 г.		Индекс готовности стран мира к сетевой экономике (NRI) 2015 г.		Индекс ИКТ (The ICT Development Index) 2015 г.		Индекс глобальной конкурентоспособности (GCI) 2015-2016 гг.	
1	Швейцария	1	Сингапур	1	Респ. Корея	1	Швейцария
2	Великобрит.	2	Финляндия	2	Дания	2	Сингапур
3	Швеция	3	Швеция	3	Исландия	3	Финляндия
4	Нидерланды	4	Нидерланды	4	Великобрит.	4	Германия
5	США	5	Норвегия	5	Швеция	5	США
5	США	7	США	14	США	5	США
19	Япония	10	Япония	11	Япония	9	Япония
29	Китай	62	Китай	82	Китай	29	Китай
49	Россия	41	Россия	45	Россия	64	Россия

В основе расчета индекса экономики знаний Индекс экономики знаний (Knowledge Economy Index, KEI). лежит предложенная Всемирным банком «Методология оценки знаний» (The Knowledge Assessment Methodology), позволяющая характеризовать способности стран создавать, принимать и распространять знания [3]. Анализ данных рейтинга позволяет оценить позиции стран в мировом таблице о рангах, а также выявить их положение в сравнении со странами лидерами инновационного развития по составляющим интегральных индексов (в том числе таким важным, как институциональный режим, инновации, образование, ИКТ). Лидирующие места в рейтинге занимают небольшие страны Западной Европы (Швеция, Финляндия, Дания, Нидерланды, Норвегия), известные высокими темпами развития инновационной экономики. У России позиции в данном рейтинге не очень высокие (по интегральному индексу экономики знаний – 55-е место из 145). Особенно невысокие показатели у России по одной из составляющих индекса – институциональному режиму.

«Индекс инновационного развития» (The Global Innovation Index, GII) – это исследование, где по 143 странам собраны данные по 81 показателю. Они охватывают широкий круг проблем, позволяющих провести анализ глобальных тенденций инновационного развития. В рейтинговой таблице «Глобальный инновационный индекс, 2014» Россия – 49-я (62-я – в 2013 г.), ЮАР – 53-я (58-я – в 2013 г.). И в рейтинговой таблице 2015 г. Россия осталась на 49-й позиции [4]. Лидируют в данном рейтинге Швейцария, Швеция, Великобритания, Нидерланды, США, Финляндия, Гонконг, Сингапур, Дания и Ирландия.

«Индекс готовности стран к сетевой экономике» (Networked Readiness Index, NRI) составляется на основе расчета трех блоков данных: 1) наличие сетевой инфраструктуры; 2) готовность к ее использованию в гражданском обществе, деловой среде и государственных структурах; 3) реальный уровень использования ИКТ [5]. Россия в рейтинговой таблице 2014 г. находится лишь на 50-м месте. Но более важным представляется детальный анализ позиций страны по отдельным составляющим индекса, которые характеризуют не только уровень использования сетевых структур (число пользователей Интернета, мобильных телефонов, персональных компьютеров, возможности доступа населения к сети Интернет и др.), но и факторы, способствующие этому процессу. Это: а) уровень доступа к сетевым технологиям с позиции развития инфраструктуры, наличия оборудования и проч.; б) политика в области сетевых технологий (ИКТ и деловая экономическая среда); в) уровень развития сетевого общества (обучение с использованием сетевых структур, возможности ИКТ, социальный капитал); г) уровень развития сетевой экономики (электронная торговля, электронное правительство, общая инфраструктура). Именно по этим позициям наблюдаются различия между странами-лидерами и Россией, что и иллюстрируют их не слишком высокие позиции в данном рейтинге.

Всемирный экономический форум (ВЭФ) определяет конкурентоспособность как комплекс институтов и установок властей и факторов производства, от которых зависит уровень производительности экономики. Согласно рассчитываемому ВЭФ ежегодно Индексу глобальной конкурентоспособности (The Global Competitiveness Index, GCI), лидирующие позиции в данном международном рейтинге занимают страны, поставившие на службу своей экономике научные знания, широко внедряющие информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и инновации во все сферы жизнедеятельности населения. В данном Индексе рассматривается множество компонентов, сгруппированных в 12 интегральных позиций («основ конкурентоспособности»), составленных на основе сравнения 113 показателей. К одной из основ конкурентоспособности отнесены показатели, характеризующие высшее образование в стране (5-я группа из 12-ти). В рейтинг включены данные о 139 странах мира, а интегральный индикатор рассчитан по шкале от 1 до 7. Россия в данном международном рейтинге занимает 64 строку (в 2012 г. - была на 67-й) [6].

Позиции России в международных рейтингах инновационного развития за последние годы имеют тенденцию к небольшому росту. Особенно это обращает внимание на фоне быстрого роста конкурентоспособности Китая, Бразилии, Индии и др. Невысокие позиции России в рейтинге глобальной конкурентоспособности (и в других рейтингах инновационного развития) доказывает наличие проблем в развитии национальной инновационной системы страны, а также показывает, что далеко не все благополучно и с реализацией положений Стратегии 2020.

Можно также сравнить расходы на научные исследования. По объемам расходов на НИОКР в мире неизменными лидерами выступают США (31% мировых расходов, 436 млрд долл., 2012 г.). На 2-е место вышел Китай (14% мировых расходов, около 200 млрд долл.). За ними следуют Япония (11%, около 160 млрд долл.), Германия (6,5%, 90 млрд долл.), Республика Корея (4%, 56 млрд долл.), Франция (3,5%, свыше 50 млрд долл.). На 8-м и 9-м местах находятся Индия и Бразилия. Россия занимает только 11-е место (2% мировых расходов, около 27 млрд долл., что составляет чуть более 1% ВВП России). Показательно, что за период 2002–2012 гг. доля расходов на НИОКР в ВВП страны в Китае возросла более чем в 2 раза – с 0,7 до 1,6% (при быстрых темпах роста ВВП страны), а в стоимостном выражении расходы выросли с 39 до почти 200 млрд долл., т.е. в 5 раз. Но по расходам на НИОКР в пересчете на душу населения Китай еще весьма значительно отстает от лидеров (147 долл. – в Китае, 1238 долл. – в Японии, 1377 долл. – в США; для сравнения: 192 долл. – в России -) [7, 8].

В настоящее время в стране реализуется несколько программ, концепций инновационного, научно-исследовательского развития на период до 2020 года. Основной целью является введение четких единых правил осуществления инновационной деятельности. Главное направление – построение собственной национальной инновационной системы и включение Российской Федерации в формирующуюся глобальную инновационную систему.

Проблемы активизации вовлечения России в процесс интернационализации в сфере научных исследований и инноваций. Вовлечение Российской Федерации в процесс интернационализации в сфере НИОКР процесс трудоемкий, требующий от всех участников научной сферы активных действий, принятия специализированных мер по улучшению инновационного климата в стране. Необходимо еще раз подчеркнуть, что вхождение России в формирующуюся глобальную инновационную систему невозможно без построения собственной инновационной системы и политики, а также развитого научно-исследовательского сектора [7].

Согласно основным правительственным документам государственная политика Российской Федерации в области инноваций и формируемая инновационная инфраструктура должны быть объединены единой концепцией развития, что позволит участникам инновационного процесса развиваться и эволюционировать в едином конструктивном направлении [9]. Ведь именно отсутствие связующих звеньев в цепочке «наука – производство» и практически полное отсутствие государственного регулирования практического внедрения результатов НИОКР является ключевым препятствием к развитию инновационных процессов в России. Инновационная политика требует межведомственного контроля и координации.

На основании анализа сложившейся ситуации в РФ можно сформулировать рекомендации по активизации вовлечения России в процесс интернационализации в сфере научных исследований и инноваций. Так, можно выделить несколько блоков рекомендаций: институциональных, социо-культурных, экономических, и других, имеющих смешанный характер, но дающих синергический эффект. Охарактеризуем основные из них.

Следует, вне всякого сомнения, поддерживать и развивать конкурентоспособный уровень научных исследований в вузах и научных центрах, связанных с вузами, что является необходимым условием для конкурентоспособного профессионального образования, в особенности, естественно-научного и инженерного.

Важно обеспечить государственную финансовую поддержку молодых специалистов и научных работников. Акцентировать внимание правительства страны на рост уровня расходов на одного научного исследователя (Россия уступает по данному показателю развитым инновационным державам).

Очень важным моментом должны явиться популяризация и повышение внимания к научной деятельности в стране, восстановление потерянного престижа ученых и научных работников. Необходимо восстановить востребованность научных исследований и разработок государством, бизнесом, международными партнерами, обществом.

Необходимо обратить более пристальное внимание на процедуру коммерциализации разработок талантливых ученых путем расширения доступности финансовых ресурсов для коммерциализации, особенно на ранней стадии – до этапа создания компании. Ключевым моментом в этом вопросе – должна стать взаимосвязь исследователя, научно-исследовательского института и посредника, внедряющего товар на рынок. Необходимо учитывать опыт других государств. Чтобы урегулировать эти отношения, многие государства законодательным образом закрепили распределение прибыли между участниками процесса. В России этот вопрос актуален, так как в стране имеется большое количество исследователей, чьи изобретения по-прежнему не выходят на рынок. С нашей точки зрения, создание и развитие инновационных центров и кластеров на территории РФ поможет решить эту проблему, так как они будут являться площадкой для встречи и работы всех заинтересованных сторон научного сообщества, а также будет открыт доступ бизнесу к существующим разработкам, тем самым повысится прозрачность и конкурентоспособность исследований.

Для реализации вышеописанных задач необходимо изменить и пересмотреть закон о техническом регулировании, который на практике не реализуется, обновить законодательство в сфере интеллектуальной собственности, уменьшить налогообложение в данной сфере или ввести «налоговые каникулы» для возможности «стартапа» бизнеса.

Вопрос налогообложения – достаточно серьезный для РФ. Предприятиям просто экономически невыгодно вкладывать деньги в научную сферу.

Следует подчеркнуть еще одну важную мысль о том, что при формировании инновационной политики необходимо подходить к решению вопросов системно. Финансирование науки увеличит количество разработок, но не увеличит их инвестиционную привлекательность. Именно поэтому построение системы трансфера и коммерциализации технологий и ее эффективное функционирование является важнейшим моментом в создании инновационной экономики. Только с помощью решения этих вопросов становится возможным обеспечение науки достаточными для научно-технического прогресса средствами.

При ВУЗах в РФ (по опыту США и других стран) должны быть созданы офисы менеджмента технологий, офисы трансфера технологий. В их сферу компетенции должна войти: подготовка документов по защите интеллектуальной собственности, финансовая поддержка процесса патентования, стратегическое планирование продвижения продуктов, коммерциализация технологий и т.д. Примером таких организаций являются ANVAR (Agence Nationale de Valorisation de la Recherche) во Франции, Национальное технологическое агентство (TEKES) в Финляндии, Британская технологическая группа (British Technology Group) в Великобритании и др.[6]. Необходимо очень серьезное внимание обратить внимание на проблемы патентования в РФ (в США – университеты являются патентодержателями собственных изобретений).

Важно усовершенствовать систему получения грантов на научные исследования в РФ. Требуется развивать рыночные механизмы: грантового финансирования; возвратного финансирования коммерчески значимых проектов; софинансирования (имеется в виду практика соглашений о проведении совместных исследований при условии передачи прав на созданные объекты организациям разработчикам и промышленным фирмам, в том числе организациям малого бизнеса).

Необходимо совершенствовать формы и методы частно-государственного партнерства. Коммерциализация технологий не может быть всецело связана с государственным бюджетом. В основном она определяется спросом на исследования и разработки со стороны частного сектора экономики, поэтому данное партнерство должно стать ключевым компонентом новой инновационной политики России. Например, в Нидерландах существуют четыре основные программы государственно-частного партнерства, на реализацию которых предусмотрено около 11% бюджета правительства, выделяемого на развитие науки и технологий [7].

Государственным органам необходимо предпринять соответствующие меры, чтобы российские научные журналы (из списка ВАК) стали широко известны в мире (вошли в системы SCOPUS, Web of Science и др.). И тогда российский ученым будет проще представлять результаты своих исследований для более широкой аудитории, в том числе зарубежной. Тем более, что научные исследования и разработки российских ученых соответствуют всем основным требованиям, предъявляемым к таковым за рубежом, в иностранных научных журналах.

Важным элементом развития инновационной системы является создание и поддержка венчурных фондов, развитие венчурного финансирования. Для России необходимо совершенствовать законодательство в области его регулирования.

И, безусловно, следует особо обратить внимание на привлечение российских ТНК к участию в НИОКР и научной деятельности ВУЗов (вузы готовят кадры для работы в корпорациях). Необходимо активно привлекать в Россию международные компании для осуществления НИОКР и другой инновационной деятельности.

Необходимо снизить барьеры для привлечения высококвалифицированных специалистов из-за рубежа, включая вопрос выдачи виз и трудового законодательства.

Одним из элементов инновационной системы РФ может стать активная совместная работа с международными организациями по отдельным направлениям инновационной

политики. К примеру, со Всемирным банком в области внедрения проектно-ориентированного подхода, проработки вопросов льготного налогообложения; с ОЭСР в вопросе оценки отдельных направлений государственной инновационной политики; со Всемирной организацией интеллектуальной собственности по проблемам регулирования данного вопроса и т.д.

Учитывая сырьевую зависимость экономики РФ, следует поддерживать инновационную технологическую политику в интересах «традиционных» отраслей.

Авторы глубоко убеждены, что необходимо скорейшее решение проблемы финансирования науки в стране. Необходимо сохранение, увеличение государственных расходов на НИОКР, и не только по приоритетным направлениям фундаментальных исследований, а также прикладных НИОКР. На фоне государственной поддержки должно произойти изменение видения проблемы инвестирования в НИОКР со стороны частного бизнеса.

На основании анализа сложившейся ситуации систематизируем рекомендации по активизации вовлечения России в процесс интернационализации в сфере научных исследований и инноваций [7].

К блоку *институциональных рекомендаций* нами были отнесены:

- разработка единой Концепции развития и политики в сфере НИОКР и формируемой инфраструктуры (в которой должны быть четко прописаны механизмы ее реализации);
- стандартизация законодательства в сфере образования;
- приведение в соответствие с международными стандартами документации по международному сотрудничеству вузов (программы двойных дипломов, бакалаврские и магистерские нострификация и др.);
- поддержка конкурентоспособности научных исследований в вузах и научных центрах, связанных с вузами как на государственном (федеральном) уровне, так и на уровне властных структур регионов;
- создание офисов менеджмента и трансферта технологий;
- обновление и совершенствование законодательства в сфере интеллектуальной собственности;
- укрепление системы защиты прав интеллектуальной собственности.

В блоке *социально-культурных рекомендаций* следует отметить:

- восстановление престижа ученого, укрепление востребованности науки государством, бизнесом, обществом;
- поддержка и сохранения ученых и квалифицированных специалистов на внутреннем научном рынке, создание условий для их полноценной работы;
- усовершенствование системы получения грантов на научные исследования в РФ;
- повышение уровня международной инновационной кооперации и академической мобильности ученых;

Среди блока *экономических рекомендаций* выделим следующие:

- снижение налогообложения в данной сфере;
- обеспечение спроса на исследования и разработки со стороны частного сектора экономики;
- создание условий для коммерциализации разработок талантливых ученых;
- развитие государственно-частного партнерства как ключевого компонента инновационной политики России.

Выводы: Для включения России в глобальную инновационную систему необходимо развивать национальную инновационную систему, учитывая опыт развитых и отдельных развивающихся стран. Пора перейти от теории к практике. Важно изменить законодательную, налоговую базы, реформировать научное сообщество, привлечь государство, бизнес в процесс более активного встраивания России в глобальную инновационную систему. Российская Федерация может и должна занять более достойное место в мировой экономике.

Литература

1. Распоряжение Правительства РФ от 8 декабря 2011 г. № 2227-р «О Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г.». Электронный ресурс. Режим доступа: ГАРАНТ.РУ: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70006124/#ixzz3UhTLLr8l>
2. Rodionova, I., 2013. Competitiveness of countries in the world innovation economy: East-Central Europe and Russia. *Quaestiones Geographicae* 32(2): 15-24, DOI: 10.2478/quageo-2013-0010. [DoA: 10.08.2014]. <http://www.degruyter.com/view/j/quageo.2013.32.issue-2/quageo-2013-0010/quageo-2013-0010.xml?format>
3. Knowledge for Development: Knowledge Economy Index. World Bank, 2012 http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp
4. Networked Readiness Index 2014. The Global Information Technology Report 2014. World Economic Forum. <http://www.weforum.org/issues/global-information-technology/gitr-2014-data-platform>
5. The Global Innovation Index 2014: The Human Factor In innovation. Cornell University & INSEAD & WIPO, 2014. Fontainebleau, Ithaca, and Geneva <https://www.globalinnovationindex.org/userfiles/file/reportpdf/GII-2014-v5.pdf>
6. The Global Competitiveness Report, 2014. World Economic Forum, 2014. <http://www.weforum.org/reports/global-competitiveness-report-2014-2015>
7. Галкин М.А., Родионова И.А. Национальные инновационные системы в условиях интернационализации научно-исследовательской деятельности. Монография /Под ред. проф. И.А. Родионовой. – М.: Экон-информ, 2013.
8. Антипова Е.А., Родионова И.А. География научной сферы в условиях глобализации мирового хозяйства //Вестник Белорусского государственного университета (БГУ). – Сер. 2. Химия, Биология, География. – 2014. – № 1. С. 71-77.
9. Kholina, V., Mironova M. Russian Economic Space: Evolution during Period of Reforms, Growth and (1990-2010). //Miscellanea Geographica – Regional Studies on Development. Issue 1 (Oct. 2012), pp.23-29. ISSN: 2084-6118 Versita, Poland. <http://www.degruyter.com/view/j/mgrsd.2012.16.issue-1/issue-files/mgrsd.2012.16.issue-1.xml>

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЖЕНСКОЙ ЭМИГРАЦИИ ИЗ РОССИИ³⁷

Актуальность исследования и источники информации. Проблеме миграции в научных исследованиях последнее время уделяется значительное внимание. Это связано, прежде всего, с новыми тенденциями в мировой геополитике и обострением миграционной ситуации в целом. Однако исследователи акцентируют своё внимание главным образом на иммиграционных потоках. Эмиграция же рассматривается, как правило, лишь в контексте образовательной, брачной миграции или распространения траффинга. В частности, можно отметить работы Е. Тюрюкановой, Е. Малышевой, В. Мошняги, И. Прибытковой и ряда других исследователей. Проблема эмиграции женщин из страны недостаточно освещена в мировых научных публикациях. Существуют некоторые публикации по проблеме трудовой эмиграции женщин. Однако в них основными сферами занятости женщин-эмигранток называются низкоквалифицированные, низкооплачиваемые, непрестижные работы (нянечки, домработницы, сиделки и т.д.) или секс-индустрия. Вместе с тем, по словам Э. Кофман недостаточно внимания уделяется таким «секторам как промышленная очистка, розничная торговля, отели и доставка продуктов, туризм и самозанятость, ... а также сферы общественных и культурных услуг» [8]. Также, по мнению Э. Кофман, недооценивается профессиональная эмиграция женщин в страны приёма трудовых мигрантов. Женщины, обладающие высокой квалификацией и знанием иностранного языка, могут претендовать на повышение своего профессионального статуса за рубежом. Женщины – трудовые мигранты все более активно начинают себя проявлять в таких секторах как информационные и телекоммуникационные технологии, образование и здравоохранение. Последнее время в нашей стране начали появляться публикации по проблеме эмиграции женщин, занятых в сфере высшего образования и науки (Е. Письменная и др.).

Миграция женщин оказывает существенное влияние на демографическое развитие страны и динамику основных демографических показателей, таких как численность населения, рождаемость, смертность, брачность, разводимость и другие. Переезд женщин в другую страну формирует не только «прямые» потери населения, но и «косвенные», которые заключаются в том, что эмигрировавшие женщины не рожают детей в стране, либо рожают меньшее их число. Регионы России существенно различаются между собой по масштабам внешней эмиграции. Следовательно, и эффект от неё будет по-разному сказываться на демографической ситуации разных субъектов. Настоящее исследование посвящено выявлению региональных особенностей женской эмиграции из России. Проанализированы масштабы выезда женщин из различных регионов страны, проведена классификация субъектов по уровню женской эмиграции, а также определены наиболее популярные страны выезда женщин – эмигранток из России.

В настоящее время в России существует два основных источника статистических данных, позволяющих оценить масштабы женской эмиграции за границу. Первый источник – данные Федеральной службы государственной статистики о постоянной миграции. Они довольно полны, однако, не учитывают нелегальной миграции. Второй источник – данные Федеральной миграционной службы о трудовой миграции. Они содержат информацию о количестве выданных иностранным гражданам, планирующим работать на территории страны, патентов и разрешений на работу, а также численности российских граждан, покинувших страну с целью трудоустройства за границей. Очевидно, что эти данные не содержат информации об иностранцах, приезжающих в страну, и российских граждан, покидающих её, с отличными от трудоустройства целями (например, туризм, посещение родственников, получение образования и т.д.). Оба этих источника содержат некоторую информацию о странах назначения мигрантов из России. Однако эмигранты могут перемещаться из страны в страну, уже будучи за рубежом. Поэтому отечественная статистика

³⁷ Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 15-36-20612_мол-вед

не вполне отражает реальное географическое распределение мигрантов из России по странам мира. В связи с этим, в ходе настоящего исследования были использованы данные международных организаций, в частности Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) о численности российских мигрантов в странах ОЭСР, а также Государственного Департамента США о выданных россиянкам визах и выполняемых ими работах на территории страны [4].

Масштабы эмиграции женщин из России. Российские женщины довольно активно вовлечены в миграционные процессы. Так, с 2008 г. по 2014 г. величина внешнего миграционного оборота женщин не опускалась ниже 100000 человек, а с 2010 г. отмечается постоянное увеличение этого показателя, который в 2014 г. достиг 312407 человек. При этом доля женщин в суммарном миграционном обороте в 2014 г. составила 35,2% [5].

Анализ данных об эмиграции женщин показывает, что в 2004 г. доля женщин среди выехавших на постоянное место жительства за рубеж, составляла 53 %. Среди временных трудовых эмигрантов в начале 2000-х гг. их доля варьировалась от 7 % до 16 %. В настоящее время по данным Федеральной службы государственной статистики доля женщин среди эмигрантов, выезжающих на постоянное место жительства в другие страны, несколько снизилась и составила в 2014 г. 30 %. Среди временных трудовых эмигрантов их доля в 2014 г. сократилась до 5 %. При этом, если число женщин, выезжающих за рубеж на постоянное место жительства, с 2009 г. по 2014 г. постоянно увеличивалось (с 17333 человек в 2009 г. до 92774 человек в 2014 г.), то число женщин, выезжающих за границу на работу, с 2011 г. по 2014 г. сокращалось (с 7373 человек в 2011 г. до 3178 человек в 2014 г.) [5].

Анализ возрастной структуры женской эмиграции из России показывает, что нашу страну покидают женщины главным образом трудоспособного возраста. Однако, если с 2008 г. по 2011 г. их доля в общей численности женщин, выезжающих за рубеж, составляла около 70 %, то с 2012 г. она резко увеличилась и к 2014 г. превысила 80 %. Вместе с тем, доля женщин младше трудоспособного и старше трудоспособного возраста в общей численности эмигранток в течение рассматриваемого периода сокращалась. При этом, если доля девочек младше трудоспособного возраста сократилась незначительно (с 11 % в 2008 г. до 7 % в 2014 г.), то доля женщин старше трудоспособного возраста снизилась почти в два раза (с 22 % в 2008 г. до 12 % в 2014 г.). Среди выезжающих преобладают девушки и женщины 20-29 лет. Причём, наибольшее их число приходится на возрастную группу 25-29 лет. Данная ситуация свидетельствует о том, что среди женщин, покидающих нашу страну, преобладают лица не просто трудоспособного, а наиболее активного репродуктивного возраста. При этом она является косвенным признаком того, что из страны чаще уезжают женщины, получившие профессиональное образование [3].

Классификация регионов России по уровню женской эмиграции. Эмиграционные потоки крайне неравномерно распределены по территории страны. Существуют как «центры выбытия» (прежде всего, г. Москва и г. Санкт-Петербург), так и регионы, население которых весьма слабо вовлечено в процесс эмиграции (Ненецкий автономный округ). Ещё больший контраст между регионами возникает при анализе женской эмиграции. Так число женщин, выехавших за рубеж с 2009 г. по 2014 г., в расчёте на 100 тыс. женщин, проживающих в федеральном округе, варьируется от 7 человек, выехавших из Северокавказского федерального округа в 2011 г., до 330 человек, выехавших в 2014 г. из Северо-Западного федерального округа.

В целом, анализ данных по федеральным округам (данных по Крымскому федеральному округу нет) показал, что практически во всех регионах с 2009 г. по 2014 г. происходило увеличение числа выехавших за рубеж женщин в расчёте на 100000 женщин, проживающих в федеральном округе. Исключение составил только Северокавказский федеральный округ, в котором с 2009 г. по 2011 г. число женщин, выехавших за рубеж, в расчёте на 100 тыс. женщин, проживающих в федеральном округе, снижалось с 12 до 7 человек. С 2009 г. по 2011 г. число выехавших за границу женщин в расчёте на 100000 женщин, проживающих в регионе, было наибольшим в Дальневосточном федеральном округе. За три года их число увеличилось на 12 человек с 36 человек в 2009 г. до 48 человек в 2011 г.

Переломным годом стал 2012 г. В этом году не только резко увеличилось значение рассматриваемого показателя, что во многом связано с изменениями правил статистического учёта мигрантов, но и сменился «лидер» по показателю внешней женской эмиграции. Им стал Северо-Западный федеральный округ, из которого в 2012 г. выехало за рубеж 85 женщин в расчёте на 100 тыс. женщин, проживающих в регионе, а в 2014 г. этот показатель вырос до 330 человек.

На протяжении всего рассматриваемого периода с 2009 г. по 2014 г. минимальный уровень женской внешней эмиграции отмечался в Северо-Кавказском федеральном округе. В 2009 г. из региона выехали за рубеж только 12 женщин в расчёте на 100000 женщин, проживающих в федеральном округе, к 2014 г. этот показатель увеличился до 50 человек, что более чем в 6 раз меньше, чем в регионе – лидере – Северо-Западном федеральном округе. Столь малые значения данного показателя возможно объяснить особой ментальностью населения региона, в котором сильны семейные традиции и ценности, а главная роль женщины – хранительница семейного очага.

Более детальный анализ эмиграции женщин из субъектов Российской Федерации за рубеж показал сильную дифференциацию регионов по её уровню. В ходе исследования по данным 2014 г. были рассчитаны четыре показателя, характеризующих масштабы и интенсивность женской эмиграции из регионов страны:

- 1) число женщин, выехавших за рубеж, на 100 тыс. женщин, проживающих в регионе;
- 2) число женщин репродуктивного возраста, выехавших за рубеж, на 100 тыс. женщин репродуктивного возраста, проживающих в регионе;
- 3) доля женщин репродуктивного возраста среди женщин, выехавших за рубеж из региона;
- 4) доля женщин среди выехавших из региона за рубеж.

Субъекты федерации были ранжированы с помощью алгоритма многомерной классификации [6]. Он включает нормировку системы исходных показателей по формуле

$$\hat{x}_{ij} = \frac{|x_{ij} - x_j^0|}{|\max / \min x - x_j^0|}, \quad i=1, 2, 3, \dots, N; \quad j=1, 2, 3, \dots, M, \quad (1)$$

где x_j^0 – наихудшее значение (по каждому показателю) из всех встречающихся; $\max / \min x$ – наиболее отличающиеся от x_j^0 значения показателей; N – число исследуемых территориальных единиц; M – число показателей, использованных для расчетов (4). Цель такой нормировки – перевод показателя в отклонение от заданного наилучшего или наихудшего значения. Полученные в результате нормировки ограничены отрезком [0, 1].

Путём сравнения показателей всех территориальных единиц с условной, характеризуемой значениями x , выполнено их ранжирование. Оно осуществлялось с использованием евклидовых расстояний (d^0) – меры близости всех территориальных единиц к условной, имеющей наихудшие значения (x) по всему комплексу показателей. Применение этой меры потребовало обработки информационного массива по методу главных компонент с целью ортогонализации и «свертки» системы показателей.

Полученные значения вектора-столбца d^0 интегральных оценочных характеристик для удобства дальнейшего анализа были дополнительно нормированы по формуле:

$$\hat{d}_i^0 = \frac{d_i^0 - \min d^0}{\max d^0 - \min d^0}, \quad i = 1, 2, 3, \dots, n. \quad (2)$$

Величина d^0 варьирует от нуля до единицы. Ноль соответствует наихудшей комплексной оценке, а единица – наилучшей.

Использованный нами алгоритм позволяет также выделять однородные в оценочном отношении группы территорий. Достигается это разбиением соответствующих ранжированных значений ряда евклидовых расстояний на однородные ступени. Процедура выделения ступеней многовариантна и позволяет в каждом случае получать спектр вариантов группировки территорий в однородные группы при их разном числе. Качество разбиения оценивалось с

помощью коэффициентов канонической корреляции [Тикунов, 1997], а также коэффициентов неоднородности, что позволяет выбрать один окончательный вариант, оптимальный со статистической точки зрения.

Проведенные расчеты привели к получению следующих результатов.

Первый показатель (число женщин, выехавших за рубеж, на 100 тыс. женщин, проживающих в регионе) характеризует интенсивность выбытия женщин из региона. По данному показателю субъекты страны были сгруппированы в шесть групп (рис. 1).

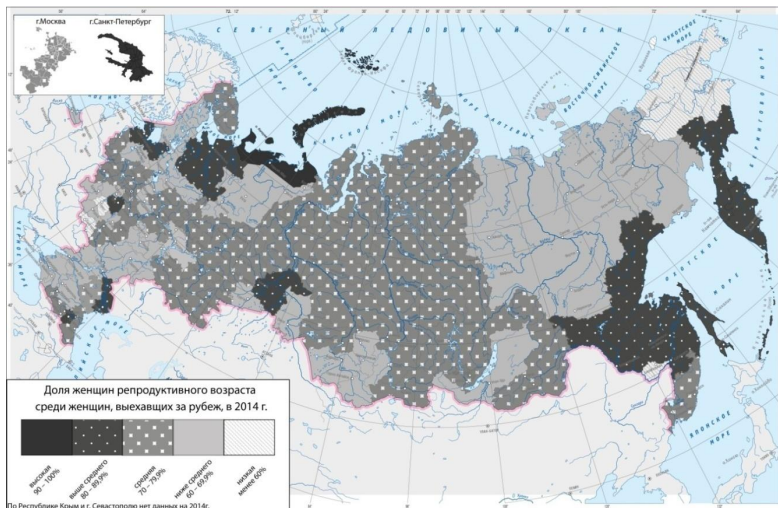

Рисунок 1. Распределение регионов по числу женщин, выехавших за рубеж, на 100 тыс. женщин, проживающих в регионе, в 2014 г.

- Первая группа – регионы с очень низким уровнем женской эмиграции – регионы, из которых выехало за рубеж менее 10 женщин на 100 тыс. женщин, проживающих в регионе;
 - вторая группа – регионы с низким уровнем женской эмиграции – регионы, из которых выехало за рубеж от 11 до 50 женщин на 100 тыс. женщин, проживающих в регионе;
 - третья группа – регионы с уровнем женской эмиграции ниже среднего – регионы, из которых выехало за рубеж от 51 до 100 женщин на 100 тыс. женщины, проживающих в регионе;
 - четвертая группа – регионы со средним уровнем женской эмиграции – регионы, из которых выехало за рубеж от 101 до 200 женщин на 100 тыс. женщин, проживающих в регионе;
 - пятая группа – регионы с уровнем женской эмиграции выше среднего – регионы, из которых выехало за рубеж от 201 до 300 женщин на 100 тыс. женщин, проживающих в регионе;
 - шестая группа – регионы с высоким уровнем женской эмиграции – регионы, из которых выехало за рубеж более 300 женщин на 100 тыс. женщин, проживающих в регионе.
- Первая группа состоит из шести национальных республик и автономных округов. Их население в целом отличается низкой эмиграционной активностью, а на женскую эмиграцию оказывают влияние, в том числе, и национальные особенности регионов. Вторая группа состоит из двадцати девяти регионов. Они представляют практически все

федеральные округа России. Третья группа включает семнадцать субъектов, большинство из которых сконцентрированы в Приволжском федеральном округе. Четвертая группа – одна из самых многочисленных – состоит из двадцати одного региона равномерно распределённых по федеральным округам. Пятая и шестая группы регионов, имеющих самые высокие показатели женской эмиграции, довольно малочисленны. Они состоят из четырёх и шести субъектов соответственно. Самые высокие показатели эмиграции женщин имеет г. Санкт-Петербург – 600 эмигранток на 100 тыс. женщин, проживающих в регионе.

Второй показатель (число женщин репродуктивного возраста, выехавших за рубеж, на 100 тыс. женщин репродуктивного возраста, проживающих в регионе) характеризует интенсивность выбытия из региона женщин репродуктивного возраста. Важность этого показателя определяется тем, что женщины именно этой категории, уезжая из страны, формируют не только «прямые» потери населения, но и «косвенные» в виде не рождённых в стране детей. По данному показателю регионы страны были разделены на семь групп:

- первая группа – регионы с очень низкой эмиграцией женщин - регионы, из которых выехало за рубеж менее 10 женщин репродуктивного возраста на 100 тыс. женщин репродуктивного возраста, проживающих в регионе;
- вторая группа – регионы с низким уровнем женской эмиграции – регионы, из которых выехало за рубеж от 11 до 50 женщин репродуктивного возраста на 100 тыс. женщин репродуктивного возраста, проживающих в регионе;
- третья группа – регионы с уровнем женской эмиграции ниже среднего – регионы, из которых выехало за рубеж от 51 до 100 женщин репродуктивного возраста на 100 тыс. женщин репродуктивного возраста, проживающих в регионе;
- четвертая группа – регионы со средним уровнем женской эмиграции – регионы, из которых выехало за рубеж от 101 до 200 женщин репродуктивного возраста на 100 тыс. женщин репродуктивного возраста, проживающих в регионе;
- пятая группа – регионы с уровнем женской эмиграции выше среднего – регионы, из которых выехало за рубеж от 201 до 300 женщин репродуктивного возраста на 100 тыс. женщин репродуктивного возраста, проживающих в регионе;
- шестая группа – регионы с высоким уровнем женской эмиграции – регионы, из которых выехало за рубеж от 300 до 500 женщин репродуктивного возраста на 100 тыс. женщин репродуктивного возраста, проживающих в регионе;
- седьмая группа – регионы с очень высоким уровнем женской эмиграции – регионы, из которых выехало за рубеж более 500 женщин репродуктивного возраста на 100 тыс. женщин репродуктивного возраста, проживающих в регионе.

К первой группе относятся пять регионов, практически полностью совпадающих с регионами первой группы, выделенных по первому показателю, за исключением Ненецкого автономного округа.

Во вторую группу входят двенадцать субъектов, в третью – двадцать, в четвертую – наиболее многочисленную группу – двадцать два, в шестую – десять, в седьмую – шесть. Наиболее интенсивный отток женщин репродуктивного возраста происходит в г. Санкт-Петербург – 1162 женщины репродуктивного возраста на 100 тыс. женщин репродуктивного возраста, проживающих в регионе, наименее интенсивный – в Республике Тыва – 4 женщины.

Третий показатель (доля женщин репродуктивного возраста среди женщин, выехавших за рубеж из региона) характеризует возрастную структуру эмигранток. Следует отметить, что практически во всех регионах среди женщин, выехавших за рубеж, преобладают лица репродуктивного возраста. Исключение составляют Чукотский автономный округ (33,3%) и Еврейская автономная область (50%). Кроме того, исследования показывают, что, как правило, страну покидают женщины в возрасте 20-35 лет, то есть в самом активном детородном возрасте.

По данному показателю субъекты были разделены на пять групп (рис. 2).

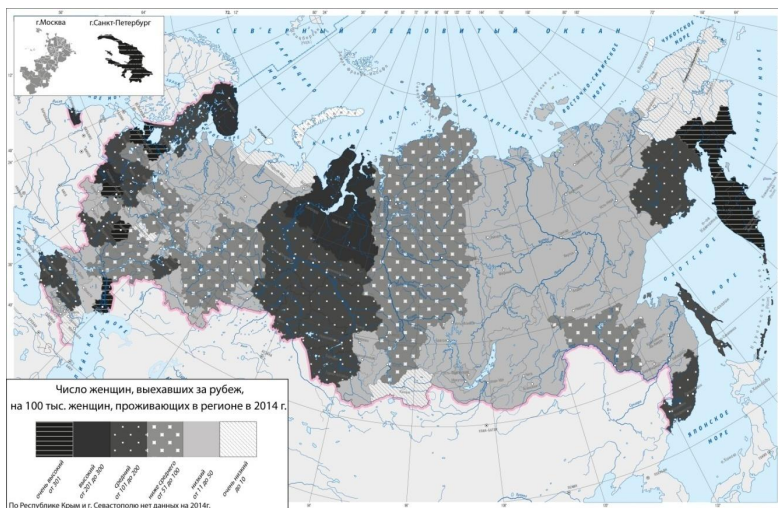

Рисунок 2. Распределение регионов по доли женщин репродуктивного возраста среди женщин, выехавших за рубеж, в 2014 г., %

- Первая группа – регионы с низким уровнем эмиграции женщин в репродуктивном возрасте – регионы, в которых доля женщин в репродуктивном возрасте среди женщин, выехавших за рубеж, ниже 60 %;
- вторая группа – регионы с уровнем эмиграции женщин в репродуктивном возрасте ниже среднего – регионы, в которых доля женщин в репродуктивном возрасте среди женщин, выехавших за рубеж, составляет от 60% до 69,9%;
- третья группа – регионы со средним уровнем эмиграции женщин в репродуктивном возрасте – регионы, в которых доля женщин в репродуктивном возрасте среди женщин, выехавших за рубеж, составляет от 70% до 79,9%;
- четвёртая группа – регионы с уровнем эмиграции женщин в репродуктивном возрасте выше среднего – регионы, в которых доля женщин в репродуктивном возрасте среди женщин, выехавших за рубеж, составляет от 80% до 89,9%;
- пятая группа – регионы с высоким уровнем эмиграции женщин в репродуктивном возрасте – регионы, в которых доля женщин в репродуктивном возрасте среди женщин, выехавших за рубеж, составляет от 90% до 100%.

Первая группа включает четыре региона: Белгородскую область, Орловскую область, Еврейскую автономную область, Чукотский автономный округ. Ко второй группе относится тридцать один субъект, которые равномерно распределены по федеральным округам. Третья группа включает тридцать пять регионов, также равномерно распределённых по федеральным округам. В четвертую группу входят одиннадцать субъектов, четыре из которых входят в состав Дальне-Восточного федерального округа. Пятая группа самая малочисленная, в её состав входят только два субъекта – г. Санкт-Петербург и Ненецкий автономный округ.

Таким образом, в подавляющем большинстве субъектов России среди выезжающих за пределы страны женщин от 60 % до 80 % составляют женщины репродуктивного возраста.

Четвёртый показатель, который был проанализирован – доля женщин среди эмигрантов. Данный показатель отражает гендерную структуру эмиграционных потоков из различных регионов страны. Превышение доли женщин над долей мужчин в эмиграционных потоках говорит о том, что регион в большей степени теряет женское население, чем мужское, что значительно усложняет стабилизацию демографической ситуации в регионе.

По данному показателю все регионы были разделены на пять групп:

- первая группа – регионы с низкой долей женщин среди выезжающих (до 20 %);
- вторая группа – регионы с долей женщин среди выезжающих ниже среднего (от 20 % до 34,9 %);
- третья группа – регионы со средней долей женщин среди выезжающих (от 35 % до 44,9 %);
- четвёртая группа – регионы с долей женщин среди выезжающих выше среднего (от 45 % до 49,9 %);
- пятая группа – регионы с высокой долей женщин среди выезжающих (более 50 %).

К первой группе относится десять регионов, ко второй – двадцать пять регионов, к третьей – двадцать семь регионов, к четвертой – четырнадцать регионов, к пятой – пять регионов. Таким образом, в Белгородской области, Республике Карелия, Республике Ингушетия, Карачаево-Черкесской Республике и Саратовской области доля женщин среди выезжающих за рубеж больше доли мужчин. В большинстве же регионов страны доля женщин в эмиграционном потоке составляет от 20 % до 45%.

Так как в настоящем исследовании были использованы четыре разных показателя, возникла необходимость их сопоставления и определения на его основе регионов с высоким уровнем женской эмиграции. По каждому показателю были отобраны десять регионов, имеющих самые высокие значения каждого показателя. Таким образом, сформировались четыре группы регионов (табл. 1).

Сопоставив регионы из разных групп, было установлено, что г. Санкт-Петербург и Астраханская область входят в три из четырёх выборок. Кроме того, эти субъекты имеют значение четвёртого показателя близкое к среднему. Таким образом, именно эти регионы являются регионами с высоким уровнем женской эмиграции. Вероятнее всего, именно они будут более остро испытывать влияние женской эмиграции на своём демографическом развитии и динамике основных демографических процессов: рождаемости смертности, брачности и разводимости.

Таблица 1. Сравнительная характеристика субъектов Российской Федерации по уровню эмиграции женщин

Доля женщин, выехавших за рубеж относительно общей численности женщин в регионе, на 100000 женщин	Доля женщин фертильного возраста, выехавших за рубеж, относительно общей численности женщин фертильного возраста в регионе, на 100000 женщин	Доля женщин среди выехавших за рубеж, %	Доля женщин репродуктивного возраста среди женщин, выехавших за рубеж, %
Калужская область	Калужская область	Белгородская область	Тульская область
Смоленская область	Смоленская область	Курская область	Архангельская область
Тамбовская область	Тамбовская область	Липецкая область	Ненецкий АО
Калининградская область	Калининградская область	Орловская область	г. Санкт-Петербург
Ленинградская область	Ленинградская область	Республика Карелия	Астраханская область
Мурманская область	Мурманская область	Калининградская область	Чеченская республика
г. Санкт-Петербург	г. Санкт-Петербург	Республика Ингушетия	Чувашская республика

Астраханская область	Астраханская область	Карачаево-Черкесская республика	Хабаровский край
Ямало-Ненецкий АО	Ямало-Ненецкий АО	Ставропольский край	Амурская область
Камчатский край	Камчатский край	Саратовская область	Сахалинская область

География эмиграции женщин из России. География выезда женщин из России довольно разнообразна. Однако отследить реальные масштабы выезда россиянок в ту или иную страну чрезвычайно сложно. Во-первых, они могут переезжать из одной страны в другую. А во-вторых, существует нелегальная миграция, в которую российские девушки активно втянуты, и потоки которой проследить практически невозможно. Поэтому необходимо анализировать данные не только российской статистики, но и международной.

По экспертным оценкам к настоящему времени сформировались несколько устойчивых направлений выезда женщин из России: Западноевропейское, Азиатское, Средневосточное, Американское.

Анализ данных по странам ОЭСР показывает, что наиболее привлекательными странами для эмигрантов из России являются Германия и Испания. В 2013 г. число иммигрантов из России в этих странах составило соответственно 31,4 тыс. человек и 8,8 тыс. человек. При этом доля женщин в общем числе иммигрантов составляла около 60%. С 2002 г. по 2006 г. довольно многочисленным был поток мигрантов из России в Корею. Однако в 2012 г. он сократился до 2,7 тыс. человек в год, а доля женщин составила 40%. С 2009 г. стало увеличиваться число мигрантов из России во Францию. В 2013 г. их численность составила 4,3 тыс. человек. Доля женщин в этом потоке была максимальной – 68% (или 2,9 тыс. человек). Необходимо отметить, что статистика в представленных странах учитывает постоянную миграцию. Кроме того, в статистических данных Германии учитываются беженцы [7].

Ещё одним устойчивым направлением миграции из России является эмиграция в США. По данным Государственного Департамента США в 2014 г. в Посольствах и Консульствах США в России было выдано более 3,5 тыс. иммиграционных виз.

Средне-Восточное направление эмиграции из России в конце XX – начале XXI века стало особо популярным. Российские женщины, как правило, эмигрируют в Турцию. Так, по данным сайта zagrandok.ru численность российских граждан в Турции составляет более 50000 человек. Учитывая, что в подавляющем большинстве стран доля женщин среди мигрантов составляет около 50%, численность российских женщин, проживающих в Турции, составляет более 25000 человек [2].

Азиатское направление (главным образом эмиграция в Китай) стало популярно в связи с образовательной, трудовой и брачной миграцией. Граждане России не только в трудоспособном, но и старше трудоспособного возраста переезжают на постоянное место жительства в Китай. Кроме того, в Китае чрезвычайно престижно иметь русскую жену. Поэтому женихи из Китая являются активными участниками «рынка невест» России [1].

Таким образом, наиболее популярными странами женской эмиграции из России являются государства, с которыми у нашей страны есть общие границы, которые имеют высокий уровень социально-экономического развития, и с которыми подписаны соглашения о льготном визовом или безвизовом режиме.

Выводы:

- эмиграция женщин из страны оказывает «прямое» и «косвенное» негативное влияние на демографическое развитие страны. «Прямые» издержки выражаются в непосредственном сокращении численности населения, «косвенные» - в сокращении рождаемости, уехавшие женщины не ролят в России детей;
- на протяжении последних шести лет с 2009 г. по 2014 г. наблюдается увеличение числа эмигранток. Вместе с тем, число женщин, переезжающих в другую страну на постоянное место жительства, увеличивается, число трудовых эмигранток – сокращается;

- масштабы эмиграции из России сильно дифференцированы по регионам. Выделяются регионы как с низким, так и с высоким уровнем женской эмиграции. Проведённое исследование показало, что к регионам с высоким уровнем женской эмиграции относятся г. Санкт-Петербург и Астраханская область.

- в настоящее время сформировалось несколько устойчивых направлений эмиграции женщин из России: Западно-Европейское, Азиатское, Средне-Восточное, Американское. При этом наиболее привлекательными странами для эмигранток являются Германия и Испания.

Литература

1. *Бляхер Л.Е., Федорева К.В.* Русские в Китае: чем привлекательна Китайская Народная Республика для дальневосточников? // Вестник ТОГУ, 2009 год. №2 (13). Электронный ресурс. Режим доступа: http://atnews.ru/kitay/28175/russkie_v_kitae_chem_privlekatelna_kitayskaya_narodnaya_respublika_dlya_dalnevostochnikov/ (дата обращения: 10.03.2016).

2. Как можно совершить эмиграцию в Турцию // Электронный ресурс. Режим доступа: <http://zagrandok.ru/vyezd/migraciya/emigraciya-v-turciyu.html> (дата обращения: 13.03.2016)

3. *Рязанцев С.В., Сивоплясова С.Ю.* Общие тенденции женской эмиграции из России // Научное обозрение. Серия 2. Гуманитарные науки, 2015, №3 (июнь). С. 52-55.

4. Сайт Государственного Департамента США - Электронный ресурс. Режим доступа: <http://travel.state.gov/content/dam/visas/Statistics/AnnualReports/FY2014AnnualReport/FY14AnnualReport-TableIV.pdf> (дата обращения: 12.03.2016).

5. Сайт Федеральной службы государственной статистики. Электронный ресурс. Режим доступа: www.gks.ru (дата обращения: 07.03.2016).

6. *Тикунов В.С.* Классификации в географии: ренессанс или увядание? (Опыт формальных классификаций). - Москва-Смоленск, Изд-во СГУ, 1997, 367 с.

7. International Migration Outlook 2014. URL: http://www.keepeek.com/Digital-Asset-Management/oecd/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2014_migr_outlook-2014-en#page341 (дата обращения: 11.03.2016).

8. *Kofman E.* Women migrants and refugees in the European Union // The economic and social aspects. Conference jointly organized by The European Commission and the OECD. Brussels. 2003. 21–22 January. P. 7.

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНОГО РЕГИОНА
(на примере Республики Саха-Якутия)**

При рассмотрении опыта освоения северного региона необходимо, прежде всего, определить сущность такой категории, как «хозяйственное освоение территории». Хозяйственное освоение – процесс взаимодействия человека и окружающей среды, процесс вживания человека в природную основу территории, в природу в целом, в ходе которого отмечается значительное повышение ценности условий и ресурсов данной территории, что, в конце концов, способствует дальнейшему развитию процесса освоения [1].

Любая территория – пространственный базис деятельности человека и носитель (вместилище) ресурсов. Соответственно, освоение территории – это вовлечение в использование различного рода ресурсов для размещения объектов народного хозяйства [2].

Можно выделить следующие основные этапы освоения территории Республики Саха (Якутия) в советский период: первый этап (до 1930-х годов) - промысловое освоение; второй этап (1930-1950-е годы) - формирование территорий сырьевой ориентации; третий этап (1960-е - конец 1980-х годов) - освоение на основе моноотраслевой структуры хозяйства, которое сопровождалось ликвидацией традиционных видов хозяйственной деятельности в северных районах республики [3].

Вследствие существовавших геополитических факторов индустриальное развитие, разведка и добыча природных ресурсов осуществлялись в республике под особым контролем государства. Союзным центром вплоть до начала реформ 1990-ых годов реализовывалась экономическая политика, направленная на поддержку комплексного развития экономики региона и сохранение режима закрытости значительной части его территории. Действительно, часть территории Якутии долгое время являлась закрытой. Например, промышленная провинция на западе республики, где с 60-ых годов прошлого столетия осуществлялась интенсивная разработка алмазных месторождений.

На протяжении последних 20-25 лет шел процесс трансформации государственной социально-экономической политики по отношению к Республике Саха (Якутия). С 1991 г. по настоящее время выделяются три этапа данного процесса (табл. 1).

В основе первого этапа (1991-2000 гг.) лежит реализация государственного протекционизма в отношении хозяйствующих субъектов региона на основе рыночных преобразований. В условиях бюджетного федерализма эта политика включала в себя создание нормативно-правовой базы системы государственной поддержки экономики и обеспечение социальных гарантий населения, распределение государственных полномочий между федеральным и региональным уровнями управления. Основные направления и механизмы государственной политики были отражены в Законе РФ «Об основах государственного регулирования социально-экономического развития Севера Российской Федерации», принятом в 1996 году, который сегодня утратил свою силу. Государственный протекционизм охватывал почти все виды хозяйственной и социальной деятельности в республике и был основан на восполнении затрат и перераспределении бюджетных ресурсов и кредитов хозяйствующим субъектам.

В условиях перманентного дефицита федерального бюджета в 1993-1999 гг. тенденция регионализации получила еще большее развитие. Это выражалось, в первую очередь, в делегировании субъектам Федерации полномочий по осуществлению социальной защиты населения, компенсации транспортных расходов, финансированию федеральных программ. Регионы сталкивались со значительными трудностями в процессе реализации новых полномочий. Как результат, за период 1993-2000 гг. федеральные социально-экономические программы были профинансированы на 20-25%, причем из самого федерального бюджета – на 7-10%.

С 2001 г. начался второй этап – формирование и развитие так называемой неолиберальной модели государственной политики Центра, которая предусматривала

очаговое промышленное освоение природных ресурсов северных территорий, признанными конкурентоспособными на рынке и ставшими объектами интереса крупных промышленных корпораций. В течение этого периода времени происходило сращивание интересов государственного аппарата с крупными компаниями, что сопровождалось интенсивным освоением природных ресурсов Севера.

Таблица 1. Характеристика этапов государственной политики по развитию экономики Якутии в 1990-х – 2000-х годах

№	Этапы освоения	Характеристика этапов
1	Реализация политики государственного протекционизма в отношении хозяйствующих субъектов региона на основе рыночных принципов. (1991-2000 гг.)	1. Создание нормативно-правовой базы системы государственной поддержки экономики и обеспечение социальных гарантий населению, распределение государственных полномочий между федеральным и региональным уровнями управления. 2. Внедрение мер поддержки региона в рамках созданной нормативно-правовой базы, развитие моноотраслевой структуры экономики. 3. Реализация комплекса мер по поддержке хозяйствующих субъектов без приватизации.
2	Создание неолиберальной модели государственного управления, в основе которой - очаговое освоение крупными корпорациями природных ресурсов на территории республики. (2001-2004 гг.)	1. Начало интенсивного очагового освоения природных ресурсов Якутии крупными бизнес-корпорациями. Начало работы таких компаний как «Сургутнефтегаз», «Полюс Золото» и других 2. Реализация мер по приватизации республиканских предприятий: компаний «Якутуголь», «Алданзолото» и других. Трансформация организационно-правовой формы компании «Алмазы России-Саха» - от ЗАО к ОАО. 3. Снижение степени участия крупных корпораций в социальном развитии территорий.
3	Реализация политики по созданию условий для реализации стратегии социально-экономического развития Якутии. (2004 г. - наст. вр.)	1. Разработка и принятие стратегических документов по развитию республики, в основе которых – не только промышленное освоение, но и социальное развитие территорий республики. 2. Разработка институциональных основ по обеспечению участия крупных корпораций в социальном развитии территорий.

Но уже в 2004 г. в Салехарде на Президиуме Государственного Совета с участием президента РФ В.В. Путина были обсуждены основные направления государственной политики в отношении северных регионов, в корне разнящихся от неолиберальной модели. Рабочая группа Госсовета посчитала необходимым принять срочные меры для социально-экономического подъема и устойчивого развития Севера России, урегулировать законодательную базу, в соответствии с которой это развитие происходит, более четко и детально подойти к практике районирования северных территорий. Были затронуты вопросы развития транспортной инфраструктуры, отраслей промышленности и жилищного строительства в северных регионах, социальной поддержки жителей Севера. Все принятые на заседании положения и документы свидетельствуют об усиливающейся роли государства в социально-экономическом развитии Севера, и это стало началом следующего, третьего этапа управления развитием экономики Якутии.

Республика Саха (Якутия) занимает 1/5 часть территории России, почти 80% ее лежат севернее 60 градусов с.ш. Занимая более 30% территории Севера России, Якутия является

главной минерально-сырьевой базой страны. Процесс социально-экономического развития Республики Саха (Якутия) как северного региона осуществлялся комплексно, включая основные виды хозяйственного освоения территории, такие как расселенческое, промышленное, сельскохозяйственное и транспортное освоение.

В плановой экономике союзное и региональное управление учитывало многообразие типов хозяйственного освоения Якутии. Так, управление системой расселения населения – один из важнейших факторов развития территории. Расселение – это своеобразный индикатор, который определяет ход процесса освоения территории. До начала индустриального развития, в период промыслового освоения в Якутии не происходило формирование крупных населенных пунктов. С середины XX века, с открытием месторождений различных природных ресурсов (то есть с началом сырьевого освоения) началось заселение центральной и западной провинций республики, и вместе с этим получило свое развитие индустриальное развитие территории. Создание новых отраслей хозяйства происходило в Якутии за счет миграции рабочей силы из других районов страны, что привело к быстрому росту численности населения республики. Управление освоением Якутии в 70-80-ых годах прошлого столетия учитывало характерные черты развития моноотраслевой структуры хозяйства: развивались алмазодобывающая промышленность, золотодобыча, велась интенсивная разработка угольных месторождений, что привело к возникновению новых городов, таких как Нерюнгри, Мирный, Удачный, население которых стало стремительно увеличиваться. Также увеличилась численность жителей Алдана, центра золотодобывающей отрасли. В 1985 году в республике родился миллионный житель, а по итогам переписи 1989 года численность населения достигла 1081,5 тыс. человек.

Однако в 90-ые годы прошлого столетия в Якутии стали происходить негативные тенденции в динамике численности населения северного региона. Падение производства и снижение уровня развития социальной сферы вызвали снижение рождаемости, рост смертности, в том числе младенческой, которые значительно ухудшили демографическую ситуацию в республике. Уменьшился иммиграционный поток в республику, одновременно увеличилась миграция населения улусов в районные центры и особенно в Якутск. Так, в 1990-х годах численность населения республики уменьшилась более чем на 10%. Тенденция сокращения численности характерна в настоящее время уже для половины улусов Якутии. Населенные пункты очень важны для поддержания освоенности и для дальнейшего развития территории. Концентрация населения в отдельных районах подчеркивает его отсутствие на остальной территории региона.

Наблюдается четкая взаимосвязь между производственно-функциональным типом поселений и изменением численности населения в период рыночных преобразований. Отрицательная динамика отмечена в 80% всех поселений с промышленной специализацией. В наибольшей степени данная тенденция отразилась на промышленных поселениях, в которых располагались предприятия горнодобывающих отраслей. Три из четырех поселков, находившихся в районе деятельности комбината «Куларзолото», были ликвидированы. Большая часть жителей Усть-Янского района, в котором располагался Депутатский оловокомбинат, в 90-ые годы выехала за пределы района и республики. При этом процесс ликвидации поселков затянулся. Негативные тенденции развивались и в других улусах, таких как Алданский, Усть-Майский и Оймяконский, где в 70-80-ые годы XX века активно развивалась промышленность. Целый ряд населенных пунктов перестал существовать как административно-территориальные единицы. Например, в течение двух лет (1997-1998 гг.) в ходе реструктуризации золотодобывающей промышленности были закрыты девять населенных пунктов.

Значительный объем оттока высококвалифицированных кадров и населения из промышленных районов Якутии стал одним из факторов ухудшения экономики республики в 90-ых годах и в начале 2000-ых годов. Можно отметить, что в этот период также существенно уменьшилась численность жителей в сельских и арктических населенных пунктах, особенно скотоводческо-конеvodческого типа. И сегодня наблюдается отток населения из сел и деревень в крупные поселки и города – всего исчезли 10% поселений с началом реформ 90-ых годов прошлого столетия. Еще примерно в 10% поселений,

официально существующих, не проживает население. Сходная динамика отмечалась и в большинстве поселений оленеводческо-промыслового, промыслового и звероводческого типов. Более благоприятная демографическая ситуация сложилась в районах со скотоводческо-земледельческой специализацией.

Сегодня в целом идет дальнейшее снижение роли расселенческой составляющей процесса освоения Якутии. Расселенческая составляющая процесса освоения тесно взаимосвязана с промышленным, транспортным и сельскохозяйственным типами освоения. Такие факторы, как многочисленность пушных зверей, транспортная недоступность, разнородность сельскохозяйственных земель явилось одной из причин того, что на пионерной стадии освоения в 30-ые годы XX века ведущая роль в процессе освоения принадлежала пушному промыслу, сельскому и лесному хозяйству. В результате сформировались промысловые и сельскохозяйственные типы хозяйственного заполнения территории. Всплелись промышленное и транспортное виды освоения смешались с сельскохозяйственным освоением в отдельных районах. Своеобразие республики заключается в том, что сельскохозяйственное освоение как отдельный хозяйственный тип продолжает существовать и сегодня. Более того, главный доход для значительной части населения обеспечивает занятость в сельском хозяйстве. Примерно 38% населения республики проживает в сельской местности.

Республика располагает огромным земельным фондом (более 300 млн. га). Общая площадь сельскохозяйственных угодий в республике составляла 1745,8 тыс. га, из них на долю пашни приходилось 7,9%, сенокосов – 45,1%, пастбищ – 47,0% всей площади [1]. Животноводство Якутии развивалось через такие его виды как скотоводство, оленеводство, коневодство, свиноводство, птицеводство и клеточное звероводство. При этом скотоводство и оленеводство являются ведущими отраслями хозяйства. Наряду с животноводством широкое распространение получили такие отрасли как растениеводство, картофелеводство, овощеводство, выращивание зерновых культур.

Необходимо отметить, что развитие сельского хозяйства, как и других отраслей, осуществлялось во многом на основе централизованных капитальных вложений. Например, в 20-30-ых годах XX столетия, во время коллективизации перераспределение земли между хозяйствами привело к увеличению поголовья скота и вплоть до 1938 года оно составляло 425-445 тысяч голов. Это стало возможным благодаря решению руководства республики о том, что при коллективизации необходимо обобществлять лишь пятую часть поголовья крупного рогатого скота. Остальная его часть была предоставлена колхозникам в качестве личного скота. В военные и послевоенные годы общественное животноводство стало доминировать – и это также осуществлялось в рамках политики Центра. Поголовье скота в республике с конца 1950-ых годов росло, приближаясь к 400 тысячам голов – показателю начала 1980-ых годов. В 90-ые годы в силу проведения реформ и разрушения коллективного хозяйства произошло снижение поголовья скота, и в настоящее время в республике насчитывается около 300 тысяч голов скота.

Комплексное хозяйственное освоение территории можно наблюдать в Южной Якутии. Главными отраслями промышленности здесь являются добывающие, которые обеспечили быстрое развитие производительных сил и интенсивное промышленное освоение территории региона.

Сегодня республика занимает ведущие места по объемам разведанных запасов и по объемам добываемых полезных ископаемых, таким как алмазы, золото, серебро, олово, сурьма и редкоземельные металлы. Однако с конца 90-ых годов XX века республика перестала быть эффективным собственником крупных предприятий добывающей отрасли. Так, собственниками добывающих компаний стали такие крупные корпорации как «Мечел», «Полус Золото» и другие. Якутия также сократила свое участие и в других компаниях, например, доля республики как акционера в компании «Алмазы России-Саха» сократилась до 25%.

Недра республики содержат в себе основную часть балансовых запасов алмазов страны (83%) и более трети их прогнозных ресурсов (38%). В 1954 году в бассейне реки

Далдын было открыто первое месторождение алмазов в стране – кимберлитовая трубка «Зарница». С 1955 года на западе Якутии был выявлен и разведан целый ряд кимберлитовых трубок. Таким образом, сформировалась алмазная провинция на западе Якутии.

Алмазодобывающая компания «Алмазы России-Саха» осуществляет полный технологический цикл, включая добычу, переработку и реализацию добываемых в республике алмазов. В 2013 году «АЛРОСА» увеличила добычу алмазов на 7% до 36,9 млн. карат по сравнению с 2012 годом [4]. Наряду с освоением кимберлитовых трубок открытым способом начата подземная разработка трубки «Мир», предусматривающая добычу алмазов в подземных шахтах.

Важнейшей отраслью добывающей промышленности является золотодобывающая. Якутия является одним из лидеров в стране по запасам золота. Сегодня в Якутии расположены несколько золотосных районов, которые были обнаружены с развитием процесса освоения территории республики. В 1930-е годы добыча золота началась в Усть-Майском улусе в так называемом Аллах-Юньском золотосном районе, а с 1942 года – в Оймконском улусе на р. Индигирке. С 1963 года золото добывают в районе Кулар в Усть-Янском улусе, кроме того, развивается Адычансий золотосный район. В 70-80-ых гг. прошлого столетия золотодобывающая промышленность стремительно развивалась. Сегодня золотодобывающая промышленность выходит из кризиса 90-ых годов, когда отрасль была переориентирована, в основном, на добычу рассыпного золота. Тогда многие предприятия, такие как «Нежданское золото», «Золото Джугджура» оказались убыточными, были обанкрочены и прекратили свое существование. Как следствие, в 1997 году было добыто всего 20 тонн золота.

Регион по объемам разведанных и прогнозных ресурсов олова сохраняет лидерство в России – 41,2% и 43,2% соответственно. С 1951 года ведется добыча рассыпного олова в Усть-Янском улусе. Как было отмечено, одним из крупнейших оловодобывающих предприятий страны стал введенный в 1986 году Депутатский ГОК. В 1991 году горно-обогатительным комбинатом было произведено около 6 тыс. тонн олова в концентрате. Однако в течение 90-ых годов прошлого столетия добыча сырья значительно сократилась, и уже в 1997 году производство олова составило 3703 тонн. Основной причиной снижения показателей добычи стало то, что олово потеряло стратегическую значимость в промышленности. Сегодня горно-обогатительный комбинат законсервирован, а Депутатский, некогда поселок с 15-тысячным населением в середине 1980-х годов, в настоящее время является населенным пунктом, в котором проживают менее 3 тыс. человек.

В республике сосредоточено крупные запасы угля. Наиболее богатые месторождения угля расположены на юге Якутии, в Нерюнгринском районе. В 70 и 80-ых годах XX в. Южно-Якутский район интенсивно развивался, уголь поставлялся также и в страны Азиатско-Тихоокеанского региона: Японию и Южную Корею. Однако в 1990-е и 2000-е годы в связи с истощением запасов олова объемы добычи угля снизились. В качестве управленческих решений по выходу из кризиса была осуществлена смена владельца компании и поиск альтернативных месторождений. Собственником «Якутугля» стала корпорация «Мечел», выкупившая 100% акции предприятия у Республики Саха (Якутия). Несмотря на то, что в последние годы «Мечел» разрабатывает очень перспективное Эльгинское месторождение, сегодня корпорация испытывает серьезные финансовые трудности.

Период 1990-ых годов прошлого столетия характеризовался не только процессом приватизации государственных предприятий, но и созданием выгодных условий для привлечения крупных предприятий для реализации проектов в добывающей отрасли. Наиболее благоприятные условия были созданы для привлечения предприятий в рамках развития нефтегазовой отрасли, что стало возможным в результате стратегических решений по дальнейшему развитию Якутии. Так, активную деятельность по разработке Талаканского месторождения ведет «Сургутнефтегаз». Также ОАО «Газпром» разрабатывает Чайинское газовое месторождение в рамках государственной программы по созданию в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке единой системы добычи, транспортировки газа и газоснабжения с учетом

возможного экспорта газа на рынки Китая и других стран АТР, так называемой Восточной газовой программы, которая в сентябре 2007 года была утверждена приказом министерства промышленности и энергетики РФ. ОАО «Газпром» было определено Правительством РФ координатором деятельности по реализации Восточной газовой программы.

Перспективные и прогнозные ресурсы газа Якутии оцениваются в 10,4 трлн. куб. м. Чаяндинское месторождение является базовым для создания и развития Якутского центра газодобычи. В октябре 2012 года правление ОАО «Газпром» приняло окончательное инвестиционное решение по обоснованию инвестиций в обустройство Чаяндинского месторождения, транспортировку и переработку газа. Ввод в разработку газовых запасов Чаяндинского месторождения планируется осуществить в 2017 году.

Добывающие отрасли являются основой развития перерабатывающей промышленности Якутии, которая базируется на электроэнергетике, производстве строительных материалов и жилищном строительстве, деревообрабатывающей отрасли, легкой и пищевой промышленностью. Индустриальное развитие республики связано, в основном, с эксплуатацией природных ресурсов, отсутствующих в других районах страны.

Говоря о региональных различиях хозяйственного освоения Республики Саха (Якутия), необходимо отметить, что особенностью Западно-Якутского территориально-производственного комплекса является создание отраслевых комплексов алмазодобывающей и газовой промышленности, деревообработки, строительной индустрии, транспорта. На Западе Якутии были образованы алмазо-газодобывающий и угледобывающий промышленные узлы.

Центрально-Якутский промышленный район – главный регион обрабатывающей промышленности. Город Якутск, являясь крупным промышленным, транспортно-распределительным, административно-хозяйственным центром, считается городом комплексного многофункционального значения. С поселками-спутниками, такими как Хатассы, Нижний Бестях, Якутск образует транспортно-промышленный узел.

Южно-Якутский территориально-производственный комплекс имеет выгодное экономико-географическое положение и богатые месторождения природных ресурсов. Территория этого комплекса – это г. Нерюнгри, Алданский и Олекминский районы. Территориально-производственный комплекс базируется, в основном, на развитии гидроэлектроэнергетики, угольной, железорудной и горно-химической промышленности.

Данные территориально-производственные комплексы имеют разные уровни освоенности, однако все они претерпели значительные изменения в период рыночных преобразований середины 1990-ых годов. Практически все предприятия снизили объемы производства, некоторые хозяйства прекратили свое существование. Один из самых густонаселенных улусов республики – Алданский – с началом перестроенных процессов 1990-ых годов превратился из динамично развивающегося района в депрессивный регион, из которого массово мигрирует население.

Транспортное освоение также взаимосвязано с остальными типами хозяйственного освоения. Участие транспорта в процессе освоения северных территорий осуществляется по следующей схеме: первоначально он играет роль катализатора освоения территорий, затем обеспечивает развитие производства, комплексность хозяйственного освоения территории и улучшение качества жизни населения. А.Г. Агранат делает вывод, что «в неосвоенных, но обладающих богатым ресурсным потенциалом районах транспортные пути, связанные с какой-либо конкретной целью, рано или поздно окажутся катализатором, стимулом освоения прилегающей территории, а их экономическая эффективность неизбежно повысится» [5].

Разработка месторождений слюды, угля, проектов энергетики на Юге Якутии стало также возможным благодаря строительству Амуро-Якутской железнодорожной магистрали (АЯМ). Однако динамика комплексного освоения в начале 1990-ых годов была утрачена. Развивались только экспортно-ориентированные отрасли промышленности, обладающие высокой рентабельностью. Рост экспорта якутского угля потребителям в Азиатско-Тихоокеанском регионе, выявление новых месторождений угля придали дополнительный

импульс развитию транспортной инфраструктуры. Например, разработка Эльгинского месторождения поставила федеральные и региональные власти перед необходимостью реализовать проект по строительству железной дороги до этого месторождения.

Вместе с тем, федеральные органы власти в конце 1990-ых – начале 2000-ых годов уделяли мало внимания завершению строительстве АЯМа. Республика самостоятельно медленно продолжала прокладывать рельсы в сторону Якутска. И только во второй половине 2000-ых годов Якутия, получив федеральное финансирование, начала более активно возводить железную дорогу. В конце 2012 года рельсы были уложены в Нижнем Бестяхе – поселке на противоположном от Якутска берегу реки Лены. Однако решение вопроса по строительству железнодорожного моста до Якутска федеральными органами власти отложено на неопределенный срок в связи с финансовыми трудностями и огромными затратами на реализацию проекта. Инфраструктура магистрали не до конца создана, и по этой причине сообщение по железной дороге до поселка Нижний Бестях сегодня не осуществляется.

В начальный период освоения северных территорий выборочно вовлекались наиболее доступные и богатые месторождения природных ресурсов. Доступность районов нового освоения зависела от того, насколько они удалены от естественных транспортных коммуникаций. С учетом этого стремительно увеличивался объем перевозок по морю и речным транспортным артериям. До второй половины 1970-х годов доля водного транспорта в общем грузообороте превышала 90%, но затем снизилась до 55,5%. Одним из факторов значительного уменьшения удельного веса водного транспорта стало искусственное разделение флота в бассейнах республики.

Автомобильный транспорт играет первоочередную роль при доставке грузов от водных магистралей до потребителей. При этом в республике наиболее востребованы автомобильные перевозки грузов по устойчивым зимним дорогам. В 1970-х годах в общей протяженности автодорожной сети удельный вес зимников в Якутии занимал около 80%. В республике с 1965 г. по 1985 г. трехкратный рост грузооборота был достигнут практически без увеличения протяженности путей сообщения.

В 90-х годах XX века, в силу экономической неэффективности, высокого уровня цен на авиатопливо, воздушный транспорт значительно снизил объемы работы. Одной из главных причин сложившейся ситуации также следует отметить обособленность воздушного транспорта от единой транспортной схемы республики.

Опыт освоения северных территорий России показывает, что функционирование опорных баз освоения немислимо без транспортных центров. Транспортные узлы имеют большое значение для эффективности процесса освоения территории. В 90-х годах прошлого столетия в результате реформ была фактически разрушена единая транспортная инфраструктура республики. Фактически не используется уникальный потенциал Северного морского пути. Некоторые транспортные центры переживают упадок вследствие прекращения работы крупных промышленных предприятий. В системе управления освоением территории следует пересмотреть стратегические приоритеты и уделить большее внимание развитию транспортной инфраструктуры, которая является неотъемлемой частью процесса освоения республики; также необходимо восстановить функционирование Северного морского пути.

Таким образом, можно сделать вывод, что территория Якутии характеризуется существенными различиями в уровне освоенности, что подтверждает очаговый характер процесса освоения в республике. Сегодня Якутия по-прежнему является минерально-сырьевой базой России. В республике необходимо воссоздать ряд отраслей промышленности, разработать и внедрить новые варианты освоения региона, что во многом зависит от эффективности системы управления. В этих новых сценариях освоения республики обязательно должны учитываться интересы населения региона, в том числе коренных малочисленных народов Севера.

Опыт управления освоением северных регионов России на примере Якутии показывает, что ее освоение в советский период осуществлялось на основе планов по приоритетному развитию промышленности республики. При этом интересы коренных народов учитывались только на основе патерналистской политики в качестве дополнительного компонента к планам хозяйственного развития.

С началом реформ в России в 1990-х годах права аборигенов учитывались, в основном, только на уровне развития культуры, возрождения коренных языков. Коренные малочисленные народы не участвуют в процессе управления развитием экономики района своего проживания. Таким образом, сегодня назрела необходимость создания условий для того, чтобы коренные народы могли быть непосредственно вовлечены в реализацию проектов по развитию экономики северных территорий.

Литература

1. *Присяжный М.Ю.* Оценка эффективности освоения территории. Выпуск 2. - Якутск: Издательство Якутского университета, 2010.
2. *Лаженцев В.Н.* Север и Арктика в пространственном развитии: научно-аналитический доклад / Научный совет РАН по вопросам регионального развития; СОПС при Министерстве экономического развития РФ и Президиуме РАН; ИЭП Кольского НЦ РАН; ИСЭиЭПС УрО РАН. - Москва – Апатиты – Сыктывкар: Изд-во КНЦ РАН, 2010.
3. *Логинов В.Г.* Социально-экономическая оценка развития природно-ресурсных районов Севера / Логинов В.Г. - Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2007.
4. Бизнес-сайт <http://www.minvlasti.ru/2014/03/04/alrosa-profit-2013>.
5. *Агранат Г.А.* Использование ресурсов и освоение территории Зарубежного Севера. - М: Наука, 1984.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЦЕНТРАЛЬНОМ ЧЕРНОЗЕМЬЕ РОССИИ

Размещение отраслей сельскохозяйственного производства в Чернозёмном Центре обусловлено, прежде всего, природно-климатическим потенциалом. В основе освоения территории Чернозёмного Центра лежало почвенное плодородие, которое позволяло обеспечивать население основными продуктами питания и производить товарную продукцию. С точки зрения комфортности природных условий регион относится к территориям, наиболее благоприятным для жизни населения. Здесь близкое к оптимальному соотношение ресурсов тепла и влаги, плодородные черноземные почвы, ярко выражены сезоны года, практически отсутствуют опасные природные явления, т.е. регион обладает прекрасными природными возможностями для проживания людей.

Элементарная логическая цепочка взаимосвязей между природным потенциалом территории и уровнем её социально-экономического благосостояния выстраивается исходя из представления о том, что плодородные почвы обеспечивают высокие урожаи сельскохозяйственных культур, создавая базу для развития животноводства. Эффективное развитие сельского хозяйства способствует появлению новых рабочих мест, получаемая от отрасли прибыль направляется на развитие перерабатывающих отраслей и повышение доходов сельских жителей. Деревня растёт и крепнет, процветает, привлекая новые квалифицированные кадры, в том числе молодежь. Повышается рождаемость, прирастает богатство, появляются коммунальные удобства, образ жизни максимально приближается к городскому. Чернозёмные аграрные поселения должны были стать образцом уравновешенной, спокойной и сытой жизни. Однако современная ситуация сложилась не в пользу «сельскогорая»: по уровню социально-экономического развития Черноземье отстаёт от большинства регионов России.

Традиционно регион позиционируется как достаточно однородная аграрная местность. По величине валового внутреннего продукта на душу населения все области Центрального Черноземья уступают среднероссийским показателям, – наиболее развитая Белгородская – в 1,2 раза, а наименее благополучная Тамбовская – в 2,3 раза (рис. 1). Это означает, что регион отстаёт по уровню материального благосостояния от многих регионов РФ. Тем не менее, и внутрирайонные показатели различаются почти в 2 раза, значит, потенциал для экономического роста в регионе имеется, но по каким-то причинам не реализуется.

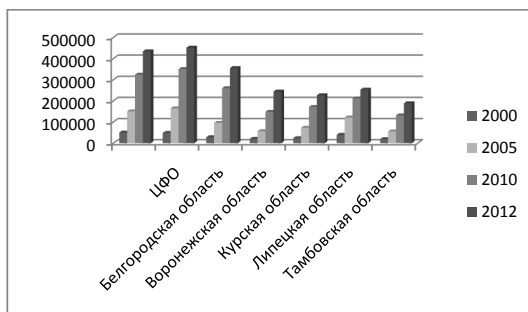

Рис. 1. Валовой внутренний продукт в рыночных ценах (на душу населения, руб.)

Занимая 1 % площади и 5 % населения России, регион производит 14 % продукции сельского хозяйства (в том числе 14,5 % продукции растениеводства и 13,4 % продукции животноводства). Оборóт розничной торговли составляет 4,5 %, обрабатывающие производства 4,6 %, производство и распределение электроэнергии, газа и воды – 3,9 %.

В целом по региону в структуре занятых преобладают работающие в торговле (19,4 %), и сельском хозяйстве (17,1 %), на обрабатывающих производствах (14,5 %) (рис. 2).

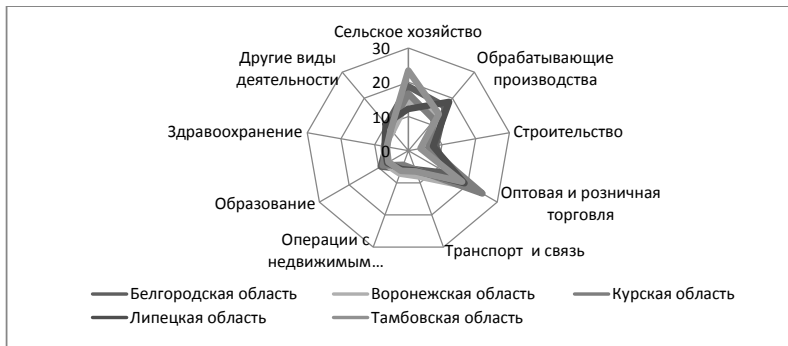

Рис. 2. Распределение среднегодовой численности занятых в экономике по видам экономической деятельности (в % от общей численности занятых)

Плодородные чернозёмные почвы и благоприятный агроклиматический потенциал оказывают существенное влияние на формирование экономического профиля территории. Благодаря их распространению формируется сельскохозяйственный кластер, в составе которого одинаково хорошо представлены отрасли растениеводства и животноводства. На этой базе функционирует пищевая промышленность региона. В настоящее время наиболее активную деятельность в Центральном Черноземье осуществляют агропромышленные холдинги (АПХ), почти все из которых вошли в число крупнейших компаний макрорегиона (табл. 1).

Таблица 1. Агропромышленные холдинги Центрального Черноземья³⁸

Компании	Оборот (млрд руб.)	Размещение сельскохозяйственного бизнеса в ЦЧЭР (области)
АПХ «Мираторг»	53,68	Белгородская
ЗАО «Приосколье»	45,00	Белгородская
ООО ГК «Русагро»	36,48	Тамбовская
ЗАО «Белая птица»	21,48	Белгородская
ООО «Белгранкорм-Холдинг»	19,13	Белгородская
ГК «Черкизово»	18,71	Курская, Воронежская, Липецкая, Тамбовская
ГК «Агро-Белогорье»	17,15	Белгородская
ГК «Продимекс»	12,74	Воронежская
ЗАО «Инжавинская птицефабрика»	6,25	Тамбовская
ООО «Центрально-Чернозёмная Агропромышленная компания»	4,70	Воронежская

Производя достаточно крупные объёмы сельскохозяйственного сырья, и перерабатывая его в полуфабрикаты и готовую продукцию, они вывели Центральное Черноземье на высокий уровень производства сельскохозяйственных товаров, по существу заменив и крупные коллективные хозяйства, и перерабатывающие предприятия, выстроив в единую технологическую цепочку весь цикл от «поля до прилавка». Принимая во внимание решение задачи насыщения продовольственного рынка сельскохозяйственной продукцией разной

³⁸ К числу крупных АПХ по разным причинам не вошедших в данный рейтинг, относят «Корнев Групп», Токаревская птицефабрика, ЗАО «Заречное», «ЭкоНиваАгро», ООО «Агроэко», «Агропромкомплектация-Курск» и др.

степени переработки, отметим и ту неоднозначную роль, которую играют агрохолдинги в Черноземье.

Теоретически деятельность агрохолдингов должна положительно сказываться на благосостоянии населения, улучшении среды обитания, приближать решение социальных и экологических проблем. Однако так бывает далеко не всегда. Как правило, интересы местного населения и бизнеса не совпадают. Квалификация, дисциплинированность и мотивация к труду сельских жителей, как правило, не оправдывают ожиданий работодателей. Поэтому экономическое и социальное благополучие местного населения от холдингов практически не зависит.

Кроме того, подсобные хозяйства местных жителей находятся под угрозой полного исчезновения по санитарно-гигиеническим соображениям. Крупный сельскохозяйственный бизнес вступает в практически непримиримые противоречия с фермерскими и личными подсобными хозяйствами. Крупные животноводческие фермы оказывают негативное состояние на среду обитания. Экологические последствия деятельности агрохолдингов до конца не исследованы. Однако уже сегодня отмечается загрязнение воздуха, воды и почвы.

Очевидно, процессам гармоничного вхождения агрохолдингов в сельские сообщества должны помочь государственные структуры, по возможности сбалансировав экономическую эффективность бизнеса с интересами и повышением благосостояния населения. Это может быть осуществлено при проведении комплексной, но очень гибкой политики, учитывающей особенности конкретного сельского сообщества с активным участием и заинтересованностью жителей.

К настоящему времени сложилось мнение, что проект индустриального производства в сельском хозяйстве успешно развивается. Заняв в своё время пустующую нишу, агрохолдинги за достаточно короткий срок насытили рынок сельскохозяйственной продукцией. Однако крупные товаропроизводители не должны монополизировать аграрный рынок Черноземья. В настоящее время ставится задача дополнить этот сегмент успешно работающими мелкими товарными производствами.

Аграрная специализация Центрального Черноземья сложилась исторически на базе плодородных чернозёмов и благоприятного агроклиматического потенциала. Это важнейший земледельческий регион России. Базовыми отраслями региона являются зерновое хозяйство, свекловодство и молочно-мясное скотоводство. В общероссийском разделении труда Центральное Черноземье выделяется достаточно высокой долей сельского хозяйства (14 %). В структуре сельскохозяйственного производства незначительно преобладает растениеводство (табл. 2).

Таблица 2. Структура продукции сельского хозяйства

Районы	Доля в продукции с/х:		Доля в продукции с/х:	
	растениеводства	животноводства	растениеводства	животноводства
	2002 г.		2014 г.	
РФ	52,9	47,1	51,5	48,5
ЦФО	53,7	46,3	51,6	48,4
Центральное Черноземье:	57,2	42,8	50,9	49,1
Белгородская	50,3	49,7	28,4	71,6
Воронежская	57,1	42,9	63,3	36,7
Курская	61,4	38,6	59,3	40,7
Липецкая	60,2	39,8	61,3	38,7
Тамбовская	60,4	39,6	57,0	43,0

Источник: [2, 3]

Обращает внимание изменение соотношения между отраслями сельского хозяйства в пользу животноводства на предприятиях Курской, Тамбовской и, особенно, Белгородской областей. Воронежская и Липецкая области увеличили долю растениеводческой продукции.

В растениеводстве Центрального Черноземья преобладают зерновое хозяйство, выращивание подсолнечника, картофеля и овощей. Зерно и подсолнечник производятся в сельскохозяйственных организациях, картофель и овощи – преимущественно в хозяйствах населения.

Отрасли животноводства за последнее десятилетие пережили структурную перестройку: в 2005 году выращивание скота и птицы делилось примерно поровну между сельскохозяйственными организациями и хозяйствами населения, то к 2015 году явное преимущество получили крупные товаропроизводители. Причиной такого перераспределения стала деятельность агрохолдингов, которые приняли меры для искоренения содержания скота в личных подсобных хозяйствах. В производстве молока незначительно преобладают сельскохозяйственные организации, но и доля хозяйств населения достаточно велика (особенно в Тамбовской области).

Продуктивность сельскохозяйственного производства абсолютно чётко коррелирует с уровнем социально-экономического развития территорий. Дифференциация объёмов производства сельскохозяйственной продукции на 1 га пашни показывает явное преобладание этого показателя в Белгородской области, где он составил 124 тысячи рублей. Причём в пределах одной области с достаточно однородными природными условиями и социально-экономическими факторами, показатели различаются в 4 раза, что свидетельствует о необходимости и возможности корректировки действий по налаживанию эффективного хозяйствования. Немаловажную роль в выравнивании объёмов сельскохозяйственного производства играет личность руководителя, стиль и методы руководства, его отношение к делу.

На втором месте по эффективности сельскохозяйственного производства находится Воронежская область, за ней следуют Липецкая, Курская и Тамбовская (рис. 3).

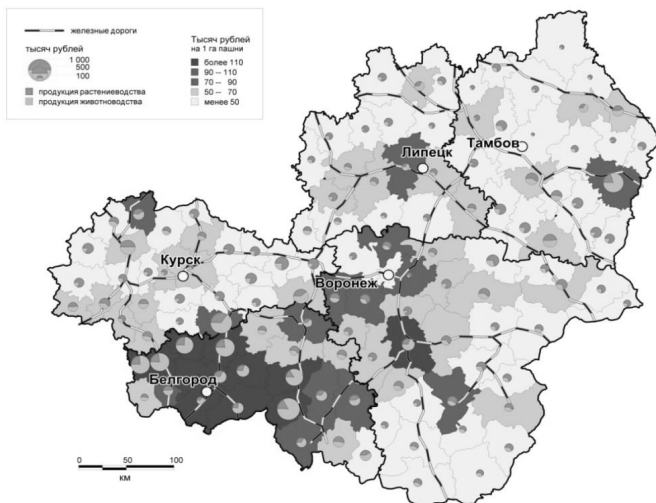

Рис. 3. Объём продукции сельского хозяйства в расчёте на 1 га пашни (2013 г.)

На картосхеме достаточно явно прослеживается роль городов. В связи с этим следует отметить статью Т.Г. Нефёдовой, в которой качестве одного из географических факторов дифференциации сельскохозяйственной деятельности рассматривается сеть городов: «Там, где выше плотность городов и где они крупнее, больше ареалы относительного благополучия общественного сельского хозяйства, лучше его средние показатели» [1]. В

Центральном Черноземье выявленная закономерность несколько нарушается, поскольку Курск и Тамбов, например, не оказывают столь же благоприятного воздействия на сельскохозяйственное производство, как Белгород и Липецк, чего нельзя сказать о Воронежских Лискахх и Тамбовском Кирсанове.

Всё это еще раз подтверждает тезис о том, что сельское хозяйство Центрального Черноземья находится в стадии становления. Старое, советское было безвозвратно утеряно, а новое, технологически продвинутое, использующее научный подход и готовящее профессионалов высокого уровня, пока ещё носит очаговый характер и размещается скорее по договорённости между сторонами, чем с учётом объективных факторов.

Основными проблемами современного сельского хозяйства Центрального Черноземья является сохранение баланса между производством качественной сельскохозяйственной продукции в объёмах, обеспечивающих товарное производство и ориентированной на импортозамещение, с обеспечением занятости и повышением благосостояния населения и чёткой проработанностью экологических последствий использования чернозёмов, состояния водных ресурсов и атмосферного воздуха. Другими словами, необходима реализация комплексного подхода, позволяющего получать прибыль не любой ценой, а с учётом интересов населения и территории присутствия.

Растениеводство – основная отрасль сельского хозяйства Центрального Черноземья. Лидером по урожайности зерновых культур является Белгородская область. В 2014 году она составила почти 50 ц/га. Если рассматривать урожайность зерновых как один из критериев уровня хозяйствования на селе, то окажется, что территориальные различия весьма существенны. Зона риска охватывает юг Воронежской области, а также небольшие ареалы в Тамбовской, Курской и Белгородской областях. Наиболее однородной в этой сфере оказалась Липецкая область, находясь в «золотой середине» без существенных перепадов этого показателя (рис. 4).

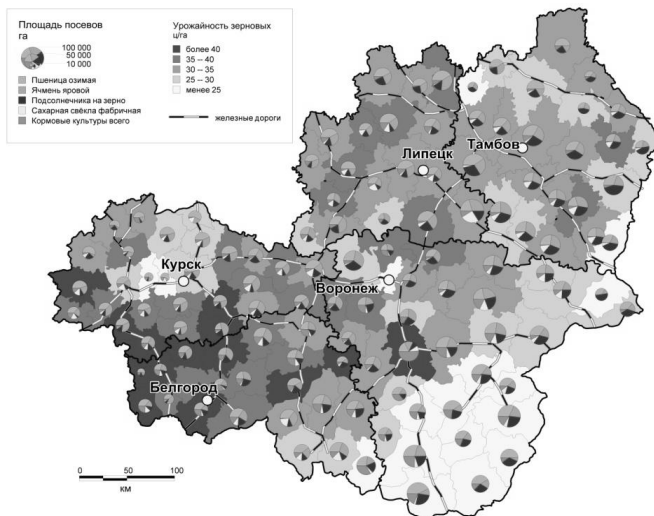

Рис. 4. Урожайность зерновых культур и площадь посевов (2013 г.)

Главной проблемой растениеводческой отрасли является сохранение основного средства производства – уникальных земельных ресурсов. К сожалению, и количество и качество их существенно ухудшилось в результате привычного хозяйствования. Современные технологии (например, точное земледелие) позволяют поддерживать почвенное плодородие, но распространение этих «умных» технологий сдерживается финансовыми трудностями.

По урожайности сахарной свёклы (табл. 3) Центральное Черноземье уступает многим регионам, но Белгородская область – рекордсмен по урожайности подсолнечника. Высокие урожаи овощей и картофеля – в Воронежской и Тамбовской областях.

Таблица 3. Урожайность сельскохозяйственных культур Центрального Черноземья³⁹ (2013)

Область	Урожайность (ц/га):				
	зерновых	сахарной свёклы	подсолнечника	картофеля	овощей
РФ	22,0	442	15,5	145	214
ЦФО	30,4	445	21,8	152	197
Белгородская	38	414	27	84	108
Воронежская	27	439	23	180	208
Курская	36	404	23	148	174
Липецкая	34	459	21	145	160
Тамбовская	31	505	19	168	195
ЦЧР	33,2	444,2	22,6	145	169

Источник: [3].

Животноводство представлено в Черноземье разведением крупного рогатого скота, свиноводством и птицеводством. Локализация выращивания крупного рогатого скота приурочена к треугольнику, создаваемому тремя областными центрами – Белгородом, Воронежем и Курском. Это ареал с высокой концентрацией поголовья КРС (рис. 5).

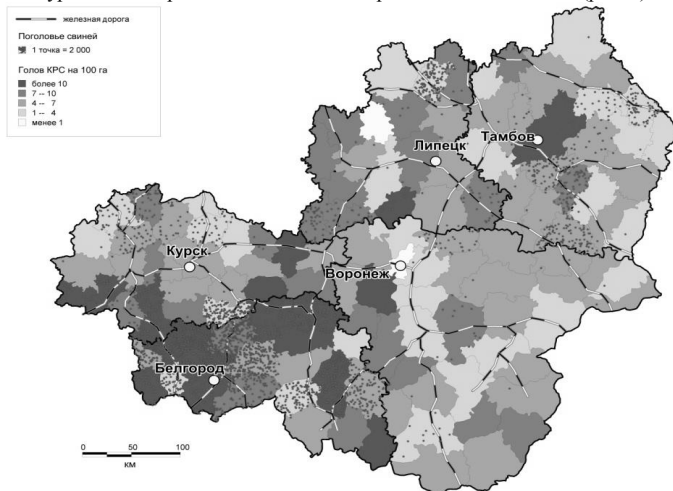

Рис. 5. Поголовье крупного рогатого скота и свиней (2013 г.)

Развитие свиноводства и регионы его наиболее высокой концентрации «выдают» деятельность агрохолдингов. Обращает внимание неравномерность распределения поголовья по территории и это достаточно новая тенденция, поскольку до внедрения промышленного свиноводства эта отрасль отличалась довольно равномерной локализацией. Картограмма подтверждает нежелательность и невозможность мирного сосуществования общественного и частного животноводства.

³⁹ Для сравнения: более высокая урожайность: зерновых – в Кабардино-Балкарии (52) и Краснодарском крае (51); сахарной свёклы – в Ставропольском крае (603), Тульской области (519) и Краснодарском крае (518); подсолнечника – в Белгородской обл.; овощей – в Дагестане, Астраханской и Волгоградской обл.

Наблюдающаяся сверхконцентрация животноводческих ферм направлена на достижение единственно очевидного результата – получение прибыли. К сожалению, это ещё одна капля в сосуд, из которого произрастает социальное неблагополучие сельских жителей. Решение проблемы видится в насыщении Черноземья фермами разных форм собственности, мощности и специализации. Регион выиграет от внедрения мелких и средних товаропроизводителей, которые будут дополнять ассортимент продукции, взаимодействовать в решении социальных задач, повышать мотивацию и заинтересованность местных жителей в результатах своего труда.

На волне импортозамещения, провозглашённого одним из государственных приоритетов, регион может реализовать потенциал сельскохозяйственного производства и переработки его продукции для насыщения национального рынка качественными и экологически чистыми товарами, при этом получив в качестве бонуса импульс для хозяйственного развития сельского сообщества.

В рамках программы импортозамещения в Белгородской области предусмотрено закладка теплиц для выращивания овощей на площади 300 га, цветов – не менее 50 га, плодов – не менее 5000 га. Это пример увеличения собственно посевных площадей под культуры, которые ранее не выращивались в общественном секторе или выращивались в ограниченных объёмах. Импортозамещение открывает широкие возможности для увеличения глубины переработки сельскохозяйственного сырья, что увеличивает его стоимость многократно. Повышается мотивация для налаживания производства комплектующих изделий для сельскохозяйственных машин и технологического оборудования для пищевой промышленности. Открываются новые перспективы для селекционеров, которые помогут снизить зависимость сельского хозяйства от ввозимых семян.

Приоритетами развития Чернозёмного Центра провозглашаются не только экономическое, но и экологическое благополучие крупнейшего сельскохозяйственного региона. Экологическая тема неоднократно меняла свой «профиль» в Черноземье, начиная со времён аграрной перенаселённости, когда для обеспечения продовольствием люди вынуждены были вырубать леса, распахивать луга. Чрезмерная распахка лугов подрывала кормовую базу для животноводства, увеличивала антропогенную нагрузку на природный ландшафт, провоцировала развитие эрозионных процессов. Сочетание природных и социально-экономических факторов, способствующих росту эрозионного расчленения, привело к повсеместному распространению оврагов. Эта проблема закрепились за Черноземьем настолько весомо, что в 1970 году в Курске был создан и до сих пор функционирует Всероссийский научно-исследовательский институт земледелия и защиты почв от эрозии.

Ещё одно научное учреждение «экологического» профиля создано в Каменной Степи – научно-исследовательский институт сельского хозяйства Центрально-Чернозёмной полосы им. В.В. Докучаева. На территории с высоким эрозионным расчленением, подверженной засухам, был проведён эксперимент по возможности управления ландшафтом с помощью защитного лесоразведения и облесения оврагов для борьбы с засухой. Была создана модель экологически и энергетически рациональной системы земледелия, которая может быть с успехом использована на аналогичных территориях.

В результате активной и долговременной сельскохозяйственной деятельности кардинально изменился физико-химический и механический состав чернозёмов. Почвоведы отмечают повсеместное уменьшение содержания гумуса (на 30-50 %), что приводит к снижению почвенного плодородия. Вместе с тем, чернозём рассматривается как важнейший потребитель энергетических ресурсов, поскольку получение высоких урожаев зерна выносит из степных экосистем азот и углерод, а для производства тонны азотных удобрений расходуется полтонны нефти.

Заключение. Территориальная организация сельскохозяйственного производства в Центральном Черноземье сложилась под воздействием комплекса факторов, многие из

которых изменили направленность своего воздействия на развитие сельского хозяйства и размещение сельского населения. Безвозвратно ушли в прошлое времена, когда благоприятный природно-климатический потенциал обеспечивал безбедное существование проживавшего на черноземах населения, что привлекало на эти земли огромное количество мигрантов и привело в конечном итоге к высокой плотности и аграрной перенаселённости региона.

В настоящее время Центральное Черноземье представляет собой достаточно однородную территорию. Развитие сельскохозяйственного производства характеризуется относительной стабильностью. За последние десятилетия изменилось действие факторов, влияющих на размещение сельского хозяйства. Переход отрасли на новую технологическую платформу привёл к существенному росту масштабов производства продукции сельского хозяйства. В растениеводстве внедряются практики точного земледелия, позволяющие оптимизировать внесение минеральных удобрений и существенно повышать продуктивность производства растениеводческой продукции. На высокий результат работают селекционеры, обеспечивающие получение больших урожаев при снижении трудоёмкости производства сельскохозяйственных культур.

Современные животноводческие комплексы максимально снизили зависимость от природно-климатических условий региона размещения. Изменилась кормовая база. Автоматизация производственного процесса привела к сокращению занятости на фермах при существенном увеличении поголовья скота и птицы. Агрохолдинги успешно заняли пустовавшую долгое время нишу и удачно «вписались» в схему агропромышленного комплексобразования, обеспечив доступными продуктами животноводства население страны.

Вместе с тем, роль основной производительной силы сельскохозяйственного производства, а также управленческий потенциал региона продолжает оказывать существенное влияние на территориальную организацию агропромышленного комплекса. В Центральном Черноземье выделяются ареалы с наиболее эффективным развитием отрасли, среди которых особенно высокими показателями характеризуется Белгородская область.

Несмотря на последовательное решение возникающих перед сельским хозяйством Центрального Черноземья проблем, не стоит упускать одну из важнейших – экологическую.

Литература

1. *Нефедова Т.Г.* Географические вариации сельского хозяйства и их возможные изменения // Отечественные записки. – 2004. № 1 (16).
2. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. – М., 2002.
3. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Актуальность исследования

В развитых зарубежных странах рост внимания к проблеме разработки систем социально-экономических показателей и индикаторов для мониторинга качества жизни населения был отмечен уже в 1970-е гг. Появились системы индикаторов, обновляемые на регулярной основе, в которых приводятся результаты статистического анализа зависимостей между разными социально-экономическими индикаторами. Примером могут служить издания сборника *World Handbook of Political and Social Indicators*, вышедшие в 1974, 1978 и 1982 гг. В 1990 г. был дан старт проекту NordStat, объединяющему пять стран Северной Европы. При отборе показателей в базу NordStat все индикаторы были разделены на три группы по степени их адекватности для межстрановых сопоставлений [1]:

1) простые индикаторы, легко рассчитываемые и напрямую сопоставимые между территориями разных стран (численность населения; количество объектов, завершенных/незавершенных строительстве; количество больниц, мест в медицинских и образовательных учреждениях и др.) – индикаторы класса А;

2) индикаторы, которые могут представляться относительно легко сопоставимыми, но, тем не менее, требуют предварительного анализа методики расчета и последующей ее корректировки во избежание неадекватных сопоставлений (статистика по безработице, качеству окружающей среды и т. д.) – индикаторы класса В;

3) не сопоставимые напрямую индикаторы, рассчитываемые по строго специфичной методике в каждой стране и в связи с этим требующие обстоятельного анализа для проведения интерпретации сравнительного анализа значений этих показателей в разных странах (индикаторы бедности, выплаты социальных пособий, характеристики доходов населения и др.) – индикаторы класса С.

Простой из вариантов теоретической классификации регионов ЕС включает три группы, основанные на моделях конкурентоспособности:

1) отстающие регионы, характеризующиеся высокой долей занятости в отраслях с низкой добавленной стоимостью и низкой производительностью труда (сельское хозяйство, многие отрасли промышленности);

2) регионы с высокой долей занятости в промышленности, которые могут быть как благополучными, так и неблагополучными в зависимости от состояния доминирующих отраслей;

3) регионы с высокой долей занятости в сфере услуг, которые также могут существенно различаться между собой по уровню развития: среди них могут быть как крупнейшие мегаполисы, так и регионы с относительно невысоким уровнем развития, но со специализацией, например, на туризме [2].

Другой вариант региональной классификации, рассмотренный известным экспертом Д. Сэпиком, является проблемно-ориентированным, учитывает географические факторы и в большей степени приближен к практическим задачам. В его рамках выделяется восемь типов регионов: растущие мегаполисы, расположенные в наиболее развитой сердцевинной зоне ЕС («BlueBanana»); динамичные городские регионы вне основной зоны экономического развития Европы; сельские регионы, расположенные в близости от крупных городов и интегрированные в глобальную экономику; сельские регионы с транзитным положением; изолированные сельские регионы; депрессивные регионы, характеризующиеся упадком основных отраслей; регионы с неблагоприятным географическим положением; регионы в состоянии экономического перехода [3-4].

Для анализа социально-демографического развития регионов и проведения типологии регионов Республики Казахстан по уровню качества жизни населения были обработаны статистические данные по 164 показателям различных сфер жизни: 109 – социального направления (доходы населения, занятость и безработица, здоровье и питание населения,

образование, жилищные условия, преступность), 43 – демографического, 8 – экономического и 4 – экологического направления по 14 областям и городам Алматы и Астана за 1999, 2009 и 2014 годы [5-6].

Методика исследования

На основе собранных статистических данных были проанализированы социально-экономическое и демографическое развитие регионов Казахстана и рассчитаны интегральные индексы социально-демографического развития регионов (ИСДРР).

Интегральные индексы рассчитаны по следующему стандартизированным социально-экономическим показателям развития административно-территориальных единиц:

1. соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума (в процентах);
2. уровень экономической активности населения;
3. уровень безработицы;
4. естественный прирост населения;
5. ожидаемая продолжительность жизни;
6. обеспеченность населения врачами на 10 000 населения;
7. обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями на 10 000 населения;
8. совокупная доля охвата образованием населения в возрасте 6-24 лет;
9. обеспеченность населения жильем - площадь жилищ, приходящаяся в среднем на одного жителя (кв. метров);
10. уровень преступности на 10 000 населения.

Расчеты индексов осуществлялись нами с применением методики ранжирования. Методика ранжирования представляет собой способ агрегирования (сверки) ряда частных показателей (критериев) в более общий показатель, характеризующий относительные позиции страны (региона) по данному показателю. Особенностью ранжирования является стандартизация выбранных показателей, суть которого состоит в приведении показателей, имеющих разные единицы измерения (в процентах, денежных и др. единицах) к безмерным величинам, как правило, в интервале от 0 до 1 (где 0 будет соответствовать наихудшему результату среди регионов, а 1 - соответственно наилучшему). Расчет рейтингов осуществлялся путем преобразования показателей по формулам 1 или 2:

$$I'_j = \frac{X_j^i - X_{\min i}}{X_{\max i} - X_{\min i}} \quad (1) \quad I'_i = 1 - \frac{X_i^i - X_{\min i}}{X_{\max i} - X_{\min i}} \quad (2)$$

Где x_j^i - i-тый показатель j-того региона,

$x_{\min i}$ - минимальное значение i-того показателя среди всех j-тых регионов,

$x_{\max i}$ - максимальное значение i-того показателя среди всех j-тых регионов.

Преобразование по формуле (1) осуществляется, если большие значения соответствуют лучшему результату и по формуле (2) осуществляется, если меньшие значения соответствуют лучшему результату [3-4].

Значение интегрального коэффициента может быть получено при помощи средней арифметической простой из частных коэффициентов. Значения интегрального индекса будут принадлежать области [0;1]. I=1 может быть достигнуто только в том случае, если j-тый регион обладает наилучшими значениями по всем частным показателям.

Индексы социально-демографического развития регионов (ИСДРР) были рассчитаны с применением вышеуказанной методики в динамике за 1999, 2009, 2014 годы по 14 областям и 2 городам республиканского значения Республики Казахстан. Приоритеты выбирались с учетом наиболее важных индикаторов социально-демографического развития: доходы и их дифференциация, безработица, сокращение продолжительности жизни, сравнительно высокий уровень преступности. Согласно предложенной методике

интегральный индекс рассчитывается как среднеарифметическое частных индексов при предварительном усреднении индексов уровня экономической активности и уровня безработицы населения; обеспеченность населения врачами и амбулаторно-поликлиническими учреждениями:

$$\text{ИСДРР} = \frac{A + \frac{B+C}{2} + D + E + \frac{F+G}{2} + H + J + K}{8} \quad (3)$$

где:

A – индекс соотношения среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму;

B – индекс уровня экономической активности населения;

C – индекс уровня безработицы;

D – индекс естественного прироста населения;

E – индекс ожидаемой продолжительности жизни;

F – индекс обеспеченности населения врачами на 10 000 населения;

G – индекс обеспеченности населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями на 10 000 населения;

H – совокупная доля охвата образованием населения в возрасте 6-24 лет;

J – индекс обеспеченности населения жильем;

K – индекс уровня преступности на 10 000 населения.

Рассчитанные индексы 10 социально-экономических и демографических показателей по 14 областям и 2 городам республиканского значения Республики Казахстан, необходимы для определения интегрального индекса социально-демографического развития регионов (ИСДРР) (рисунок 1). Для расчета частных индексов социально-демографического развития исследуемых регионов за анализируемый период был применен метод линейного масштабирования [5-6].

Анализ социально-демографического развития регионов Казахстана

Следует отметить, что в целом все показатели, используемые для расчета индекса социально-демографического развития регионов за исследуемый период, имеют положительную динамику, кроме показателей уровня преступности.

По индексу соотношения среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму в 1999 и 2009 гг. самые высокие показатели были в Атырауской, Мангистауской областях, г. Алматы и Астана. К 2014 году Мангистауская область по данному индексу уже не вошел в категорию лидеров, в которой также остались вышеотмеченные регионы. По рассматриваемому индексу наиболее низкие показатели имели в 1999 г. – Алматинская, Южно-Казахстанская и Жамбылская области; в 2009 г. – Алматинская и Южно-Казахстанская области; в 2014 г. – Южно-Казахстанская и Жамбылская области.

Индекс уровня экономической активности населения по регионам Республики Казахстан за рассматриваемый период не показал существенных региональных отличий, вместе с тем, отмечается умеренный рост показателя по всем регионам.

По индексу уровня безработицы в 1999 году отличаются высокими значениями Западно-Казахстанская и Восточно-Казахстанская области, остальные регионы имеют близкие друг к другу значения. Необходимо учесть, что высокие индексы уровня безработицы показывают низкие значения рассматриваемого показателя, а наоборот наиболее низкие индексы будут означать увеличение уровня безработицы. В 2009 и 2014 гг. по этому индексу не наблюдались значительные различия между регионами.

Анализ индексов естественного прироста населения регионов республики за 1999, 2009, 2014 гг. показал стабильный рост по всем регионам Казахстана. В Южно-Казахстанской, Кызылординской и Мангистауской областях в 1999 году наблюдались наиболее высокие показатели, а в Восточно-Казахстанской, Северо-Казахстанской, Карагандинской и Павлодарской областях – самые низкие. По данным 2009 г. лидерами по

индексу естественного прироста оставались Южно-Казахстанская и Мангистауская области. Число регионов с низкими показателями уменьшилось и включало только Костанайскую и Северо-Казахстанскую области. К 2014 году помимо Южно-Казахстанской и Мангистауской областей высокий показатель отмечен в г. Астана. В 2014 г. Костанайская и Северо-Казахстанская области также как и в 2009 г. показали наименьшие значения среди всех регионов республики.

По индексу ожидаемой продолжительности жизни лидерами за 1999, 2009, 2014 гг. были города Астана и Алматы, только в 1999 г. в эту группу входила Южно-Казахстанская область. В 1999 г. наиболее низкие значения по рассматриваемому показателю отмечены в Атырауской и Карагандинской областях, в 2009 г. в Акмолинской и Карагандинской областях, в 2014 г. Акмолинской и Северо-Казахстанской областях.

Проанализировав значения индекса обеспеченности населения врачами на 10 000 населения следует отметить, что за весь исследуемый период наиболее высокие показатели сохраняются в городах Алматы и Астана, а самые низкие значения индекса были отмечены в 1999 году – в Алматинской и Северо-Казахстанской областях, в 2009 и 2014 гг. – только в Алматинской области.

По индексу обеспеченности населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями на 10 000 населения в 1999 г. лидерами являлись Акмолинская, Карагандинская области и г. Алматы, в 2009 г. – Акмолинская, Карагандинская и Павлодарская области, в 2014 г. – Акмолинская, Западно-Казахстанская и Северо-Казахстанская области. Напротив наименьшие индексы отмечены в 1999 г. в Атырауской и Южно-Казахстанской областях, в 2009 и 2014 гг. только в Южно-Казахстанской области.

В 1999 г. город Алматы как и в 2009, 2014 гг. характеризуется высокими значениями индекса совокупной доли охвата образованием населения в возрасте 6-24 лет, также в 2009 г. к этой группе можно отнести г. Астана, в котором за 1999 г. были отмечены низкие индексы. Низкие значения рассматриваемого показателя в 2009 г. были в Алматинской и Северо-Казахстанской областях. В 2014 г. г. Астана не вошел в категорию лидеров, в которую, кроме г. Алматы, также входила Западно-Казахстанская область. Низкий показатель в 2014 г. был отмечен только в Алматинской области.

Обработав результаты индекса обеспеченности населения жильем за 1999 г., необходимо отметить, что наиболее высокие показатели наблюдаются в Карагандинской и Павлодарской областях, самые низкие – в Кызылординской и Южно-Казахстанской областях. В 2009 г. высокие значения индекса сохранились в Карагандинской и Павлодарской области, также в г. Астана отмечен существенный скачок относительно 1999 г., в остальных регионах значения рассматриваемого показателя не имели значительных различий. В 2014 г. только в городах Алматы и Астана отмечены наиболее высокие значения индекса обеспеченности населения жильем, а самый низкий индекс – в Жамбылской области.

По индексу уровня преступности на 10 000 населения за исследуемый период самые высокие значения отмечены в Южно-Казахстанской. В 2014 г. высокий индекс рассматриваемого показателя был характерен также для Мангистауской области. Следует отметить, что высокие индексы уровня преступности соответствуют низкому уровню преступности и наоборот, наиболее низкие индексы будут означать увеличение уровня преступности. В 1999 и 2014 гг. показатели в городах Алматы и Астана были наиболее низкими. В 2009 г. низкие индексы, т.е. высокие показатели уровня преступности были отмечены в Павлодарской и Восточно-Казахстанской областях.

В целом по индексу социально-демографического развития регионов лидирующие позиции занимают Атырауская, Мангистауская области и города Астана и Алматы. Наименьшие показатели отмечены в Костанайской, Северо-Казахстанской, Восточно-Казахстанской областях (рис. 1).

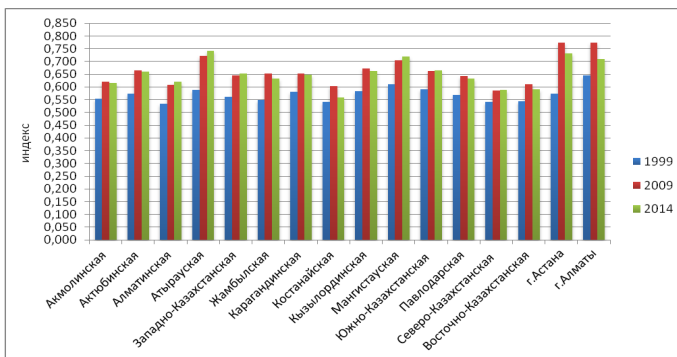

Рисунок 1. Индексы социально-демографического развития регионов Республики Казахстан за 1999, 2009, 2014 гг.

Типология регионов Республики Казахстан по социально-демографическим показателям

Типология регионов Республики Казахстан по социально-демографическим показателям основана на рассчитанных авторами интегральных индексах социально-демографического развития регионов (ИСДРР). Интегральные индексы были рассчитаны по 10 стандартизированным показателям социально-экономического и демографического развития административно-территориальных единиц [7-8].

Анализ результатов расчета интегральных индексов социально-демографического развития регионов Казахстана позволил выделить три группы регионов по уровню социально-демографического развития.

- 1) выше среднего (0,700-0,799);
- 2) средний (0,600-0,699);
- 3) ниже среднего (0,500-0,599).

В настоящем научном исследовании проведена типология по расчетным данным ИСДРР всех регионов Казахстана за 1999, 2009 и 2014 гг.

Как видно из таблицы 1, по данным 1999 года в Республике Казахстан не выявлены регионы с уровнем индекса социально-демографического развития выше среднего уровня. В группу ниже среднего уровня в 1999 г. вошли почти все области, кроме Мангистауской области и г. Алматы, которые были отнесены к группе со средним уровнем индекса социально-демографического развития регионов (табл. 1)

В 2009 году наблюдались положительные сдвиги уровня социально-демографического развития в регионах. Так, в группу регионов с уровнем индекса социально-демографического развития выше среднего уже входили 4 региона: города Астана и Алматы, Атырауская и Мангистауская области. Следует отметить, что за период 1999-2009 гг. Атырауская область и г. Астана превысили средний уровень и вошли в группу регионов с индексом социально-демографического развития выше среднего. Северо-Казахстанская область осталась в группе с уровнем индекса социально-демографического развития ниже среднего.

По данным 2014 года в группу регионов с уровнем индекса социально-демографического развития выше среднего остались Атырауская, Мангистауская области и города Астана и Алматы. Наибольшее количество регионов (9 областей) вошли в группу со средним уровнем социально-демографического развития. В 2014 году в группу регионов с индексами социально-демографического развития ниже среднего помимо Северо-Казахстанской области вошли Костанайская и Восточно-Казахстанская области.

Таблица 1. Типология регионов Республики Казахстан по уровню ИСДРР за 1999-2014 гг.

Тип региона	1999 г.	2009 г.	2014 г.
	Регион		
Ниже среднего (0,500-0,599)	Акмолинская, Актюбинская, Алматинская, Атырауская, Западно-Казахстанская, Жамбылская, Карагандинская, Костанайская, Кызылординская, Южно-Казахстанская, Павлодарская, Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская, г.Астана,	Северо-Казахстанская	Костанайская, Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская
Средний (0,600-0,699);	Мангистауская, г.Алматы	Акмолинская, Актюбинская, Алматинская, Западно-Казахстанская, Жамбылская, Карагандинская, Костанайская, Кызылординская, Южно-Казахстанская, Павлодарская, Восточно-Казахстанская	Акмолинская, Актюбинская, Алматинская, Западно-Казахстанская, Жамбылская, Карагандинская, Кызылординская, Южно-Казахстанская, Павлодарская
Выше среднего (0,700-0,799);		Атырауская, Мангистауская, г.Астана, г.Алматы	Атырауская, Мангистауская, г.Астана, г.Алматы

Анализ региональных особенностей социально-демографического развития выявил, что уровень ИСДРР в 2014 г. наиболее высок в Атырауской (0,741), Мангистауской областях (0,719), городах Алматы (0,709) и Астана (0,731). Так, эти регионы можно отнести к регионам-лидерам. Низкие показатели ИСДРР наблюдались в Костанайской (0,559), Северо-Казахстанской (0,589) и Восточно-Казахстанской (0,592) областях. Соответственно, эти регионы по нашей типологии стали регионами-аутсайдерами по многим показателям социально-демографического развития.

Исходя из данных расчета интегральных индексов и проведенной типологии можно выделить относительные регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры по основным показателям социально-демографического развития Республики Казахстан (таблица 2).

Рассматривая региональные различия по каждому из 10 показателей социально-демографического развития, следует отметить, что в 2014 г. регионы с уровнем интегральных индексов социально-демографического развития выше среднего по некоторым индикаторам оказались в аутсайдерах. Так, гг. Астана и Алматы по уровню преступности находятся в аутсайдерах. Вместе с тем г. Алматы в аутсайдерах по уровню экономической активности населения и уровню безработицы, что во многом объясняется большими миграционными потоками, направленными в эти города.

Таблица 2. Положение регионов-лидеров и регионов-аутсайдеров Республики Казахстан по данным 2014 года

№	Основные показатели социально-демографического развития регионов	Регионы-лидеры	Регионы-аутсайдеры
1	соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума (в процентах)	Атырауская, г.Астана, г.Алматы	Алматинская, Жамбылская, Южно-Казахстанская
2	уровень экономической активности населения	Акмолинская, Алматинская, Атырауская	Карагандинская, Восточно-Казахстанская, г.Алматы
3	уровень безработицы	Алматинская	Южно-Казахстанская, г.Алматы
4	естественный прирост населения	Мангистауская, Южно-Казахстанская, г.Астана	Костанайская, Северо-Казахстанская, Восточно-Казахстанская
5	ожидаемая продолжительность жизни	г.Астана, г.Алматы	Акмолинская, Северо-Казахстанская
6	обеспеченность населения врачами на 10 000 населения	г.Астана, г.Алматы	Алматинская, Костанайская
7	обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями на 10 000 населения	Акмолинская, Западно-Казахстанская, Северо-Казахстанская	Южно-Казахстанская
8	совокупная доля охвата образованием населения в возрасте 6-24 лет	Западно-Казахстанская, г.Алматы	Алматинская
9	обеспеченность населения жильем - площадь жилищ, приходящаяся в среднем на одного жителя (кв. метров)	г.Астана, г.Алматы	Алматинская, Жамбылская
10	уровень преступности на 10 000 населения	Алматинская, Кызылординская, Мангистауская, Южно-Казахстанская	г.Астана, г.Алматы

Также Северо-Казахстанская область по уровню обеспеченности населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями относится к регионам-лидерам, хотя интегральный индекс социально-демографического развития по области был ниже среднего.

Используя данные таблицы 2 по каждому из 10 показателей отдельно можно выделить регионы, где необходимо осуществлять региональную социально-демографическую политику.

Одним из составляющих исследования показателей качества жизни населения регионов Республики Казахстан является анализ темпов прироста по 10 показателям за период 1999-2014 гг. (таблица 3)

Анализ темпов роста по всем 10 показателям социально-демографического развития в разрезе регионов республики выявил, что в целом по многим регионам отмечается положительная динамика. Следует обратить внимание, что такие показатели как уровень безработицы и уровень преступности имеют обратную зависимость от общей направленности развития регионов, т.е. их рост приводит к снижению уровня социально-

демографического развития и наоборот их снижение свидетельствует о положительной динамике, т.е. наблюдается рост этих показателей.

Таблица 3. Факторная оценка социально-демографического развития регионов Республики Казахстан за 2014 г. в % к 1999 г.

Регионы	соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума (в процентах)	уровень экономической активности населения	уровень безработицы	естественный прирост населения	ожидаемая продолжительность жизни	обеспеченность населения врачами на 10 000 населения	обеспеченность населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями на 10 000 населения	совокупная доля охвата образованием населения в возрасте 6-24 лет	обеспеченность населения жильем - площадь жилищ, приходящаяся в среднем на одного жителя (кв. метров)	уровень преступности на 10 000 населения
Акмолинская	212	119	33	2094	106	113	79	107	121	234
Актюбинская	187	106	36	339	109	125	98	97	131	269
Алматинская	254	125	34	326	106	108	80	93	120	211
Атырауская	250	113	32	237	111	102	88	99	136	215
Западно-Казахстанская	216	106	63	663	108	95	93	114	122	198
Жамбылская	209	117	34	259	105	108	88	116	108	228
Карагандинская	203	102	35	2093	108	108	63	112	112	157
Костанайская	164	119	31	663	107	107	66	104	113	258
Кызылординская	218	107	31	149	108	97	87	103	142	228
Мангистауская	169	104	39	225	111	81	62	97	138	124
Южно-Казахстанская	202	104	38	153	105	129	53	107	150	266
Павлодарская	193	108	37	1406	108	116	79	105	112	159
Северо-Казахстанская	189	113	34	247	105	130	87	105	116	200
Восточно-Казахстанская	149	104	58	617	107	117	79	107	120	220
г.Астана	172	108	40	1082	110	126	64	128	186	296
г.Алматы	199	93	39	1100	108	105	56	112	151	295

За 1999-2014 гг. по всем регионам республики выявлены увеличение темпов роста по следующим показателям: уровню соотношения среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума, уровню безработицы, коэффициенту естественного прироста, ожидаемой продолжительности жизни, обеспеченности населения жильем.

По уровню экономической активности населения снижение темпа отмечено только в г. Алматы. По показателю обеспеченности населения врачами наблюдалось снижение в таких регионах, как Западно-Казахстанская, Кызылординская, Мангистауская области, тогда как в остальных регионах отмечено повышение темпов роста.

Примечательно, что во всех регионах Казахстана показатели обеспеченности населения амбулаторно-поликлиническими учреждениями сократились, что связано с приростом численности населения за исследуемый период. Таким образом, в последние годы по всей республике наблюдается нехватка амбулаторно-поликлинических учреждений. По совокупной доле охвата образованием населения в возрасте 6-24 лет во многих регионах Казахстана, кроме

Актюбинской, Алматинской, Атырауской и Мангистауской областей, выявлен рост рассматриваемого показателя. Хотя вышеуказанные области имели незначительные снижения в пределах 1-7% от показателей за 1999 год.

Заключение

При расчете интегрального индекса и проведения типологии регионов по уровню качества жизни населения учтены территориальные географические особенности. Все социально-демографические и экономические показатели были стандартизированы, что позволило избежать искажения результатов из-за значительной разницы между единицами измерения показателей. Расчет интегральных индексов был произведен по ключевым демографическим, социальным, и демографическим индикаторам. Сформированная система показателей социально-демографического развития регионов республики на период с 1999 по 2014 годы считается ключевой, поскольку обязательным условием критериев отбора данных является их полнота и наличие по всем регионам за исследуемый период.

Проведенная типология регионов по уровню качества жизни населения Республики Казахстан может предварительно рассматриваться как основа последующих исследований для мониторинга и управления устойчивым развитием региональной социально-демографической политики.

Литература

1. <http://www.icpsr.umich.edu/> - World Handbook of Political and Social Indicators, 1982
2. *Сеник Д.* Индикаторы конкурентоспособности регионов: европейский подход // Регион: экономика и социология. – 2005. – № 2. – С. 197-205.
3. *Баева О.Н.* Индекс человеческого развития: методики определения и оценки на уровне региона. /Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. - № 5. – С. 143-147.
4. *Озерова О.Ю.* Интегральный индекс качества жизни населения региона. /Вопросы территориального развития, выпуск 1 (21), 2015. – С. 1-10.
5. Материалы Комитета по статистике Министерства Национальной экономики Республики Казахстан за 1991-2014 гг.
6. Официальный сайт Комитета по Статистике Республики Казахстан <http://www.stat.gov.kz/>
7. *Глушакова О.В.* Типологизация регионов в контексте их социального и экономического развития // Сибирская финансовая школа. - № 6, 2009. – С. 13-16.
8. *Чумаков Р.С.* Типология регионов по критерию качества жизни // Актуальные вопросы экономических наук. № 8-1, 2009. – С. 152-157.
9. Концепция перехода Республики Казахстан к устойчивому развитию на 2007-2024 годы. Указ Президента Республики Казахстан от 15 ноября 2006 года №216.

Терещенко Т.А., Искалиев Д.Ж., Мурзатаева М.М.

ОЦЕНКА УРОВНЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ КАЗАХСТАНА

Важнейшим инструментом экономико-географической оценки развития регионов является методика многопризнаковой классификации. Эта методика, основана на вычислении частных индексов по отдельным показателям и позволяет сравнивать между собой ВВП на душу населения, долю городского населения, коэффициент рождаемости и другие показатели. Кроме того, с помощью данной методики можно выявить динамику комплексного уровня развития регионов за определенный промежуток времени и выяснить происходящие изменения.

Оценка уровня социально-экономического развития регионов Казахстана. Для проведения комплексной оценки уровня социально-экономического развития регионов Казахстана, нами было использовано 15 показателей (табл. 1).

Таблица 1. Основные показатели многопризнаковой классификации

№	Индикаторы	Система расчета
1	Валовой региональный продукт	по ППС на душу нас. (тыс. тенге)
2	Объем инвестиций в основной капитал	на душу нас. (млн. тенге)
3	Объем внешнеторгового оборота	на душу нас. (долл. США)
4	Финансовая обеспеченность региона	по ППС на душу нас. (долл. США)
5	Доля среднесписочной численности работников, занятых на малых предприятиях	в %
6	Уровень зарегистрированной безработицы	в % к ЭАН
7	Соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума	в %
8	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения	в %
9	Суммарный оборот розничной торговли, общественного питания и платных услуг	в расчете (с учетом ППС) на душу нас.
10	Основные фонды отраслей экономики	(по остаточной балансовой стоимости в среднегодовом исчислении полной балансовой стоимости) на д.н.
11	Коэффициент плотности автомобильных дорог	коэффициент Энгеля
12	Сводный показатель уровня развития отраслей социальной инфраструктуры, рассчитываемый на основе четырех первичных индикаторов.	
	- Обеспеченность дошкольными образовательными учреждениями	Количество мест на 1000 детей дошкольного возраста
	- Выпуск студентов высшими учебными заведениями	чел. на 10000 чел.
	- Обеспеченность населения больничными койками	на 10000 чел.
	- Обеспеченность врачами и средним медицинским персоналом	чел. на 10000 чел.

Цель исследования – классификация регионов Республики Казахстан по уровню социально-экономического развития и выявление взаимосвязи между показателями уровня развития и уровнем урбанизированности территорий (на примере Западного Казахстана).

Методика и результаты оценки. Расчет интегрального показателя проводился поэтапно. На первом этапе по каждому из базовых оценочных индикаторов, кроме последнего, определяется ранг каждого региона, а также ранг среднереспубликанского значения, начиная с лучшего значения (первое место) и заканчивая худшим значением (последнее место). По сводному показателю уровня развития отраслей социальной инфраструктуры определяются ранги четырех перечисленных выше индикаторов по социальной сфере, потом полученные ранги суммировались и определялся интегрированный ранг по сводному показателю уровня развития социальной инфраструктуры каждого региона, а также среднереспубликанского значения[1].

На втором этапе производится расчет балльной оценки по каждому из показателей для каждого региона[1].

На третьем этапе суммируются приведенные балльные оценки по всем 12 базовым индикаторам, и полученный результат делится на 12, то есть определяется искомая интегральная оценка уровня социально-экономического развития каждого региона [1].

В качестве информационной базы, для расчета индикаторов комплексной оценки регионов Казахстана, были использованы статистические данные за период с 2007-2011 годы. Расчеты проводились по 14 областям и 2-м городам республиканского значения [3].

На основе полученных интегральных оценок была проведена классификация регионов по уровню социально-экономического развития и было выделено четыре группы регионов (табл. 2).

Таблица 2. Комплексная оценка уровня социально-экономического развития регионов Казахстана (2007-2011 гг.) [3]

Рейтинг (по средней оценке)	Регион	Оценка уровня социально-экономического развития региона (в баллах)					Сред- няя оценка	Классифи- кация регионов
		2007	2008	2009	2010	2011		
1	г.Астана	3,5	5,17	4,42	4,75	3,83	4,33	Высокий уровень
2	г.Алматы	3,5	2,83	4,33	4,58	4,08	3,86	
3	Карагандинская	2,08	3,17	2,67	2,83	1,17	2,38	
4	ЗКО	1,58	1,92	2,92	2,5	2,08	2,2	
5	Атырауская	1,17	2,58	1,83	2,75	2	2,07	
6	Павлодарская	1,58	2,17	1,58	2,17	0,92	1,68	
7	Актюбинская	1,08	2,67	0,83	1,92	1,5	1,6	
8	ВКО	-0,42	0,75	0,08	-0,58	-0,5	-0,13	Средний уро- вень
	РК (средний)	-1,1	0,001	-0,26	0,07	-0,63	-0,38	
9	Мангистауская	-0,67	0,5	-0,75	-0,75	-1,5	-0,63	
10	Акмолинская	-2,17	-0,42	-0,42	0,58	-2	-0,89	Уровень ниже среднего
11	Кызылордин- ская	-2,92	-0,92	-1,25	-0,92	-1	-1,4	
12	Костанайская	-2,25	-1,33	-1,17	-1,67	-2,17	-1,72	
13	СКО	-3,42	-1,83	-1,33	-1,67	-1,92	-2,03	
14	Алматинская	-6,25	-5,33	-5,92	-4	-3,83	-5,07	Низкий уровень
15	Жамбылская	-7	-5,83	-5,42	-5,08	-5,5	-5,77	
16	ЮКО	-6,92	-6,08	-6,58	-6,25	-7,25	-6,62	

Охарактеризуем регионы РК согласно полученной группировке:

1 группа - «лидеры», объединяет регионы с высоким уровнем развития (от 1,60 до 4,33 балла). В нее входят: города Астана и Алматы, а также Карагандинская, Западно-Казахстанская, Атырауская, Павлодарская и Актюбинская области;

2 группа – регионы со средним уровнем развития (от -1,14 до 1,59 балла) (средний республиканский уровень составляет (-0,38) балла). Включает: Восточно-Казахстанскую, Мангистаускую и Акмолинскую области;

3 группа – регионы с уровнем развития ниже среднего (от -3,88 до -1,13). К ним относятся Кызылординская, Костанайская и Северо-Казахстанская области;

4 группа – «аутсайдеры» характеризуются низким уровнем социально-экономического развития регионов (от -6,62 до -3,87). В группу входят: Алматинская, Жамбылская и Южно-Казахстанская области[2].

Отметим, что для регионов «с высоким уровнем» развития характерны более высокие показатели среднедушевого валового регионального продукта, объема инвестиций в основной капитал, финансовой обеспеченности, вовлеченности во внешние экономические связи, относительно высокой покупательной способности населения и, следовательно, значительно более низкой, чем в среднем по Казахстану, доли бедного и безработного населения. Пять регионов (Карагандинская, Западно-Казахстанская, Атырауская, Павлодарская и Актюбинская области) являются крупными промышленными центрами, специализирующиеся на добыче минеральных ресурсов и их экспортной реализации. А города: Астана - как столица республики и Алматы - крупнейшая городская агломерация, являются крупными деловыми и финансовыми центрами страны.

В группу регионов «со средним уровнем» развития входят три области: Восточно-Казахстанская, Мангистауская и Акмолинская. Регионы данной группы характеризуются уровнем экономического развития близким к среднереспубликанскому и достаточно сильной внутригрупповой дифференциацией (по уровню развития социальной инфраструктуры и уровню жизни населения). Мангистауская область стабилизировала свою позицию в этой группе лишь благодаря значительным вложениям средств в экономику, тогда как уровень безработицы и бедности остается высоким. Наиболее устойчивое положение в данной группе имеют Восточно-Казахстанская и Акмолинская области.

Группа регионов с уровнем развития «ниже среднего» включает Кызылординскую, Костанайскую и Северо-Казахстанскую области. Для этих регионов характерны более низкие значения (по сравнению со среднереспубликанским показателем) основных макроэкономических показателей на душу населения, низкие значения показателей финансовой обеспеченности, низкая покупательная способность населения, соответственно ниже потребление товаров и услуг и достаточно низкий уровень развития социальной инфраструктуры.

Группа «с низким уровнем» социально-экономического развития. В этой группе стабильно утвердились три региона: Алматинская, Жамбылская и Южно-Казахстанская области. Они значительно уступают по всем показателям в сравнении со среднереспубликанским значением, причем, в будущем, этот разрыв имеет тенденцию к дальнейшему увеличению[4].

При анализе оценочных показателей областей Казахстана выделяются общие тенденции, которые характерны также для крупных экономических районов. Так, если рассчитывать средний балл по экономическим районам, то в рейтинге: Западный Казахстан находится на второй позиции, уступая лишь Центральному Казахстану. Восточный, Северный и Южный экономические районы идут в перечисляемой последовательности, соответственно располагаясь на третьем, четвертом и пятом местах.

Регионы Западного Казахстана по проведенной классификации характеризуются высоким и средним уровнем социально-экономического развития. Иллюстрирует общую картину выполненная авторами карта (рис. 1).

Особенности экономического и социального развития в областях Западного Казахстана можно проследить по таблице 3, которая построена на основе данных ранжирования.

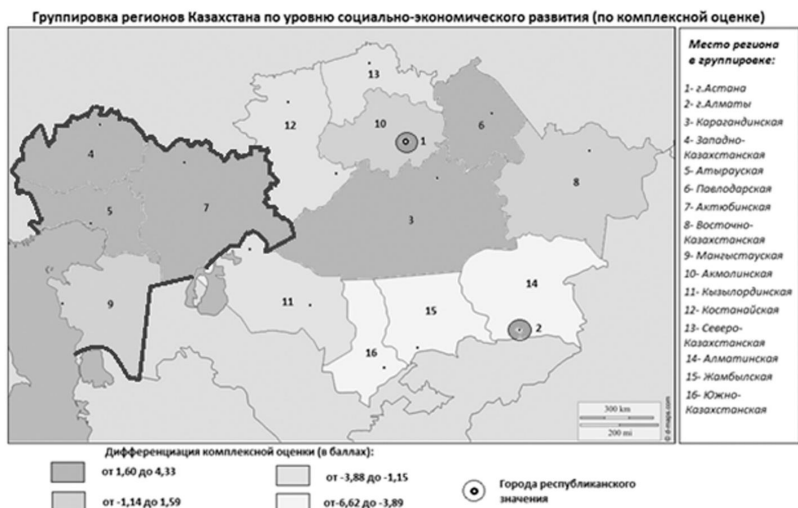

Рис. 1. Группировка регионов Казахстана по уровню социально-экономического развития (выделен Западный Казахстан)

Таблица 3. Положение областей Западного Казахстана в рейтинге регионов страны по уровню социально-экономического развития

Индикаторы	Рейтинг областей Западного Казахстана			
	Актюбинская	Атырауская	Западно-Казахстанская	Мангыстауская
ВРП (по ППС) на душу населения	6	1	5	2
Объем инвестиций в основной капитал	4	1	5	2
Объем внешнеторгового оборота	5	1	10	2
Финансовая обеспеченность региона	6	2	5	4
Доля занятых на малых предприятиях	6	4	8	3
Уровень регистрируемой безработицы	1	2	4	17
Соотношение среднедушевых доходов и среднедушевого прожиточного минимума	5	9	13	17
Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	9	8	13	17
Общий объем розничного товарооборота и платных услуг	7	4	12	8
Основные фонды отраслей экономики	6	1	5	2
Плотность автомобильных и железных дорог	9	12	4	13
Обеспеченность детскими дошкольными учреждениями	15	17	2	14
Выпуск специалистов высшими и средними специальными учебными заведениями	12	11	3	16
Обеспеченность населения медицинским персоналом	9	16	8	12
Обеспеченность больничными койками	12	13	8	15

Атырауская и Мангистауская области по ряду экономических показателей, таких как ВРП в расчете на душу населения, объем инвестиций в основной капитал, объем внешнеторгового оборота, финансовая обеспеченность региона, доля занятых на малых предприятиях и основные фонды отраслей экономики, располагаются на начальных позициях, занимая первые четыре ранга в стране. Актюбинская область по этим же показателям находится на средней позиции (4-6 места). В области зарегистрирован самый низкий уровень безработицы по стране, а также самый высокий уровень жизни по Западному региону (т.е. по показателю соотношение ср. душевых доходов и ср. душевого прожиточного минимума). Западно-Казахстанская область по экономическим показателям занимает позиции чуть ниже средних, при этом опережает другие регионы по показателям плотности автомобильных дорог и развития социальной инфраструктуры (т.е. обеспеченность детскими дошкольными учреждениями, выпуск специалистов высшими и государственными средними специальными учебными заведениями, обеспеченность населения медицинским персоналом, обеспеченность больничными койками).

На определение позиций областей Западного Казахстана в рейтинге регионов в значительной степени повлияли высокие экономические показатели. При этом, в регионах с высоким уровнем экономического развития (Атырауская, Мангистауская и Актюбинская область) показатели развития социальной инфраструктуры оказались значительно ниже среднего уровня по республике, тогда, как- регионы с более низким уровнем развития экономики (Западно-Казахстанская область) имеют более высокие показатели развития социальной инфраструктуры. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что обеспеченность объектами социальной инфраструктуры связана со сложившимися приоритетами в распределении помощи из центра на социальные цели, благодаря чему, даже слаборазвитые регионы страны имеют относительно высокую обеспеченность объектами социальной инфраструктуры. Кроме того, можно отметить и повышенное внимание руководства регионов к функционированию социальных объектов.

Использование методики многопризнаковой классификации для проведения типологии на основе комплексной оценки позволило более разносторонне оценить соответствующий уровень социального и экономического развития регионов.

Выявление корреляционной зависимости уровня развития с уровнем урбанизации районов

Для определения взаимосвязи между уровнем социально-экономического развития и уровнем урбанизации в Западном Казахстане был проведен корреляционный анализ.

Экономических и социальных показателей было выбрано 11:4. Количество экономических показателей почти в 3 раза больше числа социальных показателей. Расчеты показали, что более половины экономических показателей имеют прямую корреляционную зависимость с уровнем урбанизации, но указывают на среднюю и слабую степень связи этих показателей. Среди социальных показателей среднюю степень связи показал только один - обеспеченность детскими дошкольными учреждениями (табл. 4).

Таблица 4. Корреляция показателей уровня экономического и социального развития и уровня урбанизации Западного Казахстана

Ранг	Показатели	Коэффициент корреляции
1	Доля занятых на малых предприятиях	0,4
2	Уровень регистрируемой безработицы	0,4
3	Общий объем розничного товарооборота и платных услуг	0,4
4	Обеспеченность детскими дошкольными учреждениями	0,4
5	Объем инвестиций в основной капитал	0,2
6	Объем внешнеторгового оборота на д.н.	0,2

7	Соотношение ср. душевых доходов и ср. душевого прожиточного минимума	0,2
8	Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума	0,2
9	Финансовая обеспеченность региона на д.н.	0
10	Обеспеченность населения медицинским персоналом	-0,2
11	ВРП (с учетом ППС) на д.н.	-0,4
12	Основные фонды отраслей экономики на д.н.	-0,4
13	Плотность автомобильных и железных дорог	-0,4
14	Обеспеченность населения больничными койками	-0,4
15	Выпуск специалистов высшими и средними специальными учебными заведениями	-0,8

Обратная корреляционная зависимость наблюдается по 40% показателям: в частности, между уровнем урбанизации и обеспеченностью населения медицинским персоналом, выпуском специалистов высшими и средними специальными учебными заведениями, а также показателями ВРП на душу населения, основные фонды отраслей экономики, плотность автомобильных дорог, обеспеченность больничными койками и долей городского населения в регионах наблюдается обратная корреляционная зависимость средней степени, которая показывает, что увеличение одного показателя может привести к снижению другого показателя. А связь между показателями финансовой обеспеченности регионов и уровнем урбанизации полностью отсутствует.

Выводы. Таким образом, проведенный корреляционный анализ показал, что между уровнем социально-экономического развития региона и уровнем урбанизации существует зависимость. Комплексную оценку уровня социально-экономического развития можно использовать как инструмент диагностики при сравнительном анализе регионов страны за отчетный период, а также при разработке прогнозов социально-экономического развития. Анализ результатов оценки позволяет установить эффективность мер, предпринимаемых руководящими органами регионов по реализации социально-экономической политики и определить основные направления государственной региональной политики.

Литература

1 *Ибраимова З.И.* Методика комплексной оценки социально-экономического развития регионов Республики Казахстан // География в школах и ВУЗах Казахстана.- май-июнь 2006.- С.2-4

2 *Мурзатаева М.М.* Социально-экономическое районирование территории Казахстана // Материалы VII Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум 2015». Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.scienceforum.ru/2015/1155/16111>

3 Официальный сайт Комитета статистики Министерства национальной экономики Республики Казахстан. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.stat.gov.kz> –

4 *Терещенко Т.А., Мурзатаева М.М.* Социально-экономическая дифференциация регионов Казахстана // Материалы международной научной конференции (Шестая Ежегодная научная Ассамблея АРГО).- Симферополь, 2015. - С. 445-449.

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ И КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ СТРАН: ПОЗИЦИИ РОССИИ И КАЗАХСТАНА

Глобальные тенденции мирового развития подтверждают, что в настоящее время инновационная деятельность играет все большую роль в модернизации экономических структур. Только интенсивное внедрение новых технологий в реальную экономику может обеспечить конкурентоспособность на мировом рынке. Ни одна страна, претендующая на заметную роль на мировой арене и стремящаяся к обеспечению экономического роста, не сможет решить этих задач без концентрации усилий на совершенствовании, укреплении и максимально эффективном использовании своего научно-технического потенциала.

В последних изданиях “Доклада об информационной экономике” приводятся документальные подтверждения того, что быстрое распространение мобильной телефонии и международной широкополосной связи, в том числе в наименее развитых странах (НРС), а также появление новых услуг и программных приложений способствуют расширению социальной базы развития. Это не только отражается на развитии предпринимательства, но и открывает новые горизонты использования ИКТ в таких областях развития, как здравоохранение, образование, государственное управление, частный сектор и т.д. [1].

В настоящее время вопросы о разработке новых и модернизации существующих инструментов и механизмов внедрения инновационных технологий в промышленное производство, о повышении инновационной активности организаций, о государственной поддержке высокотехнологичного сектора экономики, привлечении финансовых ресурсов, а также продвижении наукоемкой продукции России и Казахстана на мировой рынок весьма актуальны.

Необходимо констатировать, что хотя в настоящее время сырьевая ориентация экспортной политики России и Казахстана является довольно эффективной в обеспечении показателей экономического роста наших государств, но в долгосрочной перспективе она губительна. Природно-ресурсный потенциал в целом и особенно запасы топливно-энергетических ресурсов не являются возобновимыми, и далеко не бесконечны. В обоих странах на правительственном уровне провозглашен курс на развитие инновационного общества. Только развитие наукоемких технологий, их проникновение во все отрасли производства и все сферы жизнедеятельности населения является ключевым фактором научно-технического и экономического прогресса страны.

Цель статьи – на основе выявления позиций России и Казахстана в мировом табеле о рангах по показателям, характеризующим инновационное направление развития и использование современных информационно-коммуникационных технологий, определить, что необходимо предпринять, чтобы наши государства приблизились к странам-лидерам в рамках все более глобализирующегося мира.

Термин «технологическая готовность» (technology readiness) не столь распространен, как «валовой внутренний продукт» или другие экономические термины, но он становится все более необходимым показателем, отражающим экономический и научно-технологический потенциал того или иного государства. Тесная связь между информационно-коммуникационными технологиями (ИКТ) и экономическим процветанием государства была впервые отмечена на Всемирном экономическом форуме в 2001 г. и описана в первом Глобальном отчете по информационным технологиям (Global Information Technology Report). В настоящее время известно несколько комплексных показателей, характеризующих уровень развития экономики, основанной на знаниях. Базой для исследования послужили научные работы по данной тематике и материалы авторитетных международных изданий, и аналитические обзоры Мирового банка, Мирового экономического форума, ЮНЕСКО и др.

Индекс экономики знаний (Knowledge Economy Index), в основе которого лежит предложенная Всемирным банком «Методология оценки знаний» (The Knowledge

Assessment Methodology), отражает способности стран мира создавать, принимать и распространять знания [5]. Лидирующие места в рейтинге занимают страны Западной Европы (Швеция, Финляндия, Дания, Нидерланды, Норвегия), известные высокими темпами развития инновационной экономики. У России позиции в данном рейтинге не очень высокие (по интегральному Индексу экономики знаний – 55-е место из 145 соответственно). Россию опережают многие страны Центрально-Восточной Европы – Чехия, Польша, а также Словакия, Хорватия, Румыния, Болгария и Сербия.

В рейтинговой таблице «Глобального инновационного индекса» [4] позиция России – 49-я, Казахстана – 79-я, Лидируют в данном рейтинге также только развитые страны: Швейцария, Великобритания, Швеция, Нидерланды, США и др. (табл. 1).

Таблица 1. Позиции лидеров и БРИКС в международных рейтингах инновационного развития

Глобальный инновационный индекс (ГИИ) 2015 г.		Индекс готовности стран мира к сетевой экономике (NRI) 2015 г.		Индекс ИКТ (The ICT Development Index) 2015 г.		Индекс глобальной конкурентоспособности (GCI) 2015-2016 гг.	
1	Швейцария	1	Сингапур	1	Респ. Корея	1	Швейцария
2	Великобрит.	2	Финляндия	2	Дания	2	Сингапур
3	Швеция	3	Швеция	3	Исландия	3	Финляндия
4	Нидерланды	4	Нидерланды	4	Великобрит.	4	Германия
5	США	5	Норвегия	5	Швеция	5	США
.....
5	США	7	США	14	США	5	США
19	Япония	10	Япония	11	Япония	9	Япония
29	Китай	62	Китай	82	Китай	29	Китай
49	Россия	40	Казахстан	45	Россия	42	Казахстан
79	Казахстан	41	Россия	58	Казахстан	45	Россия

Составлено по: Knowledge Economy Index. The World Bank Group, 2012; Networked Readiness Index 2015. The Global Information Technology Report 2015. World Economic Forum; The Global Competitiveness Report, 2015-2016. World Economic Forum. Geneva, Switzerland 2015; The Global Innovation Index 2015: Stronger Innovation Linkages for Global Growth. INSEAD and the World Intellectual Property Organization (WIPO)

Ежегодно страны мира ранжируют по «Индексу готовности к сетевой экономике» (Networked Readiness Index, NRI) [6], который может использоваться государствами для анализа проблемных моментов в их политике и осуществлении мониторинга прогресса в области внедрения новых технологий. Он измеряет уровень развития ИКТ по 67 параметрам, объединенным в три основные группы: наличие условий для развития ИКТ; готовность граждан, деловых кругов и государственных органов к использованию ИКТ; уровень использования ИКТ в общественном, коммерческом и государственном секторах. Первый критерий – это благоприятность среды (рыночной, политической и инфраструктуры) для развития информационных технологий. Второй критерий – оценивает доступность сети Интернет в школах, стоимость мобильной связи, государственная позиция относительно информационных технологий, доступность IT для бизнеса, затраты на исследование и развитие сферы. Наконец, последний блок показателей учитывает количество персональных компьютеров, число Интернет-пользователей, абонентов мобильной связи, наличие рабочих Интернет-ресурсов в правительственных организациях, а также то, сколько информационных технологий страна производит и потребляет. Первые места в рейтинговой таблице 2015 года занимают: Сингапур, Финляндия, Швеция, Нидерланды, Норвегия. При этом важно отметить, что Казахстан в рейтинговой таблице в 2015 г. – на 40-м месте, а Россия – на 41-м.

Позиции России и Казахстана представлены еще в одном рейтинге – «Индекс использования информационно-коммуникационных технологий» (The ICT Development Index). Данный индекс рассчитывается Международным союзом электросвязи (International Telecommunication Union) с 2007 года. При расчете индекса используется 11 различных

показателей, в том числе: доступ населения к широкополосному Интернету, компьютерная грамотность населения, уровень образования и другие. Основная цель индекса – выявление «провалов» тех показателей, которые необходимо усовершенствовать для минимизации разрыва страны в информатизации с наиболее развитыми странами. Однако при расчете индекса не берутся во внимание такие важные показатели, как территория страны и плотность населения. Огромная территория России и Казахстана требует гораздо большего финансирования при создании новых сетей, что увеличивает стоимость доступа населения и затормаживает развитие.

Страны, занимающие ведущие позиции в рейтинге, имеют высокий уровень дохода, конкурентные рынки и квалифицированные людские ресурсы. В верхушку рейтинга попали экономики со значением 7,0 и выше; среди них – 28 стран из Европы, а также ряд стран с высоким уровнем доходов из Азиатско-Тихоокеанского региона и три страны из региона арабских государств (Бахрейн, Объединенные Арабские Эмираты и Саудовская Аравия). Странам, относящимся к лидерам индекса, как правило, присущи общие черты, позволяющие объяснить высокий уровень доступа к ИКТ и их использования. К таким чертам, среди прочего, принадлежит наличие либерализованных и конкурентных рынков, стимулирующих инновационную деятельность, а также населения, имеющего относительно высокий уровень дохода и навыки эффективного применения ИКТ.

Пока позиции наших стран в данном рейтинге также не столь высоки, как хотелось бы. Казахстан разместился на 42 позиции, а Россия – на 45-й.

Все представленные выше рейтинговые таблицы характеризуют позиции стран в современной мировой инновационной экономике, и это отражается на позиции государств в «Индексе глобальной конкурентоспособности» [7].

В целом развитие науки и информационных технологий, использование ИКТ в Казахстане и России все еще отстает от уровня в развитых экономиках мира.

Важно, что наши страны ставят перед собой планы по переходу на инновационный путь развития, а также на сотрудничество в инновационной сфере). Иными словами в деле приобретения и генерирования знаний и технологий в интересах использования всех имеющихся возможностей странам необходимо иметь прочные основы для формирования научно-технического потенциала и сотрудничества в этой сфере. Вот тогда наши государства станут занимать более высокие места в международных рейтингах.

Напомним также, что одна из главных проблем эффективного внедрения информационной технологии в России (да и в Казахстане) заключается в очень большой степени в разном уровне развития регионов РФ. Так, существует большая дифференциация регионов (отдельных территорий) по готовности к сетевой экономике, причем во многих регионах ситуация неутешительная. Например, в России, только в регионах-лидерах, а именно Москве и Санкт-Петербурге индексы инновационного развития и использования ИКТ соответствуют показателям европейских стран. К тому же страны, интенсивно инвестирующие развитие ИТК, вырываются в международных рейтингах вперед, отодвигая Россию на все более низкие позиции. Показатели, которые снижают место стран СНГ в рейтинге, это: внутренняя дифференциация стран по уровню социально-экономического развития, по численности ИКТ работников в общей численности населения, по степени распространения информационных технологий в стране и т.д. [2].

Если вспомнить историю, то в России и в Казахстане в 1990-е годы на этапе развития основ рыночной экономики задачи строительства инновационной экономики решать было невозможно в силу отсутствия институтов, инструментов, законодательства, бизнеса, социальной инфраструктуры. Следующие годы драйвером роста был экспорт, в котором 85% составляли нефть, газ, металлы. В настоящее время в России главный вопрос состоит в том, сумеем ли мы решить задачи, поставленные в документе «Концепция-2020», в котором речь шла об инновационной экономике. Анализ стратегии развития информационного общества в Российской Федерации и государственной программы «Информационное общество (2011-2020

годы)» помог охарактеризовать текущую ситуацию и задачи, а ближайшая перспектива актуализирует следующие действия:

1) проведение полной инвентаризации базы, о которой идет речь (выявление полного набора нормативно-правовых актов, принятых в разное время и разными органами власти, относящихся к различным отраслям права, имеющих неодинаковую правовую природу и обладающих неодинаковой юридической силой);

2) упорядочение и кодификация базы, придание ей намного более четкой структуры, включая снятие противоречий, ликвидацию параллелизма и дублирования актов, а также повышение их качества путем устранения множества декларативных положений, не несущих в себе конкретных предписаний или ограничений действий и не устанавливающих оснований наступления и мер ответственности;

3) улучшение структуры базы в отношении «элиминирования» доминирующего положения подзаконных актов (постановлений и распоряжений правительства, а также ведомственных приказов) и в смысле обеспечения более четкого взаимосопрежения федерального и регионально-местного фрагментов;

4) составление рассчитанного на ряд лет плана нормотворческой работы в сфере информатизации, комплексно увязывающего усилия органов разных ветвей и уровней власти.

Наряду с общим структурным упорядочением правовой базы информатизации она (база) нуждается в содержательном развитии. Один из наиболее значимых соответствующих вопросов - стимулирование отечественных исследователей и производителей к активному импортозамещению на внутреннем рынке ИКТ.

Главная же нерешенная проблема собственно организационного механизма государственной политики информатизации заключается в том, что он не в состоянии обеспечить преодоление разрыва между декларируемыми блестящими намерениями и удручающим фактическим положением дел, устранить административные барьеры, порожденные ведомственной разобщенностью и бюрократической волокитой.

Сделанная ставка на «мягкие», координационно-совещательные, формы организации взаимодействия себя не оправдывает, ибо без четкого разделения труда между органами власти и управления, вовлеченными в процессы подготовки, принятия и исполнения государственных решений, а главное – без установления их реальной и жесткой ответственности, невозможно добиться результативного и эффективного управления.

С 2010 г. в рамках Стратегии «Казахстан-2030» республика начала пятилетку форсированного индустриально-инновационного развития. Казахстан первым среди стран СНГ объявил о своей стратегической линии смены законодательной модели [3].

Для развития инновационной деятельности необходимо осуществление мероприятий: в научной сфере; в сфере коммерциализации результатов исследований и разработок; в области защиты и использования интеллектуальной собственности и др. Проанализированный опыт зарубежных стран по формулированию и реализации национальной инновационной системы позволяет выдвинуть несколько основных положений, которые необходимо учитывать при разработке инновационных систем стран-участниц СНГ:

1. Не существует и не может существовать единая модель инновационного развития для всех стран, времен и народов. Инновационная политика зависит от уровня экономического и социального развития страны и ими обуславливается.

2. С точки зрения наличия интеллектуального ресурса, высоких технологий и производства наукоемкой продукции большим потенциалом в части создания высокотехнологичных производств обладает оборонно-промышленный комплекс.

3. В условиях глобализации и усиления конкурентной борьбы на мировых рынках промышленных товаров и услуг России и Казахстана необходимо сосредоточить усилия на разработке политики создания конкурентоспособной высокотехнологичной

промышленности, формируемой совместно представителями государства, бизнеса, науки, общественных организаций.

4. Необходимо разработать комплекс мер по привлечению долгосрочных иностранных инвестиций в научно-исследовательские разработки, высокотехнологичный сектор промышленности и сформировать методику мониторинга и направления повышения их эффективности.

5. На системной основе необходимо выделить наиболее конкурентоспособные сферы частного бизнеса, способного войти с национальным капиталом в зарубежные транснациональные корпорации, а также конкурентоспособные сектора высокотехнологичного производства, в которых целесообразно создать под эгидой национального капитала свои ТНК.

6. Процессу модернизации на геоэкономической основе необходимо придать институциональную форму. В рамках Программы инновационного развития странам в рамках СНГ необходимо совместно разработать и принять «Геоэкономическую концепцию развития национальных инновационных систем» о правилах поведения в условиях нестабильности и геоэкономических изменений. При формировании концепции необходимо иметь в виду опыт развитых стран.

Наиболее оптимальный путь вхождения экономик стран-участниц СНГ в инновационное пространство – это постепенное сближение качества национальной макро- и микроконкурентной среды и качества предпринимательских фирм с аналогами мирового рынка. Стабильное инновационное развитие в современном мире невозможно без тщательно продуманной поступательной реализации инновационно-инвестиционной политики, направленной на выбор приоритетных направлений развития, финансирования наиболее перспективных для государства проектов, минимизацию или сокращение влияния внешних и внутренних рисков и т.д. Эффективное проведение такой политики, нацеленной фактически на рост инвестиционной привлекательности государства, национальных отраслей и организаций, а также увеличение конкурентоспособности выпускаемой продукции, возможно при условии постоянного тесного взаимодействия всех звеньев структуры государственного управления инновационными процессами и инновационного механизма в целом.

Заключение

Информационные технологии играют все большую роль в мировой экономике, причем так называемый "цифровой разрыв", то есть отставание бедных стран от богатых в объемах и качестве использования этих технологий, постепенно сокращается. Сегодня инновационное развитие – залог укрепления экономической мощи на всех уровнях производства. Реализация эффективной инновационно-инвестиционной политики позволит России и Казахстану занять достойное место в глобальной экономике.

По нашему глубокому убеждению для улучшения положения России и Казахстана весьма большое значение имеют инвестиции в сферу ИКТ, а также либеральная политика телекоммуникационной открытости. Разумеется, простое использование информационно-коммуникационных технологий в отрыве от предполагаемой соответствующей экономической политики, способствующей их развитию в стране, само по себе не приведет наши страны в разряд развитых. Но это единственный шанс задействовать имеющийся пока высокий уровень человеческого капитала для того, чтобы интегрироваться в сообщество экономически развитых стран, использующих преимущества инновационного развития.

Литература

1. Конференция ООН по торговле и развитию. Доклад об информационной экономике, 2015 год. Производство программного обеспечения и развивающиеся страны, 2015. ЮНКТАД. Нью-Йорк, Женева.

2. Родионова И.А., Гордеева А.С. Готовность стран мира к сетевой экономике и тенденции развития высокотехнологичного производства // Вестник РУДН. Серия Экономика, 2009, № 4, С. 62-71.

3. Форсирование индустриально-инновационного развития экономики: теория, методология, практика. Экономические исследования /Под ред. д.э.н., профессора А.А. Абишева, д.э.н. Т.И. Мухамбетова. – Алматы: Экономика, 2009. С.3.
4. Global Innovation Index 2015: Stronger Innovation Linkages for Global Growth. INSEAD and the World Intellectual Property Organization (WIPO). [Электронный ресурс] [Дата обращения: 05.05.2016]. Режим доступа: <http://www.globalinnovationindex.org/gii/>.
5. Knowledge Economy Index. The World Bank Group, 2012 - Knowledge for Development. [Электронный ресурс] [Дата обращения: 05.05.2016]. Режим доступа: http://info.worldbank.org/etools/kam2/KAM_page5.asp
6. Networked Readiness Index 2015. The Global Information Technology Report 2014. World Economic Forum. [Электронный ресурс]. [Дата обращения: 05.05.2016]. Режим доступа: <http://www.weforum.org/issues/global-information-technology/gitr-2014-data-platform>
7. The Global Competitiveness Report, 2015-2016. World Economic Forum. Geneva, Switzerland 2015. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://gtmarket.ru/news/2013/09/05/6219>. [Дата обращения: 05.05.2016]

4. ГОРОДА В ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Ковалев Ю.Ю., Бурнасов А.С., Степанов А.В.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Понятие «гетеротопы», предложенное в 1967 г. французским философом М. Фуко, имеет широкие интерпретации, в зависимости от предмета исследований и идейных установок самого исследователя [1]. Гетеротопы (другие пространства) - категория, имеющая абстрактные и реальные характеристики. Это - пространства, отличающиеся от своего окружения. К ним могут относиться: музеи, кладбища, больницы, тюрьмы, но также – сноведения, мечты, идеи. К особой группе гетеротопов относят виртуальное пространство. В онтологическом понимании, гетеротопы – это реальные места, характеризующиеся особым взаимоотношением пространства и времени, особым сплетением социальных связей. Этот «нексус» физического и социального создает специфическую территориальную единицу, имеющую модус «существования», отличный от ее окружения. В пространстве гетеротопий возможны другие социальные практики, модели поведения, мышления, отличные от господствующего «нормального». Это другая форма жизни, которая наглядно демонстрирует альтернативу к доминирующим общественным и властным формам. В отличие от утопии (пространств с нереализованными общественными представлениями), гетеротопы – пространства реализованных утопий. Эти утопии воплощены в жизнь на определенной территории, могут диффузираться в другие пространства, копироваться, трансформироваться, производя новые конфигурации жизненного опыта. Гетеротоп - следствие все большей плюрализации и индивидуализации в городском пространстве, места реализации коллективных идей, представлений [4].

Многочисленные исследования урбанистических гетеротопов концентрируют свое внимание на «знаковых фигурах» современности: торговых центрах, закрытых поселениях (gated communities), новых джентрифицированных кварталах и поселений иммигрантов, территорий символического и идеологического, курорта, парках развлечений и т.д. и т.п. Мы же рассматриваем гетеротопы с другой точки зрения, а именно как территории «другого», альтернативного развития, в плоскости реализации концепции устойчивости в ее экологическом, социальном и политическом измерении. Идея «устойчивости» находит в них, или по крайней мере пытается найти, свое материальное воплощение. Данные территориальные образования еще единичны в пространстве стран, регионов, городов. Однако их образование и динамика развития порождает воображение. Буквально за одно десятилетие в ряде стран были приняты решения о строительстве эко-городов (ОАЭ, Китай, Р. Корея). В отдельных государствах в фазе разработки находятся концепции по экологизации и гуманизации городского пространства. Гражданские инициативы формируют новые пространства автономной жизни в гармонии с природным и социальным окружением. Но в большинстве стран и регионов мира концепция устойчивости так и остается утопией.

Таблица 1. Категории пространства по Фуко

Реальные пространства общества	Гетеротопы	Утопии
Общественная реальность	Реализованные утопии: утопические общественные представления, которые реализованы в одном реальном месте.	Нереализованные представления о идеальном обществе.

Источник: [4]

Формирование гетеротопов устойчивости явилось следствием бесперспективности развития городского пространства эпохи модерна. Современные города представляют собой пространственные центры экологической, социальной и политической неустойчивости. Города - территории анонимности, отчужденности, разрыва социальных связей. Доминирующая парадигма развития стимулирует в них непрерывный рост потребления, производства, создание новой стоимости, что требует огромных энерго и ресурсозатрат, порождает стресс и бешеный ритм жизни. В крупных городах социальные отношения имеют тенденцию трансформироваться в рыночные отношения. "Хомо экономикус", доминирующий в современном городском пространстве, оценивает свое социальное окружение в экономических категориях расходов и доходов, выгоды и издержек. На человеческие отношения у современных жителей городов просто нет сил, времени и желания. Усиливающая конкуренция и механизация жизни подминает под собой солидарность и поддержку между людьми. Усиливается поляризация населения по доходам, что отражается на фрагментации городского пространства, наличием богатых и бедных кварталов. При таком «модусе» городской жизни, города превращаются в современные анонимные, механические, гиперспециализированные территории циркуляции и умножения капитала, пространства анонимности и неолитерализма [2]. Доминирование экономики на другими структурами общества и территории (города), наличие иерархических представлений, структурирование социума и пространства на главное и второстепенное, высшие и низшие (куда относят природу, повседневную жизнь человека, его отношения с другими людьми) – все это способствует ухудшению жизни в городах, превращения их в центры нестабильности, саморазрушающиеся системы без долгосрочных перспектив развития.

Гетеротопы устойчивости возникают, как было уже отмечено, как реакция на доминирующую неустойчивость в городском пространстве. Их цель – гармонизация отношений человека с природой, соседями, обществом, создание лучших условий для жизни как современных, так и будущих поколений людей. Их можно рассматривать как возможные модели будущего развития городских пространств, в которых отражается тревога людей за будущее нашей планеты, но также их непреклонное желание жить иначе, жить по-другому. Гетеротопы устойчивости можно определить как сложные системные территориальные образования, с особым качеством взаимодействия антропогенных и природных структур, с особым образом жизни населения (как отражение их нравственных установок), особыми отношениями между ними, базирующихся на принципах солидарности, взаимопомощи, общей заботы о жизненном пространстве. Гетеротопы не представляют собой закрытых пространств. Они широко открыты для обмена с их окружением, большая часть ресурсов (как и в любом городском пространстве) поступает из за пределов системы, наблюдается постоянная циркуляция информации, людей, вещества. Однако на территории гетеротопа действуют свои собственные правила, отличные от других пространств города, имеются различия в формах хозяйствования, проживания, мобильности, социального взаимодействия, что и позволяет выделить данные пространства в особую категорию.

Одним из таких гетеротопов является жилой квартал Ваубан в г. Фрайбург в Германии. Начиная с 1994 г. здесь реализуется концепция устойчивости, включающая в себя экологические, социальные и политические аспекты. Инициатива создание такого квартала исходила «снизу» – от самих жителей Фрайбурга. Усиливающиеся в 1990-х г. экологизация мышления населения Германии получила возможность реализовать свои идеи на небольшой территории (42 га) города, где до этого находились военные казармы [5]. Первоначально при планировании и строительстве района экологическим аспектам уделяли главное внимание. Развитие квартала представляло собой процесс перманентного обучения с большим участием самих жителей в принятии решений. В 1995 г. на гражданском форуме было принято решение создания «социально-экологической» модели городского развития – Ваубан.

На сегодняшний день в квартале проживает более 5500 чел. в более чем в 2000 квартирах и домах с низким электро- и тепловым потреблением. Работает автономная

электростанция, покрывая энергопотребности жителей. Большая часть домов имеет солнечные коллекторы. Более 100 домохозяйств вырабатывают больше электроэнергии, чем они сами потребляют [5]. Автомобильное движение в квартале запрещено. Территории паркинга занимают игровые детские площадки. Большинство жителей используют для проезда в центр города велосипед или общественный транспорт. Особое внимание здесь уделено гармоничному сосуществованию природного и антропогенного. Жилые дома интегрированы в зеленые насаждения, на окраине квартала находятся биотопы с редкими видами животных и растений. Качество воздуха здесь лучшее в городе. В социальном плане квартал представляет собой пеструю смесь групп и слоев населения, профессий, идентичностей. Как правило, все жители состоят в той или иной строительной кооперативе, так как многие дома и квартиры строились непосредственно самими жильцами. Укреплению социальных связей способствуют общие празднества, наличие гражданского центра в квартале, где обсуждаются проблемы квартала и перспективы его развития. Взаимопомощь и солидарность среди жильцов района, расширенное участие граждан в принятии решений делает квартал уникальным на фоне городских пространств Германии. Хотя об абсолютной устойчивости пока речь идти не может, городской квартал уверенно продолжает развитие в этом направлении и служит примером для других урбанизированных территорий.

Таким образом, гетеротопы устойчивости могут служить в определенной степени моделью для будущего развития всего городского пространства. Как капитализм зарождался в XIII в. лишь в отдельных городах Европы (Венеция, Флоренция), и потом уже распространялся волнами по всем ее регионам, так и «посткапитализм», вероятно, имеет тенденцию зарождения лишь в отдельных очагах пространства с последующей его диффузией в другие культурные пространства. Уже сейчас отдельные города мира пытаются перейти к полной реализации концепции устойчивости. В Стокгольме, например, было принято решение о полном отказе использования углеводородов как энергоресурсов к 2050 г. [3]. Уже сейчас город имеет самую инновационную в мире систему по утилизации мусора, его переработки, получения из него металлов и неметаллического сырья. Выбросы парниковых газов сократились в городе в период 1990-2010 г. более чем на 25% [3]. Город имеет одну из самых низких в мире уровней преступности, отмечается высокий уровень доверия между жителями и властью. Гетеротопы устойчивости становятся привлекательной моделью будущего развития городов.

Литература:

1. Фуко М. Другие пространства. Интеллектуалы и власть / Избранные политические статьи, выступления и интервью. Часть 3. М., 2006. - С. 191-205.
2. Харви Д. Краткая история неоллиберализма. М., 2007.
3. Morin E. *Der Weg. Für die Zukunft der Menschheit*. Hamburg, 2012.
4. *Vöcklinghaus S. Heterotopien: Topologie der Außenseite der Gesellschaft*. In: Dünne, Jörg / Günzel, Stephan (Hg.): *Raumtheorie. Grundlagentexte aus Philosophie und Kulturwissenschaften*. Suhrkamp: Frankfurt/Main, 2006. P. 231-243.
5. Vauban de. URL: <http://www.vauban.de/>. Дата обращения: 29.04.2015

СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ НА РЫНКЕ ТРУДА В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Проблема и методика исследования

Статья посвящена анализу изменений параметров, характеризующих рынок труда, в связи с влиянием процессов глобализации и регионализации (членство в ЕС) для стран Центрально-Восточной Европы. Анализ включает обсуждение динамики показателей экономической активности, уровня занятости с учетом динамики изменений в структуре занятости с точки зрения процесса сервисизации. Безработица есть своего рода противовес уровню занятости населения, и ее анализ является дополнением к анализу занятости населения. Рамки исследования - период времени с 2004 по 2013 гг.

Вступление в ЕС имело свои конкретные последствия и вызвало ряд изменений на рынке труда стран Центрально-Восточной Европы (ЦВЕ). Оно было связано у многих людей в нашем регионе ЦВЕ с надеждой на улучшение уровня жизни, и также с возможностью получения новой и более высокооплачиваемой работы (в том числе за счет миграции в более развитые страны ЕС). В конечном счете, изменения в структуре национальной экономики должно было способствовать процветанию граждан. Прямым отражением ситуации в экономике является ситуация на рынке труда.

Страны, выбранные для анализа ситуации, это – Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Болгария, Румыния, Словения, Литва, Латвия и Эстония. Период для анализа ситуации был выбран 2004-2013 гг., то есть период после вступления этих стран в Евросоюз (несмотря на то, что Болгария и Румыния вступили в ЕС несколько позже остальных стран). Цель исследования – характеристика структурных изменений на рынке труда стран Центрально-Восточной Европы.

Вне всякого сомнения, рынок труда стран ЦВЕ после 2004 года претерпел значительные изменения, в том числе в связи с необходимостью соблюдения ряда общих экономических стратегий в ЕС (например, Лиссабонской стратегии). Усилилась волна миграций. Исследование охватило показатели, которые характеризуют экономическую активность населения, уровень занятости и динамику изменения уровня занятости по отраслям хозяйства стран ЦВЕ. Использовалась база данных Евростата и национальных статистических управлений стран Центрально-Восточной Европы.

Изменения в занятости населения

1 мая 2004 года и 1 января 2007 года – очень важные даты в области экономики и истории для группы стран Центрально-Восточной Европы. Рынок труда этих стран после 2004 года имел значительные изменения в связи с необходимостью адаптации к требованиям ЕС, необходимостью соблюдения ряда общих экономических стратегий (например, Лиссабонской стратегии). Также проявились и последствия, так называемых «Открытых границ», когда усилилась волна миграции после 2004 года.

Динамически изменяющиеся экономические реалии во всем мире в условиях глобализации имеют неоспоримое влияние на экономику каждой страны. Эти изменения требуют новых подходов в поведении производителей потребительских товаров и самих потребителей. Изменение потребления, видимое на макро- и микроуровне производственных единиц и домохозяйств оказывает воздействие на спрос и предложение на рынке труда. Это, в свою очередь, приводит к изменению потребительских ожиданий и изменению в структуре занятости в различных секторах экономики. Структурные изменения в экономике имеют своим источником развитие современных технологий, превращая индустриальную цивилизацию в цивилизацию сервисную (постиндустриальную), основанную на знаниях. Масштаб этих изменений зависит косвенно от потенциала трудовых ресурсов, и изменений, происходящих на локальных рынках труда.

В конечном счете, изменение структуры национальной экономики при вступлении стран ЦВЕ в Евросоюз должно было способствовать процветанию граждан. Прямым отражением ситуации в глобальном контексте является ситуация на рынке труда. Мониторинг производительности на рынке труда позволяет оценить его состояние. Анализируя динамику показателей можно обнаружить тенденции изменений и провести их оценку. В то же время, анализ изменения показателей на примере мелких административных единиц позволяет с помощью оценки их эффективности сделать любые исправления, принять необходимые меры.

Рынок труда – это группа людей-производителей, и он регулируется по своим законам. Должно быть соблюдено правило своеобразного баланса между предложением и спросом на рынке труда, которые в последние годы не сохранились, в принципе, в случае с любой из стран ЕС. Рынок труда определяется демографическими факторами, поэтому процессы, происходящие на рынке труда, имеют объективный характер. В настоящее время для современного рынка труда имеют важное значение пол, возраст и уровень образования потенциального работника, и эти три основных показателя, в принципе, в сильнейшей степени формируют структуру современного рынка труда.

Как известно, основной показатель на рынке труда - доля экономически активного населения (т.е. люди, работающие и неработающих, но заинтересованные в работе – безработные) в общей численности населения страны. Он отличается в зависимости от возраста, образования и пола. Предварительно нами рассматривался его общий вид для возрастной группы 15-64 лет (трудоспособный возраст). Интенсивность структурных изменений показателей рынка труда была различна в анализируемых нами странах. Ведь в каждой стране были различные экономические условия.

Так, например, в 2004 году самый низкий показатель доли экономически активного населения был отмечен в Венгрии (60,2 %), а самый высокий в Эстонии (70,2%). В последующие годы для всех стран ЦВЕ имело место незначительное увеличение доли экономически активного населения. Увеличение не превышало в среднем за год 1%, но это принесло значительное улучшение ситуации в исследуемом десятилетии. Самая сильная динамика изменений (измеряемая как среднее арифметическое) наблюдалась в Венгрии и Болгарии, а самая слабая – в Словении и Словакии. Учитывая средний показатель для всех стран ЕС в 2013 году, только Эстония, Литва, Латвия и Чешская Республика слегка превысили его уровень, в то время как другие страны – не достигли среднего показателя доли ЭАН по ЕС (69% в 2004 году и 72% в 2013 году). Эта закономерность сохраняется и с учетом пола потенциального работника [рассчитано по[1]].

Анализируя динамику занятости в период 2004-2013 гг. в целом можно сказать, что занятость увеличилась в 2013 году по сравнению с 2004 г. В некоторых из рассматриваемых стран (Литва, Латвия, Эстония или Словения) в 2008 г. наметилась тенденция отрицательного роста данного показателя. Различия в тенденциях развития разных стран объясняются влиянием финансового кризиса 2008 года. Неблагоприятные последствия, происходившие на финансовых рынках, оказали значительное влияние на экономику государств и, таким образом, и на рынок труда. Финансовый кризис негативно сказался на рынке труда за счет сокращения занятости населения, что в свою очередь приводит к дальнейшим проблемам в экономике.

Рассмотрим уровень занятости в зависимости от образования и возраста. Одним из факторов, имеющих неоспоримое воздействие на занятость работника, является уровень его образования. Образование определяет не только возможность получения той или иной работы, но и во многих случаях, возможность переподготовки или расширения сферы своих обязанностей через дополнительное обучение или курсы повышения квалификации. Известно, что работодатель охотнее нанимает работника с высшим образованием. Учитывается большая мобильность или возможность изменить характер работы в случае, если это будет необходимо (чем у работника с более низким уровнем образования и квалификации). В целом, в интервале 2004-2013 гг. по ЕС произошло небольшое увеличение

занятости (около 2 %), но темпы роста отдельных стран (Словения и Венгрия) так и не достигали среднего уровня по ЕС, в то время как в других странах (Болгария, Эстония и Польша) рост занятости был более значительным. Тем не менее, как в ЕС в целом, так и в отдельных государствах-членах ЕС поддерживается более высокий уровень занятости для людей с высшим образованием (значительно превышает 80%). Это намного выше, чем для людей с начальным образованием (уровень занятости ниже 40%) [4].

В дополнение к уровню образования, также очень важным фактором, влияющим на уровень занятости, является возраст работника. В наиболее неблагоприятном положении находятся работники в экстремальных возрастных группах или в диапазонах 15-24 лет и 55-64 лет. Первая из этих групп – это молодые люди – выпускники средней или высшей школы с очень малым профессиональным опытом или его полным отсутствием. Учитывая социальные условия на рынке труда, существует явное нежелание работодателей нанимать молодых работников. Имеются четко суженные сектора занятости, которые для них доступны. В старшей возрастной категории это еще связано с низкой мобильностью, или ее отсутствием, что также определяет структуру рынка труда. Эта группа населения уже находится по возрасту в конце своей карьеры. Они подвергаются рискам на рынке труда в наибольшей степени из-за отсутствия адаптации к новым экономическим условиям и последствиям экономической реструктуризации.

Наряду с экономическими изменениями был отмечен феномен сокращения рабочих мест, снижения уровня занятости и изменения в характере работы. Во многих случаях была необходима переподготовка, что как оказалось, не всегда возможно, и, как правило, это было дорого. Работодатели, не проявившие достаточную гибкость в вопросе переподготовки своих сотрудников и инвестирования в переподготовку, получили серьезные проблемы, связанные с необходимостью увольнения своих сотрудников. Кроме того, сотрудники, имеющие возраст выхода на пенсию, более уязвимы к возникновению проблем со здоровьем. И часто они выбирают возможность принять решение о досрочном выходе на пенсию, отказавшись от работы на полный рабочий день. Это в значительной степени влияет на уровень занятости в возрастной группе 55-64 года. Детальный анализ уровня занятости в целом, и в двух указанных крайних возрастных группах 15-24 лет и 55-64 лет позволяет сделать ряд выводов, представленных ниже.

Мировой финансово-экономический кризис 2008-2009 гг. в основном не оказал заметного влияния на возрастную структуру занятости. В последующие годы динамичный рост занятости в возрастной группе 55-64 лет следует считать следствием Лиссабонской стратегии. Одной из ключевых ее задач было повышение активности людей в возрасте старше пятидесяти пяти лет к 2010 году за счет увеличения на 5 лет границы достижения пенсионного возраста. К сожалению, разработанная в Лиссабоне экономическая стратегия не была полностью реализована даже к 2013 году. Но, в некотором смысле, активизировались усилия со стороны правительств стран ЦВЕ к частичной ее реализации.

Средний уровень занятости населения в возрасте 55-64 года для ЕС-27 в 2013 году составил 50,3%. В некоторых странах (Эстония, Литва, Латвия, Чехия) он достиг значений, предусмотренных постулатами Лиссабонской стратегии. Но в большей части стран он не достиг желаемого уровня, и в некоторых (Венгрия, Польша и Словения) даже был ниже примерно на 10%.

Среди стран Балтии Эстония, Латвия и, в меньшей степени, Литва достигли одного из самых высоких показателей занятости и экономической активности в возрастной группе 55-64 года (приблизительно 62%). Следует отметить, что в Эстонии нет специальной программы для людей в возрасте 50+. Единственным исключением является государственная поддержка для работодателей, которые нанимают людей с низкой квалификацией, в том числе безработных, в последние пять лет, перед достижением пенсионных прав. Возраст выхода на пенсию для мужчин составляет 63 года, для женщин – 60 лет. Досрочный выход на пенсию может получить человек с выслугой не менее 15 лет и в возрасте не более трех лет до достижения пенсионного. Утверждается, что в 2016 году пенсионный возраст для женщин

будет приравниваться к пенсионному возрасту для мужчин. В Латвии в соответствии с правовым статусом пенсионного возраста для мужчин этот уровень составляет 62 года, а для женщин – 61 год. Чтобы получить некоторую выгоду дополнительно необходимо иметь минимум 10 лет профессионального опыта (тогда увеличиваются дополнительные выплаты к пенсионным взносам). Средний возраст ухода с рынка труда в этой стране в 2012 году составил 63,3 года, что означает, что средний латвийский пенсионер работает больше, чем это необходимо по законодательству.

Осуществление руководящих принципов ЕС по уровню занятости пожилых людей в странах Балтии является результатом проведения пенсионных реформ в 1990-е годы, открывших возможность получения более высоких пенсионных выплат, связанных с работой за пределами установленного законом пенсионного возраста. Этот фактор способствовал значительному расширению временных рамок профессиональной деятельности населения прибалтийских республик.

В отличие от стимулирования пожилых людей к продолжению работы даже после выхода на пенсию, противоположное влияние на состояние рынка труда стран ЦВЕ имеют миграции за границу молодых людей, получившие большое распространение в рассматриваемых странах и приведшие к дефициту опытных работников на рынке труда этих стран.

Анализируя масштабные изменения в уровне занятости в 2013 году по сравнению с 2004 годом в разных возрастных группах потенциальных сотрудников, можно сделать вывод, что наиболее сильное увеличение уровня занятости людей в возрасте 55-64 зафиксировано в Словакии, Польше и Болгарии. Напротив, сильное снижение занятости характерно для молодых людей в возрасте 15-24 лет во всех анализируемых странах, за исключением стран Балтии и Польши [5].

Динамика изменения уровня занятости по отраслям хозяйства стран ЦВЕ

Рассмотрим уровень занятости в секторах экономики (сельское хозяйство, промышленность, сфера услуг). Реструктуризация экономики стран ЕС изменила пропорции в структуре занятости. Роста потребность в рабочей силе в сфере услуг при ее снижении в обрабатывающей промышленности. В то же время определение «услуги» претерпело огромные изменения. Это связано в значительной степени с ростом новых видов услуг, изменением их роли и сфер деятельности, которые влияют на экономический рост, и, прямым или косвенным образом, – на повышение конкурентоспособности различных секторов экономики.

Запущенный в 90-е годы XX века механизм экономической политики правительства многих стран Центрально-Восточной Европы, как часть процесса реструктуризации экономики, привел к краху многих убыточных государственных предприятий. Это способствовало уменьшению роли промышленности и сельского хозяйства в общих экономических структурах. Еще одной причиной для роста значения сектора услуг в экономике является быстрый рост роли торговли, в основном из-за низких вложений капитала в создание новых рабочих мест. В результате политических изменений и структурной перестройки экономики, повысилась роль сервисной инфраструктуры и значительно увеличилась площадь ее работы. Качественные изменения, происходящие в сфере услуг, в большей степени определяли производственные процессы, и удовлетворение потребностей населения, что приводило к увеличению доли сферы услуг в национальном доходе.

Видна роль этих изменений и в структуре рынка труда, и в значительном сокращении безработицы. В отличие от модернизации экономики и повышения ее конкурентоспособности эти изменения достигаются за счет внедрения современных и совершенно новых видов платных услуг, основанных на знаниях. Развитие сектора услуг, связанного с улучшением и совершенствованием бизнес-процессов, оказывает влияние на возможности их долгосрочного и стабильного развития.

Сфера услуг включает в себя все отрасли народного хозяйства, основанные на предоставлении тех или иных услуг населению и обслуживании нужд народного хозяйства. К ним относятся, главным образом, торговля, транспорт и коммуникации. Дополнительно к сфере услуг относят такие области, как наука и техника в целях развития, образования и воспитание, культура и искусство, здравоохранение и социальное обеспечение, физическая культура, туризм и отдых, жилищное строительство, финансы и страхование, государственное управление и политические организации.

В поисках прямого или косвенного воздействия услуг по обслуживанию бизнес-процессов достаточно указать на тесную связь науки и технологий с темпами роста объемов производства отраслей народного хозяйства. Развитие науки и техники, распространение и повышение уровня образования, культурного развития, здравоохранения и других социальных услуг – это в настоящее время очень важные элементы, стимулирующие социально-экономическое развитие. Действуя на повышение уровня и качества образования, профессиональной квалификации и общее повышение уровня культуры и качества жизни, услуги оказывают влияние на повышение эффективности и качество работы сотрудников в национальной экономике. Это способствует более динамичным темпам социально-экономического развития страны. Таким образом, детальный анализ структуры рынка труда не может быть осуществлен без характеристики роста занятости в секторе услуг.

В то же время, важно обратить внимание на тот факт, что рост занятости в сфере услуг происходит за счет значительных потерь работников в двух других секторах экономики (промышленность и сельское хозяйство). Это легко объяснить - реорганизация, ликвидация убыточных заводов и мест работы или отсутствие желания со стороны работника осуществить переподготовку. В сельском хозяйстве это было связано с введением ряда модернизаций, а также нежелание людей взяться за тяжелую работу в сельской местности. Поэтому динамика снижения занятости в сельском хозяйстве гораздо сильнее, чем в промышленности.

Анализируя структуру занятости по отраслям трех секторов экономики, получаем, что в каждой из выбранных для анализа стран, занятость в секторе услуг находится на самом высоком уровне на сегодняшний день и превышает уровень занятости в других секторах экономики. Тем не менее, по сравнению со средним уровнем занятости в сфере услуг, наблюдаемым в ЕС (68,4% в 2004 году и 72,5% в 2013 году) уровень ниже и сильно дифференцирован в выбранной нами для анализа группе стран. Ближе всего к среднему уровню ЕС были в 2004 году Словакия, Эстония, Латвия и Венгрия (60%).

Самые большие отклонения были зафиксированы в Румынии и Болгарии (35% и 51%). В 2013 году соотношение не изменилось. Самая большая доля занятости сотрудников в сфере услуг была в странах Балтии: Латвии (68,4%), Эстонии (66,4%) и Литве (66,1%), а также в Словакии. Менее востребованы работники в сфере услуг в Румынии (41,3%) и Болгарии (55,6%). При выявлении причин этого можно рассматривать различные параметры динамики структурной перестройки экономики и, прежде всего, анализировать параметры после вступления этих двух стран в ЕС.

Изменение системы управления для государств-членов ЕС помогли более динамичному развитию современных технологий, тем самым также изменяя структуру занятости. Снижение роли промышленности в ВВП, рост безработицы имеет неоспоримое влияние на рост занятости в сфере услуг и снижении уровня занятости в других секторах. Важным является изменение занятости или самозанятости, оплачиваемой неполной занятости или наличие нескольких рабочих мест. Эти новые формы занятости возможны больше в секторе услуг, чем в промышленности. Если мы проведем подробный анализ средней скорости изменения уровня занятости в трех секторах экономики в интервале времени с 2004 по 2013 гг., то окажется, что наиболее динамичные изменения в виде ежегодного увеличения уровня занятости в сфере услуг наблюдалось в Румынии (1,82%) и Литве (1,78%). Они превысили почти в три раза ежегодный рост занятости в сфере услуг на всей территории ЕС (0,65%). Самый низкий рост был отмечен в Чехии (0,64%), и это было немного ниже, чем в среднем по

ЕС. Статистические данные иллюстрируют темпы роста или снижения уровня занятости в промышленности и сельском хозяйстве. Как и ожидалось сокращение занятости в сельском хозяйстве гораздо сильнее, чем в промышленности, и в тех странах, в которых занятость в сфере услуг выросла больше всего. Так было в Литве (-6,65%), Латвии (-5,79%) и Словакии (4,18%). Невысоким было среднегодовое сокращение занятости в сельском хозяйстве в Румынии (-0,61%).

Если оценивать масштабы роста и сокращения занятости в различных секторах по сравнению с 2004 годом, то видно, что рост занятости в сфере услуг произошел в каждой из выбранных стран.

Заключение

Структурные изменения в экономике имеют своим источником развитие современных технологий, превращая индустриальную цивилизацию в цивилизацию сервисную (постиндустриальную), основанную на знаниях. Тем не менее масштаб этих изменений зависит от потенциала трудовых ресурсов, и изменений, происходящих на локальных рынках труда в каждой стран Центрально-Восточной Европы..

В статье выявлен ряд закономерностей, происходящих на рынке труда стран ЕС, где государства сталкиваются с рядом экономических проблем. Очевидно, что экономические изменения носят эволюционный, а не революционный характер. Невозможно достичь быстрых изменений в структуре занятости, рассматривая их только как последствия технологических изменений. Хотя рынок труда находится в зависимости от этого процесса. Экономические и политические события в Европе влияют самым непосредственным образом на рынок труда (даже последние события на Украине). И события в мире увеличивают приток беженцев в Европу из разных беспокойных в политическом плане регионов мира, что также меняет ситуацию с занятостью населения. В целом же анализ показал, что на рынке труда стран Центрально-Восточной Европы произошли и происходят ныне существенные изменения.

Литература

1. ЕВРОСТАТ. Данные по экономически активному населению. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/setupModifyTableLayout.do?&state=new¤tDimension=DS-053514INDIC_EM (Дата обращения: 15.05.2016)
2. ЕВРОСТАТ. Данные по занятости населения. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/setupModifyTableLayout.do?&state=new¤tDimension=DS-053312INDIC_EM (Дата обращения: 22.05.2016)
3. ЕВРОСТАТ. Данные по безработице. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/setupDownloads.do> (Дата обращения: 31.05.2016)
4. ЕВРОСТАТ. Данные по занятости населения по полу и возрасту. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=lfsa_ergaed&lang=en (Дата обращения: 29.05.2016)
5. ЕВРОСТАТ. Данные по структуре занятости населения по секторам экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do?sessionId=9ea7d07e30e374824d2f305c4cde840cacb010791fc1.e340aN8Pc3mMc40Lc3aMaNyTbx0Qe0> (Дата обращения: 29.05.2016)
6. ЕВРОСТАТ. Данные по динамике изменения уровня занятости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/show.do?dataset=lfsi_grt_a&lang=en (Дата обращения: 29.05.2016)
7. *Balcerowicz-Szkutnik M.* The diagnosing parameters the Labour market generation 50+ in the selected EU countries. *Prace Naukowe UE Katowice. Mathematical, econometrical and computer methods in finance and insurance 2009.* Katowice, 2011, С. 11-24.
8. *Balcerowicz-Szkutnik M.* Problemy starzenia rynku pracy - analiza statystyczno-demograficzna dla wybranych państw UE *Studia Ekonomiczne UE Katowice nr 76* Statystyczno-dynamiczne modele zarządzania ryzykiem ekonomicznym. Prognostyczne uwarunkowania w gospodarce i analizach społecznych. Katowice, 2012, С. 103-116.

ГОРОДА КАК ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОСНОВА СОЦИАЛЬНО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)⁴⁰

Города при всех противоречиях и сложностях процессов, происходящих в их границах, уже стали преимущественной по численности населения формой расселения современного мира – каждый второй житель планеты горожанин. А в развитых странах – городских жителей более 70%. Именно поэтому можно рассуждать о городах как о пространственной основе социально-эколого-экономического развития современного общества.

При всем разнообразии, многоликости, непохожести городов есть черты, свойства, объединяющие и делающие города городами. Первое из таких свойств это искусственно созданная человеком среда - антропогенный ландшафт города, измененные природные условия, адаптированные для жизни и комфорта человека. Второе важнейшее свойство городов – скученность людей, высокая плотность населения, зданий, а также скорость процессов, происходящих в городах. Третье базовое свойство – концентрация социально-экономической активности на относительно небольшой урбанизированной территории.

Города значительно отличаются друг от друга как численностью населения и другими его характеристиками, так и уровнем «природной сохранности» или состоянием окружающей среды, качеством воздуха, площадью, покрытыми парками площадями, скверами и зелеными насаждениями, уровнем шума в пределах городских границ. Однако, наиболее заметно различие городов по выполняемым ими социально-экономическим функциям. Последнее особенно заметно при переходе к экономике знаний или постиндустриализации, характеризующей лидирующей ролью сферы услуг в хозяйственном механизме и общественной жизни населения.

Города, находящиеся на переднем плане мировой экономики, демонстрируют высокий интерес к развитию туризма, финансовой сферы, образования, медицинского обслуживания, информационным технологиям – всему тому, что составляет основу современной сферы услуг.

Известно, что объективным процессом, свойственным современному этапу урбанизации в мире, является формирование городских агломераций. Несмотря на то, что вопрос о формировании урбанизированных территорий, ныне именуемых агломерациями, довольно подробно рассматривался ведущими отечественными и зарубежными географами, до сих пор не только термин агломерация, но и сама суть процессов и результатов городского агломерирования недостаточно прояснена в отечественной литературе [3,6]. Приведем пару определений: агломерация (городская агломерация) – «компактная и относительно развитая совокупность дополняющих друг друга городских и сельских поселений, группирующихся вокруг одного или нескольких городов-ядер и объединенных многообразными и интенсивными связями; это тот ареал, то пространство потенциальных и реальных взаимодействий, в которое вписывается недельный жизненный цикл большинства жителей современного крупного города и его спутниковой зоны» [1, С. 304]. Или агломерация – это «компактное скопление населенных пунктов, главным образом городских, местами срастающихся, объединенных интенсивными производственными, транспортными и культурными связями» [2, с.294].

В Европе вокруг города-ядра «возникают сразу отдельные небольшие городки с пятиэтажными домами, мощными асфальтом улицами и электрическим освещением, в первые годы еще отделенные от своей метрополии небольшими участками полей или огородов, а затем быстро сливающихся с ней воедино». Расширение же отечественных крупных городов происходило «при общей бедности» и «постепенно, но непрерывно переходит в деревню, оканчиваясь жалкими деревянными домишками, немощенными и неосвещенными улицами, среди которых постепенно вырастают в одиночку каменные дома, участки мостовых и освещение, чаще из окон и дверей магазинов» [6 с.85].

⁴⁰ Исследование осуществлено при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Республики Татарстан в рамках научного проекта №15-13-16004

В настоящее время внимание к теме городских агломераций растет как в научной, так и практической деятельности по ряду причин, среди которых стоит назвать причины демографического характера (рост численности населения происходит именно в крупных и крупнейших городах), экономического характера – концентрация разнообразных перспективных видов деятельности, а также управленческих мероприятий, в настоящее время связанных с необходимостью разработки стратегических планов развития городов и городской среды.

В связи с этим интересен опыт отдельных отечественных городов в выстраивании своего современного социально-экономического профиля, изменения демографических характеристик и внимания к природной сфере в городской черте и проч.

Агломерации Республики Татарстан. Отметим, что Республика Татарстан является высокоурбанизированной территорией среди субъектов РФ, где более 76% населения проживает в городах, причем указанная цифра растет. Важно и то, что растет население крупных городов республики не только за счет других территорий, но и за счет естественного прироста населения [8]. В настоящее время в составе республики находятся 45 муниципальных образований, из них 43 муниципальных района и два городских округа – Казань и Набережные Челны.

Согласно Закону Республики Татарстан № 40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» на территории республики выделяются три агломерации – Казанская, Камская и Альметьевская [2]. Всего 23 города и 18 поселков городского типа. В таблице 1. «Численность населения городов Республики Татарстан (2015/2016 г.)» приведены данные за два года, из которых можно сделать вывод и преимущественном росте населения крупных городов республики и определенной стабильности или снижении численности населения в малых городах. В таблице указаны города входящие в состав республиканских агломераций, а также вне агломерационных границ (табл. 1)

Таблица 1. Численность населения городов Республики Татарстан

Город	Муниципальный район (МР)/агломерация	Численность населения, человек	
		2015 г.	2016 г.
Казань	Казанская агломерация	1205651	1216965
Набережные Челны	Камская агломерация	524444	526750
Нижнекамск	Нижнекамский МР/ Камская агломерация	235549	236294
Альметьевск	Альметьевский МР/Альметьевская агломерация	151157	152580
Зеленодольск	Зеленодольский МР/ Казанская агломерация	98462	98763
Бугульма	Бугульминский МР/ Альметьевская агломерация	86747	86085
Елабуга	Елабужский МР/ Камская агломерация	73366	73770
Лениногорск	Лениногорский МР/ Альметьевская агломерация	63635	63314
Чистополь	Чистопольский МР	61116	60956
Заинск	Заинский МР	41301	41131
Азнакаево	Азнакаевский МР/ Альметьевская агломерация	34720	34700
Нурлат	Нурлатский МР	33102	33141
Арск	Арский МР	22263	22692
Менделеевск	Менделеевский МР/ Камская агломерация	22200	22183
Бавлы	Бавлинский МР	22114	22235

Буинск	Буинский МР	20854	20886
Агрыз	Агрызский МР	19738	19739
Кукмор	Кукморский МР	17479	17694
Мензелинск	Мензелинский МР	16952	17043
Мамадыш	Мамадышский МР	15528	15573
Тетюши	Тетюшский МР	11471	11433
Лаишево	Лаишевский МР/Казанская агломерация	9938	10069
Болгар	Спасский МР	8725	8742

Составлено по данным официального сайта территориального органа федеральной службы государственной статистики по РТ [5].

Территориально агломерации смещены к административным границам республики – крупнейшая по численности столичная Казанская агломерация к северо-западу, Камская – к северо-востоку, Альметьевская – к юго-востоку и формируют треугольник на карте Татарстана. Самый большой по численности населения и единственный, превышающий отметку в 50000 человек, город, не входящий в агломерации – Чистополь находится в географическом центре республики на левом берегу Камы.

Современные требования к качеству городской среды, особенно городских агломераций, включают в себя требования комфортности, экологичности, эффективной социальной инфраструктуры, технологичности и эстетичности.

Комфортность городской среды должна быть связана в первую очередь с ощущение м безопасности, транспортной доступности (качество транспортных средств, адекватная сеть маршрутов общественного транспорта, наличие парковочных мест), безбарьерным пространством (наличие пологих пандусов с поручнем, создание удобных мест для отдыха перед домом для людей с ограниченной мобильностью).

В экологичном городе максимально сохраняется на жилой территории естественная экосистема в результате организации раздельного сбора твердых отходов, пространств с агрокультурой, обустройства площадок для выгула собак. Важным становится также осуществление новых посадок растений, создание замкнутого цикла водных процессов (например, использовать дождевую воду для полива, а не сбрасывать её в канализацию).

Эффективная социальная инфраструктура отличается приспособленность среды к различным видам активных занятий населения (наличие обустроенных велосипедных дорожек и велостоянок), дифференциация пространств, ориентированная на разные возрастные группы, организация пространств приватного, коллективного и общественного назначения, благоустройство прилегающих территорий, наполнение нижнего яруса жилого пространства различными функциями.

Технологичность города формируется через использование «зеленых технологий», таких как внедрение альтернативных источников энергии, ресурсно- и энергосберегающие решения в жилой застройке и внедрение инновационных технологий.

Эстетичность определяется наличие современных визуальных кодов (индивидуальный облик каждого двора, цветовое разнообразие) и чистотой и наличием технических возможностей для её поддержания/ Современными требованиями к качеству городской среды включают в себя требования комфортности, экологичности, эффективной социальной инфраструктуры, технологичности и эстетичности.

Комфортность городской среды должна быть связана в первую очередь с ощущение м безопасности, транспортной доступности (качество транспортных средств, адекватная сеть маршрутов общественного транспорта, наличие парковочных мест), безбарьерным пространством (наличие пологих пандусов с поручнем, создание удобных мест для отдыха перед домом для людей с ограниченной мобильностью).

В экологичном городе максимально сохраняется на жилой территории естественная экосистема в результате организации раздельного сбора твердых отходов, пространств с агрокультурой, обустройства площадок для выгула собак. Важным становится также

осуществление новых посадок растений, создание замкнутого цикла водных процессов (например, использовать дождевую воду для полива, а не сбрасывать её в канализацию).

Эффективная социальная инфраструктура отличается приспособленностью среды к различным видам активных занятий населения (наличие обустроенных велосипедных дорожек и велостоянок), дифференциация пространств, ориентированная на разные возрастные группы, организация пространств частного, коллективного и общественного назначения, благоустройство прилегающих территорий, наполнение нижнего яруса жилого пространства различными функциями.

Технологичность города формируется через использование «зеленых технологий», таких как внедрение альтернативных источников энергии, ресурсно- и энергосберегающие решения в жилой застройке и внедрение инновационных технологий.

Эстетичность определяется наличие современных визуальных кодов (индивидуальный облик каждого двора, цветовое разнообразие) и чистой и наличием технических возможностей для её поддержания [4].

Стратегией Республики Татарстан до 2030 года определены следующие направления развития агломераций. Казанская агломерация – постиндустриальная с акцентом на образование, высокотехнологичную медицину, информационные технологии, финансовый сектор, туризм. Камская агломерация – территория активного развития современной промышленности: химического и нефтехимического комплекса, машиностроения. Альметьевская агломерация названа формирующейся и ее перспективы основаны на «диверсификации экономики, модернизации нефтегазового комплекса на основе развития высоких технологий в области нефтедобычи и перехода к ее глубокой переработке, индустриализация сельскохозяйственных видов деятельности [2, С.137].

Казань – столица республики, крупнейший по численности населения город, ядро моноцентрической Казанской агломерации. Почти каждый третий житель республики проживает в столице - общая численность населения РТ составляет – 3,855 миллиона человек. Численность населения Казанской агломерации в 2015 году составляла более 1,5 миллиона человек, из которых на Казань приходилось 80%.

Пять муниципальных районов – Зеленодольский, Верхнеуслонский, Высокогорский, Пестречинский и Лаишевский - формируют пригородную зону или агломерационный пояс, численность которого составляет около 300 тысяч человек, в т.ч. городское – более 130 тысяч человек.

Наиболее урбанизированный район пояса Казанской агломерации – Зеленодольский, административный центр которого насчитывает почти 100 тыс.человек и имеет тесные агломерационные связи с Казанью на протяжении десятков лет. Зеленодольск – типичный город-спутник, имеющий промышленную специализацию и отличающийся высоким уровнем озеленения и достаточно хорошо сохранными природными условиями, что делает его привлекательным как для жизни, так и отдыха. В Верхнеуслонском районе расположен самый молодой и перспективный город – Иннополис, строительство которого связано с перспективами развития образования и информационных технологий. Лаишевский район, также как и его административный центр находятся в замечательных природно-географических условиях – место слияние Волги и Камы, одна из наиболее ярких характеристик этого района – размещение дач и коттеджных поселков как второго жилья жителей Казани.

Казанская агломерация сформировалась на основе Казанско-Зеленодольского промышленного узла. Традиционно Казань крупный торговый город, умело использующий преимущество экономико-географического положения. В XX веке это и мощный индустриальный, образовательный и научный центр. Начало XXI века стало и началом нового постиндустриального витка развития города, связанного, прежде всего, с активным развитием туризма.

Развитие природоохранных мероприятий и туризма в республике. Нужно сказать, что в сферу туризма вслед за Казанью вовлечены и другие муниципальные образования агломерации – Остров-град Свияжск и Раифский монастырь Зеленодольского района,

горнолыжный курорт «Казань», Иннополис как центр делового и образовательного туризма (Верхнеуслонский район), Лаишевский район – место расположения международного аэропорта «Казань» - «воздушные ворота» для всей республики.

Туризм как отрасль весьма требовательна к состоянию окружающей среды, эстетическим качествам, сохранению историко-культурного наследия, способствует улучшению состояния городской среды. Так, например, подготовка к Универсиаде – 2013 велась не только в плане строительства транспортной инфраструктуры, зданий и сооружений спортивного характера, а также общежитий для проживания спортсменов («Деревня Универсиады» - в настоящее время студенческие общежития), но и стимулировала появление экологического проекта «Зеленый рекорд», смысл которого заключается в озеленении территории, а затем и «Цветущая Казань».

Президент Татарстана Рустам Минниханов сказал: «Не надо искать счастья в Европе, в Америке — твое счастье здесь. Живи в прекрасном городе Казань, в Иннополисе, в Челнах».

Помимо городских программ реализуются программы республиканского уровня – «Год парков и скверов» (2015) и «Год водоохранн зон» (2016). В рамках данных программ природные объекты городов – парки и набережные, не только реконструируются, но и получают дополнительные социальные функции. Эксперты в области охраны окружающей среды отмечают улучшение состояния атмосферного воздуха в Казани в связи со снижением количества транспортных «пробок», что стало возможно благодаря строительству развязок на автодорогах города. Указанные республиканские программы реализуются в ряде городов республики и существенным образом влияют на улучшение состояния городской среды не только столичного города, но и центров двух других агломераций.

Помощник Президента РТ по вопросам парков и скверов Наталия Фишман сообщила о том, что «в Татарстане по итогам Года парков и скверов в 2015 г. появилось 140 новых объектов, из которых 75 являются объектами нового строительства и 65 – объектами капитального ремонта. На эти цели был выделен 1 млрд. рублей из республиканского бюджета и еще 600 млн. рублей – инвестиции меценатов, инвесторов. Это очень серьезные цифры. Кроме что Москвы и Санкт-Петербурга, никто в таких масштабах в стране как в Казани развитием общественных пространств не занимался». [7]. Были оценены мероприятия и составлен рейтинг реализации работы в рамках программы Года парков и скверов. Рейтинг районов Татарстана был составлен весьма неслучайно. В ряде объектов в Казани и в районах республики в 2015 году прошли мероприятия в рамках первой очереди работ. В следующем году программа Года парков и скверов будет продолжена – на нее уже снова выделен 1 млрд. рублей. Плюс ко всему уже известно, что команда Наталии Фишман будет заниматься также и реализацией мероприятий программы Года водоохранн зон в РТ в 2016 году, на которую выделен 1 млрд. рублей. Рейтинг районов республики необходим для того, чтобы в соответствии с выставленными оценками распределить между наиболее успешными районами в реализации республиканских программ гранты на реализацию тех или иных мероприятий. В частности, будет вестись работа по привлечению татарстанских производителей предметов и объектов, могущих стать частью общественного пространства. Это обеспечит поддержку отечественного производителя и удешевит строительные и ремонтные работы в парках и скверах республики.

Кроме того, по поручению Президента РТ Рустама Минниханова будет создан так называемый архитектурный десант – команда архитекторов, которая после прохождения предварительных дополнительных образовательных программ отправится в районы республики, реализуя программу парков и скверов, принимая активное участие в разработке и создании тех или иных культурных рекреационных объектов городской среды. «Нам важно системно уйти от того, чтобы средства программы расходовались на банальное благоустройство неблагоустроенных территорий. Мы хотим, чтобы в каждом населенном пункте в результате реализации программы Года парков и скверов возникла какая-то существенная точка притяжения, нечто такое, что муниципалитет никогда бы не смог сделать сам», - заключила помощник Президента Татарстана [7]. В программу «Год водоохранн зон» в 2016 г., по утверждению Н.Фишман, войдут набережная «Красный ключ» и речевой элемент части старого моста в Нижнекамске, водохранилище в Альметьевске, а еще ул. Центральная, мечеть и

территория около воды района ГЭС в Набережных Челнах. Этот город также был отмечен в числе лидеров 2015 г. Также в числе отличившихся районов республики Татарстан по реализации программы «Год парков и скверов» (2015) были названы Муслимовский, Альметьевский, Сабинский, Лениногорский, Зеленодольский, Актанышский, Заинский и Бугульминский районы.

В целом, можно отметить, что ориентация города Казань и других городов Татарстана на постиндустриальное развитие положительным образом сказывается на состоянии городской среды, ее экологических параметрах и столица республики в определенном смысле задает тон развитию других городов и урбанизированных территорий, в первую очередь непосредственно оказывая влияние на свой агломерационный пояс.

Таким образом, можно на примере социально-экономически развитой республики проследить изменение роли городов в современном социально-экономическом пространстве. Переход к постиндустриальной стадии развития приводит к большему вниманию руководителей городов к качеству городской среды. Требования к благоприятной экологической обстановке становятся не просто лозунгом, но насущной необходимостью в связи с изменением приоритетов в конкурентных преимуществах и ресурсах, их обеспечивающих.

Как известно в современном мире важнейшим ресурсом, движущей силой развития становится человек, его умения, желания, активность, навыки. Именно поэтому свое будущее города выстраивают с учетом обеспечения такой среды, которая была бы способна привлечь наиболее качественный человеческий капитал. Причем создание благоприятных условий для горожан, сохранение природных и историко-культурных преимуществ позволяет активно развивать городскую туризм – одну из наиболее значимых отраслей сервисной экономики.

Заметно и то, что демографическая ситуация в крупных и крупнейших городах складывается в настоящее время более благоприятно нежели в малых и средних, как за счет миграции, так и за счет естественного прироста. Население «голосует» не просто за городской образ жизни, а за разнообразие возможностей для жизни, работы и отдыха, которые предоставляют крупные и крупнейшие города.

Литература

1. *Анимца Е.Г.* Градоведение: учеб. пособие / Е.Г. Анимца, Н.Ю. Власова; Федер. агентство по образованию, Урал. гос. экон. ун-т. – 4-е изд., перераб. и доп. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2010. – 433с.
2. Закон Республики Татарстан от 17 июня 2015 года № 40-ЗРТ «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Татарстан до 2030 года» [Электронный ресурс] — Режим доступа: http://tatarstan2030.ru/UserFiles/Files/Strategy%20RT_zakon.pdf/
3. *Крубер А.А.* Общее землеведение. Часть III (БИО- и АНТРОПОГЕОГРАФИЯ) – Государственное издательство. Главное управление. Москва 1922. - 404 с.
4. *Нефедов В.* Как вернуть город людям? – М: Искусство – XXI век, 2015 – 160 с.
5. Официальный сайт Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://tatstat.gks.ru/>
6. *Семенов-Тянь-Шанский В.П.* Город и деревня в Европейской России. Очерк экономической географии с 16 картами и картограммами. Санкт-Петербург: Лань, 2014. - 215 с.
7. *Фишман Н.* Хотим, чтобы в каждом населенном пункте возникла точка притяжения [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://prav.tatarstan.ru/rus/index.htm/news/530918.htm>
8. *Хуснутдинова С.Р., Сафонова М.В.* Демографическая ситуация урбанизированных территорий Республики Татарстан / С.Р.Хуснутдинова, М.В.Сафонова //Фундаментальные исследования. - 2015. - №12. - С.427-431

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все статьи данного коллективного труда характеризуют проблемы развития мирового сообщества с разных сторон на разных иерархических уровнях, в первую очередь пространственных. Цель этой книги представить многоаспектный анализ происходящих в начале XXI века в мировой экономике и в целом в мировом хозяйстве изменений.

Все события в нашем мире связаны между собой невидимыми и вполне осязаемыми нитями сопряченности. Проблемы мировой экономики остались прежними, только декорации поменялись. Противоречия и асимметрии глобального развития выступают, с одной стороны, источником постоянного развития мировой экономической системы. С другой – это перманентный конфликт интересов экономических субъектов мирового хозяйства, в том числе между транснациональными корпорациями и государствами, международными организациями, региональными интеграционными объединениями. Наряду с этим действия глобальных игроков (ТНК и некоторых развитых стран), направленные на ограничение возможностей реализации экономических интересов развивающихся экономик и формирующихся рынков, всегда вызывают закономерное противодействие со стороны последних.

Нельзя рассматривать клетку отдельно от всего организма. Так, государства являются составной частью мировой экономики, и все они в настоящее время в той или иной степени вовлечены в мирохозяйственное развитие. Влияние целого на частное становится все более заметным. В этом мире нет чего-то правильного или неправильного. «Времена не выбираю. В них живут и умирают». А цель научных исследований – познание действительности, выявление закономерностей и парадоксов развития.

Так, например, анализ трансформаций пространственной структуры глобальной экономики с позиций сравнительно новых методологических подходов – трансграничных цепочек добавленной стоимости, глобальных сете-узловых структур и градоцентрической концепции – четко фиксирует «географический переход» из развитых стран в развивающиеся. Это означает усложнение территориальной организации мирового хозяйства и увеличение значимости Полупериферии, как отмечают одни из наших авторов.

Глобализация и инновационное развитие привели к глубоким изменениям в отраслевой структуре мирового хозяйства. Произошла «сервисизация» экономики. Тем не менее, «деиндустриализация», с позиции имеющего место сокращения занятости населения в мировой промышленности за последние десятилетия, не означает «ненужности» этой отрасли для экономики. Развитие промышленности является решающим фактором для достижения высокой производительности и эффективности всего экономического механизма. При этом в большинстве развивающихся стран (и в первую очередь в Китае, Индии, Бразилии и др.) занятость во вторичном (индустриальном) секторе экономики с начала XXI века растет и довольно быстрыми темпами.

Поэтому, на наш взгляд, сам термин «деиндустриализация» скорее вводит в заблуждение, нежели дает четкое определение процессам, разворачивающимся в современной мировой экономике. Многие ведущие страны мира в настоящее время намерены (и уже осуществляют данные планы) свои посткризисные стратегии «пустить» по рельсам реиндустриализации – восстановления роли материального производства, хотя понятно, что для развитых стран реиндустриализация (неоиндустриализация) будет происходить на новой технологической волне, что это будет высокотехнологичная индустрия постиндустриальной эпохи.

В неразрывной связи со сдвигами и преобразованиями отраслевого состава мирового хозяйства (роста значения обрабатывающей промышленности, а в ней – высокотехнологичного производства) происходят трансформации в его территориальной структуре. В условиях глобализации по-прежнему сохраняется основной механизм ее эволюции – центр-периферический.

С точки зрения пространственных закономерностей экономического развития и организации производства на глобальном уровне – различия по-прежнему сохраняются по линии «Север» – «Юг» (развитые – развивающиеся страны). Но роль и значение развивающихся стран в производстве и экспорте промышленной продукции неуклонно растут. Изменение пространственной конфигурации мировой экономики, отражаемое методами статистики ВВП, объемов промышленного и сельскохозяйственного производства, фиксирует очевидный подъем развивающихся стран, прежде всего ведущих. Среди лидеров мировой экономики по объему ВВП по паритету покупательной способности валют (помимо нескольких высокоразвитых стран) находятся ныне Китай, Индия, Индонезия, Мексика, Республика Корея, Саудовская Аравия и т.д.

Вопросы эффективности происходящих пространственных сдвигов в мировом хозяйстве – самые сложные. Изменения в пространственной структуре мировой экономики привели к современному состоянию, которое экономисты и политики называют «глобальным дисбалансом». Асимметричность является характерной чертой глобализации и, как следствие, мирового экономического развития. Формирование пространственного дисбаланса в мировом хозяйстве, выражается, прежде всего, в том, что один региональный центр – США – «поглощает» более трети производимой в мире товарной продукции (создавая при этом, менее 20% всего мирового производства), представляет собой крупнейший мировой центр притяжения иностранного капитала. Глобальный капитал, значительная часть которого сконцентрирована в ТНК, порождает асимметрию в масштабах производства валового внутреннего продукта (ВВП) и валового национального дохода (ВНД) в мире.

Так, или иначе, но сокращение разрыва в уровнях экономического развития между Центром и мировой Периферией (в широком смысле слова) становится необходимой предпосылкой дальнейшего поступательного развития самого Центра, с одной стороны, и основой углубления глобализационных процессов, с другой. Выявилась ограниченность трактовки международного разделения труда только в рамках отношений между государствами. Уже следует рассуждать о транснациональном разделении труда.

Транснациональные корпорации ныне контролируют около трети (а по некоторым оценкам, до половины) мирового промышленного производства и около двух третей международной торговли (причем треть мировой торговли приходится на внутрифирменный обмен). Транснациональные корпорации с их огромной сетью зарубежных филиалов, производственная и торгово-сбытовая деятельность которых имеет уже мирохозяйственный характер (пространство международного производства), выступают важнейшей движущей силой процесса экономической глобализации и постиндустриальной трансформации мирового хозяйства. Ключевым инструментом в этом процессе выступают прямые иностранные инвестиции (ПИИ). Географическое исследование трансграничных хозяйственных связей на уровне ТНК наиболее полно сможет раскрыть особенности интернационализации и глобализации мировой экономики.

Вне всякого сомнения, на позиции стран мира в мировой экономике, в первую очередь в обрабатывающей промышленности и высокотехнологичном производстве, огромное влияние оказывают успехи в инновационном развитии и использовании ИКТ. Ко всему прочему в изменяющейся географии промышленного производства отражается все возрастающая интеграция национальных экономик в мировую экономику путем либерализации сферы торговли, расширения доступа к финансовым ресурсам и увеличения потоков прямых иностранных инвестиций.

В развивающихся странах процесс индустриализации начался лишь во второй половине XX столетия. В то время как высокоразвитых государствах, уже с начала 1970-х годов, осуществляется переход к постиндустриальной стадии развития. В глобальном масштабе процесс индустриализации продолжается. Растут объемы мирового производства и ассортимента промышленной продукции и роль промышленности и занятость в этом секторе мировой экономики на планетарном уровне растет. В развитых странах отмечается феномен –

«высокоразвитая постиндустриальная индустрия», и в последние годы фиксируется процесс реиндустриализации и неоиндустриализации. Да, во многих развивающихся странах процесс индустриализации пока только начинается, но в некоторых из них (Китай, азиатские НИС, Бразилия, Мексика, Индия и др.) индустриализация происходит столь быстрыми темпами, что эти процессы приводят к пространственной перегруппировке сил: как на региональном, так и на глобальном уровне.

При этом фиксируется рост значения развивающихся стран и их доли в мировом производстве, потреблении и обмене (в международной торговле). Теряют свои позиции бывшие лидеры мировой индустрии - регионы Северной Америки и Западной Европы. Очень заметно ослабил позиции регион стран СНГ (включая Россию). Четко прослеживается азиатский вектор в мировом экономическом и индустриальном развитии.

Мир продолжает меняться и переходит к модели многополярности. Появилось много новых лидеров – региональных и даже глобальных. Именно в данном контексте нужно рассматривать вопросы позиционирования стран БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) в мировой экономике и мировой промышленности. Эти страны, вне всякого сомнения, будут очень серьезным образом влиять на происходящие в мировом сообществе процессы в ближайшие 20-30 лет. Та роль, которую возложил на себя Китай в глобальной экономике, трансформирует всю мировую хозяйственную структуру.

Современное мировое хозяйство – продукт длительной эволюции. Это – система, которая находится в постоянном движении от одного устойчивого состояния к другому, каждый раз обеспечивая повышение продуктивности производственного процесса.

Нельзя объять необъятное. Между самой реальностью и нашей моделью мира существует огромная разница. Реальность невообразима и бесконечна в каждой своей точке. Взгляды ученых на одну и ту же проблему могут и должны отличаться. Мы, в данной работе, безусловно, не смогли охарактеризовать все аспекты и метаморфозы современного этапа развития мировой экономики. Предпринята лишь очередная попытка рассмотреть сдвиги в пространственной организации мировой экономики.

Информация, содержащаяся в статьях данного издания, не только многоаспектна и глубоко научна, но она может быть интересна широкому кругу читательской аудитории. К тому же она призвана помочь студентам и аспирантам в выборе направления их будущих исследований. Отрадно, что подрастает новое поколение ученых. Процесс научного поиска остановить нельзя!

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеев Виталий Владиславович – кандидат экономических наук, доцент кафедры североведения Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова (Якутск, Россия)

Альжанова Фарида Газизовна – доктор экономических наук, заведующая отделом Института экономики Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Андропова Инна Витальевна – доктор экономических наук, профессор кафедры международных экономических отношений. Экономический факультет. Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Антипова Екатерина Анатольевна – доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой экономической географии зарубежных стран. Географический факультет. Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Бальцерович-Шкутник Мария Иоланта – EC Ph.D. (UE dr hab.), зав. кафедрой анализа и прогнозирования рынка труда. Университет экономики в Катовицах – Uniwersytet Ekonomiczny W Katowicach, (Катовице, Польша)

Богачев Иван Иванович – кандидат экономических наук, выпускник кафедры региональной экономики и географии. Экономический факультет. Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Бурнасов Александр Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент. Директор департамента международных отношений. Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Волкова Елизавета Дмитриевна – кандидат географических наук, доцент. Институт гостиничного бизнеса и туризма. Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Герасименко Татьяна Ильинична – доктор географических наук, профессор, зав. кафедрой географии и регионоведения. Оренбургский государственный университет (Оренбург, Россия)

Епифанцева Анна Сейрановна – аспирант кафедры региональной экономики и географии. Экономический факультет. Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Ерохина Елена Вячеславовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры экономики и организации производства. ФГБОУ ВО Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана (Национальный исследовательский университет), филиал в г. Калуге (Калуга, Россия)

Жангалиева Кымбат Нурлановна – магистр экономики, ведущий экономист Института экономики Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Жигальская Лилия Олеговна – аспирант кафедры экономической географии зарубежных стран. Географический факультет. Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Искалиев Динмухамед Жумабаевич – магистр географии, старший преподаватель кафедры географии ЗКГУ им. М.Утемисова, аспирант кафедры географии и регионоведения Оренбургского государственного университета (Уральск, Казахстан)

Катамадзе Алеко – аспирант кафедры международных экономических отношений. Экономический факультет. Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Каирова Шнар Галымовна – старший преподаватель кафедры географии, землеустройства и кадастра. Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Ковалев Юрий Юрьевич – кандидат географических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений. Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Кокуйцева Татьяна Владимировна – кандидат экономических наук, заместитель директора по научной работе Института космических технологий. Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Крейденко Татьяна Федоровна – кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии. Экономический факультет. Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Липина Светлана Артуровна – доктор экономических наук, заведующая научно-исследовательской лабораторией Высшей Школы государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Зам. руководителя Отделения макроэкономического прогнозирования, стратегического планирования и пространственного развития ФГБНИУ Совет по изучению производительных сил Минэкономразвития России и РАН (СОПС)

Массарова Алена Рамильвна – ассистент кафедры региональной экономики и географии. Экономический факультет. Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Меркулов Константин Александрович – кандидат экономических наук, выпускник кафедры региональной экономики и географии. Экономический факультет. Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Мироненко Ксения Владимировна – научный сотрудник кафедры географии мирового хозяйства. Географический факультет. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Монге Энтони (Anthony Stanslaus Monge) – аспирант кафедры региональной экономики и географии. Экономический факультет. Российский университет дружбы народов (Танзания)

Мурзатаева Мария Маратовна – магистр педагогических наук. ЗКГУ им. М.Утемисова (Уральск, Казахстан)

Мухамеджанов Азамат Маратович – аспирант кафедры региональной экономики и географии. Экономический факультет. Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Нагирная Анастасия Викторовна – кандидат географических наук, научный сотрудник лаборатории географии мирового хозяйства Института географии РАН (Москва, Россия)

Нусупов Асет Ильясович – PhD (economics), старший научный сотрудник грантового проекта «Глобальные вызовы и национальные экономики: угрозы, риски и императивы развития» Института экономики Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Нусупова Гульнара Нурмухамедовна – доктор географических наук, профессор, заведующая кафедрой географии, землеустройства и кадастра. Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Подгорнев Павел Вячеславович – кандидат географических наук, зам. начальника отдела исследования промышленности ГБУ Агентство промышленного развития г. Москвы (Москва, Россия)

Потоцкая Татьяна Ивановна – доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии. Смоленский государственный университет (Смоленск, Россия)

Попкова Людмила Александровна – доктор географических наук, профессор, заведующая кафедрой экономической и социальной географии. Курский государственный университет (Курск, Россия)

Потапенко Мария Владимировна – кандидат экономических наук, ассистент кафедры региональной экономики и географии. Экономический факультет. Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Радионова Ирина Александровна – доктор географических наук, профессор. Кафедра региональной экономики и географии. Экономический факультет. Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Раевский Сергей Васильевич – доктор экономических наук, профессор. Кафедра менеджмента Института бизнеса и делового администрирования РАНХиГС при Президенте Российской Федерации (Москва, Россия)

Рязанцев Сергей Васильевич – член-корреспондент РАН, доктор экономических наук, профессор. Руководитель Центра демографии Института социально-политических исследований РАН, профессор кафедры Международных экономических отношений РУДН (Москва, Россия)

Самбурова Елена Николаевна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии мирового хозяйства. Географический факультет. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Семёнов Евгений Александрович – кандидат географических наук, доцент кафедры географии и регионоведения. Оренбургский государственный университет, докторант РГПУ им. А.И.Герцена (Оренбург, Россия)

Сиволясова Светлана Юрьевна – кандидат экономических наук, доцент Московского авиационного института, старший научный сотрудник Центра демографии Института социально-политических исследований РАН (Москва, Россия)

Слука Николай Александрович – доктор географических наук, профессор кафедры географии мирового хозяйства. Географический факультет. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Степанов Анатолий Владиславович – кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой экономики и права Института по переподготовке и повышению квалификации. Уральский федеральный университет имени первого президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Тажиева Дамира Абдигафаровна – докторант 3 курса специальности «География». Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Терещенко Татьяна Александровна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии Западно-Казахстанский Государственный Университет (ЗКГУ) им. М.Утемисова (Уральск, Казахстан)

Тикунов Владимир Сергеевич – доктор географических наук, профессор, заведующий лабораторией комплексного картографирования и Регионального центра мировой системы данных географического факультета. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Ткаченко Татьяна Хаймовна – кандидат географических наук, доцент. Кафедра географии мирового хозяйства. Географический факультет. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Токбергенова Айгул Абдугаппаровна – кандидат географических наук, доцент кафедры географии, землеустройства и кадастра. Казахский национальный университет имени аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

Федорченко Александр Викторович – кандидат географических наук, доцент кафедры географии мирового хозяйства. Географический факультет. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Фомичев Павел Юрьевич – кандидат географических наук, доцент. Кафедра географии мирового хозяйства. Географический факультет. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Фролова Елена Александровна – магистр менеджмента и инженерии, главный ИТ-консультант Reply-consulting company (Милан, Италия).

Фролова Елена Дмитриевна – доктор экономических наук, профессор кафедры международной экономики. Высшая школа экономики и менеджмента, ФГАОУ ВПО Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)

Хусаинов Булат Доскалиевич – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономики Института экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан (Алматы, Казахстан)

Хуснутдинова Светлана Рустемовна – кандидат географических наук, доцент кафедры теории и методики географического и экологического образования Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань, Россия)

Часовский Владимир Иванович – доктор географических наук, доцент, профессор кафедры географии, природопользования и пространственного развития. Институт природопользования, территориального развития и градостроительства. Балтийский федеральный университет им. И.Канта (Калининград, Россия)

Шеломенцев Андрей Геннадьевич – доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом исследования региональных социально-экономических систем. Институт экономики УрО РАН (Екатеринбург, Россия)

Шувалова Ольга Владимировна – кандидат географических наук, доцент кафедры региональной экономики и географии. Экономический факультет. Российский университет дружбы народов (Москва, Россия)

Шупер Вячеслав Александрович – доктор географических наук, профессор. Ведущий научный сотрудник Института географии РАН, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Научное издание

**МЕТАМОРФОЗЫ В ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА**

Монография

*Под редакцией
профессора И.А. Родионовой*

Статьи публикуются в авторской редакции

Подп. в печать 29.08.2016.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Формат 60×84¹/₁₆. Усл. печ. л. 17,21.
Тираж 500 экз. Заказ № Т-390-16.

Отпечатано с материалов,
предоставленных авторами,
в типографии издательства.
Тел./факс (495) 939-44-91